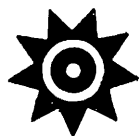

**ГРУЗИНСКИЕ
НАРОДНЫЕ
ПРЕДАНИЯ
И ЛЕГЕНДЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

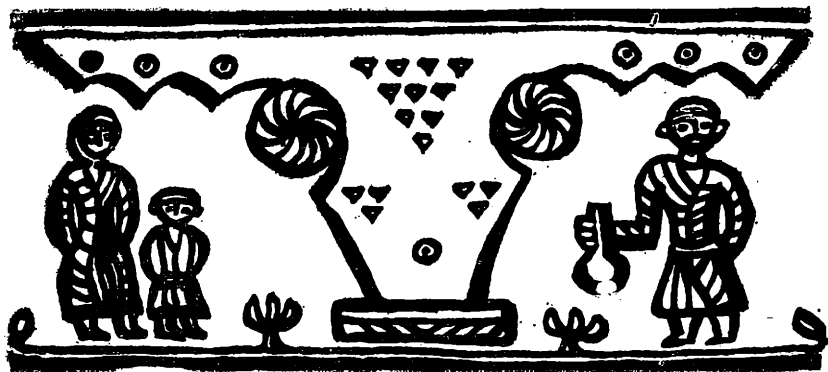

**сказки
и
мифы
народов
востока**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

грузинские народные предания и легенды

Редакционная коллегия серии
«СКАЗКИ И МИФЫ НАРОДОВ ВОСТОКА»

И. С. БРАГИНСКИЙ, Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь), Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, Б. Л. РИФТИН, С. А. ТОКАРЕВ

Составление, перевод, предисловие и примечания
Е. Б. ВИРСАЛАДЗЕ

Г90 **Грузинские народные предания и легенды.** Сост.,
перев., предисл. и прим. Е. Б. Вирсаладзе. М., Глав-
ная редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1973.

367 с. («Сказки и мифы народов Востока»)

Первая широкая публикация грузинских преданий и легенд, со-
провождаемая фольклористическим предисловием и примечаниями.
В сборник включены предания космогонического, этнологического и
морально-дидактического характера, предания о строительстве крепо-
стей, сел и храмов, о выдающихся исторических деятелях и народных
героях.

Сборник рассчитан на взрослого читателя.

0733—2036

Г $\frac{042(02)—73}{209—73}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перевести и прокомментировать предания и легенды какого-либо народа — это значит не только заставить зазвучать на чужом языке образы, выношенные и бережно хранимые народом в течение столетий; это значит прокомментировать все основные моменты истории, весь мир основных понятий, воззрений народа, определяющих историческое своеобразие его характера, его отношение к прошлому и основным морально-этическим категориям.

Из всех жанров фольклора, пожалуй, наименее изучены предания и легенды. Это объясняется целым рядом причин. Так же как и пословица, предание, легенда редко воспринимаются как жанр художественного творчества. Чаще всего сказитель вспоминает их а прогос, в связи с каким-либо случаем, как своеобразный комментарий к жизненным ситуациям, обращается к ним, как к компендиуму знаний, опыта народа. Для рассказывания предания нужна и особая, доверительная и интимная, обстановка, особое настроение сказителя и аудитории.

Зачастую такой текст носит несколько аморфный, фрагментарный характер и сам записывающий предпочитает более «верный» материал, записывая сказку, песню, загадки, пословицы и т. п. Да и получить его от сказителя «по заказу» нельзя: он должен вылиться, прийти сам собой — тогда он обретает форму как жанр художественной прозы.

Осложняется запись преданий и двойственным отношением к ним народа. Подчас для сказителя это уже небылица, подчас же — это сокровенное знание, которое он не доверит случайному, хотя и интересующемуся им лицу. К числу подобных преданий относятся в Грузии, например, так называемые родовые предания. В 1934 г., работая в районе Мтиулету с прекрасным знатоком грузинского фольклора горцем Леваном Апицаури, я записала от него множество текстов, но предание о происхождении родов Бекаури и Циклаури он мне ни за что не хотел рассказать. Дважды начинал он его и дважды прерывал словами: «...тяжело говорить; вот как земля эта тяжела, так и мне трудно рассказывать... боюсь

хати». Лишь после нескольких дней уговоров рассказал он мне краткий фрагмент этого предания.

Родовые предания учитывались и при выборе невесты или жениха; они являлись гордостью, а подчас и тайной рода. В некоторых из них сохранились сведения о тех или иных правах, исторически обретенных родом (см., например, № 158): «Человек из рода Бурдули не ждет приглашения к столу и в девушке отказа не знает». Это изречение, ставшее уже поговоркой, основано на предании о том, как семья из рода Бурдули спасла родное село от вражеского насилия, благодаря чему все члены этого рода получили право приходить незванными в гости и выбирать любую девушку в жены.

Подобные рассказы бережно хранятся и передаются из поколения в поколение. Представители старшего поколения передают их молодежи, достигшей определенного возраста. Надо думать, что ранее этот обычай был связан с определенными обрядами посвящения¹.

Именно в силу такого рода обстоятельств фольклористами зафиксировано сравнительно небольшое количество преданий, хотя активное собирательство фольклора в Грузии началось в XIX в., а некоторые записи народных сказок относятся еще к XVII в. А ведь каждая гора в Грузии, каждая скала, озеро, развалины многочисленных крепостей, храмы и священные рощи связаны с каким-либо преданием или легендой, нередко оставившими свой след и в древнегрузинской письменности!

Тексты грузинских легенд и преданий были разбросаны по периодическим изданиям XIX в. Все без исключения грузинские журналы и газеты уделяли место публикациям подобного рода. Среди них в первую очередь нужно отметить интересное собрание сванских легенд, напечатанных В. Нижарадзе под псевдонимом Тависупали свани (Вольный сван) в газете «Иверия» (1889 г.), исторические предания, печатавшиеся А. Церетели в его журнале «Акакис кребули», предания, публиковавшиеся историком М. Джанашвили в различных журналах, уникальные предания, собранные и опубликованные с комментариями Важа-Пшавелой на страницах той же «Иверии» (1887 г.). Ряд легенд опубликован известным собирателем грузинского фольклора, братом Важа-Пшавелы, Т. Разикашвили в его сборниках грузинских сказок². Предания и легенды печатались и в сборниках грузинского Общества истории и этнографии «Древняя Грузия» (т. I—IV, Тбилиси, 1909—1915).

¹ См. об этом «Народно-поэтическое творчество грузин горцев. Мтиулет и Гудамакари». Подготовка текстов, редакция, исследование и примечание Елены Вирсаладзе, Тбилиси, 1958, стр. 90 [на груз. яз.].

² Т э д о Р а з и к а ш в и л и, Сказки, собранные в Картлии, т. I; Сказки, собранные в Кахетии и Пшавии, т. II, Тбилиси, 1909 [на груз. яз.].

Немалую роль в собирании и публикации этого материала сыграла русская пресса на Кавказе, в первую очередь известный «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1881—1929 гг.). В сорока пяти томах этого сборника опубликован ряд интересных текстов. Записывались и публиковались они местными учителями и их учениками. Перевод не всегда находится на высоте, нередко публикация не сопровождается грузинским текстом, однако там много уникальных записей. Немало материалов печаталось и в газете «Кавказ» и др. Наряду с грузинскими собирателями и исследователями — Р. Эристави, Т. Разикашвили, Н. Цискаришвили, Н. Бердзенишвили (Бердзеновым), В. и И. Нижарадзе и другими — много материала собрано в Грузии местной русской интеллигенцией: И. Тепцовым, И. Степановым, М. Машурко, И. Сливичким и др.

Единственный сборник грузинских легенд и преданий, изданный до революции на русском языке, был составлен О. И. Грузинской (правнучкой последнего грузинского царя, Георгия XII) под псевдонимом Гульбат³. Однако тексты, вошедшие в этот сборник, сильно переработаны и лишь условно могут быть названы народными. Эти предания даны нами в Приложении.

В двадцатых годах нашего столетия изучение грузинского народного творчества получило дальнейшее развитие. Особую роль в этом сыграло создание при Музее Грузии фольклорного отдела, который возглавил талантливый исследователь В. Котетишвили, основавший там же Фольклорный архив и организовавший первые фольклорные экспедиции. Работа эта была продолжена в стенах Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели, в Отделе фольклора, архив которого в настоящее время насчитывает несколько десятков тысяч номеров.

Ряд текстов публиковался в комментариях к фундаментальному сборнику «Народная поэзия. I, Хевсурская», изданному акад. А. Шанидзе в 1933 г. (Некоторые материалы из этого сборника приводятся в настоящем издании.) Много интересных материалов напечатано в сборнике А. Глonti «Картлийские сказки и легенды» (Тбилиси, 1948); часть из них также публикуется здесь.

В 1963 г. около 30 преданий издал отдельным сборником М. Я. Чиковани⁴.

Большинство исторических преданий, вошедших в наш сборник, издано К. А. Сихарулидзе⁵.

³ Гульбат, Сборник грузинских легенд, М., 1899.

⁴ Сказания и легенды. Пер. с грузинского, под редакцией, с предисловием и примечаниями проф. М. Чиковани, Тбилиси, 1963.

⁵ К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная историческая словесность, т. I—III, Тбилиси, 1961—1967 [на груз. яз.].

В 1964 г. в серии «Народная мудрость» увидели свет 160 грузинских преданий⁶. Часть из них использована в настоящем сборнике.

Большое количество текстов взято из рукописных фондов фольклорного архива Отдела фольклора Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР, из архива Института рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, а также кафедры фольклористики Тбилисского государственного университета и из архива известного собирателя П. Умикашвили, изданного под редакцией М. Чиковани в 1964 г. (т. I—IV).

Ряд текстов, вошедших в настоящий сборник, записан нами и нигде не публиковался.

Весь материал переведен нами, за исключением нескольких опубликованных на русском языке текстов, полноценными грузинскими вариантами которых мы не располагаем. Большинство такого рода текстов приводится в Приложении. Сюжеты их представляют определенный интерес, поэтому отказываться от них вряд ли целесообразно. Эти тексты отредактированы и подчас несколько сокращены за счет пространных описаний или религиозных сентенций, явно принадлежащих перу журналиста (например, № 169, 213 и др.).

Наш сборник включает в себя народные предания и легенды. Сюда не вошли ни эпические сказания об Амирани⁷, Ростоме и других эпических героях, ни романтический эпос «Этериани». Предания, содержащиеся в сборнике, весьма разнообразны. Здесь представлены космогонические, мифологические, этиологические, исторические, героические предания и ряд преданий морально-философского характера. Располагая их в сборнике, мы исходили из характера самого материала. Учитывая принятую международную классификацию, мы считаем, однако, что ведущим при расположении должен быть характер материала, функция и удельный вес каждой из классифицируемых групп по отношению к фольклорной традиции в целом. Так, в грузинском материале мы выдвинули вслед за космогоническими предания о духах-покровителях зверей, леса, скал, воды, так как они не являются в нашем материале лишь пережитком типа отдельных «быличек», а звучат как представления, еще совсем недавно игравшие роль в жизни и обычаях народа, определяя и нормируя поведение людей. По мере возможности расположение материала учитывает и его внутреннюю хронологию:

1. Предания космогонического характера — о возникновении земли, света и о характере явлений природы.

⁶ «Народная мудрость», т. III. Грузинский эпос. Подготовка текстов, предисловие и примечания Е. Вирсаладзе, Тбилиси, 1964 [на груз. яз.].

⁷ Отдельные тексты преданий об Амирани взяты из монографии М. Чиковани «Прикованный Амирани» (Тбилиси, 1967 [на груз. яз.]).

2. Предания о духах-покровителях зверей, леса, скал, воды.
3. Предания о дэвах.
4. Предания об общинно-племенных божествах, так называемых божьих детях — хвтишвилах и их борьбе с дэвами.
5. Предания о прикованном Амირани.
6. Предания о великанах и карликах.
7. Предания о змеях-дарителях.
8. Предания о возбудителях болезней.
9. Предания о происхождении морей, рек, озер, гор и ущелий.
10. Предания о животных, птицах и растениях.
11. Предания о выдающихся исторических деятелях.
12. Предания о народных героях — борцах за родину.
13. Предания о борцах против феодального гнета и крепостничества.
14. Предания о строительстве крепостей, башен, сел и храмов.
15. Предания о происхождении вина, музыкальных инструментов, золота и т. п.
16. Предания морально-философского характера: о жизни и смерти, о поисках бессмертия, о любви, сыновнем долге и т. д.

Отдельно выделены нами легенды — апокрифические и морально-дидактического характера.

Говоря о преданиях, как о жанре народной прозы, мы понимаем под ними устный рассказ о каком-либо одном, необычайном или выдающемся событии мифологического, исторического или бытового характера, передаваемом с установкой на его реальность. Подчеркивая одно событие, мы имеем в виду лапидарность фабулы, не осложненной, как известно, в предании параллельными эпизодами, характерными для эпического сказания. Предание передает факт, не развивающийся длительно во времени, а большей частью ограниченный его небольшим отрезком, что не исключает возможности повторения одного этого события, подчас носящего регулярный характер, или его продления до настоящего времени. Таковы, например, предание о солнце, иногда на рассвете играющем с ягненком, предания о причинах восхода и захода светил, о проглатывании солнца и луны драконом, предания об Амირани, прикованном к горе и находящемся там до настоящего времени, и т. п.

В материале грузинской народной прозы можно выделить группу преданий, которые близки к тому, что мы называем сагой. Это краткое эпическое повествование героического или исторического характера об одном выдающемся событии. В отличие от предания, сюжет саги более развернут во времени и разработан, но опять-таки не знает параллельных эпизодов. В саге проза обычно перемежается стихами.

Среди текстов, включенных в наш сборник, есть и несколько так на-

зываемых быличек — кратких рассказов о встречах человека со сверхъестественными силами. В грузинском материале их довольно много. В свое время нами было высказано предположение, что именно в подобных рассказах, где главным действующим лицом является уже человек, вступающий в конфликт со сверхъестественными силами, можно усмотреть истоки сказки. Подобные рассказы возникали параллельно с мифами, а иногда в противовес им. Они представляют собой не попытку объяснить или упорядочить в сознании человека окружающее, но отражают опыт человека, противопоставляющего себя слепым силам природы. Конечно, в то же время они сами являются отражением иррациональных воззрений и ограниченности человеческих представлений на определенном этапе их развития.

Чем примитивнее ступень общественного развития, тем больше подобных материалов мы встречаем. Интересно, что в Грузии они сохранились преимущественно в горах, в отдаленных от центра районах, где они являются преобладающим жанром народной прозы, в отличие от долины с очень богатой традицией сказки⁸.

Наш материал подтверждает наблюдения А. И. Никифорова⁹ и Н. М. Элиаш¹⁰. Последняя, говоря о распространении материала подобного рода в деревнях, находящихся в стороне от торгового пути, писала: «Я не берусь объяснить сейчас, почему этот интерес (к сверхъестественному.— Е. В.) находит воплощение именно в этих фольклорных формах, чем объясняется то явление, что сказка сравнительно слабо представлена в данном районе. Судя по моим впечатлениям, эти простые мифические рассказы ближе, понятнее нашему населению...» А. И. Никифоров называл их *с к а з к о и д а м и*, видя в них зародыш сказки.

Вторую, меньшую, часть нашего сборника составляют легенды. Мы применяем этот термин в узком смысле, понимая под ним рассказы, возникшие на почве позднейших, современных нам религиозных идей (христианства, мусульманства или буддизма). Элементы сверхъестественного, встречающиеся в этих рассказах, вполне умещаются в рамки развитых монотеистических религий. Возникая на почве определенных религиозных представлений (в данном случае на почве христианства), легенды являются созданием народной фантазии. Отражая стремления народа, его идеалы и воззрения, они зачастую выражают мировоззрение, несовместимое

⁸ Избранные грузинские народные сказки. Редакция, вступительная статья и примечания Елены Вирсаладзе, I, Тбилиси, 1949, стр. 14—18.

⁹ А. И. Н и к и ф о р о в, Структура чукотской сказки,— «Советский фольклор», 1934, № 2—3, стр. 233—273.

¹⁰ Н. М. Э л и а ш, Собрание сказок в Старорусском уезде Новгородской губернии (1919—26). Л., 1927, стр. 36.

с учением церкви и враждебное ему. В этом смысле легенда — драгоценный материал для изучения крестьянского мировоззрения¹¹. В легендах апокрифических мы видим ярко выраженные элементы двоеверия, древнейшие языческие представления, тесно сплетенные с библейскими или талмудическими воззрениями. Эти воззрения и дают, главным образом, основание для возникновения апокрифических легенд, являющихся дополнением и развитием библейских сюжетов. Со своей стороны, легенда могла послужить материалом для литературного жанра житий¹².

Необходимо отметить, что термин легендарный получил дальнейшее развитие и в настоящее время применяется и к явлениям, ничего общего с религией не имеющим, для обозначения необычайных, граничащих с фантастикой событий и фактов. Например, «легендарный герой», «легендарные события» говорится и о таких реальных героях, как Чапаев и др. Но говоря о легенде, как о жанре народной прозы, мы не можем не выделить ее среди других групп народной прозы. Конечно, подобная классификация жанров в устном творчестве носит условный характер. Подчас трудно провести четкую грань между легендарным преданием и легендой или легендой и легендарной сказкой. Однако в таких случаях в классификации должен помочь анализ стиля произведения, как единства его формы и содержания.

Так, например, предание о построении Гелатского монастыря носит легендарный характер, но, поскольку пафос его в подчеркивании силы, умения и упорства Давида, действительно известного как строителя комплекса Гелатского монастыря и академии, — мы отнесли его к циклу преданий о Давиде Строителе.

Нам кажется спорным пространное понимание жанра легенд, данное К. В. Чистовым в его интересной монографии (космогонические, политические, религиозные и др.). В то же время, по мнению исследователя, «предания, легенды, побывальщина и другие устные рассказы не выделяются столь обычно из потока бытовой прозы и не отличаются структурной самостоятельностью и законченностью»¹³.

Мы не ставим себе целью дать здесь классификацию прозаических фольклорных жанров, но при всей условности классификации каждый из жанров должен характеризоваться какими-то одному ему присущими признаками содержания и формы, выделяющими его из этого «общего потока», иначе зачем же называть их разными именами?

¹¹ Н. Я. Пропп, *Легенды*, — в кн.: «Русское народно-поэтическое творчество», т. II, кн. 1, М.—Л., 1955.

¹² A. Jolle s, *Einfache Formen*, Halle, 1929, стр. 19—49.

¹³ К. В. Чистов, *Русские народные социально-утопические легенды*, М., 1967, стр. 210.

Если мы не приемлем положения суперорганистов об имманентных эпических законах, существующих совершенно независимо от жанров, сказителей и среды и одинаково действующих как в области сказки, так и в области саги, предания и легенды, то прежде всего необходимо дифференцировать эти жанры как различные проявления духовной культуры народа, как отражение и создание различных эпох, стилей.

Это особенно четко выявляется в связи с таким важным моментом прозаического повествования, как повтор. Согласно А. Олрику, закон повтора (*Das Gesetz der Wiederholung*) одинаково действует во всех видах прозы — сказке, саге, предании и легенде, как правило, проявляясь в тройственности, троекратности действия, которая, с одной стороны, усиливает напряжение, с другой — заполняет ткань повествования¹⁴.

Можно с определенностью сказать, что этот закон недействителен в отношении предания, тогда как в легенде он встречается очень часто. Предание, как мы говорили и выше, построено строго на одном каком-либо событии, вокруг которого и развивается действие. Оно, как правило, не развивается во времени и поэтому не нуждается в повторах как приеме художественной композиции. В отличие от предания, в легендах, как в жанре более позднем и художественно разработанном, повторы (быть может, и под влиянием легендарной сказки) встречаются гораздо чаще. К пастуху идут св. Илья, Христос и св. Георгий. Каждый из них по очереди обращается к нему с просьбой. Отказав два раза, в третий раз он удовлетворяет просьбу св. Георгия. Трижды пытаются Христос и св. Илья разорить крестьянина и трижды спасает его св. Георгий.

Самаал учит бога трем способам осушить земные воды (№ 188);мышь тащит сноп пшеницы — трижды нападает на нее кот, вырывая у нее сноп по частям. Дважды нарушает Микел-Габриэл волю бога, в третий по велению творца у него вырывают сердце (№ 193). По три раза свистят ожившие пастухи и вновь превращаются в камень (№ 197). Медведь, волк и лиса по велению бога стали людьми. Трижды приходит к ним в гости бог и за жадность превращает всех троих в камень (№ 200).

Есть и другие моменты, четко отличающие легенду от предания (в грузинском фольклоре, во всяком случае). В первую очередь, это наличие стихов в предании (как в повествовательной ткани, так и в концовке), как правило отсутствующих в легенде (исключение составляют те легенды, сюжеты которых имелись в духовных стихах об Иове, Аврааме и др.; в их текстах можно встретить одну-две стихотворные строки).

Стихи в преданиях являются органической частью повествования. Предания мифологические (о духах — покровителях зверей, скал, леса)

¹⁴ А. Olrik, *Epic Laws of Folk Narrative*,— Alan Dundes, *The Study of Folklore*, Berkeley, 1965, стр. 132—133.

существуют в Грузии параллельно, как в песенной, так и в прозаической форме. Предания о прекрасной владычице зверей Дали поются, и это наиболее архаическая их форма, так как исполнение этих песен связано с определенным ритуалом весенних празднеств. Плач об охотнике Беткене, избранном владычицей зверей, нарушившем табу и низринутым ею со скалы, исполняется в священном весеннем хороводе. Характерно, что в Сванети, где песни цикла Дали полностью сохранили свою функцию, мы не встречаем в преданиях стихов. Это, скорее, прозаический пересказ песни, исполняющейся в хороводе, комментарий к ней. Другое дело в Раче, соседнем со Сванети горном районе Западной Грузии, где песни эти частично утратили ритуальный характер. Здесь прозаическое предание перемежается стихами. Это всегда одни и те же строки, вариации одних и тех же стихотворных пассажей, в основном диалогов. Но те же стихи можно встретить и в песенном исполнении.

В героических и исторических преданиях мы также часто встречаемся со стихами. Как справедливо указывает К. А. Сихарулидзе, мы имеем здесь дело с двумя видами использования стихов: 1) стихи являются независимым эпизодом или моментом, вкрапленным в сюжет; 2) стихи повторяют рассказанное в прозе. По мнению К. А. Сихарулидзе¹⁵, для преданий, не знающих повторов, характерна первая форма использования стихов. Примером ее она считает предания цикла Вахтанга Горгасала, Тамар, Эрекле II. Примером второй — предания цикла Зураба-эристави. К ним же надо причислить предания «Царь Эрекле и горцы», «Бой драконов», «Живая кольчуга», «Гибель Аршидзе» и др. В данном случае все эти предания являются как бы развернутым комментарием к стихам, где в сугубо лаконичной форме в ряде ставших уже условными символами образов дано основное содержание предания. В таком случае стихи даются в заключение как концовка. Может быть, здесь они играют именно ту роль концовки, расслабляющей напряженность действия, как бы придающей ему эпическую отдаленность, о которой говорит А. Олрик¹⁶.

Интересно, что, переходя от прозаического повествования к стихам, сказитель часто чувствует сложность перехода и как бы объясняет это аудитории: «Сказал им тогда Эрекле стихами», «В песне того времени сказано...», «Тогда и сказано...». Таким образом сказитель как бы подчеркивает давность и значительность песни, к которой он апеллирует, на которую ссылается, как на свидетельство подлинности рассказываемого им. Вместе с тем, как правильно подмечает К. А. Сихарулидзе, мы имеем здесь уже своеобразную форму эпического повтора. Таким образом, в

¹⁵ К. А. С и х а р у л и д з е, Грузинская народная героико-историческая словесность, Тбилиси, 1949, стр. 249—252.

¹⁶ A. O l r i k, Epic Laws..., стр. 131—132.

отличие от легенды, предания мифологического, героического и исторического характера дают нам смешанную форму повествования. И даже если «сага и эпическая песнь идут рука об руку», как писал А. Веселовский, и возникают параллельно, то их существование в смешанной форме все же свидетельствует о разложении песни и развитии прозы как художественного жанра, о переходе в некоторых случаях от предания к саге, к эпическим сказаниям с их повторами и относительно усложненным сюжетом.

* * *

Богатое и многообразное народно-поэтическое творчество Грузии, многоголосие песен, блестящее народное хореографическое искусство говорят о древности создавшей их национальной культуры, об отшлифованном веками художественном вкусе народа.

Географическое расположение Грузии, торговые пути, многочисленные и многообразные историко-культурные и литературные связи, развитая и богатая национальная литература — все это, так же как и миграции, происходившие внутри страны, представляет большой интерес при изучении интерэтнических фольклорных связей. Однако, помимо национально-исторического, познавательного или художественно-эстетического значения, грузинский фольклор отличается некоторым своеобразием принципиального, методологического характера.

По данным археологии, этнографии, истории народной музыки и языка, культура и искусство кавказских народов характеризуется исключительной устойчивостью древних форм, сохраняемых в живой традиции. «В Грузии, где, с одной стороны, вокальное творчество достигло сложнейших этапов развития, с другой — задержались следы, так сказать, младенчества музыкальной культуры, наметившей, однако, и определившей... черты своего оригинального стиля...», — пишет исследователь основ грузинской народной музыки В. К. Стешенко-Куфтина¹⁷.

То же явление отмечено и археологами в отношении кавказских народов: «В материальной культуре Кавказа, с точки зрения культурно-исторической, замечается одно своеобразие, которое придает ему совершенно исключительный характер. Это — устойчивость и жизнеспособность форм, — писал А. А. Миллер. — ...Отдельные предметы не только сохраняют древние типы в виде единичных, спорадических фактов, т. н. „пержитков“, а представляют собой более или менее полные комплексы... Примечательна в этом смысле преемственность форм памятников ма-

¹⁷ В. К. Стешенко-Куфтина, Древнейшие инструментальные основы грузинской народной музыки, Тбилиси, 1936, стр. 8.

гериальной культуры и непрерывность развития с относительно незначительными вариационными изменениями...»¹⁸.

Тот же процесс наблюдается и в грузинском фольклоре, где древнейшие формы творчества сохраняются в живом бытовании наряду с позднейшими, высокоразвитыми, изысканными формами поэтического искусства.

Существование в живой традиции различных ступеней истории развития народного творчества в одном этническом материале, в пределах родственных племен, как имеющих свою развитую письменность, так и бесписьменных, позволяет проследить на грузинском материале историю развития отдельных фольклорных жанров и памятников.

Можно смело сказать, что в этом смысле грузинский фольклор является живой хрестоматией исторической поэтики. Так, грузинская народная проза наряду с высокохудожественной, разработанной сказкой в большем количестве донесла до нас весьма архаичные материалы мифологических преданий и быличек.

Подобная живучесть древних форм наряду с существованием сложных форм поэтического развития имела множество причин.

Главное, что питало и обуславливало устойчивость древних форм,— сохранение в живом быту пережитков древних социальных укладов. Ряд картвельских племен благодаря специфическим, историческим и географическим, причинам длительное время сохранял пережитки и черты древних социальных укладов (Хевсурети, Сванети, Пшави и др.). Сравнение фольклорного репертуара этих районов с репертуаром центральных районов Грузии показывает их родство, единство их происхождения, сходство путей их развития, но выявляет его различные ступени.

Сохранение древних форм в быту и в искусстве частично являлось и реакцией маленького народа на историческую экспансию чужеземных культур.

В то же время грузинский народ отразил свои древние представления и переживания в столь яркой художественной форме, что изваянные в древние эпохи художественные образы навсегда слились с мышлением грузина, стали его плотью и кровью.

Грузинская мифология дошла до нас в виде отдельных фрагментов, сохранившихся лишь в живом бытовании. Развитие грузинского языческого пантеона и мифологии было прервано в Грузии вместе с объявлением христианства официальной религией (IV в.). Но несмотря на преследования языческой религии и обычаев, несмотря на то, что ни один

¹⁸ А. А. Миллер, Изображения собаки в древностях Кавказа,— «Известия Российской Академии истории материальной культуры», т. II, Пг., 1922

грузинский памятник чисто мифологического характера не дошел до нас в письменном виде, устная традиция донесла до нас мифологические предания и древние обычаи,— особенно в районах, отдаленных от центра, долго сопротивлявшихся новой религии. Сравнительный анализ материалов различных уголков Грузии показывает различные ступени их развития, но свидетельствует об их общем происхождении и едином характере. При знакомстве с грузинскими мифологическими преданиями необходимо учесть наличие в них значительного слоя позднейших, христианских представлений, тесно связавшихся с древними обычаями и представлениями¹⁹.

Древнейший слой религиозных представлений племен, населявших Закавказье, известный на сегодняшний день,— это культ исполинских каменных рыб, сохранившихся на территории Южной Грузии и Армении и относящихся к эпохе мегалитической культуры, столь богато представленной на Кавказе. Эти каменные стелы в форме рыб, достигающие иногда нескольких метров, стоят вертикально у источников рек и озер и именуются *вешапы* в Грузии и *вишапы* в Армении.

Специалисты считали IX век до н. э.— эпоху Ванских завоеваний — нижним пределом их создания и активного существования²⁰. Вопрос о датировке их, однако, за последние годы решительно пересмотрен в сторону признания их большей давности. Очевидно, вешапы появились в Закавказье еще в III тысячелетии до н. э.²¹

Каменные вешапы часто украшены изображениями рыб, птиц, змей, быков и других животных. Исходя из их расположения возле источников, рек и озер, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с культовыми памятниками, посвященными божеству плодородия. О связи вешапов с водой говорит и то, что до настоящего времени в Грузии кит называется *вешапи*; так же называют в народе, например у горцев Восточной Грузии, и особенно у хевсур, фантастические земноводные существа, обычно связываемые с озерами и источниками.

Позже слово *вешапи* скрестилось с названием змей *гвели*, и сегодня злой дракон грузинских преданий, сказок и эпических сказаний называ-

¹⁹ И. А. Джавахишвили, История Грузии, т. I, Тбилиси, 1928 [на груз. яз.].

²⁰ Н. Я. Марр, Я. Л. Смирнов, Вишапы, Л., 1931, стр. 99—103; Л. Меликсед-Бек, Мегалитическая культура в Грузии, Тбилиси, 1938, стр. 96 [на груз. яз.]; Б. Б. Пиотровский, Вешапы, Л., 1939; И. И. Мещанинов, Циклопические сооружения Закавказья, стр. 99.

²¹ Г. С. Измайлов, Из истории древнейшей культуры Западного Азербайджана, Тбилиси, 1963, стр. 8 (АКД); Г. Н. Чубинашвили, Древнейшая культура в междуречье Куры и Аракса, Тбилиси, 1965 [на груз. яз.]; А. Л. Формозов, Очерки по первобытному искусству, М. 1969, стр. 190—191.

ется уже *гвел-вешапи*, или *гвеллишапи*, т. е. змея-вешап, змея — гигантская рыба.

Култ каменных вешапов, видимо, отражает древнейший слой религиозных представлений кавказских племен.

Очень любопытно, что в грузинском фольклоре сохранились две группы преданий: первую группу образуют предания о добрых вешапах-покровителях, вешапах-дарителях, которые вступают в общение с человеком, помогают ему, принимают от него услуги и взамен одаривают его волшебным оружием — мечом, кольчугой. Последнее герой обычно теряет, нарушая табу, связанное с чудесным даром (см. № 66, 67 и др.). Вторая группа — это предания о злых гвел-вешапах, драконах, о зле, причиняемом ими людям, об их попытках уничтожить людской род, о борьбе с ними и их изгнании (№ 78).

Борьба с драконами — гвел-вешапами отразилась и в грузинских эпических сказаниях, где солнечный или лунный герой вступает в единоборство с драконом, глотающим и извергающим солнце, похищающим луну. Все подобные сказания, видимо, отражают ту эпоху, когда древняя религия, поклонение вешапам сменились астральными культами и вешапы были свергнуты в прямом и переносном значении этого слова (многие стоявшие горизонтально каменные рыбы повержены на землю).

Христианство (IV в.) застаёт Грузию уже на ступени развитых астральных культов. После принятия христианства драконоборчество было осмыслено как борьба с язычеством вообще и связалось с культом св. Георгия, особенно популярного в Грузии.

Древнейшее письменное свидетельство о грузинском языческом пантеоне и религиозных представлениях принадлежит перу историка Леонтия Мровели (XI в.). Древнейшей религией Грузии он считает поклонение светилам. «Забыли бога, творца своего, и служили солнцу и луне и пяти звездам»²².

Согласно другому свидетельству, сохраненному нам также древней «Историей Грузии», «некоторые (грузины.— *Е. В.*) поклонялись небу, а другие — солнцу и некоторые — луне, некоторые — звездам, некоторые — земле и диким зверям и деревьям»²³.

В своем исследовании проф. В. В. Бардавелидзе устанавливает две ступени развития древнегрузинского пантеона: периода разложения первобытнообщинного строя и периода раннеклассового общества²⁴.

²² Картлис Цховреба (История Грузии). Рукопись царицы Мариам под ред. Е. Такаишвили, Тифлис, 1903, стр. 107.

²³ Там же, стр. 814.

²⁴ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957, стр. 2—4 [на груз. яз.].

В состав древнейшего пантеона входила, по ее мнению, триада старших божеств: бог Гмерти, богиня Мзе-кали (Солнце-дева) и Квириа. Кроме них было множество местных племенных божеств, называвшихся *джаари* (крест) или *хати* (возводимое к названию дерева), или *эвтишвилы* (*хэтишвилы*) — так называемые дети бога Гмерти, на определенной ступени развития олицетворявшие звезды²⁵.

Грузинские космогонические предания весьма различны. Часть из них имеет апокрифический характер и отнесена нами к легендам. Другая же часть имеет мифологический характер и связана, видимо, с древними языческими представлениями. Это, например, предание о множестве солнц и лун на небе, о двух братьях — солнце и луне — и установленном порядке их пребывания на небе, о ягненке, с которым иногда играет солнце: «Солнце то краснеет, то бледнеет, то сияет ярко, то весело отпрыгивает в сторону. Это значит, оно пляшет вместе с ягненком. При этом оно настолько добро и весело, что глазам наблюдателя не причиняет боли»²⁶.

Таково и предание о шкуре куницы, превращаемой солнечным лучом в золото, о нескольких мирах — верхнем, среднем и нижнем, о кованом небе, снаружи покрытом ледяной коркой, и т. д.

Во всех этих преданиях в той или иной степени в различной форме отразились, отлились в художественные образы древнегрузинские языческие представления. Так, представление о нескольких солнцах, характерное вообще для Востока (Индия, Китай), отражает и специфически грузинские воззрения о культе долевых божеств, особенно ярко проявляющемся в связи с астральными культами. На это указывает и название солнца в форме множественного числа *мзе-ни*, сохранившееся, например, у хевсур. Каждый человек имел свою долю солнца, свое солнце («Клянусь моим солнцем» — клятва, распространенная и в настоящее время). Солнц было множество, это были дети главных божеств, их эманация. «Долевые божества солнца, будучи олицетворением лучей дневного светила, сходны с образом их матери»²⁷.

В преданиях нашло свое отражение и представление о кованом небе с выкованными на нем звездами. День неба, согласно грузинским языческим названиям дней недели, был днем железа. «Бог основал сушу и покрыл ее небом — медью», — поется в литургических песнопениях горцев Восточной Грузии.

Согласно грузинским сказкам, у солнца на небе стоит медный дом; светит не солнце, а его кованые доспехи. Все это еще одно свидетельство

²⁵ Там же, стр. 15.

²⁶ И. Степанов, Поверья грузин Телавского уезда, — СМОМПК, т. XVII, отд. II, стр. 141.

²⁷ В. В. Бардавелдзе, Древнейшие верования..., стр. 107—108.

того, что Кавказ, и в частности Грузия, являлся древним центром металлургии. Обращает внимание, что все эти предания, связанные со светилами и астральными представлениями, носят ярко выраженный сельскохозяйственный характер. Гром, согласно грузинскому преданию,— это грохот молотильной доски по внешней, покрытой ледяной коркой стороне неба. На этой доске, подбитой кремнями, и ездит св. Илья. Те же образы лежат в основе предания об олене и быке (№ 2).

Проф. В. В. Бардавелидзе говорит о сванском «повелителе неба», как о комплексном божестве, соединяющем культ солнца и культ быка, между которыми имеется генетическая связь. Ею подробно рассмотрен культ священных быков, их матери-коровы и оплодотворяющего ее повелителя неба. Эта корова являлась и олицетворением богини солнца, входившей в триаду верховных божеств, функции которой впоследствии были полностью захвачены центральным божеством мужского пола — Гмерти²⁸.

Яркие следы культа быка сохранились в грузинских археологических памятниках. На стенах храмов часто встречаются скульптурные изображения голов быка. Рогами быка украшали центральный священный «мать-столб» грузинского дома (*дарбази*).

В культе быка, с одной стороны, прослеживаются некоторые древнейшие, тотемистические элементы, но наиболее ярко видна его связь с астральными культами, а именно с культом неба и солнца.

Проф. Г. С. Читая приводит пересказ варианта предания о быке и олене, записанного им в 1924 г. Он же упоминает о том, что созвездие Большой Медведицы именуется в Грузии «Гутнеули», что означает впряженных в плуг быков и указывает на связь земледелия с небесными явлениями, отразившуюся в грузинском народном быту — фольклоре²⁹.

Одну из древнейших групп, тесно связанных со всем бытом и жизнью Грузии, представляют собой предания, основанные на анимистических представлениях о духах — покровителях природы. Это прежде всего большой цикл преданий о владычице зверей, их страже и покровителе³⁰.

Согласно древней традиции, охота в Грузии считалась святым, «чистым» делом. Идущий на охоту должен был соблюдать сложную систему табуировки, чтобы не осквернить охоту и не разгневать хозяйку леса. Существовала и разработанная символика снов, с которой должен был считаться охотник при выборе дня и маршрута охоты. Эти представления в не-

²⁸ В. В. Бардавелидзе, Центральное божество грузинского языческого пантеона — Гмерти, — «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952.

²⁹ Г. С. Читая, Земледельческие системы и пахотные орудия в Грузии, — «Вопросы этнографии», Тбилиси, 1952, стр. 102.

³⁰ Д. Шенгелая, Статьи, Тбилиси, 1955, стр. 179—275 [на груз. яз.]; Е. Вирсаладзе, Охотничий эпос, Тбилиси, 1965 [на груз. яз.].

которых районах Грузии (Сванети, Рача, горная Восточная Грузия) до последнего времени определяли поведение охотников и сохранились в виде отдельных пережитков в быту охотников центральных районов. Ряд ограничений соблюдался и на охоте. Охотник не должен был брать с собой ничего жирного или жидкого. Особые, покрытые ритуальными знаками хлебцы, которые он брал с собой, пекла ему мать.

Многочисленные табу, распространенные среди охотников в отношении некоторых животных (медведь, волк, тур, барс и др.), указывают на определенные идеологические основы этих обычаев, на пережитки тотемистических верований и имеют свои аналогии в фольклоре и обычаях многих народов.

Об этом же свидетельствует регламентация в Грузии количества убиваемых на охоте зверей и связанный с этим обычай «давать отдых» охотничьему оружию или периодически совершать над ним очистительные церемонии.

По существовавшему в Грузии представлению, у лесных и горных зверей есть сторож, покровитель, хозяин, от которого, в основном, зависит удача охотников на охоте. Представления о хозяине животных в Грузии весьма разнообразны и подчас как будто противоречивы. Однако знакомство с конкретным материалом приводит нас к выводу, что мы имеем дело не с противоречивостью в представлениях, а с исторически различными стадиями осмысления этого образа, связанными с различными ступенями экономического и социального развития. Не только в Грузии, но и у многих кавказских племен наблюдается некоторая общность этих представлений.

Древнейший образ хозяина или стража зверей зооморфен. Его называли «сторожем зверей», «ангелом зверей» или «ангелом скал», «ангелом лесов». Он представляется то в виде барса, то в виде тура, то в виде птицы, или змеи. В результате антропоморфизации он стал осмысляться в образе женщины. Согласно наиболее распространенным представлениям,— это прекрасная златоволосая (иногда черноволосая) женщина с ослепительно белым телом. Ее называют то «королевой Дал. (Дали)» (Сванети), то «царицей лесов» (Мегрелия), то хозяйкой зверей, то их сторожем.

Вместе с утверждением патриархата возникает и хозяин зверей и леса. Это уже не случайный избранник хозяйки, губящей его за нарушение ее воли, а ее сын, брат, отец или муж. Постепенно возрастает мотивация мужской ипостаси и функции хозяйки животных ограничиваются. Параллельно происходит процесс астрализации. В Хевсурети сохранено и имя хозяина зверей — Очопинтре. Это тот, кому возносят там молитву, прося об удачной охоте. Имя это связано с языческим божеством, покровителем животных — Боци, в свою очередь связанным с названием самца-козла *ваци*.

Своеобразным кавказским Паном является и *очокочи* (человек-козел) — человекообразное косматое существо с острием топора на груди. Очокочи, каджи — злые духи воды, скал и леса. В развалинах замков и заброшенных мельницах живут маленькие *чинки*. Все они являются персонажами многочисленных преданий, и еще совсем недавно вера в их существование была очень сильна.

Анализ древнейших обычаев и представлений помогает в раскрытии ряда образов произведений охотничьего эпоса, в большой мере отразившего их в ряде сюжетов и мотивов.

Ряд произведений охотничьего эпоса основан на сюжете сексуального избиения, любви хозяйки животных к охотнику, запрещении общения охотника с женщиной перед охотой, на мотиве поклонения убитому животному, оплакивания охотником или его близким убитого животного, на запрещении уничтожать кости убитых на охоте зверей и т. д.

Центральными образами древнейших циклов грузинского охотничьего эпоса наряду с героем-охотником являются покровительница, хозяйка животных и волшебная охотничья собака Курша. Их взаимоотношения со смертным охотником послужили сюжетом многочисленного цикла эпических песен и преданий, условно именуемым нами сюжетом погибшего охотника. В его основе лежат древнейшие представления об искупительной жертве, умирающем и воскресающем звере, а впоследствии — вегетативном божестве.

В Сванети сохранилась древнейшая дошедшая до нас ступень в развитии этого цикла. Это предания и ритуальные песни о любви хозяйки зверей, «владычицы Дали», к смертному охотнику, которому она даровала удачу в охоте. Изменив «владычице Дали» со смертной женщиной, Беткен выдал последней тайну чудесного дара. Разгневанная Дали заманила охотника (подослав ему золоторого оленя, белую лань и т. д.) на неприступную скалу, где охотник, несмотря на все усилия близких спасти его, гибнет. Эта песнь ежегодно в феврале исполнялась в Сванети у подножия горы, указуемой как место гибели охотника. Она входила в состав сложного ритуала весеннего празднества и представляла собой ритуальный плач о погибшем охотнике.

Фольклор горцев Западной Грузии (Рача) также сохранил большое количество вариантов песен и преданий о погибшем охотнике. В них охотник попадает на скалу, идя по следу волшебной крылатой охотничьей собаки Курши, чудесно найденной им и неожиданно потерянной. Здесь также фигурирует его возлюбленная, однако причина его гибели — мечь владычицы животных — забыта. Сам охотник и его собака наделены волшебными, мифическими свойствами.

В день, посвященный погибшему охотнику (третий понедельник после

пасхи), недалеко от села Геби (горная Рача), у подножия скалы, считающейся местом его гибели, ежегодно устраивался ритуальный хоровод, где исполнялась песнь-плач об утеряннй Курше и погибшем охотнике. Исполнение этой песни, согласно существовавшим представлениям, сопровождалось обязательной переменой погоды.

Подобно прекрасному юноше, растерзанному вепрем или охотничьими собаками, грузинский охотник то растоптан оленями, то убит своей же стрелой, пущенной им в божественного оленя, то низвергнут со скалы, на которую его заманила Дали.

Различные имена погибшего охотника, плач о котором исполнялся в хороводе (Горги, Джарджи, Квирикe — в Восточной Грузии; Иване Квацхисели — в Раче; Беткен, Белый Мангур, Чорла, Кала — в Сванети), являются многочисленными именами страстных героев, подобных Таммузу, Аттису, Адонису, Лину, Гиацинту, Актеону, Загрею и др.

Сравнение материалов отдельных грузинских этнографических групп и районов позволяет установить различные ступени в истории развития этого цикла. В Сванети сохранилась древнейшая его ступень — ритуальная весенняя песнь о любви владычицы животных к смертному охотнику и ее мщении, исполняющаяся в хороводе, связанном с весенними празднествами. Сохранились тут и не утратили живого значения также другие предания и рассказы о владычице животных и культ погибшего охотника.

В Раче, где охота также долго сохраняла большое значение в хозяйстве, песни и предания о погибшем охотнике содержат элементы мифа; сохранилось здесь и почитание охотника, поклонение месту его гибели, однако первоначальная причина (нарушение охотником табу и возмездие) уже затушевана, и только сопоставление со сванским материалом раскрывает нам полностью смысл рачинских сказаний и песен.

У горцев Восточной Грузии песнь эта приобрела характер бытовой баллады об охотнике, случайно застрявшем на скале и погубленном легкой женой (обычно баллада исполняется соло, под аккомпанемент струнного инструмента). Только отдельные фрагменты и совпадение деталей раскрывают ее связь с рачинским и тем более со сванским материалом.

Наконец, в центральных районах Грузии эта песнь, широко известная и популярная еще в начале XIX в., ныне сохранилась лишь в виде нескольких деформированных фрагментов, непонятных вне сопоставления с фольклором других грузинских этнографических групп³¹.

В эпоху христианства параллельно культу Дали с охотой связывается имя христианского святого Георгия. Св. Георгий упоминается в многочис-

³¹ Е. Вирсаладзе, Грузинский охотничий эпос, — «Europa et Hungaria, congressus in Hungaria», Budapest, 1965.

ленных молитвах охотников, зачастую уже раньше имени Дали и других мифических персонажей, связанных с охотой. Ему же посвящают печень и сердце убитого зверя, ранее безраздельно принадлежавшие Дали. Согласно сванским преданиям, св. Георгий часто находится во вражде с Дали.

Чрезвычайный интерес представляет в этом смысле сванская хороводная песня об охотнике Чорла (Кала). Этот памятник является, так сказать, позднейшей редакцией или вариацией песни о погибшем охотнике. Текст пронизан характерным смешением языческих и христианских представлений. Охотник Чорла выступает в этой песне, подобно Беткену, нарушителем табу. Увлечшись охотой, он забывает о запрете убивать за одну охоту больше трех зверей и, убив в один день трех туров, целится в четвертого. В этот момент Чорла постигает кара. Он прикован к скале хозяйкой зверей — Дали и обречен на гибель. Собака охотника бежит, чтобы оповестить его братьев. Повстречавшийся собаке в пути св. Георгий велит Дали освободить Чорла. Он мотивирует это усердием Чорла, всегда зажигавшего свечи во славу св. Георгия. Дали протестует, не хочет подчиниться, но св. Георгий вынуждает ее освободить Чорла и в наказание за непослушание насылает наводнение и ураган. Дали и ее сестры гибнут, захлебываясь в волнах, а св. Георгий дарует охотнику Чорла постоянную удачу в охоте.

Согласно этому интересному, весьма распространенному в Сванети тексту, св. Георгий целиком присвоил себе функции хозяина зверей и подчинил себе древних хозяев зверей.

Как известно по трудам акад. И. Джавахишвили, культ св. Георгия в Грузии впитал в себя основные элементы древнего культа луны. Боже-ство луны у многих народов возникло в результате астрализации боже-ства охоты.

Интересны в этом плане предания, связанные с именем св. Георгия, например № 165, согласно которому св. Георгий ежегодно в ночь с 22 на 23 апреля (праздник св. Георгия) приводил во двор церкви оленя для принесения его в жертву. Св. Георгий считался и покровителем волков.

Связь культов Дали и св. Георгия отмечает и проф. В. В. Бардавелидзе.

Грузинская церковь вела энергичную борьбу с пережитками язычества. Борьба эта подчас велась огнем и мечом, однако иногда отцы церкви прибегали и к другим не менее эффективным мерам. Вахушти Багратиони, грузинский историк и географ XVIII в., пишет: «Во времена христианства на высоких горах и холмах, где ранее стояли идолы, продолжались те же увеселения и танцы; поэтому были построены в тех местах

церкви и стали праздновать там храмовые празднества, как и поныне, встречая рассвет хороводами»³².

Постепенно старые боги забывались; в центральных районах Грузии владычица зверей Дали превратилась в *али* — злую русалку или лесную женщину, пугающую одиноких путников, больных и рожениц, злую силу, от которой можно было «откреститься» или уберечься путем заговора или молитвы. Функции покровителей зверей, растений и домашних животных перешли к христианским святым — Георгию, Тедоре (Федору), Варваре и др.

Большая группа преданий связана в Грузии с дэвами. Образы эти синхронны эпическим героям. Они являются персонажами и эпических сказаний, и преданий, и сказок. Встречаемся мы и с большим количеством быличек, где фигурируют дэвы³³. В грузинском народном эпосе дэвы имеют вид многоголовых рогатых существ, покрытых шерстью. Это страшные и грозные враги человека, олицетворяющие грозные силы природы. В эпических сказаниях они фигурируют подчас как особое племя, живущее родовым укладом (следы матриархата). Матери и сестры дэвов вступают в общение с героями и являются наиболее страшными противниками в бою. Дэвы грузинских сказок — преимущественно олицетворение грубой силы и глупости, над которой торжествует человеческий ум.

Представления о дэвах характерны для всех без исключения районов Грузии, и всюду они носят одни и те же черты. Подобно Хумбабе из эпоса о Гильгамеше, они олицетворяют грозные силы природы, персонифицируемые в образе страшных чудовищ. Интересно, что в бой с дэвами вступают и новые, христианизированные персонажи. Как св. Георгий ведет борьбу с Дали и подчиняет ее своей власти, защищая уже от нее человека, так и сванская Ламария — св. Мария вступает в борьбу с дэвом, выпуская против него своего барана. В этой борьбе ей помогает и св. Квирик (Кирьяк) (№ 38). В борьбе с дэвом помогает человеку и св. Георгий (№ 42).

Но особенно ярко эти представления отразились в цикле преданий о борьбе дэвов с хвтишвилами — христианизированными хевсурскими племенными божествами, согласно преданиям специально спущенными богом Гмерти с неба для борьбы с дэвами.

Так же как в мтиульском предании, где бог призвал девять солнц и девять лун, чтобы известить дэвов (№ 1), в этих преданиях христианизированные герои, общинно-племенные христианизированные божества, которым и сейчас возносят молитвы горцы Восточной Грузии, — Копала, Иахсар, Пиркуши, Хмала и др., несут на себе тяжесть охраны человека от

³² В а х у ш т и, География Грузии, Тбилиси, 1941, стр. 19 [на груз. яз.].

³³ Работая в горных районах Грузии, мы не раз встречались с фактами веры в реальность существования дэвов — пережитками древних суеверий.

злых сил природы, болезней, града и т. п. Они ведут борьбу с дэвами, которые пытаются устроить запруды в реках, чтобы утопить человеческий род (№ 45), ловят помощника людей, чудесного кузнеца Пиркуши (№ 46), или стараются уничтожить самих «детей божьих».

Языческие образы тесно переплелись тут с христианскими представлениями. «Дитя бога» Копала, согласно большинству преданий, — монах, живущий в келье. Иахсар часто именуется ангелом, а иногда и херувимом. В случае необходимости он поднимается прямо к божьему престолу. На месте, где он явился людям впервые, выстроена колокольня. Вместе с тем «божьи дети» являются людям в человеческом образе. Например, Гуданский хати — это седобородый старец, который, сидя на белом коне, охраняет свою паству от всяких злых сил, в том числе и от духов, посылающих болезни.

Имена дэвов — Автандил, Гамхвеура, Бегела — чисто грузинские. Чисто грузинскими являются и топонимы, упоминаемые как местожительство дэвов: Цихегори, Гамхвеурткари, Ирепт-кало, Сапаравис-кели и др.

Большой интерес представляет собой предание «Девять братьев из Ципори» (№ 55). Это один из текстов, где отразилось имущественное расхождение в Хевсурети.

В отдельную группу выделены нами предания об Амирани. Мы сознательно уклонились здесь от включения в наш сборник жанрово отличных эпических сказаний об Амирани. Но предания о нем, как определенный, имеющийся в его цикле жанр, мы внесли в наш сборник. Из всех многочисленных эпизодов этого эпоса сюжетом преданий в основном являются лишь рассказы о заключительном эпизоде — богоборстве или рассказ о попытке освободить уже прикованного героя. Несмотря на строптивость Амирани и его непочтение к христианскому богу, выступающему обычно в заключительном эпизоде, симпатии сказителя и аудитории остаются всегда на стороне прикованного героя, во времена которого «и хлеб не был кровавым», и люди были смелее. Примечательно, что и здесь в одном из преданий заступником Амирани является тот же св. Георгий.

Цикл преданий «Сильнее сильного всегда найдется» довольно популярен на Кавказе, в частности в Грузии. Он использован и писателем Сулхан-Саба Орбелиани в его знаменитом сборнике «Мудрость лжи».

Одним из наиболее популярных героев грузинского фольклора является Хогаис Минди — прообраз «змеееда» Важа-Пшавелы. Это предание о человеке, отведавшем змеиной крови или мяса и обретшем знание языка всего сущего. Учитывая большой интерес этого предания, мы приводим его в двух записях.

Показателен мотив пребывания Хогаис Минди в «стране кукушек» — стране, откуда «из-за реки» приходит к людям весна. Весну приводит ве-

сенняя, солнечная птица, «одноглазая кукушка», глаз которой, оказывается, «нечаянно» выбил сам Минди! Одноглазое божество неба — солнечное божество. Мотив похищения глаза-солнца известен нам и по эпосу об Амირани, и по грузинской сказке, где юноша наказан за то, что, играя, сам того не ведая, он угодил стрелой в солнце и выбил ему один глаз.

В обоих вариантах предания, записанных в разное время от различных сказителей, имеется интересный мотив «невесомости»: отдавая змеиного мяса, Минди не только получает в дар знание языка природы, но и «теряет вес». Он следует за кукушкой по воздуху, а стоя на земле, кладет за пазуху камень, чтобы ветер не унес его.

Чрезвычайно любопытен мотив душ, временно покидающих тела героев. Покинув свои тела, герои следуют за своими хвятишвилами — божествами-покровителями. Возвратившись из похода против каджей, они находят свои тела, покрытые червями. Не хотелось им входить в «червивые тела», но хати повелели Минди: «Питающийся хлебом и сыром Минди, ты что стоишь? Войди в свое тело!» Примечательна и концовка предания: враги вырезали у побежденного Минди сердце и, разделив его на части, дали отведать беременным женщинам: «Авось войдет в них сердце Минди, авось родятся у них дети, подобные Минди».

Очень своеобразен и цикл преданий о драконах, дружественных человеку, о борьбе драконов и помощи, оказанной одному из них людьми, о чудесных дарах, полученных за это человеком от дракона, о побратимстве дракона и героя Торгва. В этих образах отразились древнейшие верования, связанные с культом рыб — вешапов (см. выше).

Чудесный дар получает от благодарных волков и герой Пулду Калдан (№ 70), оказавший им помощь в беде.

Сексуальное избранничество или иного рода связь с духом леса, зверей, воды или скал, помощь, оказанная ему человеком, и полученный за это чудесный дар, чему подчас предшествует проглатывание и извержение тела или части тела божества (связь с обрядом инициации), — одна из наиболее древних и исконных мифологем грузинского народного эпоса. Тур, олень, змея, рыба, птица, дракон, волк являются переменными членами этой мистерии, второе же, постоянно действующее ее лицо — смертный человек. Утеря чудесного дара, обеспечивающего не только благоденствие, но и бессмертие героя, объясняется нарушением табу или случайностью³⁴.

В сказании о Карахе-охотнике этот сюжет еще носит мифологическую окраску, но все более приближается к сказке с благополучным, а подчас и юмористическим концом (АаАн № 670).

Большой цикл грузинских преданий связан с водами — озерами, мо-

³⁴ Е. Вирсаладзе, Грузинский охотничий эпос, Тбилиси, 1964 [на груз. яз.].

рями, источниками. Тут и предание о царице Тамар, поджегшей Черное море с целью подчинить его себе, и история озера Абуделаури, в котором во время тумана погибло все вражеское войско, и чудо озера Эрдзегашра, из волн которого появляется баран, оплодотворяющий стадо и увлекающий его за собой в волны озера, и озеро, высланное серебром, воды которого запрещено касаться, и т. д.

Рассказы о провалившихся городах и селах также часто встречаются в Грузии и связаны с несколькими географическими пунктами (№ 18, 19).

Многие предания связаны с проведением каналов. Среди них предания, носящие мифический характер, например рассказ о богатыре-богборце Джефире, который хотел разрушить Атенский храм. Отломив большую глыбу от скалы, он привязал ее к вырванным из земли громадным елям и провел глубокую борозду в горах, спустив по ней воду для страдавших от безводья сел. Некоторые из этих преданий связаны уже с исторической эпохой. Таково уникальное предание о канале, пролуженном царицей Тамар в Алазанской долине. На работу по прокладке канала брали юношей, и они работали там до седых волос. Окончив канал, царица Тамар велела поставить на его водах мельницу, но когда засыпали пшеницу на помол, вместо муки по желобу потекла кровь. «Тогда сказала Тамар: „Эге! Большой на мне грех. Где же слыхано, чтоб кровь шла из пшеницы?“ Бросила она тот канал...» Алазанский канал длиной в 119 км действительно был проложен в царствование Тамар. Можно себе представить, каким нелегким был этот труд. Возможно, что предание это отражает крестьянские волнения, имевшие место в ту пору в Восточной Грузии.

Некоторые предания связаны с названием гор и являются народной интерпретацией топонимов.

Довольно много в Грузии и этиологических преданий: «Как появились на свете черепахи», «Почему кричат коршуны», «Как появились удоды» и т. д.

Рассматривая их в сравнительном плане, мы видим, что именно эти предания имеют наибольшее количество параллелей в мировом фольклоре. Параллели эти встречаются не только в русском, украинском и европейском фольклоре, но и на Новой Гвинее, на Таити, в Индии и т. д. Так естественно, что панцирь на спине черепахи вызывает ассоциацию с миской³⁵. На Новой Гвинее и на Таити — что чаша, превратившаяся в панцирь. Встречаются мотивы превращения человека в животное или растение как наказание за нарушение табу или, наоборот, как средство их спасения. В примечаниях по возможности полно указаны номера по индексу мотивов Аарне — Томпсона и другие параллели.

³⁵ М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876

Близкий вариант предания «Лоза и соловей» имеется во Франции. Если в грузинском предании хмель душит соловья или прорастает через его тельце и поэтому соловьи избегают лозы, во французском предании соловей сумел освободиться, но теперь, сидя на лозе, поет всю ночь, чтобы не уснуть и не стать ее жертвой.

Привлекает внимание предание о золотом петухе (№ 95). Это предание о красавице, владевшей петухом, гребешок, клюв и шпоры которого были из чистого золота. При приближении врага к границе петух начинал кричать и на его пение отзывались все петухи в стране, один за другим. Предание записано впервые в 1884 г. историком М. Джанашвили. Оно связано с храмом Курмухо в районе Саингило (см. примеч. к тексту). Наш вариант записан несколько лет тому назад. Предание широко бытует и поныне. Помимо чисто художественного интереса, оно привлекает внимание как параллель к сюжету знаменитой сказки А. С. Пушкина. Известно, что русских параллелей к ней не обнаружено³⁶. У С. Томпсона отмечена одна параллель со ссылкой на мотив-индекс исландской литературы³⁷. Сказка эта написана в 1834 г. после пребывания А. С. Пушкина на Кавказе. Таким образом, не исключена возможность, что он услышал ее где-нибудь в Грузии.

Как отмечалось не раз, в «Картлис цховреба» (XI в.), древней грузинской истории, начиная с XII в. прошедшей несколько редакций и включающей в себя ряд значительно более древних памятников, имеется немало отдельных фольклорных элементов — притч, пословиц, фрагментов эпических песен. В настоящий сборник нами впервые внесено оттуда предание о первом царе картлов — Фарнавазе. Великолепная ритмическая проза этого отрывка дала основание исследователю П. Ингоркву увидеть в нем фрагмент исторической песни, лишь несколько перефразированной историком³⁸. В предании рассказан один из эпизодов истории Картлийского царства II—III вв. до н. э. Согласно летописи (XI в.), безусловно использовавшей народные предания, Александр Македонский, завоевывая Восточную Грузию, захватил ряд крепостей и подошел к столице Картли г. Михета. Здесь он оставил правителем своего соплеменника Азона, продолжив поход на Западную Грузию, на Эгриси (совр. Мегрелия). В предании рассказывается о восстании против Азона и установлении власти первого картлийского царя Фарнаваза.

³⁶ В. И. Чернышев, Пушкин и русская сказка. Записи, — «Сказки и легенды пушкинских мест», М., 1950, стр. 283—286.

³⁷ V o b e r g, I n g e r M., Motif-index of Early Iceland Literature, København, 1956.

³⁸ Павле Ингорк ва, Георгий Мерчуле, Тбилиси, 1954, стр. 727—728.

Все звенья этого предания: чудесный сон царя, солнце, сошедшее на землю, роса с лика солнца (живая вода грузинских сказок), погоня за чудесным золоторогим оленем, приводящим героя к скрытому сокровищу,— все это хорошо известные в грузинском фольклоре мотивы. Однако основа предания, использованного историком,— историческая действительность, переработанная народной фантазией.

Согласно преданию, Азон — деспот и тиран, против которого восстают не только поработанные народы, но и римские войска. «Сказания об Азоне и Фарнавазе несомненно имеют очень длительную историю, причем на них лежит печать не только народного творчества, но и многократной литературной, книжной редакции»³⁹. Наряду с многими сказочными мотивами повесть содержит, по мнению проф. Г. Меликишвили, также много конкретных указаний, «которые хорошо согласуются со всем ходом исторического процесса в этих краях»⁴⁰.

Из богатой величественными и трагичными эпизодами истории Грузии народ сохранил в устной традиции немного имен, но каждое из них отражает определенную историческую эпоху. Характерно, что все это — имена сильных и прогрессивных личностей, деятельность которых была направлена на благо страны и народа.

Грузинской исторической словесности посвящены работы проф. К. А. Сихарулидзе. Ей принадлежит периодизация и классификация памятников исторической словесности⁴¹. К. А. Сихарулидзе выделяет ряд основных циклов, в том числе: цикл Вахтанга Горгасала, Давида Строителя, царицы Тамар, Ираклия II и ряд циклов, созданных вокруг имен грузинских народных героев: Зезвы Гаприндаули, Майи Цхнители и многих других. Почти в каждом из этих циклов наряду с песнями имеются и прозаические предания.

Предания и песни, связанные с именем Вахтанга Горгасала, свидетельствуют о его большой популярности. Народ видел в нем борца за объединение Грузии и ослабление произвола феодалов и служителей церкви, противившихся централизации государственной власти, борца против иноземных агрессоров. В этих преданиях видна связь с письменными источниками XII—XIII и XVIII вв., сохранившими сведения об изменническом убийстве Вахтанга Горгасала. Согласно им, Вахтанг Горгасал был убит его же вольноотпущенником или рабом, знавшим о том, что кольчуга Горгасала имеет изъян, и во время боя с персами, когда Вахтанг за-

³⁹ Г. Меликишвили, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 281.

⁴⁰ Там же, стр. 283.

⁴¹ К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная историческая словесность, тт. I—III, Тбилиси, 1961—1967 [на груз. яз.].

махнулся на врага мечом, возившим ему стрелу под мышку⁴². Эти сведения считаются историческим фактом. С. Джанашиа усматривал в нем отражение феодальной оппозиции, использовавшей в острой борьбе и движение рабов⁴³. В первом эпизоде предания о пришлом царе, вероломно убитом Вахтагом, отразились исторические сведения об Осе Богатаре (см. № 109 настоящего сборника). По предположению К. А. Сихарулидзе, письменные данные, в свою очередь, основаны на народной традиции⁴⁴.

Привлекает внимание образ пахаря, в известной мере противопоставленный царю и даже в невыгодной для него ситуации сохраняющий ореол величия. В предании интересно представление о том, что вместе с изгнанием из страны хотя бы и провинившегося пахаря «достаток» и «урожай» покидают страну. Вообще представление об «урожае», «достатке», который может покинуть дом вместе с уходом определенного человека, животного или даже вещь,— весьма распространено в Грузии.

Исторические предания содержат и ряд международных мотивов, интересных с точки зрения сравнительного изучения эпоса⁴⁵.

Интересно предание, связанное с именем царя Гургена. Сведений о нем в исторической литературе сохранилось очень мало. Имя Гургена встречается на монетах VI в., связанных с Западной Грузией, в которой, по преданию, и происходит события. Тем примечательнее, что имя его сохранено в устной традиции. Предание это богато фантастическими и сказочными мотивами. Среди них важен мотив чудесного оленя, вскормившего царское дитя и приносящего удачу. Этот мотив, весьма популярный в грузинском фольклоре, связан с именами Фарнаваза, Тамар и Ираклия II.

Богатейший цикл преданий и легенд связан в грузинском фольклоре с именем царицы Тамар.

После долгих лет тяжелой и упорной борьбы за объединение страны и изгнание иноземных поработителей — персов, римлян, арабов, греков, эпоха от Давида Строителя (XI в.) до царствования Тамар (XII—начало XIII в.) была порой экономического, политического и культурного расцвета Грузии, расширения и укрепления ее границ, строительства каналов, дорог

⁴² Ф. Жордания, Хроники, Тбилиси, стр. 50 [на груз. яз.].

⁴³ С. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Тбилиси, 1937, стр. 144—147 [на груз. яз.].

⁴⁴ К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная героико-историческая словесность, стр. 14—18, 113—120, 207—210; е е же, Грузинская народная историческая словесность, стр. 182—189.

⁴⁵ К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная героико-историческая словесность, стр. 203—207; В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, — «Вопросы литературы», 1958, № 6, стр. 112—133.

и сети водопроводов, создания монументальных памятников зодчества, живописи, литературы и науки. Это эпоха творчества Руставели.

В памяти народа это время навсегда связалось с именами прогрессивных деятелей, тем более, что вскоре после смерти Тамар нашествие хорезмийцев, а вслед за ними монголов надолго оборвали развитие грузинской культуры и ввергли страну в длительную эпоху разрухи и несчастий.

Должно быть, поэтому любая крепость, башня, замок или храм, зачастую возведенные гораздо раньше XII в., в памяти народа всегда связываются с этими именами, а особенно с именем Тамар, затмившим имена других деятелей и окутанным легендарным, а подчас и мифическим ореолом.

Имя это вошло в народную традицию еще при жизни Тамар. Современный ей историк пишет: «На домах акростихом писали восхваления Тамар, кольца, ножи и посохи украшая, писали на них славу Тамар, и уста каждого готовы были сказать что-либо достойное прославления Тамар: юноши — пастухи и пахари слагали стихи во славу Тамар, музыканты в Ираке, играющие на эбани и арфах, играли славу Тамар, франки и греки, моряки в море при попутном ветре пели славу Тамар. Так весь мир наполнился славой о ней, и каждый язык возвеличивал ее, куда только достигало ее имя»⁴⁶.

Упоминание в «Истории Грузии» юношей — пастухов и пахарей, — славивших песни в честь Тамар, свидетельствует не только о большой популярности ее имени, но и о традициях народного поэтического творчества в Грузии в ту эпоху.

В образах утренней звезды, «рождавшей зиму» и взятой в плен царицей Тамар, моря, покорившегося ей, народ воплотил воспоминание о силе ее власти; в сказочных образах молока и воды, превратившихся в ее руках в золото и серебро, — воспоминания о благоденствии страны, надолго утраченном вскоре после ее смерти.

Ряд преданий повествует о строительстве городов, крепостей и храмов, связанных с ее именем или построенных ее руками. Предание, связанное с Уплисхихе — пещерным городом в центре Картли, одним из древнейших сооружений скальной архитектуры (I в. до н. э. — II в. н. э.), относит его также к эпохе Тамар.

Тамар, согласно этому преданию, снабжала строителей кирками, у которых один конец был отлит из золота, другой — из стали. «Знал работавший, что как сотрется сталь в работе — золото его. Ну и работали они споро. Таяла сталь».

⁴⁶ Картлис Цховреба (История Грузии). Подготовил к изданию по всем основным рукописям проф. С. Г. Каухчишвили, т. II, Тбилиси, 1959, стр. 146 [на груз. яз.].

Основные темы цикла Тамар: 1) замужество Тамар, 2) строительство, 3) смерть и место ее захоронения.

Тесно связаны с именем Тамар предания о великом поэте Шота Руставели, в большом количестве сохранные народной традицией.

Биография и точные даты рождения и смерти Шота неизвестны. Однако исследования последних лет подтверждают ряд сведений, сохранных нам устной традицией. Народная традиция единогласно связывает его происхождение с южными провинциями Грузии (Месхети, Джавахети), представлявшими в эпоху царицы Тамар одну из передовых областей страны. Мощная система крепостей, монастыри, где велась литературная и переводческая деятельность, город Вардзия и многие другие, донные сохранившиеся памятники свидетельствуют о кипевшей здесь в XI—XII вв. жизни.

Пролог поэмы, посвященный Тамар, представляющий своего рода кодекс рыцарской любви и поклонения, видимо, послужил основанием преданий о безнадежной любви поэта к Тамар и связанным, якобы, с этим отъездом Шота в дальние страны. Ряд преданий рассказывает о том, что он получил высшее образование в Гелатской академии, а затем в Греции. В народе сохранены сведения о кончине поэта на чужбине, в монастыре. Эти сведения в настоящее время нашли подтверждение в некоторых письменных свидетельствах и портрете Шота Руставели, найденном в Крестовом монастыре в Иерусалиме.

В Месхети и поныне сохранилось село Рустави, с которым связывается происхождение поэта. Согласно ряду исследователей, Шота являлся владельцем или правителем Руставской крепости, откуда и образуется его фамилия или титул — Руставели⁴⁷.

Грузинские народные предания обходят молчанием трагические события XIII—XVI вв. Во всяком случае, в них нет упоминания об исторических деятелях из правящего класса. Лишь отдельные эпизоды борьбы безымянных народных героев, сложивших головы в сражениях с иноземными захватчиками, нашли отражение в песнях и преданиях.

События XVII в. — нашествие на Грузию полчищ Аббаса I и Аббаса II, захвативших отдельные княжества Восточной Грузии и укрепившихся в крепостях, отражены в циклах преданий о народной борьбе с захватчиками и освобождении крепостей Бахтриони и Алаверди. Один из

⁴⁷ См.: А. Г. Барамидзе, Шота Руставели; И. Мегрелидзе, Руставели и фольклор, Тбилиси, 1960; К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная историческая словесность, т. I, стр. 107—122, 287—295 [на груз. яз.]; М. Чиковани, Шота Руставели и грузинский фольклор, Тбилиси, 1966 [на груз. яз.].

основных героев, имя которого свято хранится народной традицией,—
Зезва Гаприндаули.

В XVIII в. появляется новый цикл песен и преданий, связанный с царем Эрекле (Ираклием) II. Эрекле II — выдающийся государственный деятель и полководец; он поощрял развитие промышленности и торговли, вел борьбу с сепаратизмом крупных феодалов, с внешними и внутренними врагами. Цикл преданий о нем отличается особой демократичностью и ярко выраженным национальным самосознанием.

В одном из наиболее популярных в Грузии преданий (№ 125) Эрекле призывает на помощь против полчищ наступающего врага вольных горцев — хевсур, пшавов, тушин — и обещает им денежное вознаграждение:

Помогите мне, хевсуры, верные вы мои слуги,
Денег получите столько — не потянуть будет коням!

Обиделись на те слова хевсуры:

— Разве же мы из-за денег воюем?

Тогда сказал народ:

Не изменят тебе хевсуры — верные твои слуги.
Серебра кто коснется рукой, кто возьмет его из хевсур,
Пусть разгневаются на него, о Эрекле, наши святыни!
Готовьтесь же, хевсуры, наденьте шелома на головы:
Татар мы ждем, не за пивом сидим на празднестве.
Стань же во главе войска, царь Эрекле, пойдем
по пути Крцаниси.

В предании отразились разновременные факты. Нашел в нем отражение и известный бой с полчищами Ага-Магомет-хана персидского в 1795 г. под Тбилиси на Крцанисском поле, где полегло 300 арагвинцев (жителей берегов Арагви, горцев Восточной Грузии), принесших клятву не возвращаться живыми с поля битвы с превосходящим их во много раз неприятелем. Этим героям поставлен в Тбилиси памятник, где горит вечный огонь.

Ряд преданий о народных героях этой эпохи — Майе Цхнители, Тамро Вашлованели и др. — исполнен ярко выраженного социального протеста против феодального гнета. В этих преданиях отразилась и вера крестьян в царя, в котором народ в ту пору видел защиту от самоуправства феодалов, и борьба центральной власти с феодалами, и ограниченность этой борьбы.

Образы народных героев, народные идеалы и надежды в эпоху жестокой каждодневной борьбы с внешними врагами нашли свое отражение в преданиях «Тамарул Чинчараули» (№ 134), «Тедоре» (№ 170), «Почему село называется Кахи» (№ 160), «Сурамская крепость» (№ 152) и мно-

гих других. Ряд преданий повествует о рыцарском долге, о побратимстве и о великодушии к врагу.

Значительный и весьма своеобразный круг преданий отражает борьбу народа против внутренних поработителей. Это прежде всего эпизоды борьбы вольных, не знавших крепостного ярма горцев с князьями, неоднократно пытавшимися подчинить их своей власти. Таковы предания о борьбе так называемой Вольной Сванети с крупными сванскими феодалами — родом Дадешкелиани. В предании «Мечь ушгульцев» (№ 143) описана гибель одного из них, князя Пута. «Не хотел народ, чтобы в убийстве Пута был обвинен один из многих. Поэтому собрали они по крупинке пороха, наскребли свинец — каждый от своей пули — и отлили из того свинца одну пулю — для Пута... Решив, что стрелять будут тоже все вместе, привязали они к курку длинную веревку, за которую взялись все мужчины Ушгули...».

В ряде сванских преданий отражена и борьба сванских мелкопоместных дворян, так называемых варгов, с крупными феодалами; в этой борьбе варги зачастую объединялись с вольными обществами сванов (№ 141, 142).

Борьба горцев Восточной Грузии с владетельными князьями-эристави явилась темой огромного цикла преданий и песен. Это в первую очередь предания о жестоком князе Зурабе-эристави (XVII в.), известном своими неоднократными попытками поработить хевсур, пшавов, мтиульцев и др., не знавших ярма крепостного права. О Зурабе-эристави создан ряд песен и преданий, в которых воплотилась всенародная ненависть к нему. Эпоха его власти так вспоминается народом:

Во времена Зураба-эристави,
Во времена кровавых дождей...

Его жестокость и вероломство описаны во многих преданиях (№ 146 — 148).

Среди многочисленных защитников свободы особенно выделяется имя Мамуки Калундаури. В настоящем сборнике представлено два предания о нем: «Меч Мамуки Калундаури» (№ 144) и «Смерть Мамуки» (№ 145). Предания эти правильнее было бы назвать сказаниями. Это типичная героическая сага типа северных саг. Параллельно со сказанием существует и песнь о Мамуке, фрагменты из которой сказываются в предании.

По существовавшим до недавнего прошлого обычаям, о погибшем герое или воине, охотнике или пастухе слагалась песня (иногда ее специально ездили заказывать какому-либо прославленному сказителю). Песни эти, называвшиеся «песни о мертвом», исполнялись в честь героя в дни, посвященные его памяти, на всех родовых сборищах и празднествах, даже

на свадьбах. Имена прославленных героев, таким образом, оставались в народной памяти. Каждая семья гордится, если песнь в честь ее родича поется на общих празднествах. Предание тут действительно идет рука об руку с песней, иногда комментируя или расшифровывая ставшие подчас непонятными места и выражения, иногда дополняя ее. Но отдельные пассажи песни, закрепленные уже в памяти коллектива многократным исполнением «песни о мертвом», входят в предание и становятся его органической частью.

Народный герой в Грузии, в том числе и Калундаури, носит эпитет *нациллиани*, что значит «причастный к божеству», «носящий в себе частицу божества» (от слова *нацили*, или *цили*, — «частица»). Эта «божественность», по преданиям, часто проявлялась в свете, исходящем от героя или сопутствующем ему. Так, впереди Мамуки двигался сноп света, подобный звезде. Причастными к божеству были и братья эпического героя Амирани — Усип и Бадри. Один имел на лопатке знак солнца, другой — знак луны. По преданию, хевсурские герои рождались со светом (свечой) на правом плече. Герои — помеченные астральными светилами люди, носители метки, частицы божества⁴⁸. Одно из грузинских проклятий гласит «Шен ки гакри!» («Чтоб ты потух!»).

Яркую картину социальной борьбы за права человека рисуют предания «Гибель Арешидзе» (№ 149) и «Башня женщины» (№ 150). В первом из них описан крестьянский мятеж, вызванный несправедливым обычаем «права первой ночи». Интересно, что и здесь подчеркивается единодушие всего коллектива в борьбе за свои права. Все мужское население села принимает участие в заговоре против князей. Даже управитель князя не решается идти против воли народа. Одного из княжеских братьев настигают стрелы заговорщиков. Второго, пустившегося вплавь по реке, убивает единственный старик, оставшийся дома, причем помогают ему женщины и дети. Третьего губит старая женщина. Она берется перевезти его через реку, так как мост уничтожен мятежниками... «Посадила его в седло впереди себя старуха. Как вошли они в глубину реки, обхватила его руками и бросилась с ним в воду. Утонули оба... Три поминальных стола ставили у нас в старину: отцу, и сыну, и святому духу. И ставили у нас также четвертый стол, для поминовения души той старой женщины!»

Горные вершины в Грузии почти всегда увенчаны зубцами старинных стен — это древние крепости, башни, монастыри и храмы. Некоторые из них дольше хранят следы былого величия, от других сохранились лишь развалины. С каждой из них связано какое-либо предание. В некоторых

⁴⁸ В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования..., стр. 111—112.

преданиях поднятие огромных глыб строительного камня на вершины гор объясняется вмешательством чудодейственных сил. В других рассказывается о древних способах строительства: как становились люди цепочкой, «от каменистого русла горной реки до вершины горы и, не сходя с места, из рук в руки передавали строительный камень», как вместо лесов для постройки сооружали насыпь возле строящихся стен, возводя ее все выше вместе со строительством стен. Закачивалось строительство, землю ссыпали, вывозили и перед всеми вставало во всей красе готовое здание.

Одно из наиболее популярных в Грузии — предание «Сурамская крепость» (№ 152). Крепость срочно возводили в ожидании нашествия врага. Но постройка каждую ночь рушилась, пока по совету прорицательницы не замуровали в стену юношу — единственного сына вдовы. В предании дан поэтический диалог между сыном и матерью, исполняемый и отдельно, как популярная хоровая песнь. Возможно, что это фрагмент большой баллады.

Сюжет замурованной в стену жертвы связан в Грузии с целым рядом крепостей (Сигнахская крепость в Кахети, крепость Хони в Имерети, крепость Минда в Раче и т. д.). Этому сюжету мирового распространения посвящен ряд работ (см. примеч.). Многочисленные параллели приводятся в работах В. Котетишвили, М. Чиковани, Л. Вардьяша, К. Сихарулидзе, Н. Шамападзе. Архаичный характер грузинских преданий признается всеми исследователями, в том числе и Л. Вардьяшем, который, тем не менее, считает, что сюжет этот зародился в Венгрии. Эту точку зрения оспаривает Н. Шамападзе.

С крепостями связан ряд патристических и романтических преданий, в которых описаны отдельные трагические эпизоды (№ 154, 157 и др.).

Ряд топонимических преданий дает реальную этимологию названий сел, а в некоторых случаях — поздние народные этимологии, основанные на пародной фантазии.

Интересны предания, связанные со строительством церквей и храмов. Часть из них носит легендарный характер. Но основное в них — это патристическое звучание и отображение реальной действительности (№ 164, 169, 170 и др.). Для Грузии, долгие века жившей в кольце мусульманских стран, христианство являлось оплотом в сохранении национального лица и противодействии насильственной ассимиляции. Это особенно ярко видно в подобных преданиях.

Ряд грузинских преданий посвящен дидактическим и морально-этическим проблемам. Это предания типа «Почему неприметен женский труд», «Февраль и Март», «Материнское сердце», «Буйволиная шкура», «Мужик и Соломон Мудрый». Из них особенно популярно предание о материнском сердце, вырванном сыном из груди матери в угоду возлюбленной. Когда

по дороге юноша упал и уронил сердце, оно застонало: «Увы, сын мой! Горе мне, не ушибся ли ты?»

Многие из этих сюжетов имеют мировое распространение, например сюжет неблагодарного сына («Буйволиная шкура»), встречающийся у ряда народов (см. примеч.).

Ряд преданий Грузии имеет параллели в мире греческой мифологии. Таково предание об одноглазом циклопе («Сказание об одноглазе», № 211). Сюжет об уничтожении одноглазого великана является широко распространенным международным сюжетом (АаАн 1137). Он встречается как на Западе, так и на Востоке⁴⁹. Древнейшая письменная фиксация этого сюжета имеется в «Одиссее» Гомера (песнь IX). Как указывает В. М. Жирмушский, «можно с уверенностью сказать, что огузы, наравне с другими татарскими кочевыми народами (кыпчаками, киргизами), знали эту сказку еще на своей среднеазиатской родине и отсюда принесли ее в Закавказье и Малую Азию»⁵⁰.

В этом плане привлекает внимание предание «Когда спит вода» (№ 174): «Говорят, когда вода спит, что ни опустишь в нее — все станет чистым золотом». Царь велит убить мельника, который нечаянно опустил в тот миг руки в воду. Руки стали золотыми, и все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Это предание вызывает ассоциации с эллинским мифом о фригийском царе Мидасе. Испрошенная им у богов способность превращать все, к чему он прикасался, в золото чуть не послужила причиной его гибели.

Своеобразна группа преданий морально-философского характера, в частности предание «Земля свое возьмет» (№ 181). Это предание давно обратило на себя внимание исследователей. Оно было опубликовано на грузинском, русском, французском и английском языках (см. примеч.). Несколько раз оно подвергалось обработке (например, оно было напечатано в обработке В. Соллогуба). В настоящее время мы располагаем рядом чисто народных текстов. В частности, это предание имеется среди грузинских народных сказок, записанных в XVII в. католическим миссионером Бернардом Неаполийским, подвизавшимся в Грузии между 1670—1679 гг. и изучившим грузинский язык. Два текста из этих записей нам удалось найти в Институте рукописей им. К. Кекелидзе, в архиве М. Тамарашвили. Они были изданы нами вместе с исследованием. Мы указывали, что М. Тамарашвили переписал эти тексты в архиве Торре дель Греко в Италии,

⁴⁹ Обширную литературу по этому вопросу см.: J. Volte, G. Polivka, Anmerkungen zu der Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm, Bd I, Leipzig, 1913, стр. 374—378 (№ 1913). Восточные параллели см. также: В. М. Жирмушский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», — «Книга моего деда Коркута», М.—Л., 1962, стр. 216.

⁵⁰ В. М. Жирмушский, Огузский героический эпос, стр. 224.

где имеется рукописный сборник с записями народных сказок⁵¹. В 1963 г. Фундаментальной библиотеке АН СССР удалось получить микрофильм этого сборника. В 1964 г. М. Чиковани издал эти тексты с исследованием и вариантами⁵². Один из текстов оказался вариантом предания о юноше, искавшем бессмертия, известного до сих пор под названием «Земля свое возьмет», или «Красота».

В этом предании юноша, впервые увидевший смерть (смерть отца или убитого на охоте оленя) и узнавший о ее неизбежности, уходит из дому в поисках страны, где можно найти бессмертие. Попадая к чудесному ворону, оленю и дубу, он отвергает предложенную ему возможность долголетия и, перейдя через реку, попадает к чудесной девушке, которую зовут Турпа, т. е. прекрасная. Он узнает, что она так же стара, как мир, однако, очарованный ее красотой, просит разрешения остаться с ней. Бессмертная дева предупреждает юношу, что «земля свое возьмет», что человек не сможет вынести бессмертия. Юноша остается с ней. Проходит тысяча лет. Юноше они кажутся несколькими днями. Затосковав по матери, он уходит, надеясь вернуться. Возвратившись домой, он чувствует свое одиночество в ставшем чуждым ему мире, съедает яблоки, данные ему девой, и умирает (по некоторым вариантам — возвращается к деве).

В шотландском предании «Фаркуер Мак-Нейл» фермер нечаянно попадает к феям. Также нечаянно через шестьсот лет он возвращается домой. Никто не помнит об его исчезновении. «Это так его сразило, что кости его внезапно рассыпались в прах и он рухнул кучей золы на пол»⁵³.

Тот же мотив встречается и в ирландских сагах. Герой Кондла Прекрасный, прыгнув в стеклянную ладью по зову девы, попадает в «страну блаженства, страну живых, где нет ни смерти, ни невзгод»⁵⁴. Другой герой, Бран, сын Фебала, со своими друзьями пускается в море по зову неведомой прекрасной девы, певшей ему об острове, где нет горести и обмана, где живут «без скорби, без печали, без смерти, без болезни, без дряхлости». Они прибыли на этот остров, и «им казалось, что они пробыли там один год, а прошло много-много лет». Подобно герою грузинского предания, тоска по дому охватила одного из них, и они собрались в обрат-

⁵¹ Е. Б. Вирсаладзе, Материалы к истории грузинского фольклора. Две грузинские народные сказки, записанные в XVII веке, — «Литературные разыскания», т. IV, Тбилиси, 1948.

⁵² Старинные записи грузинских сказок (17 в.), тексты с исследованием и вариантами, изданы М. Чиковани, — «Сборник грузинского Общества истории, археологии, этнографии и фольклора», Тбилиси, 1964.

⁵³ Шотландские народные сказки и предания, пер. с английского М. Елягиной-Кондратьевой, М., 1967.

⁵⁴ Ирландские саги, II, испр. изд. Перевод, предисловие, вступит. статья и комментарии А. А. Смирнова, М.—Л., 1933, стр. 229—233.

ный путь. Тщетно отговаривала их дева. Тогда она предупредила их, чтобы они остерегались касаться ногой родной земли. Однако один из героев, не выдержав, прыгнул из ладьи на берег. Едва коснулся он земли Ирландии, как тотчас же обратился в прах⁵⁵.

По мнению А. А. Смирнова, в основе образа «блаженной страны» лежит без сомнения исконно кельтское верование, но в сагах описания ее осложнены христианскими и, быть может, античными образами и представлениями. Есть в них и примесь скандинавской мифологии⁵⁶.

Очень любопытно совпадение некоторых деталей в грузинском предании и ирландской саге: стеклянная ладья героя Кондла и стеклянный дворец девушки нашего предания; яблоки, фигурирующие и здесь, и там как средство продления или прекращения жизни. В вариантах грузинского предания в стране бессмертия живет лишь дева, а иногда ее служанка или мать. В Ирландии это «женская страна». И самое главное: грузинское представление о том, что «земля свое возьмет», находит полную аналогию в саге о Бране, где прикосновение героя к земле превращает его в прах.

Проф. А. Хаханавили в своих «Очерках» уделяет особое внимание этому преданию, приводя очень любопытные и близкие параллели — аварскую и японскую сказки⁵⁷.

М. Чиковани сопоставляет грузинское предание с эпосом о Гильгамеше, в частности с мотивом встречи ищущего бессмертия Гильгамеша с Сидур. Последнюю он сравнивает с матерью героя грузинского предания, пытающейся отговорить героя от поисков бессмертия. На наш взгляд, эта аналогия вполне закономерна, но с богиней Сидур значительно больше общего у божественной девы грузинского предания, которая предупреждает героя о том, что смертному не дано вкушать бессмертие, что «земля свое возьмет». Совершенно верна и вторая аналогия с грузинской средневековой повестью «Мудрость Балавара». Впрочем, М. Чиковани не делает окончательных выводов из этих аналогий, отмечая лишь, что «сюжет ищущего бессмертия не чужд грузинской словесности, и он мог существовать не только 300 лет тому назад (т. е. в XVII в.— Е. В.), а до создания версий „Мудрости Балавара“»⁵⁸. В то же время Чиковани упоминает индийскую, китайскую, японскую, венгерскую и итальянскую параллели⁵⁹. Проблема эта требует дальнейшего изучения. Не менее важны и близки шотландские и ирландские параллели, приведенные нами выше.

⁵⁵ Там же, стр. 237—246.

⁵⁶ Там же, стр. 37.

⁵⁷ А. Хаханавили (Хаханавили), Очерки по истории грузинской словесности, вып. I, Народный эпос и апокрифы, М., 1895, стр. 112—115.

⁵⁸ М. Чиковани, Сюжет ищущего бессмертия юноши в древнем фольклоре и литературе, М., 1963, стр. 164.

⁵⁹ См. там же,

Археологические раскопки последних десятилетий показали, что так называемые картвельские племена, из которых сложился современный грузинский народ, с древнейших времен являлись обитателями Закавказья; доказана глубокая древность и преемственность их культуры на Кавказе. Однако известно, что Закавказье, и, в частности, Грузия, находившаяся на стыке культур Востока и Запада, издревле являлось местом столкновения интересов многих народов. Культура Грузии носит следы интенсивного общения и связей со странами Древнего Востока, Ираном, Грецией, Римом, Византией, Аравией, Турцией, а позже — с Западной Европой и Россией.

Все это, так же как наличие крупных и веками существовавших центров грузинской культуры в Греции, Палестине и на Синае, позволяет ставить вопрос не только о типологической общности некоторых сюжетов, но и об общности, явившейся результатом общения народов.

Говоря о некоторых фольклорных памятниках Грузии, необходимо учесть и богатую грузинскую и переводную литературу, насчитывающую 16 веков существования. Такие произведения, как «Витязь в тигровой шкуре», «Висрамиани», «Амиран-Дареджаниани», грузинский перевод «Шах-наме», «Мудрость Балавара», «Калила и Димна», «Мудрость вымысла» и многие другие, не только носят следы фольклорных влияний, но сами переходили в фольклор. Нередко популярность их была столь велика, что создавались их народные версии, в устной традиции дошедшие до нашего времени.

Широко распространенный цикл преданий о Соломоне Мудром в нашем сборнике представлен преданием «Мужик и Соломон Мудрый» (№ 187). К нему же относится предание о Соломоновой жене и трех рабах, «О мудром мальчике», связанные с известным индийским сказочным сборником «Викрамачарита»⁶⁰.

№ 188—206 нашего сборника — легенды. В основном это легенды апокрифические и морально-дидактические. Все они проникнуты христианскими представлениями, но в них очень сильны и элементы двоеверия — особенно в легендах апокрифических. Глубокая архаичность их не подлежит сомнению. По мнению А. Веселовского, посвятившего этим вопросам специальное исследование, они проникнуты дуалистической космогонией, не выходящей за пределы ее распространения в Европе⁶¹.

Любопытен образ дьявола Самоэля (Самаала). Он не только умен и силен, но все время поучает беспомощного и бессильного бога. Самоэль

⁶⁰ Е. Вирсаладзе, Материалы к истории..., стр. 375—380.

⁶¹ А. Веселовский, К вопросу о дуалистических космогониях, — «Этнографическое обозрение», V, стр. 33—38.

принимает живейшее участие в сотворении мира, помогая богу во всех его затруднениях. Безусловно, эти легенды отражают достаточно древние и далеко не ортодоксальные воззрения. С точки зрения истории народной мысли и изучения народных представлений они чрезвычайно любопытны.

Согласно этим представлениям, мир «ранее» был объят водой а бог-творец сидел в «скале вселепной». Однажды он выскочил из скалы и прыгнул в воду. Тут ему стало холодно, он вздрогнул и уронил две слезы из глаз. «Эти две слезы превратились в архангелов Михаила и Гавриила» (Михаил и Гавриил передко сливаются в одну фигуру Микел-Габриэла, ведающего смертью и душами умерших). Выскочивший из синего камня дьявол, схватив бога за горло, пытается его задушить. Лишь под угрозой смерти (!) бог соглашается «побрататься» с дьяволом. Тщетно пытается бог освободить сушу от воды. Без советов Самозэля он ничего не в силах сделать.

Однако в дальнейшем Христос не отстает от дьявола. Он также занимается рукоприкладством: «вцепившись в горло» дьяволу, он заставляет его вернуть пожалованное богом *сапицари* — жертвы, приносимые богу, которые по договору должны были поступать к дьяволу. Обидевшись, дьявол в свою очередь «нагнал такую темень в ад», что спустившийся туда со своей свитой Христос «два месяца не мог найти дверей, чтоб выйти вон из ада».

В ряде легенд рядом с христианским богом фигурирует св. Георгий, пользующийся гораздо большей любовью и уважением, нежели бог: св. Георгий, «покровитель народа и всей страны», одурачивает бога, спасая мужика от его несправедливого гнева.

Не менее интересны и другие легенды. Привлекает внимание их демократический характер и подчеркнутая социальная направленность. Особенно интересны в этом плане легенды «Микел-Габриэл» (№ 193) и «Странный сон» (№ 194).

В первой из них бог представлен неумолимым, бессмысленно жестоким существом. Ангел смерти Микел-Габриэл жалеет людей; у него не поднимается рука отнять, по велению бога, душу у роженицы, матери двух близнецов, живущей в страшной нужде. Тогда разгневанный бог повелел вырвать сердце у Микел-Габриэла. С тех пор ангел смерти не жалеет никого. «Одинаково душит он бедного и богатого, одинокого и окруженного близкими».

В легенде «Странный сон» заснувший крестьянин попадает «на тот свет» и узнает, что священник, всю жизнь поучавший его праведной жизни, был ханжой и грешником, осужденным за свои тайные грехи кипеть на самом дне котла с грешниками.

Полные юмора, эти легенды отражают внутренний мир трудового человека, преимущественно крестьянина, пахаря, превыше всего уважающего и ценящего созидательный труд. Такой человек готов простить даже закоренелого грешника за проявленное им уважение к плодам человеческого труда. Спасая свою жизнь, убийца все же не решился топтать ниву; на краю поля он остановился, предпочитая отдаться в руки стражи. За это «благодать хлеба» спасает ему жизнь (№ 198).

Человеческий опыт, знания, почерпнутые из трудовой жизни, стоят в этих легендах выше «божьей власти». Пастух оказывается мудрее Христа, он смеется над ним (№ 195). Интересно, что Христос в этих легендах всегда бледнее, слабее и беспомощнее бога и даже его святых.

Группа легенд связана со средневековой христианской демонологией. Это легенды о ведьмах, чертях, их проделках. В них ярко отражены суеверия, характерные для старой деревни.

Особую группу представляют в нашем сборнике тексты, данные нами в Приложении (№ 207—213). Это тексты народных преданий, грузинскими оригиналами которых мы не располагаем. Они представляют определенный научный и познавательный интерес, однако настолько литературно обработаны и стилизованы, что их лишь условно можно назвать народными. Учитывая, однако, их большое научное значение, мы не сочли возможным отказаться от них полностью и даем их в Приложении, иногда в несколько сокращенном и отредактированном виде.

Так, в Приложении дана интересная легенда о любви старого горного духа к молодой грузинке («Любовь Гуда», № 210). Она значительна и как параллель к «Демону» М. Ю. Лермонтова. Представления о горном духе или дэве, выбирающем себе красивую девушку и похищающем ее, встречаются в Грузии часто и в виде быличек.

В Приложении же дано предание об одноглазом циклопе, ставшее, как было сказано выше, предметом ряда научных исследований.

Интересен и сюжет предания «Окаменевшая чета» (№ 213). Сюжеты о нечаянном грехе кровосмешения, так же как и наказанной греховной любви брата к сестре, распространены в Грузии. На левом берегу р. Арагви, возле селения Жинвали, показывают две скалы: одну из них, покрытую травой, называют Камнем Нино, рассказывая, что это — девушка, превращенная по ее просьбе богом в камень, так как за нею гнался охваченный греховной страстью ее родной брат. На некотором расстоянии от Камня Нино высится Скала Гибели. По преданию, это — брат Нино, велением бога также превращенный в камень.

В Приложении даны и три легенды из вышеупомянутого сборника Ольги Грузинской, взявшей псевдонимом мужское имя (Гульбат). В предисловии к своему сборнику она пишет: «Заметив с сожалением, что

наши старинные легенды и предания утрачиваются из памяти народной, я решился собрать их и напечатать, хотя вполне сознаю несовершенство моего изложения. Мною руководит единственное желание спасти их от окончательного забвения...»

Действительно, в сборнике О. Грузинской много и чисто народных, очень значительных сюжетов. В некоторых случаях, когда мы располагали записями подлинных народных прозаических текстов, переводы сделаны нами заново с грузинских оригиналов. Некоторые предания сборника О. Грузинской являются прозаическими пересказами эпических песен, и мы не сочли возможным включить их в наш сборник. Но есть несколько текстов, представляющих большой познавательный и чисто научный интерес, хотя по степени литературной обработки они выпадают из общего стиля нашего сборника. Мы решили сохранить их, дав в Приложении. Это предание «Тритино» (№ 207), представляющее пересказ одного из эпизодов Авесты о борьбе Джемшида с Трэтоной (Тритино). К. Кекелидзе и Г. Ахвледиани в своих исследованиях использовали это предание, обратив внимание, что имена героев Аждехак и Тритино восходят к древнейшей традиции и не могут быть объяснены влиянием литературного «Шах-наме», где в грузинском переводе дано позднейшее прочтение этих имен согласно Фирдоуси, а именно Зоха-Заак (Ажи-Дахак) и Апридун (Трэтона). Таким образом, по их мнению, это предание — свидетельство древнейшей устной традиции, дошедшей до Грузии значительно раньше перевода поэмы Фирдоуси на грузинский язык в XII и XVI вв.⁶²

Предание «Камбечиан» (№ 209) неизвестно нам в устной традиции, однако оно представляет интересную параллель к сведениям, сохраненным грузинской летописью⁶³, так называемой хроникой Сумбата Давитисдзе, и дает любопытное народное толкование топонима «Камбечиан».

В предании «Дождь» (№ 208) мы опять-таки имеем интересный, но дошедший до нас в устной традиции сюжет о превращении девушки в цветок и литературное свидетельство о древнем обычае собирать весной красные и желтые лилии и загадывать по ним судьбу, зафиксированном нами в горах Западной Грузии, в Раче.

Репертуар О. Грузинской имеет печать литературных влияний, но он содержит уникальные сведения о роли народной традиции в своеобразном «придворном фольклоре», что не лишено для нас определенного познавательного интереса.

⁶² К. Кекелидзе, История грузинской литературы, т. II, Тбилиси, 1959, стр. 87 [на груз. яз.].

⁶³ Картлис Цховреба, т. I, Тбилиси, 1955, стр. 373—374.

Настоящий сборник далеко не полностью отражает богатство грузинских преданий и легенд. Однако на сегодняшний день это наиболее полное их собрание. Как отмечалось выше, сюда вошли материалы основных фольклорных архивов, периодики и личные записи автора, ведущиеся на протяжении многих лет.

В Примечаниях дан краткий паспорт текстов и объяснения, необходимые для русского читателя. Мы постарались с возможной полнотой указать параллельные материалы в грузинском фольклоре, а также по мере возможности и международные параллели.

Елена Вирсаладзе

предания

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ

1. О дэвах, девяти солнцах и девяти лунах

Дэвы¹ жили, оказывается, дочь моя. Много их было. Людей было мало. Пожирали дэвы людей. Взмолились люди богу:

— Что же нас, земных, в тебя верующих, уничтожаешь ты, а дэвов умножаешь?

И привел бог девять солнц, девять лун² на борьбу с дэвами, но не справился с ними. Тогда иссушил он воды. Ходят дэвы в горах, распаленные жаром девяти солнц, губят людей. Нет воды. Стемнеет, а воды все нет. При свете девяти лун дрожат дэвы от холода.

Все меньше и меньше их становилось. Ослабли и извелись дэвы, и сделались люди свободными. Стал размножаться народ. А дэвов осталось совсем мало. И мест, где бывают они, все меньше. Выслеживают дэвы тех, кто побогаче да получше. Глянет дэв на человека: если плечи худые у него, светятся

насквозь,— отстанет; если поплотнее,— то погонится за ним. Вот сосед мой Бучукури Гогия³: часто преследовали его дэвы, но он ловкий человек, отбивался от них, увертывался.

2. Олень и бык на небосводе

Создав землю и человека, бог стал думать о том, какое животное дать людям в помощь. Позвал он оленя и быка¹. Повелел им:

— Бегите. Кто быстрее перебежит небо, тому из вас дам я награду.

Помчался олень, полетел... Хотел победить быка. Но от быстрого бега раздулся олень и сдох. Остался лишь след его на небе, который зовется и ныне прыжком оленя².

А бык пошел спокойно, медленно жуя жвачку. Долго он шел, да пришел-таки. След быка также заметен на небе. Зовут его тропой быка³.

Благословил тут бог быка, освятил его выю, и с тех пор несет бык бремя заботы о человеке.

И человек оценил это животное. О быке поется в песне: «Бык! Кто дал тебе это имя, о бык прекрасноликий?!»

3. Откуда появились на земле горы и ущелья

У бога, оказывается, земля при сотворении получилась больше неба. Не пришлось впору небо земле, не покрывало ее. Тогда дьявол посоветовал богу: «Сожми землю твоими мощными руками,— и небо, подобно крышке, плотно накроет ее». И вправду, последовал творец совету дьявола, обнял землю и сжал ее. Небо-то село на место, но земля от этих тисков погнулась. Кое-где поднялись горы, а кое-где сделались ущелья и стремнины, ручьи, озера, моря и океаны.

4. Солнце и луна

До солнца нечто другое освещало мир. То светило находилось на земле. Однажды бог призвал его на небо. Остался мир в темноте. Все живое предалось отчаянию. Лишь через

какое-то время появилось на небе светило, которое теперь зовем мы солнцем. Земного тепла и света не хватало миру, и поэтому появились солнце и луна. У солнца и луны один отец, а матери у них — разные. Луна младше солнца.

Однажды объявил им бог, что одно из них должно стать дневным светилом, то есть солнцем, другое же — ночным. Понятно, приятнее было стать солнцем. В назначенное время кто из братьев встанет раньше, тот и будет солнцем, а другой — луною. Матерям запретили принимать какое-либо участие в пробуждении детей.

Оба, т. е. будущие солнце и луна, старались стать дневным светилом. Чтобы встать раньше брата, младший застелил постель колючками и крапивой и как можно дольше старался не спать. На рассвете одолел его сон, и он крепко уснул. Солнце же с вечера улеглось в постель, выспалось и встало рано утром. Тотчас же отправилось оно освещать мир. Очень порадовалась этому его мать.

Младший брат же спал до тех пор, пока мать не начала уже месить тесто к обеду. Проснулся он, а солнце уже давно светит на весь мир. Мать на своего сою-сына рассердилась и рукой, испачканной в тесте, залепила ему пощечину.

Черные пятна, что и сегодня видны на луне,— следы материнской руки, испачканной тестом.

5. Солнце и шкура куницы

Солнце ночью опускается в море. Морем же плывет оно на Восток, а утром поднимается на небо. Вечером, опускаясь в море, солнце рассыпает вокруг золото. В тот час одна только куница может выдержать удар солнечного луча.

Если человек в этот миг опустит в море шкуру куницы, шкура покроется золотом.

6. Луна

Одна сторона у луны черная, другая — сверкает. Первой стороной поворачивается она к нам днем, вторую — ночью. Лунный оборот никому не известен по-настоящему. Первой луну видит форель, вторую — лягушка, а третьим — человек. Солнце и луна благодать имеют свыше.

7. Гром и молния

Если гремит гром, значит в небе сталкиваются дэвы. Молния — выстрелы дэвовых ружей. Впрочем, некоторые считают, что то дьяволы катают по небу медный котел,— это он гремит на небе.

8. Град

Град слеп. Водит его дьявол. Живет град на небе, но время от времени появляется у него желание погулять по свету. Любимые места прогулок для града — горы и ущелья. Как скажет он своему поводырю, что хочется ему пройтись, дьявол поднимает на небо с ледяных скал бесчисленное множество круглых и плоских ледяных обломков.

Перед выходом на прогулку град просит дьявола не водить его вблизи сел, и особенно над нивами. Граду вовсе не хочется портить плоды человеческого труда, да дьявол вводит его в обман. Он сперва поводит слепа над горами и ущельями, а под конец непременно проведет над селением, чтобы причинить вред человеку. Уверяет он слепого, что несутся они над горами и ущельями и никакого вреда человеку не приносят.

Поэтому в некоторых селах звонят в колокола или поют особую песню с целью предотвратить град:

Зерна счастливые, идите над ущельями,
Поводырь града, помоги нам.
Творец, помоги нам, помоги своей благостью...

9. Снег и дождь

Было на свете три птички шдавал¹. Одна совсем белая, вторая — с белой грудкой, а третья — вся черная. В тех местах, куда полетела белая шдавал, вечно лежит снег. Если не вечно, то очень подолгу. В тех местах, куда полетела белогрудая шдавал, снег выпадает только зимой. Куда черная шдавал, — там совсем не бывает снега.

Снег всегда лежит на небе. Сколько бы ни падало с неба снега — его запасы неисчерпаемы.

На небе стоят и озера, откуда льется дождь.

10. Миры

Кроме нашего, видимого, мира существует еще два населенных людьми мира: один находится выше, а другой — ниже нас. Таким образом мы живем в среднем мире и поэтому пояса затягиваем посередине своего туловища. Между тем обитатели нижнего мира носят пояса на бедрах, а обитатели верхнего — выше поясицы, т. е. на груди или на шее.

Наш мир существует очень давно и будет существовать еще столько, и дольше того, чем прошло от его сотворения.

11. Отделение неба от земли

Первоначально небо отстояло от земли настолько близко, что многие деревья не имели возможности расти так высоко, как ныне, и крестьяне, погоняя своих волов, часто концом кнута задевали за небо, а многие из высоких людей прямо рукой могли достать до него.

В это время люди имели возможность общения с богом и могли переговариваться с ним о своих нуждах, причем бог вполне мог их слышать с неба; иногда же люди поднимались к нему прямо на самое небо.

На ту большую высоту, которую небо имеет теперь, оно поднялось по следующей причине. Однажды какая-то женщина пекла лаваша¹, а возле нее резвились ребяташки. Вдруг маленький ребенок обмарался. Мать, не имея под рукою тряпки, сняла с тоне² один лаваш и им подтерла ребенка.

Подобным поступком женщина осквернила хлеб — главную пищу человека. Бог разгневался так сильно, что с того часа впервые послал гром и при его страшных раскатах поднял небо на настоящую его высоту.

О ДУХАХ-ПОКРОВИТЕЛЯХ

12. Дали рождает на скале

— Мать моя, испеки мне на дорогу лепешек, туров повидать захотелось,— сказал охотник Меписа¹ своей матери.

Испекла мать хмиади² своему любимому сыну и снарядила его на охоту.

На рассвете поднялся на вершину горы охотник. Вдруг он услышал пронзительный вопль. Не обратил на него внимания охотник, но вот вторично раздался вопль. «Будь я проклят, если не узнаю, какая там беда приключилась»,— подумал охотник. Глянул вверх, видит: в небо упирается белая скала. На вершине скалы вопит златокосая Дали³.

— Слава тебе, кто бы ты ни была. Скажи, в чем твоё горе,— обратился к Дали охотник.

— Я Дали, владычица скал. Сына моего волк⁴ похитил. Со скалы скатился мой мальчик, а внизу, оказывается, поджидал его жадный волк. Схватил он моего сына и унес его на гору.

— Не горюй об этом! Волка я догоню, спасу ребенка! — крикнул ей охотник.

Волк рысцой бежал по горному хребту. В пасти держал он сына Дали. Улучил время Меписа, прилег на склоне, прицелился, пустил стрелу — и тут же покотился волк. Разинутой осталась у волка пасть.

Освежевал его Меписа, повязал волчью шкуру на бедра, посадил дитя к себе на плечо и так доставил пред очи его матери Дали.

— Мать моя, спусти мне косу! — крикнуло дитя.

— Да будет материнское благословение с тобой, но не осталось у меня никого, кто бы назвал меня матерью. Того, кто звал меня матерью, унес дикий зверь.

— Я твой сын!

Глянула Дали со скалы, увидела у подножия свое дитя, спустила ему золотую косу и так подняла его наверх.

— Охотник мой, — сказала Дали, — чем отплатить тебе? Хочешь, каждый день горную козу дам убивать тебе? Хочешь, каждый сентябрь стану дарить тебе девять туров, а мелких коз — каждую неделю? А коли захочешь, я буду рада, если разделишь ты мое ложе.

— Нет, владычица Дали. Как осмелюсь я любить тебя? Уж лучше даруй мне каждый сентябрь по девять туров, — почтительно сказал ей юноша.

Не было другого пути. Дали выполнила обещанное ею, но не простила юноше, что отказался он от любви владычицы скал.

Однажды охотник повстречал в лесу обещанных ему девять туров. Рога у одного из них из золота были. Прицелился охотник в златорогого тура. Угодила стрела в золотой рог. Отбросил ту стрелу золотой рог обратно, и она вонзилась прямо в лоб охотнику Меписе.

13. Казбек Геловани

Пошел на охоту Казбек Геловани¹. Встретил он Дали. Понравился ей охотник. Остался Казбек с ней на высокой горе, в скалах. Дали подарила ему янтарные бусы и наказала при этом:

— Эти бусы не давай никому, никому не показывай, чтобы не касалась их рука смертной женщины.

С того дня удача сопутствовала Казбеку в охоте. Однажды сунула жена руку в карман его архалука², вытащила те бусы, перепрятала их. Не вспомнив о бусах, ушел на охоту Казбек. Сопровождали его друзья.

Одно глубокое ущелье было, где всегда водились туры. То ущелье отвела, оказывается, Дали Казбеку для охоты. Начали они стрелять туров. Вдруг упал Геловани бездыханным, а стадо туров топчет его тело и кричит человеческими головами: «Казбек, Казбек!» Все стадо прошло по его телу,

А всему причиной послужило то ожерелье.

14. День Беткена

В феврале день Беткена¹, и водят в тот день хоровод. Агбалигралом² зовут этот праздник. А хоровод называется самти чишхаш, что значит священный хоровод. Собралось все население Мулах-Мужала³. Вели они хоровод самти. Здесь были и Беткен, и его невестка Тамар⁴. У Тамар на пальце было кольцо⁵, которое, оказывается, подарила Беткену Дали. В круге хоровода был Беткен, но запуталась у него на бандули⁶ тесемка и поправлял он то бандули. Тут появилась горная коза. Пересекла она хоровод и меж ног Беткена проскочила.

Говорит тут весь Мулах-Мужал:

— Кто же погонится за нею? Поймать ее только Беткен сможет.

Пошел, говорят, Беткен вслед за ней. Скачет впереди та дикая коза, он — за ней, а позади дорогу снегом заносит, заметает. Обернулась вдруг та коза владычицей Дали, стала повыше Беткена. Лишь одну ногу ему есть еще где поставить, лишь одной рукой есть еще за что держаться. Дали говорит ему:

— Почему не послушался моих советов и куда дел мое кольцо?

Беткен отвечает ей:

— У меня твое кольцо.

Говорит ему Дали:

— Нет у тебя моего кольца, у невестки твоей Тамар оно. Как шла она в хороводе, на пальце у нее было то кольцо.

Начал причитать Беткен и крикнул в сторону Жабеш⁷ своим односельчанам:

— Помогите кто-нибудь! Дали лишь для одной ноги оставила мне место, лишь одной рукой есть еще за что держаться. Отринут я ею! Несите бурки, лестницы и веревки!

Опустили веревки с верхней скалы, но та скала стала отходить в сторону. Не смогли достать до Беткена веревкой и поставили лестницу снизу, но тут стала расти та скала, на которой стоял Беткен, и вновь оказался он недосыгаем. Тогда оплакал себя Беткен и крикнул матери:

— Хачапури⁸ и чади⁹ с сыром освяти на помин моей души!

Отцу он крикнул:

— Костный мозг дикой козы освяти на помин души моей!

Тамар он крикнул:

— Мой грех да падет на невестку мою Тамар! Она меня погубила!

Мулах-Мужалу он крикнул:

— Напротив, по ту сторону ущелья, лежит громадный плоский камень. На этом камне заведите для меня еще раз хоровод. Хочу его видеть.

Затем благословил он Мулах-Мужал и крикнул:

— И я к вам иду!

Все заветы его выполнили, а потом постелили внизу бурки, подушки и Беткен прыгнул вниз, но разбился и погиб.

15. Беткен и Дали

На праздник Агбалиграла¹ завели хоровод. Тогда высокую снежную башню воздвигали, и на ней в два этажа вели хоровод. От села Жабеша² показалась белая серна³, проскочила меж ног Беткена.

— Кто пойдет, серну кто поймает? — народ зашумел.

Снарядился Беткен и пошел за ней. Было у него две гончих, и взял собак он с собой. Идет и видит: дорога ширится. Оглядывается назад — дорога вновь сужается. Достиг наконец очень тесных скал. Такие теснины, что лишь правую ногу есть где поставить, лишь левой рукой есть за что держаться. Оружие и патроны с левой стороны носил он. Начали выть собаки и вернулись обратно в Жабеша. К дверям каждого дома подходили, визжали и так дали знать о случившемся жителям Жабеша. Вой собак слышался на запад до Лухи⁴,

на восток — до Ушгули⁵. Население Мулах-Мужала пошло на помощь. Лестницы взяли с собой, но не достать его лестницей, а сверху спущенную веревку не достает он рукой.

На скале Клиби⁶ застрял Беткен. Попросил Беткен у односельчан:

— Против этой скалы, по ту сторону села, на скале Гварили, покажите мне еще раз хоровод.

И еще сказал:

— Грех мой падет на голову Тамар. Нечистым отпустила меня на охоту.

Завели для него хоровод, и раскинул он руки, подпрыгнул и ушел в страну серн⁷.

Тела его не осталось, чтоб отнести в село. Размело его по скалам, нечего было класть в могилу.

16. Дали и охотник Алмасгил

Охотника звали Алмасгил. Был он из Бечо¹. Крепким был охотником. Мать его спрашивала постоянно:

— Что это никто не сравнится с тобой в искусстве охоты?

— Своими делами занимайся. Не касается это тебя, то мое дело,— отвечал он ей.

Пожаловался как-то другу Алмасгил:

— Пристает мать с расспросами, покоя мне нет. Жизнь не мила мне, до того дошел я.

Товарищ посоветовал ему:

— Выходи в поле, усни там, а утром зайдешь за мной.

Послушался товарища Алмасгил и лег спать в поле, а свой хурджин с вещами положил себе под голову. Вышла в полночь мать, искала, искала и нашла-таки своего сына. Видит, спит он. Вытащила из-под головы хурджин и развязала его мать. В хурджине оказались уложенными охотничьи патроны от берданки. Выложила она их. Только собралась обратно их сложить, да не уместилась в хурджин и половина. Половина патронов осталась лежать снаружи.

Утром проснулся охотник. Увидел все это. Рассказал другу.

На вторую ночь — то же самое. Переменил он место и уснул в поле. Отыскала его мать, опять забрало ее любопытство,

развязала она хурджин. Лежал в хурджине платок головной. Как раскрыла она его, все поле перекрыл тот платок. Как стала она его складывать, и половина платка не уместилась в хурджине. Полплатка снаружи осталось, как и в тот раз.

На второе утро рассказал он друзьям и об этом. Наконец решил он, как поступить, и сказал своему другу:

— Пойду я по этому пути на вершину, ты — по тому пути. Назначим время, и, если не будет от меня вестей,— ищи меня.

Прошло некоторое время, и услышал товарищ громкий крик. Пошел туда и видит: снежным обвалом занесло Алмасгила. На крик Алмасгила собрались Дали².

Одна Дали говорит:

— Товарищ есть у него, и он откопает. Вон в том месте его завалило.

Как услышал он это, скорее откопал его,— нашел мертвого.

На второй день привел он народ к умершему. Сам ушел в лес. Слышит снова разговор нескольких Дали. Одна Дали говорит другой:

— Нет ли соли у тебя? Дай мне горсть.

— Пусть стану нарушительницей обычая вторника и четверга³, коли есть у меня соль. Из-за вас и мы без соли сидим.

Опять говорит одна Дали:

— Что же будет с мертвецом?

Другая отвечает:

— Я схожу к нему, одену и уберу. Не подобает ему быть убранным матерью.

— Да, но как же ты сможешь это сделать? Не то мы бы пошли с тобой, оплакали бы его на месте,— другая говорит.

— У него такой товарищ, что он сумеет все это устроить. Перед выносом выведет он народ к дому. Ради Алмасгила раздаст он всем по просфоре и по стакану вина.

Услышал все это товарищ. Пришел в ту ночь домой и сказал жене:

— Назавтра надо купить три кувшина водки и выпечь столько хлеба, чтоб всем хватило,— в память моего друга.

Согласилась с ним жена и сделала все, как он просил. Постарался он и пригласил весь народ. Вывел его из дома уснувшего на гумно. Только мать покойника как-то ускользнула и спряталась в доме. Вошли в это время три Дали в окно. Покойник один был в доме. Та Дали и оплакала его, и раздела,

и все новое, принесенное с собой, на него надела. Только в последнюю минуту, как натягивала она сапог ему на ногу, не успела на пятку натянуть. Высунула тут голову мать, и исчезли Дали. Так и остался сапог не натянутым на пятку.

Когда товарищ Алмагила выполнил все, как полагалось, вошел народ в дом, и увидели все, что покойник иначе одет и сияние вокруг него необычное. Тот сапог никто не смог натянуть ему на ногу. И сказал товарищ:

— Пусть грех падет на голову того, кто был причиной этого.

И так и осталось навеки.

17. Курша

Курша¹ — щенок орла. У орла, по словам сванов, среди птенцов иногда вылупливается щенок. Орлиха сейчас же поднимает этого щенка очень высоко в небо и бросает его оттуда, чтобы он разбился о землю, дабы человек не заполучил его и не вырастил. Эту Куршу однажды подхватил в воздухе один охотник и стал ее растить. На лопатках у нее орлиные крылья. Такою она стала, как выросла, что в два прыжка настигала тура. Третий прыжок она считала постыдным делать. Так как слишком много туров она извела, как говорят, бог приковал ее рядом с Амирани. Про эту Куршу в народе осталась песня, в которой выражено горе ее хозяина, охотника, потерявшего Куршу.

Курша, о моя Курша!
Курша исчезла, исчезла
В полночь, в ночь.
Увы, вдруг так пришлось тебе, так,
Купец увез тебя, увез!
Увы, вдруг так пришлось тебе, так,
Кадж² украл тебя у меня, украл!
У Курши уши и морда
Из золота вылиты.
Курши глаза, глаза
С луною схожи, с луною.
Курши лай, лай
С громом небесным схож.
Курши лапы, лапы
С гумно величиной, величиной.
Курши прыжок, прыжок
С большое поле, поле.
Курше пищей

Хлеб белый и мясо рубленое.
Увы, вдруг уделом твоим —
Овса шелуха, шелуха.
Курши питье, питье —
Вино и бадаги³, бадаги.
Увы, вдруг уделом твоим —
Мутная вода, мутная.
Курши ложе, ложе —
Одеяло из пуха, пуха.
Увы, вдруг уделом твоим —
Соломы немолоченой ошметки, ошметки.
Курша, о моя Курша,
В гору лев ты, лев.
Под гору — куропаточка,
На земле богатырь ты, богатырь.
В море корабль, корабль.
Моя Курша, Курша.
По Курше плакал я, плакал,
По Курше горевал, горевал
Год целый, целый год..

18. Кварцихский Тебру Иване

Есть ворон один. Два яйца он кладет. Как придет время, вылупится из одного птенец ворона, из другого — щенок собаки, которого зовут Куршой. Как увидит ворон, что не похож на него щенок, возьмет и выбросит его из гнезда. Если кто найдет его и вырастит, станет щенок чудесной охотничьей собакой. Никакой зверь не ускользнет от этой собаки. Одного такого щенка вырастил Кварцихский¹ Тебру² Иване.

Иване ходил на охоту со своей Куршой и брал с собой двухнедельный запас хлеба. Однажды пошел он на охоту и присел отдохнуть на вершине одной горы. Вдруг затряслась земля и обрушилось все вокруг. А Иване со своей Куршой невредимым остался на вершине. Не стало пути. Остались они вдвоем в этом пустынном месте. Не видать было помощи, ни сойти, ни спрыгнуть нельзя было. Кончилась у них пища, и стали они голодать. В отчаянии крикнул Иване Курше:

Лай же, Курша, злосчастная,
Черна судьба твоего хозяина,
Или услышит нас пастух,
Или — охотник горный.
На горе повис я,
Зацепившись каламаном³
Из кожи телки.

Начала лаять Курша ужасающе громким лаем. Но никто не пришел им на помощь. Как стало им неведомо от голода, подала хозяину знак Курша: мол, убей меня и утоли голод. Может, кто придет за это время, поможет тебе. Отказался Иване поступить так, но «душа сладка»: как стал его мучить голод, заплакал он, попрощался с Куршой и зарезал ее. Высек огня, сломал свой лук, зажег костер, зажарил мясо и поел.

Увидел брат, что запоздал Иване, не вернулся вовремя домой, и пошел его искать. Наконец нашел он застрывшего на вершине горы брата и крикнул ему:

— Иване, Кварцихский Тебру!
Ты, о охотник гор!
Твои лук и стрелы
Таять от страха заставляют дэвов
и богатырей!

— И лук я сжег, и стрелы,
Костер разжег я ими.
Зарезал Куршу и съел,
Увы, грех взял на душу!
— Прыгай же, прыгай,
В злосчастный день рожденный.

Тогда простился с жизнью Иване, прыгнул. Вслед за ним покатился громадный кусок скалы, и разбился Иване вдребезги. Положили на носилки мертвого. Отнесли домой, и брат обратился к невестке с причетью:

Как полетел Иване со скалы —
Подобен был соколу небесному.
Скала на него обрушилась —
Дэвы бы не устояли против нее,
По луже крови
Лодка могла бы проплыть.

19. Иване Квацихисели

В одной скале, такой высокой, что глазом ее не достанешь, была пещера, а в ней много зверья. Мечтали все охотники попасть туда. Решился один охотник, Иване Квацихисели¹: «Поднимусь я, настреляю дичи и сброшу со скалы вниз».

Пошел Иване. Много он думал и надумал наконец такое. Однажды вечером, налепив из мокрого снега снежки, нашвырял он их на скалу, подобно лестнице — один над другим. За

ночь к утру примерзли они все к скале. Подошли охотники, и Иване решил подняться по этой ледяной лестнице наверх. Пошла за ним и его собака. Как поднялся он на ту скалу, заглянул в пещеру. Турами и сернами была полна та пещера. Взял он и перебил всех животных и сбросил их вниз. Две туши лишь оставил себе наверху — на случай, если затянется охота, на расход.

Задумался он теперь, как же спуститься ему? Взошло солнце, и весь налепленный им снег растаял. Покинула Квачихисели всякая надежда. Сел он, освеживал те туши, вздел шашлык. Пока хватило, ел он сам и свою Куршу кормил. Как кончился запас дичи, великие муки принял он от голода и наконец зарезал свою Куршу. Зарезал ее, положил перед собой, но съесть не смог. Собрался весь народ его села, хотят ему как-нибудь помочь и спустить его сверху. Собрали по всему селу постели, ковры, бурки — все, что могли, — сложили в кучу, расстелили под горой. Не решился он прыгнуть. Уговаривали его долго, но нет, никак...

Потом один из соседей сообразил: «Не решится он, пока возлюбленную его не приведем сюда». Привели его любимую. Иване помолвлен был с ней. Тогда любимая крикнула ему:

Иване Квачихисели,
Что это вздумал ты?
Утром поднялся по снежкам,
А вечером и ступенек не можешь вырубить в снегу?
Куршу зарезал и положил перед собой,—
Есть не решаешься.
Возлюбленная глядит на тебя издали,
Не хочешь разве взглянуть на нее?

В отчаянии крикнул Иване и бросился вниз. Бросился и разбился. На мелкие куски разнесло его. Никто не мог уже ему помочь. У ног своей любимой испустил он дух.

20. Сестра и брат — хозяева зверей

Сестра и брат, говорят, хозяева зверей. По одному году, в очередь, ведают они зверьем.

Когда пасет женщина, зверь откормлен и осторожен, трудно охотнику убить его. Когда ведает зверьем мужчина, истощен зверь и глуп, его легко убить.

Джиджетский¹ охотник из Тианети² пошел однажды на охоту в лес, в Свиани³. На склоне горного перевала убил он двух медведей. Затем перешел в Свиани. Видит, лежат два оленя. Однорогим⁴ был один из них. Пара рогов была у другого. Впопыхах в однорогого выстрелил охотник. Собственностью пастушки оказался тот олень.

Тотчас же вскрикнула она:

— Однорогого убили! Усталый он был, только что с моего гумна. Да не превысит одного потомство убийцы!

И тотчас же увидел охотник и другую женщину. Она держала в руке котелок и доила оленей.

Бежал оттуда охотник в испуге. Пришел домой — и что же? Старший сын его мертв, средний умер по приходе отца, третий сын погиб во время похорон своих братьев. Остался самый младший — четвертый. С тех пор так и пошло. По одному лишь сыну выживает у них в роду.

21. Появление месепов

За несколько тысяч лет до нашего времени жил где-то царь, который владел огромным царством. Счастлив был он во всем, только не было у него наследника, и горевал он об этом очень. Видя, что у этого царя нет наследника, которому досталось бы обширное царство, соседние цари с нетерпением ожидали его смерти, чтобы воспользоваться смутами и захватить его земли.

Однажды отправился царь на охоту. Дорогою, сам не заметив того, он отделился от своих спутников и заехал далеко вперед, так что скоро совсем скрылся у них из виду. Проехав довольно большое расстояние, царь захотел возвратиться к своим, но заметил, что заблудился и не может найти дорогу. Между тем приближалась ночь. Царь испугался, так как видел, что далеко углубился в какой-то дремучий лес, из которого никак не мог выбраться, особенно в темноте. Делать было нечего. Скоро он в отчаянии остановился и решил переночевать в лесу. Выбрал он одно более удобное место, взял своего коня за узду и прилег спать. Утомившись, он впал в глубокий сон.

На другое утро он проснулся чуть свет и быстро вскочил на ноги. Первая его мысль была вновь пуститься искать своих

товарищей. Он собрался было уже сесть на коня, но только вдел левую ногу в стремя, как видит вдруг, что неподалеку от него стоит какая-то странная фигура: походила она на человека, но волосы у нее покрывали всю спину, борода — до колен, а зубы торчали изо рта, причем нижние доходили до темени. Увидев такое ужасное существо, царь чуть не обмер от страха и задумал было бежать от него. Но чудовище, обратившись к нему, сказало:

— Не бойся, добрый человек! Я никакого вреда тебе не причиню. Только стой и спокойно расскажи мне, кто ты и как забрался сюда.

Царь немного ободрился и открылся во всем. Он рассказал, кто он такой, и пояснил, что у него нет наследника для передачи обширного царства, что соседние цари ожидают с нетерпением его смерти, чтобы завладеть его землями, что он об этом очень горюет и для развлечения часто ездит на охоту. Вот и вчера отправился он на охоту, но заблудился, потеряв своих товарищей, и теперь ищет дорогу, по которой можно было бы возвратиться к своим.

Тогда чудовище, указывая на какую-то тропинку, сказало ему:

— Не бойся, царь! Ступай по этой тропинке и скоро встретишь своих товарищей и благополучно вернешься в свой дворец!

В это же время чудовище вынуло из своего кармана румяное яблоко и подало его царю со словами:

— Отнеси это яблоко своей супруге. Пусть она съест его и тогда ровно через год родит тебе сына. Но не забывай и меня: когда придет время крестить твоего сына, призови меня. Я буду его крестным отцом и сам дам ему подобающее имя. Я владетель всех лесов и всех зверей, которые только существуют на свете. Мое имя — Мула. Так смотри же, не забывай меня. Перед самым крещением только произнеси мое имя, и я явлюсь тотчас.— Сказав это, Мула исчез.

Царь направился по указанной тропинке и действительно скоро нашел своих товарищей, а затем поспешно возвратился домой. По прибытии домой царь тотчас же дал своей супруге яблоко, которое он получил от Мулы. Супруга охотно стала есть предложенное яблоко, но кусочек его выпал из ее рук на пол. Она не обратила на это внимания и не подняла его. Этот кусочек припрятала себе служанка, у которой тоже не было

детей. Она обчистила поднятый кусочек, запыленную кожуру бросила, а мякоть съела. Брошенную кожуру подхватила собака, которая находилась тут же при них.

Спустя ровно год действительно в точности исполнилось предсказание: царица родила сына. В это же время принесли потомство и все те, кто отведал чудодейственного яблока: служанка родила сына, а собака — щенка. При этом ребенок служанки настолько походил на царевича, что их нельзя было отличить друг от друга, и, чтобы не смешивать, их одевали в платье различных цветов.

Все трое росли, как великаны, не по дням, а по часам. Через полгода оба мальчика вполне возмужали и уже стали охотиться на зверя, да и щенок за это же время подрос настолько, что сопровождал их на охоту и мог догнать оленя. Наконец царь задумал крестить своего сына. Стали готовить большой пир, и, когда все было готово, царь вышел в поле и, как сказал ему Мула, произнес имя этого чудовища. Вдруг все зашумело кругом, небо покрылось тучами, затряслась земля, и Мула при раскате грома появился пред царем. Отправились во дворец и совершили обряд крещения. При этом царскому сыну Мула дал имя Месия, сына служанки он назвал Кико, а собаке дал имя Каракачи. В то же время он благословил каждого из них, предопределив царскому сыну Месии владычествовать над всеми лесами и зверями, а Кико и Каракачи — служить ему верно. Кроме того, Мула предсказал, что от Месии и Кико произойдет народ, который будет называться месепи¹, а от Каракачи произойдет порода охотничьих собак. Сказав это, Мула исчез. Царь по случаю крестин пировал целых семь дней и семь ночей, а потом построил церковь во имя Мулы. Когда Месия вырос, то сделался таким сильным, что все соседние цари страшились даже произнести его имя. Не менее его славился и Кико, который скоро заслужил любовь самого царя. А Каракачи обладал удивительным чутьем.

После смерти своего отца Месия как единственный и прямой наследник завладел всем его обширным царством, а Кико сделался главным советником Месии. В царствование Месии однажды во всем его государстве случился мор. Никто в целом государстве не остался в живых, кроме Месии, Кико и Каракачи. Много лет спустя потомство всех трех чрезвычайно размножилось, причем от первых двух, как предопределил

Мула, произошел народ месепи, который и владеет ныне всеми зверями на земле.

В мегрельском народе есть поверье, будто месепи действительно существуют, но видеть их нельзя. Месепи живут по неприступным берегам морей. Каждый год осенью отправляются они в путешествие и обходят всю сушу. При этом мужчины и женщины путешествуют отдельно, обходя сушу поочередно: женщины в один год, а мужчины — в другой. Когда путешествуют мужчины (они одеты в черные одежды), то целыми неделями идет дождь, а когда путешествуют женщины (они одеты в белые платья), стоит ясная погода. Кроме того, народ верит, что месепи охотятся и, убив зверя, поедают его мясо, а кости и кожу опять оживляют, и те дикие животные, которых удастся убивать в лесах, — именно из таких, которые были съедены и потом вновь оживлены месепами, а иначе охотники и не могли бы их убить. Эти попавшиеся охотникам звери самими месепами назначены в добычу людям. Кроме того, мегрельский народ полагает, что чем больше размножается род месепов, тем меньше число хищных зверей в лесах.

22. Мечь Ткаши-мапа

В Джвари¹ жил некогда прославленный охотник. Однажды преследуемый им олень завел его в глубину леса. Здесь встретился он с Ткаши-мапа², которая по обыкновению предложила ему ложе. Он принял предложение, и с тех пор ему выпадало необыкновенное счастье на охоте. Так охотился он много лет, истреблял зверей десятками, и наконец в этих местах не стало дичи.

У охотника была жена-красавица. Он ее очень любил. Она дивилась необыкновенному счастью мужа и допытывалась, при помощи каких сил истребляет он столько дичи, тогда как прочие охотники почти всегда возвращаются с пустыми руками. Долго охотник отговаривался, но не вытерпел и выдал жене тайну своей встречи с царицей леса. С тех пор счастье покинуло охотника: он всегда возвращался с охоты без дичи. Однажды он стоял на своем дворе и раздумывал, почему это его оставило счастье. Вдруг залаяла его собака. Он поднял голову и увидел на расстоянии выстрела нескольких оленей. Не медля ни минуты, он схватил ружье, прицелился, выстре-

дил, но промахнулся — этого с ним никогда не случилось. Собаки погнались за оленями. Раздосадованный охотник тоже бросился за ними. Олени повернули на гору Квира³ и, как бы дразня охотника, то останавливались, то бежали, не давая ему времени прицелиться. Вот наконец все они достигли вершины горы. Охотник остановился, чтобы прицелиться, но в это время к нему обернулся один из оленей и закричал зычным голосом:

— Остановись, не стреляй! Пришел тебе конец! Отвечай: во что желал бы ты обратиться?

Охотник понял, что имеет дело не с обыкновенными оленями, вспомнил о своей встрече с Ткаши-мапа, вспомнил про жену. Но раздумывать не было времени: олень настойчиво требовал ответа. Охотник нашел время сообразить: «Если скажу „обрати меня в дерево“, то пастухи срубят его и еожгут, а камень ведь не сожгут». Он положил ружье на плечо и, направившись в сторону оленя, крикнул:

— Обрати меня в камень!

Не успел он еще окончить последнего слова, как обратился в камень вместе со своими собаками.

С тех пор ежегодно в этот роковой для охотника день он и собаки его оживают: на лугу раздается лай собак и выстрел охотника.

23. Хозяйка зверей и ее приемыш

Стадо туров и горных козлов было у дэва меж лесов и высокой скалой. Тут же стоял его огромный дом с маленькой дверкой.

Случилось раз проходить там охотнику. Дэв — то была женщина-дэв, груди свисали у нее до земли — крикнула ему:

— Смотри, не убей моих зверей, не то заведу тебя в пещеру и съем.

Подкрался к ней охотник потихоньку и коснулся зубами ее груди¹:

— Мать ты мне, а я тебе сын, — сказал ей.

Тогда она подарила ему все свое стадо. Завела его в пещеру, где сидели две ее родные сестры.

— Зачем тебе христианин? — сказали они. — Давай сожрем его.

Стали они спорить. Приемная мать вступилась за своего приемыша, и вдвоем они скрутили двух сестер и бросили их в огонь.

Все стада подарила ему она. Лишь завещала никогда не убивать более десяти туров за одну охоту.

С тех пор живет он счастливо.

24. Лесная женщина

Недалеко от глухого леса, в селе, жили старые муж и жена. Был у стариков единственный внук. Подрос малыш, возмужал. Необыкновенно красив он был.

Однажды сказал старик внуку:

— Я иду в поле работать. Как справишься с работой по дому, иди и ты. Но внимательно выслушай меня и исполни все, что я скажу. В пути тебе может повстречаться лесная женщина¹ — да будет проклято ее имя. Очень она красива. Гляди, чтобы не соблазнила тебя, не заговаривай и не отвечай ей, иначе пожалеешь.

Внук и вправду в назначенное время направился в поле. Дорога шла по лесу. Вдруг увидел юноша, как раскололось надвое буковое дерево и из него вышла красивая черноволосая женщина.

— Гамарджвеба² тебе! — сказала лесная женщина с улыбкой, подходя к нему.

Парень не произнес ни звука, лишь кивнул ей в ответ головой.

— Кто ты? — спросила женщина.

Парень молчал.

— Что случилось, чем перед тобой провинилась я, за что не молвишь ни слова мне в ответ?

Юноша вновь не отвечал ни слова и попытался уйти. Лесная женщина преградила ему путь.

— Ответь, куда идешь, — сказала она ласково, сгребла белыми руками свои густые черные волосы и накрыла ими юношу. Потом обняла его и проговорила: — Брезгуешь?

Тут, отбросив черные волосы на спину, она уставилась на него горящими глазами:

— Знаешь, кто я? Я лесная женщина, владычица леса. Птицы, звери и трава — все мне подвластно. Останься со мною. Я укрою тебя моими волосами, и никто нас не найдет.

Темной ночью мои зубы будут светить нам. Все у тебя будет, чего захочешь. Удачливым, счастливым сделаю тебя.

Юноша покачал головой в знак отказа. Тогда подняла над головой руки лесная женщина, растопырив свои десять пальцев в знак того, что просит она юношу пробыть с ней десять лет. Юноша также безмолвно поднял одну руку и показал ей пять пальцев. Тогда лесная женщина показала семь пальцев. Юноша — три. Лесная женщина — пять. Юноша в ответ поднял один. Женщина — три пальца, юноша — два. Женщина наконец подняла один палец, но юноша, покачав в знак отказа головой, ускользнул из ее рук и побежал в поле³.

Под вечер дед с внуком вернулись с работы домой. Усталый парень поспешил в постель. Только приготовился он уснуть, как почувствовал рядом с собой что-то холодное. Оглянувшись, он увидел в постели огромную змею⁴. Всю ночь провел он в ужасных муках. Под утро, обессиленный, уснул, и змея заползла ему, сонному, в рот.

Утром парень встал и начал заниматься по хозяйству, но никто не мог узнать обычно спокойного, вежливого юношу. Он без конца сердился, сквернословил и спорил со стариками. Наконец пошел он в лес и остался там до вечера. К ночи юноша вернулся, поужинал и пошел спать. В постели напоздли на него змеи, мелкие и покрупнее. Адовой была и эта ночь. Когда рассвело, змеи исчезли. Встал парень, ругаясь умылся, поел и пошел в лесную чащу. Из одной рытвины с шипением выползла змея и обвилась вокруг его шеи. Змея повлекла юношу к роскошному дому. Там в красиво убранной комнате на тахте полулежала лесная женщина.

— А, явился-таки! — воскликнула она и велела первой змее покинуть тело юноши.

Вышла змея с шипением изо рта у юноши и уползла прочь. Юноша сразу же будто в себя пришел.

— Теперь ты мой, никуда не уйдешь! — сказала лесная женщина. — Согласен остаться со мной?

— Хорошо, — сказал наконец юноша.

Прождали дед с бабкой своего внука три дня, а его все нет. Встал дед и пошел искать своего внука.

Много ли шел, мало ли — зашел он глубоко в лес. Видит, рытвина, а за рытвиной — лесная лужайка, на которой валяется женская рубашка. На рубашке, посередине, стоит бутылка, полная молока⁵.

— Наверняка здесь мой мальчик, под рубашкой он! — воскликнул дед. — Откликнись, внучек мой, отзовись!

Тишина стояла долго. Вдруг бутылка с молоком упала, зашевелилась женская рубашка, и встала из-под нее во весь рост лесная женщина. Но видит дед, рядом мужская рубашка лежит. Шевельнулась и она, и встал рядом с женщиной юноша.

— Чего тебе? — крикнул юноша.

— Домой пойдем, — сказал дед.

— Не пойду, — ответил юноша. — С глаз моих долой уходи и не приходи сюда больше!

— Без тебя не уйду, — ответил ему дед.

— Говорю, уходи.

— И я говорю, уйди! — крикнула лесная женщина.

— Нет, никуда не уйду, — твердил старик.

— Не уйдешь — задушю! — закричала женщина.

— Нет, не уйду, пока здесь мой мальчик, не уйду один! — твердил старик упрямо.

Засмеялась лесная женщина и столкнула деда в рытвину, полную воды.

В ту же ночь, как утонул бедный дед, в их житнице, где хранилась кукуруза, появился какой-то свет. Подошла бабушка к житнице и оробела. По всему полу в житнице стлались густые женские волосы. Такими длинными и густыми были распущенные косы, что свисали и наружу, до земли. То были волосы лесной женщины⁶. Она с юношей находилась в житнице. Свет ее белых зубов освещал все вокруг. Вернулась бабушка, принесла острый нож, срезала у лесной женщины косы и внесла их в дом. Сейчас же закипятила она котел воды и опустила волосы в кипяток. Котел наполнился серебряными рублями. Ссыпала деньги бабушка — вновь наполнила котел. Так до утра все сундуки наполнила деньгами.

На рассвете встала лесная женщина. Что-то легка показалась ей голова. Провела она рукой по волосам — вот беда! — волос оставалось очень мало.

Разбудила она тотчас же юношу.

— Кто остриг мои волосы?

— Я их остриг, — с улыбкой сказал ей юноша.

— Ты?

— Я, — подтвердил юноша. Он догадался, что бабушкиных рук это дело, и пожалел ее, решил на себя обратить гнев лесной женщины.

— А, раз так, хуже собачьей станет твоя жизнь! — сказала лесная женщина, вошла в дом, забрала свои волосы и с проклятиями исчезла в лесу.

Юноша сошел с ума. И вправду — хуже собачьей стала его жизнь с тех пор.

25. Дали и жена охотника

Приблизила к себе владычица Дали одного охотника. Стал он пропадать все дни в лесу и скалах на охоте. С богатой добычей возвращался он. Однако не радовало это его молодую жену. Знала она, что Дали держит его возле себя.

Однажды ночью увидела она свет в житнице. Подошла и видит: владычица Дали соизволила явиться к ней в дом и лежит в житнице в объятиях ее мужа. Разметались длинные косы Дали во сне, не поместились в житнице и падают на землю. Тяжело было молодой жене, но смирилась она перед радостью видеть Дали в своем доме. Бережно подобрала она косы с земли, омыла их и, подставив к изголовью плетеную корзину, уложила в нее косы. Проснулась на рассвете Дали, увидела это и в благодарность за гостеприимство навеки оставила охотника, даровав благоденствие его семье.

26. Балхетский луг

Гора Читхаро¹, что отделяет Сванети от Рачи, полна туров. Часто ходят туда на охоту и сваны, и рачинцы, и пастбищами на этой горе пользуются они сообща. Говорят, есть на этой горе пастбище, куда еще никогда не ступала нога человека. Есть там один луг, Балхетским² его зовут, так как трава там растет зиму и лето. По пояс человеку растет там трава. Неисчислимы стада туров на том лугу. Единственный вход туда узок и неприступен. Не ступала там нога человека. Был, говорят, один прославленный охотник. Однажды совершенно случайно попал ко входу на Балхетский луг. Да вот, оказывается, туры, что пасутся там, по запаху чувят приближение человека, и все стадо со свистом несется ко входу, чтоб сбросить незваного гостя в бездну. И тогда ринулись они на человека, да охотник успел спрятаться за скалу и чудом уцелел. Говорят, много самых различных трав на Балхетском лугу.

О ДЭВАХ

27. Дали и дэв

В Латали¹, в ущелье Лахла, быков потерял один человек и ищет их, оказывается. Идет. Стемнело... Ружье у него с собой. Вдруг слышит он женский вопль. Вопит женщина, бежит и вопит, а кто-то гонится за ней вслед. К ногам охотника упала хозяйка зверей Дали и взмолилась:

— Помоги, дэв гонится за мной.

Крикнул охотник дэву:

— Обрато иди, не то стрелять буду!

Бежит все же дэв. Второй раз крикнул ему охотник... В третий — дэв взревел и вернулся обратно.

До моста проводила Дали охотника и сказала ему:

— Ты спас меня. Чего угодно тебе, в чем хочешь счастья?

— Я ни о чем не могу просить, но, коли будет на то твоя воля, одари меня!

— Я дам тебе раздвоенную как ножницы стрелу², храни ее получше. С охоты ты никогда не вернешься с пустыми руками. Но смотри, не выдавай никому нашей тайны.

Вернулся этот человек домой. Пока сумел он хранить в тайне ту стрелу, счастье сопутствовало ему, но под конец жена узнала о ней. Как стала известна его тайна, так и ушла удача из его рук.

28. Хоровод али

В старину, говорят, али¹ часто встречались одинокому путнику. Заводили они хоровод вокруг него и пели:

На огне кипит мучная похлебка без соли...
Подобных тебе стариков немало заставляли
попрыгать мы...

Если не терял рассудка человек и мог, собравшись с силами, спеть им в ответ:

Носки на мне из эши², каламани из меши³,
Святой Георгий да проклянет дьявольский хоровод,

то при имени святого Георгия али бросались в рассыпную и человек мог свободно возвратиться домой.

В ночную пору мужчины всегда послали кинжал наполовину вынутым из ножен, иначе али могли заговорить его и в нужную минуту кинжал застревал в ножнах.

29. Алкала

О Красной скале, что у селения Макарта¹, говорят, будто с нее выбирают себе дэвы людей. Женщина-дэв Алкала² сядет там, распустит свои рыжие волосы и большим гребнем расчесывает их. Кричит она и сводит с ума путников. В лесу или на скале сидит так, растрепав, распустив волосы, зовет путника: «Иди ко мне».

В старину пугала она многих.

30. Али

Одному человеку ночью в пути повстречалась али.

— Тухи, возьми меня к себе в седло.

— Не возьму!

— Тухи, возьми...

Не отставала али. Наконец Тухи посадил ее в седло, привязал башлыком к поясу и привез к себе домой. Длинные ногти были у али. Обрезали ей ногти и спрятали наверху, в эрдо¹. Без ногтей никуда не могла уйти али. Осталась она у Тухи в семье и наравне со всеми работала по дому.

Однажды к заутрене ушли все и малого ребенка оставили дома, в колыбели. Навалилась али ребенку на грудь: «Скажи,— говорит,— где мои ногти?»

Откуда знать ребенку? А она все пуще наваливается, давит. Ребенок глазки закатывает, а она думает, что он наверх смотрит, на ногти ей указывает.

Залезла. Нашла свои ногти, забрала их, спустилась вниз, бросила ребенка в котел, поставила на огонь и ушла. По пути заглянула она в церковь и окликнула того человека:

— Тухи, мясо разварилось!

Пошли домой — и что же видят они? Сварился ребенок в котле.

31. Хечеча

Пошел один охотник на охоту. Заночевал в скалах и развел костер. В полночь слышит он, черти кричат. Взял он убитого им тура, освежевал его, достал сердце, легкие, а тура, насадив на вертел, поставил на огонь.

Будь он проклят, вскочил тот тур и убежал из огня.

Говорит охотник:

— Чему же это, столь удивительному, стал я свидетелем?

— Что же тут удивительного? Удивительное Батыр видел! — кричат ему черти.

Повернулся тогда охотник и ушел. Пошел и всех стал спрашивать, что же удивительного видел Батыр.

Пришел к самому Батыру, спросил Батыра:

— Что видел ты?

Сказал ему Батыр:

«Такое я видел. В том месте, где заночевал ты, и я был однажды. Развел костер. В полночь услышал я голоса:

— Свадьба у нас, приходи.

— Не могу,— отвечает другой черт,— гость у меня, не могу оставить его.

Снова раздался зов:

— Приходи и гостя с собой забери.

Из темноты кто-то кричит мне:

— Пойдем со мной, на свадьбу зовут!

— Чего тебе? Темно, не вижу никого.

— Пойдем! — кричит. — Следуй за мной по голосу. Только смотри, не обманись. Не заговаривай первый ни с кем.

Пришли мы. Полным-полно было чертей. Сели на скамью. Тогда только разглядел я всех.

Привели трех туров, зарезали и сварили. Разложили на табы¹ и накормили собравшихся. Кости, какие были, очистили, а мясо поели. Пили водку. Подали и мне. Я не взял. Сказали моему хозяину:

— Почему не пьет твой гость?

— Ждет от вас даров.

— Завтра убьет он тура!

Подали второй рог мне. Не взял я.

— На что обижается твой гость? — сказали моему хозяину.

Он также ответил:

— Даров от вас ожидает.

— Да убьет он завтра двух туров!

Тут же подали мне третий раз. Я все же не выпил. Сказали:

— Завтра убьет он трех!

И выпил я водку. И поел.

Собрали очищенные от мяса кости, завернули их в шкуру, ударили по шкуре плетью... Вскочил тур и убежал — того, которого мы съели! Потом второго кости собрали, нанизали, завернули в шкуру, сказали заклинание. Вскочил тур — и был таков.

Говорит тут мне хозяин мой, черт:

— Спрячь одну кость.

Заткнул я за пояс лопатку, спрятал. Начали ее искать. Я молчу, не говорю, что она у меня. Тогда заложили вместо кости деревянную лопатку, завернули в шкуру, сказали заклинание:

Встань, встань, Хечеча².

Из дерева твоя лопатка.

Вскочил тур и убежал. Тут напал на меня сон. Утром, как рассвело, встал я и прямо перед собой увидел туров. И вправду, убил я трех. Та лопатка при мне осталась. А как освеживал туров, гляжу, у одного из них лопатка из дерева!».

32. Очокочи

Однажды охотник Гуталия гнался за оленями по отвесным вершинам гор. Была счастливой охота у него, убил он оленя. Вечером развел он костер и стал шашлыки жарить. Вдруг перед ним появилось какое-то громадное косматое человекоподобное существо. Не было на нем никакой одежды и шерсть стояла дыбом. На груди существа был заостренный выступ, подобный лезвию топора. В руках не держал он ничего. То был очокочи¹.

Сел он напротив охотника у костра и рукой показал, что он голоден. Гуталия поделился ужином со странным гостем.

После этого существо скрылось в лесу. Когда окончательно стемнело, охотник приготовился ко сну.

Человеком большого опыта был Гуталия. Взял он седло, всадил рядом с ним кинжал — рукояткою в землю, лезвием вверх — и перекрыл буркой. Сам же спрятался за деревьями. Свое ружье, заряженное двумя пулями, он прислонил ту же.

Через несколько минут из лесу выскочил очокочи, заметил бурку и мигом навалился на нее грудью. В ту же минуту Гуталия выстрелил ему в спину. Раздался страшный рев очокочи, которому кинжал, воткнутый в землю, вонзился в сердце. Громадным прыжком очокочи скрылся меж деревьев. Охотник взял ружье и хотел пойти по следу его крови. Тысячи мелких тропинок исходил он, но напрасно — того и след простыл.

33. Водяные каджи

Каджи боятся колокольного звона, железа, огня и всего того, чем можно разжечь огонь. Водяные каджи, которые живут в болотах и реках, очень опасаются рыбаков и их сетей. Рыба вся подвластна им. Если рыбак не отзывается о каджах плохо, хвалит их и приносит им в дар пищу — чади, кувшин вина, обед, — и все это кладет у берега, — на второй день каджи нагонят ему рыбы в сети. Они же учат людей делать различные снадобья. Первые лекарства ими были дарованы предкам наших лекарей.

34. Дед и каджи

В один теплый летний день дед с внуком отправились в дремучий лес, растущий на горе, называемой Персатис мта, так как гора принадлежит селению Персати. Когда стало смеркаться, дед захотел искупаться. Вот и пошел он с внуком к сажалке. Только они разделись и вошли в воду, как вдруг возле них появился клыкастый каджи и начал купаться с ними.

Дед, опасаясь козней каджи, поскорее выскочил из воды и, схватив топор, погрозил им чудовищу. Каджи бежал. После купания дед развел огонь под деревом и приготовился закутить. Каджи, не желая оставить деда в покое, подходил к нему то в виде быка, то в виде оленя. Дед же, догадываясь, что это за животные, всякий раз при приближении их брался за топор или за кинжал, и те убегали. Наконец каджи подошел к деду в виде настоящего человека и опустил возле него на землю. Заметив бурдючок вина — а его было полпуда, — он попросил у деда дать ему выпить. Дед предложил каджи пить на здоровье, намереваясь напоить его. Сам же он незаметным образом выливал вино на землю. Гость не ушел и растянулся на земле вблизи деда и внука.

Каджи уже уснул, а дед все еще не спит и думает: «Проснется, убьет меня и внука!» Встал он, поднял на ноги внука и на том месте, где улегся, было, положил топор острием вверх, накрыл его буркой, а сам с внуком взлез на дерево. Каджи через некоторое время проснулся и бросился на бурку, но сам стал жертвою хитрости человека. Топор вонзился ему в грудь. Каджи взревел от сильной боли, стал метаться из стороны в сторону и попал в огонь, где и погиб. Скоро сюда прибежали другие каджи. В воздухе пахло паленой шерстью, и чудовища не почуяли человеческого духа; схватив труп товарища, они удалились.

35. Каджи-жена

Один женатый человек почему-то невзлюбил свою жену и прогнал ее. У этого человека была пара буйволов. Однажды они пропали. Сев на лошадь, он отправился разыскивать их и в глухую полночь заехал в самую чащу леса. Вдруг непод-

леку увидел он козленка. Человек поспешно соскочил на землю и погнался за ним. Настигнув козленка, он готовился схватить его, но тот внезапно исчез, и тут же явился на том месте буйволенок.

Мужик догадался, что заехал в пристанище каких-то духов, и решил поскорее убраться оттуда. Но, вернувшись к лошади, возле нее он увидел красивую женщину, которая сидела и расчесывала свои волосы. Эта встреча привела его в еще большее смущение. Женщина была каджи. Она начала просить человека, чтобы он взял ее с собой. Как ни отказывался он, все-таки в конце концов вынужден был исполнить ее настоятельную просьбу. Каджи без всяких усилий вскочила на лошадь и уселась позади человека. Приехали они домой и зажили вдвоем как муж с женой. Жизнь их текла мирно и согласно, хотя человек и зависел во многом от жены-каджи: так, он ездил в город лишь в том случае, если она разрешала то или приказывала, а по своему усмотрению не смел этого делать. Зато мужик всякий раз возвращался с большим барышом, отчего и разбогател. Вскоре после этого решился он прогнать каджи. Ушла она в лес, но вместе с ней исчезло и нажитое богатство.

36. Чинка и огонь

Однажды один дворянин А—ни ехал верхом ночью. К нему подсел сзади чинка¹ мужского пола, которого тот, не теряя присутствия духа, совершенно хладнокровно связал поясом, привез домой, бросил в пустой винный кувшин, зарытый в землю, и закрыл.

Держал он своего пленника в кувшине долго, до тех пор пока чинка не дал клятву, что никогда и никого из его домашних не тронет и вообще не причинит его дому никакого вреда. Но, упоминая обо всем, что только принадлежало этому дворянину, он не упомянул об огне.

После данного им обещания чинка был освобожден. Отойдя на некоторое расстояние, он крикнул:

— Каждую каланду² пусть тухнет у тебя огоны!

И действительно, с того времени в доме этого дворянина и его потомства на новый год, в день каланды, утром дрова горят плохо и вообще огонь разводится с трудом.

37. Прирученный дэв

Род Нараани в Хаде¹ обитал издревле. Приручили они дэва. Однажды косили они сено на горе. Взялся за него, оказывается, дэв ночью и перетаскал на вершину горы все стога.

Подумали про себя те почтенные люди: «Что бы ему не наверх, а вниз перетаскать то сено!» На вторую ночь все перетаскил он вниз, говорят.

Кормили они его хорошо, и помогал он им постоянно в работе. Сварят, бывало, ему пищу и у очага, в тепле, в золе, скорняк, как в прежние времена делали, говорят. Так хранили ему пищу. Как уснут все, придет он ночью, достанет и ест себе на славу. Наратдэвом его звали по роду Нараани, что его приручили.

38. Ламария и дэв

Ушгульская Ламария¹ (так называют сваны богородицу) была очень и очень красива. Крепко полюбилась она дэву, и захотел он на ней жениться. Но Ламария не была согласна и отказала ему. Не сумев словами добиться желаемого, дэв решил силой подчинить себе Ламарию. Выбрал он самое узкое место в ущелье Ингури², между селами Кала³ и Ушгули⁴, выложил стену и преградил путь течению Ингури.

Воды набралось столько, что уровень ее достиг села Ушгули и волны перекрыли всю долину.

Сильно обеспокоились поселяне. Вода унесла все посевы. Рассердилась тогда Ламария и выпустила против дэва своего барана⁵. Лагурка⁶ из села Кала дал ей в помощь своего. Разбежавшись с двух сторон, ударились они об стену и пробили ее.

И сейчас сваны показывают остатки этой стены. И я их видел издали, так как подойти к ним близко невозможно. Но издали они и впрямь походят на стену, сложенную из камней и скрепленную известью.

39. Источник Джамагидзе

Обошел Джамагидзе весь лес, да нигде не приметил дичи. Наступала ночь, а он не решался вернуться домой с пустыми руками. Вот промчалось стадо оленей. Выстрелил он из ружья, олень перевернулся и упал.

Теперь уж нельзя было идти домой. Стащил он оленя недалеко оттуда, к берегу Иори¹, где у дороги был маленький источник. Зажег огонь, вздел оленьи шашлыки на деревянный вертел и сам подсел к огню.

Через некоторое время раздался треск. Кто-то шел с другого берега, ломая сухие ветви деревьев. Перешел вброд Иори, вышел из реки возле Джамагидзе, подошел не спросясь... Дэв был это — настоящий дэв, покрытый щетиной.

— Поддай сюда мне этот шашлык,— сказал дэв Джамагидзе.

Джамагидзе молча подал ему один вертел. Дэв одним движением пасти снял весь шашлык с вертела — проглотил. За одним вертелом — другой, за другим — третий, но брюха все же не наполнил и сердито забурчал:

— Поддай сюда пол-оленя, зажарим его.

Подчинился Джамагидзе его велению. Делать было нечего!

Зажарил он половину оленя. Не успел и глазом моргнуть охотник, как проглотил дэв пол-оленя и подтянул к огню вторую половину.

«Он и меня без сожаления проглотит,— подумал испуганный Джамагидзе, и волосы у него встали дыбом.— Надо бежать». Но как бежать, этого он и сам не знал.

Захотелось напиться дэву, и повернулся он к Джамагидзе:
— Где тут вода?

— А вот там источник! — указал Джамагидзе.

Дэв встал. Джамагидзе незаметно встал за ним и прицелился.

Как нагнулся дэв, стал пить воду из источника, выстрелил охотник и попал ему в лопатку. Выстрелил вторично. Дэв упал и скатился в ущелье Иори.

— И третий... — крикнул дэв.

— В третий раз пусть святой Георгий² стреляет! — крикнул в ответ Джамагидзе и бросился наутек домой.

Бездыханного дэва унесли волны Иори.

40. Дэв

Из рода Бохеени¹ были жители села Геби² Тази, Темира и Мауко.

Пошел на охоту Тази, взял с собой сына. Зажгли они но-

чью костер в лесу. В полночь пришел косматый дэв и присел у огня. У Тази ружье меж колен лежало. Прицелился он и выстрелил. Грянуло ружье, и растянулся дэв на пригорке.

— Еще раз пальни,— говорит дэв Тази.

— Нет, отец не велел в другой раз стрелять³.

— Увы, горе моей матери!

(Оказывается, если выстрелит он вторично,— исцелится дэв.)

На второй день спустился Тази в ущелье, обрезал дэву уши. Тот проклял его, говорят:

— Род Бохеени пусть не множится и не вымирает!⁴

И вправду, пока жили они в том селе, никак не множился их род.

41. Крестьянин и дэв

Жил один очень бедный крестьянин. Был он беден настолько, что едва мог себя прокормить. Однажды отнес на мельницу зерно на помол и заночевал там.

Мельница отстояла далеко от села. Как стемнело, явился к человеку дэв. Испугался человек, но дэв успокоил его:

— Не будет тебе от меня вреда, однако не откажи пойти со мной. Хочу, чтоб окрестил ты мне сына.

Не хотелось тому человеку идти, но не смог он отказаться и последовал за дэвом. Тот провел его через тесное ущелье куда-то глубоко в скалы, в пещеру, где их ожидали другие дэвы.

— Явился крестный, мир ему! — воскликнули хором дэвы.

Человек промолчал. Дэв стал выполнять все обычаи, связанные с крестинами. Во время крестин дали крестному ребенка в руки. Он оказался таким большим и тяжелым, что крестьянин держал его с большим трудом.

Затем приготовили ужин. Зарезали быка. Удивился человек, опознав в нем быка своего соседа по деревне. Окончив ужинать, собрали все кости быка и сложили в кучу. Дунули на те кости, и бык встал целехонек.

В ту же ночь проводил дэв человека обратно на мельницу и благословил его.

Оглядев мельницу, человек увидел, что она полна муки. Уходя, дэв наказал крестьянину никогда и нигде не говорить о происшедшем. «Иначе,— сказал он,— удача тебя покинет».

Разбогател крестьянин. Долго хранил он свою тайну. Однако под конец соседи заподозрили неладное. Удивлялись его неожиданному богатству. Проговорилась однажды его жена, и вся деревня узнала о том. С тех пор прахом пошло богатство, обеднел крестьянин. Что же до соседского быка, виденного им на крестинах, на второй день нашли его бездыханным на дороге.

42. Помощь Белого Георгия

Вот тут у нас в Гудамакари¹ жил один человек по имени Бери. Водилась у него в садке форель. Однажды выловил он форель и жарит ее на огне. Пришел, оказывается, дэв и кричит ему:

— Цицимцвара², цицимцвара, моя часть снята уж с жара?

Говорит тот человек:

— Белый Георгий³, помоги мне!.. Не изжарена еще.

Вторично кричит он:

— Цицимцвара, цицимцвара, моя часть снята уж с жара?

— Помоги мне, Белый Георгий!.. Не изжарена.

Как крикнул дэв в третий раз — пожаловал хати⁴ и сжег дэва. И так сказал он:

— Как помянул ты меня впервой, был я в Алаверди⁵ у матушки; во второй раз помянул — я Алазани⁶ вброд переходил; помянул в третий — и тут я. Помог ведь тебе, Бери мой?

43. Праздник в ущелье Лутхуми

Там, где кончается ущелье Лутхуми¹, бывает праздник. Собираются там мужчины и женщины. Приходит дэв туда. Выберет он себе самую красивую пару и уведет.

Один парень подумал: «Самые красивые мы сегодня — я и моя жена. Нас он выберет несомненно».

Сказал он жене:

— Ты садись в один конец пирующих, а я — в другой. Хоть один из нас, может, спасется.

Сели так. Пируют, и пришел дэв. Высмотрел он и женщину, и мужа ее — не помогли уловки юноши — и схватил обоих. Достал юноша меч и замахнулся на него...

Всех превратил в камень дэв.

44. Быль

Ехал я на лошади из Сагурамо¹. Лежал такой глубокий снег, что пешком идти было невозможно. Как подъехал я к Надибаант-хеви², луна светила ярко. Перед собой, на дороге, увидел я мышь. Долго я ехал за ней. Вдруг мышь пропала. Тут кошка появилась, перебежала мне дорогу. Как подъехал я к плотине, пропала и кошка. Увидел я след скота. Пока была дорога, ехал я, а как поднялся до старых дворцовых развалин, стал кричать. Зову, никто не отзывается на мой голос. От Вологис-кели³ двинулось ко мне что-то величиной с человека. Как приблизилось, крикнул я:

— Тедоре, ты ли это?

Молчит.

Тут подумал я, что-то пугает меня. Однажды болел мой дед и рассказывал мне: «Много стычек было у меня с дэвами, и сказал я им раз: „Оставьте меня, отдам вам сына или внука“».

Это и вспомнил я, и страх меня забрал (вдруг, мол, пришел он за обещанным). Достал я нож, еду. А тот все рядом, не отстает ни на шаг. Стал я молиться, и застыл он — не шевелится. Дошел я до дому, и хлынула у меня носом кровь. Была у меня дома бутылка крепкой водки. Выпил я ее до дна.

О БОЖЕСТВАХ-ХВТИШВИЛАХ

45. Бои дэвов с хвтишвилами¹

Дэв велик ростом, тело у него покрыто густой щетиной. Дэв прячется днем и выходит по ночам на охоту. Ничего не боится он так, как меча и огня. На человека дэв похож, но безобразен он, выше пояса, подобно кабану, покрыт он щетиной. Дэвы раньше господствовали над людьми: уничтожали их, ели, даже воды им пить не давали. Измучился весь народ, изнемогал под их бременем. Но хати² появились и стали бороться с дэвами. Животворящие хати, уничтожавшие дэвов, — то Копала³ и Иахсар⁴. У нас и сегодня показывают те места, где происходили бои этих героев с дэвами. Дэвы и сегодня существуют, но прячутся они, как говорят пшавы⁵, ждут того времени, когда не станет человек молиться своим хати. Тогда-то и выйдут дэвы из своих убежищ и примутся за охоту.

Копала большей славой пользуется, нежели Иахсар. Копала был монахом в Ихинче; прослышал он, что Пшавия очень страдает от дэвов, встал он и пошел на помощь людям.

Основная твердыня и крепость дэвов была в Цихегори⁶. Копала пришел к дэвам в гости под видом заблудившегося охотника и заночевал у них. На второй день дэвы взялись за свои обычные упражнения — метание камней⁷. Копала попросил разрешения принять участие в испытании. Дэвы стали потешаться над ним, но когда Копала бросил камень и забросил его намного дальше их обычной богатырской границы, дэвы перепугались. Копала перебил всех дэвов до одного и занял их крепость и дарбази⁸. Взял он себе и тот камень. И сегодня лежит тот огромный камень на берегу Арагви, и зовут его камнем Копалы.

Дэвы, живущие в Картане⁹, прослышали о бедах цихегорийских дэвов. Самый отчаянный из них решил пойти и похитить из Цихегори камень Копалы. Удалось это ему, да горько пришлось ему под конец. Копала, оказывается, на охоте был. Вернулся он, увидел, что камня нет на месте, понял причину и погнался за похитителем по горячим следам. За несколько верст увидел он дэва, пустил стрелу. Убил дэва, а камень остался там же. И сегодня там он лежит.

Неподалеку оттуда жил тот дэв. Копала вошел в его дом и видит, что у матери дэва прялка стоит большая и сучит она веревку для боевого лука.

— Что сучишь, старая? Где твои сыновья? — спросил Копала у старухи.

— Веревку для лука, — ответила та. — Один мой сын в Цихегори ушел, камень должен он похитить у Копалы. А второй на охоту пошел.

Говорят они меж собой, а Копала-то видит, что на вершине горы появился дэв, второй сын старухи, Автандил по имени. Идет он. На одном плече большая чинара у него лежит, на другом — олень. Копала пустил в него стрелу и убил дэва Автандила. Покатился дэв, понесся вниз и полгоры за собой потащил. Тогда и сделалось, говорят, это глубокое ущелье, которое пшавы называют обрывом Автандила. Тот обрыв прямо напротив камня Копалы. Вернулся Копала обратно в Цихегори, а оттуда в Ихинчу пошел, в свой монастырь.

Узнал об этом девятиголовый дэв, которого Картанели звали. Перерезал путь Копале. Картана — очень узкий проход по ущелью Арагви, и название свое получил он по имени дэва Картанели, который постоянно жил там.

Идет Копала в Ихинчу и видит: по Картане растянулся дэв

Картанели. Испугался при виде его Копала, решил обойти стороной. Заметил это дэв и крикнул:

— Куда прячешься, Копала?

Делать было нечего, пришлось Копале бороться с дэвом. Их борьба с утра до ночи длилась. Копала остался победителем. Отрубил он дэву все девять голов и мирно отправился в свой монастырь.

Собрались опять дэвы. Думают, народ не прекратит служения своим хати, если не уничтожить Копалу. Начали они строить запруду в Картане. Строили прегромадную, превысокую, так думали запрудить Арагви, чтоб стала она морем и затопила бы все Пшави. Узнал об этом Копала, пришел и нанялся чернорабочим к дэвам. Один день-то поработал он на них, а на другой день не выдержал и перебил всех дэвов.

46. Копала и Пиркуши

Испортился у Копалы наконечник стрелы, и пошел он чинить его к кузнецу Пиркуши¹. Этот Пиркуши тоже хати, немало и он перебил дэвов, да его дела не так известны в народе.

Просил Копала у Пиркуши:

— Выкуй мне, пожалуйста, наконечник и одно кольцо.

Отказал ему Пиркуши, не выполнил просьбы, да скоро и самому нужда пришла, пришлось ему Копале кланяться.

Копала вернулся в свою молельню и сидел там пригорюнившись. А дэвы, услышав, что Копала в ссоре с Пиркуши и не станет ему помогать, поймали кузнеца и отвели в Хушхеви². Узнал об этом Копала и помчался на помощь Пиркуши. Да дэвы успели укрыться в своем жилище, и Копала ничего не смог поделывать. Но случилось, что дэвы изгнали из своего рода одного дэва. Выследил его Копала, поймал и под страхом смерти выведаль у него, как разбить дэвов и освободить Пиркуши.

Испуганный дэв сказал ему:

— Когда тень сравняется с деревом, в то время обедают дэвы. Напьются они банги³ и уснут — тут и надо с ними расправиться.

Так и сделал Копала. Перебил дэвов. А изгнанный дэв укрылся в Верхвели⁴ у знаменитого дэва — Верхвельского бу-

гая. Тот помог соплеменнику и вступил с Копалой в бой. Чуть не осталась за ним победа, да архангел помог Копале и дал ему убить Верхвельского бугая. Ободрился тот Копала и наполнил ущелья и долины трупами дэвов, полил их кровью всю землю.

47. Ангел Иахсар

Иахсар был ангелом и спустился с неба в образе ангела. Там, где сейчас в Шуапхо¹ стоит храм, было жилище дэвов. Называли то место Ависгори — горою зла. Спустился Иахсар и прямо набросился со своим лахти² на дэвов, уничтожил их повсюду. Спасся лишь один одноглазый дэв.

48. Борьба Иахсара с дэвами

Иахсар вначале был смертным. Святой монах, благочестивый и свыше награжденный большой силой. Богом была ему дана та сила, с какой боролся он с дэвами и уничтожал их. В то время дэвы-идолы были на земле, убивали и поедали их род. Со страху перед ними люди из дому выходить не могли. Поэтому Мориге Гмерти¹ даровал силы Иахсару и Копале, братски связанным между собой, для борьбы с дэвами. У Иахсара в Нинахи² была маленькая молельня и келья. Развалины его молельни и сейчас сохранились на вершине скалы. Подобно теперешним церквам, вход в нее был с запада на восток. Тут же рядом стояла маленькая келья Нинахи. Это место и тогда было, и теперь укрыто большими дубами. Тут же было у Иахсара укрытие для засады и дозора. Из одного корня росло четыре дуба³, и сегодня они там. Зовут их развесистым дубом. Из-за этих дубов выслеживал Иахсар одного могучего, богатого дэва Гамхвеуру. (Гамхвеурой звали того дэва потому, что богат, плодовит он был, как семьей, так и всей жизнью. Гахвивебули — значит богатый, плодовитый.) Тот дэв жил к западу от жилища Иахсара. Впоследствии названо было то место Гамхвеурткари⁴ по имени дэва. Прямо против Гамхвеурткари было село, тоже принадлежащее дэвам. Теперь там живут шуапхойцы⁵ и зовется то место Тхилиана⁶.

В селе Шуапхо жили Қистаури⁷. В полукилометре на запад было жилище Иахсара. Гамхвеура и жившие напротив дэвы протянули там пацери⁸. В ущелье Пшавской Арагви ловили они при помощи пацери людей и ели их.

Гамхвеура, как говорил я, был огромным дэвом (не запомнят, сколько у него голов), жена же его была о девяти головах и имела девять сыновей. Девятиглавая была его мать, вырастившая девять детей. Пивной котел стоял у нее на голове, страшный, железный.

Как расплодился тут дэвы, решили поселиться на Авгоре — дурной горе, где сейчас Иахсарово ниши⁹ и молится Иахсару народ (на полдороге от Нинахи до Шуапхо). Собрались они там и начали строить. Узнал об этом Иахсар, подошел к ним по ущелью Хатисхеви и подошел к ним.

Старший брат этих дэвов говорит:

— Вот и обед к нам идет хороший.

Младший брат говорит:

— Как бы не обед. А не был бы то Иахсар, что так смело шагает.

Испугались дэвы, смешались. Иахсар подошел в то время, как закладывали они плиту дверную и справиться не могли. С насмешкой обратились они к Иахсару:

— Иди, брат, помоги поднять плиту над дверью (большая была дверная плита).

Заложил за пояс полы одежды Иахсар, обхватил камень и один закинул его на место. Испугались дэвы и убежали. Кинул Иахсар им вдогонку ту каменную плиту и обрушил угол их жилища в Гамхвеурткари.

Еще не было повеления уничтожить их полностью. В то же время Копала должен был начать их избиение в Цихегори. Копала и Иахсар договорились. Иахсар должен был уничтожить всех дэвов в Хошари, в ущелье реки Иори. Там жили прославленные дэвы Муза и Бегела. Муза был царем дэвов, а Бегела была красивой женщиной-дэвом. В Хошари у той Бегелы каменный стул был высокий. Говорят, такой длины были у нее косы, что, как садилась она на тот стул, в семь рядов ложились на землю.

Над селом Удзилаурта, на горе, есть большое поле, которое зовется Оленьим гумном. Иахсар и Копала должны были оттуда, соревнуясь, метать камни в сторону Цихегори, чтобы узнать, кто из них сильнее. Все прославленные дэвы были зва-

ны, должны были прийти отовсюду. Иахсар и Копала должны были метать камни, но задумали они перебить в тот час всех дэвов. И приказ был такой дан от Мориге-бога. Иахсар отправился потихоньку и засел у перевала Хошари в Сапаравискели.

Идущий из Хошари дэв Муза должен был там пройти по пути на Оленье гумно. Иахсар собрался убить его там, а потом спуститься в Хошари и перебить остальных дэвов. И вправду, Муза поднялся на гору, оттуда взглянул на Оленье гумно и, увидев там Копалу среди собравшихся дэвов, стал проклинать его. В это время выскочил Иахсар из укрытия, ударил Музу по голове своим лахти и убил его на месте. Смертельно раненный, Муза испустил рев. Оставшиеся в Хошари дэвы поняли, что с Музой неладно. Но не успели они добежать туда, как спустился к ним Иахсар и своим лахти перебил всех дэвов и жилища их разрушил.

Остатки их поселения еще видны в Хошари. Из таких камней сложены стены, что два человека не смогут обхватить их. Некоторые побежали к Иори, но всех настиг Иахсар и перебил.

Иахсар бросил из своей засады лахти в дэвов Гамхвурткари, разрушил кровлю их дома, набросился на них и перебил всех. Затем пошел к Тхилиаши и там перебил своим лахти дэвов. Тут узнал он, что один, самый большой, дэв бежал в сторону Хевсурети. Погнался за ним Иахсар. Прошел всю Араги по его следам. Поднялся по Кмост-Рошки¹⁰ и возле Абуделаури¹¹ нагнал его. Тогда спрятался дэв в озере Абуделаури. Прыгнул за ним и Иахсар, настиг его на дне и ударом своего лахти убил. Дэвова кровь покрыла всю поверхность озера, не смог подняться Иахсар, закрыла она ему путь.

Иахсар три года пропадал, не мог выйти из озера. Народ искал его: «Куда делся тот монах, который освободил нас от дэвов, а сам исчез?»

Наконец одна прорицательница сообщила его историю народу. Много мучались, пытались поднять его со дна озера, но ничем не могли ему помочь. Наконец та же прорицательница сказала, что Иахсар застрял в глубинах Абуделаурского озера: там убил он дэва, кровью дэва закрылось озеро, и не может он подняться, пока не пробьют ему путь. Чем убрать кровь и открыть путь, не знали и печалились очень. И об этом поведала прорицательница.

— В селе Бло,— сказала она,— у одного человека есть баран с четырьмя рогами, четырьмя ушами. Возьмите его, зарежьте у того озера, и путь откроется.

Попросили у жителя Бло того барана, и не отказал он. Привели барана и на берегу озера зарезали его в том месте, где виден был след Иахсарова лахти. (Когда ударом лахтишиб он дэва у берега озера, выбил он ему глаз и на четыре части разнес скалу в том месте.) Там и принесли четырехрогую и четырехухую жертву. Кровь барана стекла в озеро, раскрылась его поверхность. Выплыл хрустальный камень, а на нем — Иахсар. В образе голубя сидел он на нем. Увидели его слуги и начали креститься. После этого из смертного Иахсар превратился в херувима. Иахсар взлетел оттуда и воссел на вершине Карати над Ликоки¹². С тех пор выстроили там ниши и колокольню Иахсара.

Взлетел он и оттуда и направился в Убистави¹³ и тут на довольно высокой горе воссел. И здесь колокольню и башню поставили ему. Оттуда в Шаупхо он вернулся и там обосновал навсегда.

Рассказ Иахсара прорицательницы передавали народу: «На дне озера, оказывается, селение дэвов есть. У них я был в плену. После принесения жертвы открылся путь, и по божьему велению вышел я».

Жителю Бло, давшему своего четырехрогого и четырехухого барана, сказал Иахсар:

— Ты большое добро содеял, дав барана моим слугам и выручив меня. Ты однажды меня спас, за то три раза помогу я тебе. Как будет у тебя беда, кликни меня, и спасу я тебя.

Однажды вся семья того блоельца заболела дизентерией, на краю гибели были все. Тогда перекрестился блоелец и крикнул Иахсару:

— Благословенный Иахсар! Не сердись на мой клич! Избавь меня от этой болезни — и на будущее празднество приду я к тебе, к твоему порогу, с дарами и свечами, со всей семьей, если она останется жива!

Узнал Иахсар, помог и избавил его и его семью от несчастья.

Потом пришла сибирская язва и посетила семью блоельца. И тогда кликнул он Иахсара. Помог тот и спас всех от смерти. И блоелец не изменял слову, резал скотину в жертву, жег свечи и служил Иахсару, как полагалось.

В третий раз по пустякам кликнул он Иахсара: скошенное сено на горе нужно было собрать. В тот час ненастная туча заволокла небо. Блоелец испугался — в случае непогоды погибнет скошенное, вспомнил и кликнул Иахсара:

— Благословенный Иахсар, не дай дождю пролиться, не порти скошенного сена, а я приду к твоему порогу как слуга.

В то время, оказывается, Иахсар к божьему престолу поднялся по какому-то важному делу. Услышав свое имя и клич на помощь, бросился от божьего престола — оставил необходимое и важное дело. Пришел и видит: ничего особенного не произошло; из-за пустяка, из-за сена кличут его и отвлекают от божьего престола. Рассердился Иахсар, проклял его и всю его семью уничтожил, а потом через прорицательницу передал ему: «У божьего престола я был по очень важному делу. Услышав призыв, не изменил я своему обещанию, спустился и прибыл на место. Увидел я, что никакой беды не было, и то великое дело осталось втуне. Поэтому рассердился я и уничтожил тебя со всей семьей».

49. Гахуа и хевсурские джвари

Гахуа из села Бацалиго¹ был доверенным у хевсурских джвари. Как мы, люди, говорим друг с другом, так говорили с ним они. Все сообщали они ему заранее, всегда брали с собой — то в поход, то на бой с дэвами, то туда, то сюда.

Однажды Гуданский джвари², слава его силе, Хахматский джвари³ и Иахсар решили идти на войну с дэвами. Договорились. Сказали:

— Из смертных кого нам надо? Кого взять в помощь?

— Гахуа возьмем с собой,— сказал Гуданский джвари.

Послушались его Хахматский джвари и Иахсар.

Вызвали Гахуа. Сказали, в чем дело.

— Тяжело мне с вами, стесняюсь вас очень, но, великие господа, как смею отказать вам! Пойдем,— ответил им Гахуа.

В четверг, сев на белых коней, поехали они. Ехали, долго ли ехали, мало ли ехали, подъехали к большой роще из буков и дубов на берегу реки.

— Ты, Гахуа,— сказали они мне⁴,— позади, неподалеку следуй за нами.

Проехали еще долгий путь. Завидели вдаль большой дворец. Узнали мы, что девятиглавого дэва Бакбака⁵, жившего там, не случилось дома. Ворвались мы, перебили его детей и жену. Гуданский джвари на часах стоял снаружи. Я и Самдзимар⁶ вошли. Набито было все золотом и серебром. Я на это загляделся. Хахматский джвари говорит мне:

— Не надо нам этого, нет, иди за мной!

Одна куча вся в норах была. Еле рука туда вмещалась.

— Сюда сунь руку. Я не вижу, а ты, что попадетсЯ, тащи наружу,— говорит.

Засунул я руку. В каждой из нор лежала, свернувшись в клубок, змея толщиной с руку. Не мог дотронуться я.

— Тащи, тащи это,— стала над головой благословенная Самдзимар.

Нечего делать, брал я их рукой, вытаскивал по одной. Наполнили мы хурджин⁷.

— На что эти змеи поганые? Хорошее что-нибудь возьмем с собой,— говорил ей.

— Не знаешь ты, что это, узнаешь после,— говорит мне Хахматский джвари.

— Бакбак коли застанет нас, поднимется большая свалка. За тебя боимся, нам-то не страшен он,— говорили мне.

Одно золотое пандури⁸ нашли, и то взяли с собой.

Быстро пошли мы обратно. Длинный путь прошли. «Ну, уж теперь все обошлось мирно»,— думали мы. Вдруг гудение какое-то послышалось. Глядим — ничего не видать. А гудит все ближе.

Погнувшиеся, безлиственные, голые буки застонали.

— Вот тебе и на,— сказал Иахсар.— Бакбак гонится за нами.

Вышли мы наконец на безопасное место.

— Теперь уже легко,— сказали джвари.

Сели мы. Отдохнули. Глядим — и что же мы видим: жемчугом и драгоценными камнями набит хурджин.

— Что ж это? Змей мы туда положили,— сказал я себе.

— Не ведаешь того, Гахуа, нет. Тебе казалось змеями драгоценное сокровище,— говорит мне Хахматский джвари.

50. Копала и дэвы

Был кузнец Пиркуши ¹. Была у него кузница и дом на горе, а на другой горе, напротив, был дом Копалы. Копала жестоко мстил дэвам. Ходил он и, где только поспеет, уничтожал их вместе с их детенышами.

Однажды вечером пришел он домой и говорит матери:

— Мать моя. Эти три дня из кузницы доносится страшный шум и грохот. Что Пиркуши там делает?

Мать отвечает ему:

— Не знаю ничего, что делает он там.

Рассвело. Встал Копала и пошел узнать, что происходит. Как перешел он на ту гору, видит, что дэвы там: кто дует в мехи, кто бьет по наковальне молотом, а Пиркуши учит их. «Сюда ударьте»,— держит железо. Таков Пиркуши, словно водой его полили,— обливается потом. Поглядел немного Копала и спрашивает:

— Что это, дэвы, что вы делаете? Неустанно стучите и возитесь день-деньской.

Дэвы ответили ему:

— Неустанно возимся мы и стучим, хотим выковать крепкое лахти и убить Копалу.

Только и дал им это сказать Копала, да как налетит на дэвов! В самой кузнице перебил всех. Один успел убежать, да погнался он за ним, догнал на Тавпараванском озере ² и убил и его там.

51. Копалово ниши

Один тианетский ¹ житель, родом Фабури, шел в Тианети. Нес он с собой сито. Как приблизился он к Тианети, жарко ему стало и сел он отдохнуть в лесу, в тени. Не прошло и немного времени, как идет дэв. У дэва на спине висит большой камень, прикрепленный цепью, а в руках он держит серебряную чашу.

Фабури сказал ему:

— Что это ты несешь? Присядь, отдохни.

Сел дэв, снял камень, положил рядом чашу, и начали они беседовать. Прошло порядочно времени, Фабури достал хлеб, предложил и дэву, и стали они есть. Да Фабури глаз не может

от чаши отвести. Долго они беседовали и ели, и захотелось им пить. Фабури и говорит дэву:

— Сбегай, ты быстрее вернешься, принеси воды, напьемся и приятнее поедим и отдохнем.

Дэв говорит:

— Чем же я воду принесу? Мне ведь не лень, да не в чем.

Фабури говорит:

— В сите принеси.

Пошел дэв, и не видно его, потому что река далеко. Фабури ухватил чашу и помчался к своему покровителю Хмале², хати которого напротив было, на горе. Фабури бежит и кличет своего Хмалу:

— Помоги, Хмала! Эту чашу я тебе жертвую!

Дэв сунул сито в реку, достал — не держит оно воду. Тогда понял он: «Должно, обманул меня тот человек и похитил мою чашу». Несет он пустое сито. Прибежал туда, где сидели они вдвоем. Видит: ни человека, ни чаши. Вскинул себе на спину цепь и погнался за Фабури. Быстро нагнал он его. Как увидел тот, что догоняет его дэв, закричал:

— Помоги мне, Хмала, не то съест он меня!

Быстро пошел ему на помощь Хмала, да ничем помочь не успел. Дэв смял Фабури, отнял у него чашу и проглотил его.

Обидно стало Хмале, что дэв оказался сильнее, но не отстал он от него, пошел рядом. Злость разбирает Хмалу. Приглаadyвается, хочет ударить дэва, но не решается, а отстать не отстает.

На счастье Хмалы проходил там Копала. Узнал Хмалу и спрашивает:

— Хмала, что ты идешь за этим нечистым?

Хмала пожаловался ему:

— Был у меня очень верный слуга. Отнял у дэва он ту чашу, что держит сейчас в руках дэв, побежал с ней ко мне. Надеялся он, что помогу я, не дам дэву проглотить его. Да я не успел ему помочь, и съел дэв благородного моего слугу. Теперь прошу тебя, Копала, убей его, не дай ему торжествовать надо мной, а чаша пускай достанется тебе. Не жаль мне ее для тебя.

Сказал это Хмала, и бросился Копала на дэва. Раз ударил его и уничтожил тут же. Чашу Копала забрал, Хмала остался ни с чем. А камень и цепь там же остались. И сегодня молятся тому камню и цепи. То место зовут Копалово ниши.

52. Лега и Копала

Лет тридцать тому назад был, говорят, в Тианети один старый человек — Лега Тегерашвили. Потерял он однажды кобылу с жеребенком. Узнал он об этом только под вечер, в пору, когда стада возвращались домой. Пастухи сказали ему, что видели, как паслись кобыла с жеребенком на берегу реки, неподалеку от деревни.

Тотчас пошел Лега, чтобы пригнать кобылу домой: боялся, как бы волки ни причинили ей вреда. Как стал он подходить к месту, указанному пастухами, глядит и видит: тут же, возле самого берега, стоит, оказывается, жена его родича. Крикнула ему женщина:

— Батоно¹, чего ты ищешь здесь?

Старик ответил:

— Сказывали, здесь паслись кобыла моя с жеребенком, их я ищу.

— Да вот, батоно, кобыла твоя с жеребенком, чуть пониже пасутся. Пойдем, доведу,— сказала ему соседка.

Пошел старик за ней. Сколько ни спрашивает, где же они, столько отвечает она: «Да вот, дошли мы уже». Водила, водила его да завела в один дом и заперла двери. Глядит старик и видит, что это не соседка его, а совсем другая, незнакомая женщина. Тогда понял он, что обманут. От страха шапка на волосах поднялась. Старается он выйти, да дверей найти не может. Мучался он долго. Видит, ничего у него не получается, и говорит этой женщине:

— Если веришь в бога, покажи мне, где тут двери, и дай выйти отсюда.

Женщина отвечает ему:

— Коли ляжешь со мною этой ночью, открою тебе двери и пойдешь домой с миром, коли нет — живым не выйти тебе отсюда.

Старик говорит ей:

— Не говори ерунды. Я подобными делами не занимаюсь. Да и потом, разве те у меня года, мое ли это дело? В дочери ты мне годишься.

Тогда встала эта женщина, открыла двери, показала ему прямую дорогу и сказала:

— Стань на эту большую дорогу и иди.

Пошел этот человек. Идет по дороге и не понять ему ни-

как, день то или ночь: солнца не видать, но светло как днем. Идет он и видит, что где плугом пашут, где ниву жнут, где лопатой копают, но работают все молча, никто не говорит ему гамарджвеба² и не благодарит в ответ на приветствие. Среди этих людей узнал он многих соседей, а также скотину. Все это были ранее утонувшие люди, и скотина вся та, которая удушена была. Узнал он и хромую козу, которую прирезали на поминки его соседа, утонувшего в реке. Увидел он ту козу рядом с тем утопленником.

Прошел старик некоторый путь и дошел до перекрестка. Пересекала путь такая же широкая и большая дорога, как та, какую он шел. Стоит на перекрестке и думает. Не знает, по какой дороге идти. Ни до чего не додумался, решил идти обратно, спросить у той же женщины, куда идти дальше.

Курил тот старик махорку. Достал он кисет, сел и начал курить. Глядит и вдруг видит: чудесный юноша мчится на коне, как птица по воздуху. Подскочил к старику юноша и спрашивает его:

— Куда идешь и откуда?

Старик рассказал ему все: как прикинулась соседкой женщина, как заманила его в дом, заперла двери, а потом вывела его на эту дорогу. Сказал и о том, что подошел он к этому перекрестку и не знает, по какому пути идти, что думал он вернуться к той женщине за советом.

Тогда сказал ему юноша:

— Я — твой герой Копала, на которого ты молишься, ты — верный мой слуга. За кем же, проклятым, последовал ты? Кто поставил тебя на этот колдовской путь и направил к твоему отцу? Там придушили бы тебя и съели. Вставай скорее, сядь ко мне на коня и поедем.

Взял старик да подсел к нему. Повез его Копала. Подъехал к самой середине Базалетского озера³, проехал через него на лошади и подвез к Душетскому ущелью. Только провез его по ущелью — и рассвело. Сказал ему:

— Теперь не бойся, иди. Да не до шуток сейчас, не усни где-нибудь, иди прямо домой.

Заболел после этого старик, забрало его в кадаги⁴. С тех пор Копала поставил его своим деканози⁵ до самой кончины.

53. Пудзис ангелози

Мы ранее в Хевсурети жили. О пудзис ангелози¹ никто не слышал. Оказывается, однажды тамошний житель корову потерял там, где сейчас пудзис ангелози восседает. Та корова пришла и отелилась в том месте, где сейчас хати. Ходят, ищут и не могут ее найти. Потом нашли. Видит хозяин, что отелилась она. Хочет взять того теленка на руки и не может. Видит — теленок. Разве трудно его поднять? Тянет — не может. Оставил, вернулся домой и спрашивает народ:

— Корову нашел я мою, отелилась, да не смог поднять теленка.

— Как же не справился, теленка не смог поднять, вражья мать! — говорит один.

Пошли, и он не смог.

— Не могу, — говорит.

Старейшина сказал:

— А ну пойдем и скажем: «Ангел этого места, пудзис ангелози, разреши нам взять этого теленка, тебе мы его посвящаем».

Пошли. Сказали так и взяли теленка. Тогда сказал старейшина:

— То ангел этого места, пудзис ангелози.

Там и утвердился он. Потом проявил себя полностью. Потом усилился и могучим стал. Он помогает своим слугам и за пределами страны. Слуга ли его, не его ли слуга, — каждому, кто помянет его имя, поможет он. Человек, перепугавшись, подумает: «Трудно мне, помоги!» В ту же минуту он явится в виде огня. Нам же он в человеческом образе является — деканози, одетым по-черкесски, в золотой шапке, золотой чохе² и архалуке³, с газырями. Красавец такой, всё на него смотреть захочешь.

Вот то борец с дэвами-идолами! В Бакурхеви⁴ дэвы жили, в Сакерпо⁵. Никого не пропускали из слуг пудзис ангелози. По эту сторону ущелья ходили они, хоронились от них. Потом собрались раз хвтишвили, пудзис ангелози их собрал. И то место, где восседает пудзис ангелози, — бывшее поселение дэвов. Иахсар сказал ему:

— Поселись здесь ты, чтобы не расплодились они вновь.

Он и поселился. Уж от него никто не уйдет!

В Укенахо⁶ поселение дэвов было. Вроде людей они были,

только ноги назад выворочены и большого пальца нет. Кузнечное дело — их выдумка. Где только жили они, всюду кузницы ставили. И там они жили, подобные людям. Там, где теперь мы молимся, была дэвова молельня, их святиня. Собирались они и молились.

54. Копала-Иахсар

Впервые, когда Мориге хвтишвилов с неба спустил, в Гергети¹ он их поселил тогда, у подножия горы Гергети. И не разрешал он им ходить по земле открыто и бороться. Но созданы они были для того, чтобы вести бои с дэвами, так как дэвы смертных уничтожали, убивали и всячески притесняли их. Ангелы и хвтишвилы еще не общались с людьми, и дэвы-идолы владели землей. Некому было противостоять им, и, как того желали, так и вели они себя. Измучился народ, не знал, как быть.

Народ через прорицательницу одно лишь узнал: хвтишвилы находятся в Гергети и созданы для оказания помощи людям, но богом еще не дано им право действовать.

На горе Рошки жили дэвы (там, где и сейчас молятся жители Рошки матери дэвов). Была у них кузница, и, кроме них, не было в Хевсурети других кузнецов. Кто приносил к ним что-либо дляковки — упряжь вола или другое, — они требовали взамен женщину, ту, которая красивее всех была в доме, — невестку либо дочь. Назначали цену работы, оценивали и посылали сказать:

— На столько ночей пришлите такую-то женщину, а нет — не исполним работу.

Не было другого выхода, и подчинялись они воле дэвов.

У одного человека была очень красивая жена, и за ковку плуга ее потребовали. Очень нужен был плуг, без него погибли бы люди с голоду. И послал тот человек жену.

Вернулась жена, сказала ему:

— Лучше убил бы ты меня, чем посылать туда, — и заплакала.

Горько стало тому человеку, и не знал, он, как ему быть. Был у него один белый бык, и сказал он:

— Давай, зарежу я того быка богу, и, может, облегчит он наше положение.

Мориге-бог внял наконец мольбе людей и послал для избавления людей Копалу. Вручил он ему большое лахти и даровал ему силу и могущество на уничтожение дэвов — мучителей людей.

Копала явился и на горе Пшави, на вершине Удзилаурта, что называют Оленьим гумном, обосновался и стал выслеживать, где дать бой дэвам. В то время один из рода Хорнаули пахал поле прямо против села хорнаульцев Чишехи². Встал на горе Рошки один дэв и спустил с обрыва воды. И быков, и человека — всех унесло потоком. Вспомнил тот в тяжелую минуту, что слышал он, будто где-то объявился герой Копала, который бьет дэвов и помогает людям. Воскликнул он:

— Герой Копала, помоги мне! Не дай воде унести меня! А поле мое, что пахал я, прими от меня в жертву!

Услышал тотчас же это Копала и в ту же минуту явился, остановил поток и спас человека от смерти. Потом кинул он лахти из Чишехи и предал огню жилище дэвов. А потом пошел и перебил всех бывших там дэвов. Один из дэвов влез в крепость Рошки спасаясь. Кинул лахти Копала и обрушил угол крепости. Дэв выскочил и оттуда и спрятался под скалой на горе Рошки. И в эту скалу метнул Копала лахти, рассек ее надвое и вышиб дэву глаз. Та скала и сейчас зовется скалой Иахсара, но удар лахти нанесен Копалой. Да это все одно: хочешь — назови его Иахсаром, хочешь — Копалой. Без одного глаза бежал отсюда дэв и влез в озеро Абуделаури. Иахсар бросился за ним, отрубил ему голову. Поверхность озера покрылась дэвовой кровью, и Копала-Иахсар не смог подняться на поверхность, пока не зарезали над озером четырехрогого и четырехухого барана. Тогда лишь поднялся он.

55. Девять братьев из Ципори

В Ципори¹ было девять братьев. Мать у них была, старший брат женат был. Таковую забрали силу они, что все селение со страху перед ними из дому выйти не могло. Отнимали они у соседей скотину. То деньги отнимут, то еще что. Один из них, женатый, имел сына. Если кто играл свадьбу в том селении, украдкой приводили молодую со страху перед ними.

Узнал однажды один из девяти братьев, что свадьбу играют где-то, открыл двери и вошел. Вывел царицу² — накормить, говорит, ее надо. Повел к себе в дом. Вернулась она опозоренная. Так изнемогало от них все селение, что на работу со страху перед ними выйти не могли.

Был один хевисбери³ у народа. Он сказал:

— Доколе мы будем в таком положении? Покинем эти места или еще что-нибудь сделаем.

Пошли они в хати, зажгли свечи деканози, старейшине: «Или нас отсюда уведи, или их отсюда возьми» (святому Георгию Ципорскому зажгли они свечи).

Прошло немного времени. Пошли на покос в горы девять братьев и косят. Мать их сказала невестке:

— Хлеб испеки и отнеси им в горы.

Эта женщина стала печь хлеб. Малый ребенок лежал у нее в колыбели, а свекровь сбивала масло. Замерзло вдруг молоко. Что случилось? Колыбель с ребенком рядом стоит: помочился ребенок — куском льда примерзло все ко дну колыбели.

Кувшины с водой были у тех девяти братьев с собой в горах, и в тех вода замерзла.

Сказали эти девять братьев:

— Бог гневается на нас за что-то.

Покатили кувшины — сломаются ли. Покатили кувшины, а те целыми докатились до берега речки. Встали братья, пошли домой. «Несчастье, — говорят, — в нашем доме».

Пришли. Видят: заледенело дно колыбели, молоко превратилось в лед.

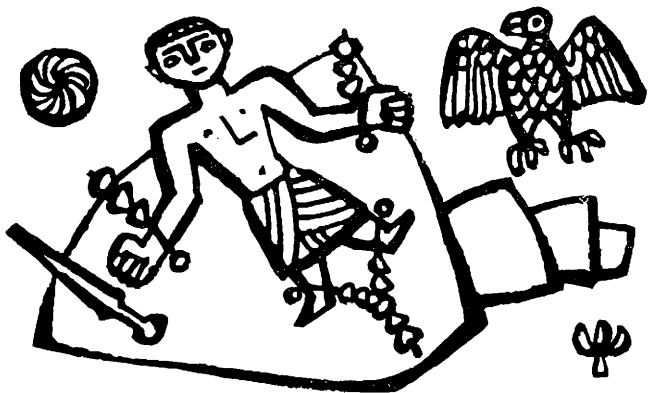
Мать говорит:

— Несчастье над нами, попытаемся спастись.

Встали ночью, копают. Все вместе рыли они себе могилу. Принесли каменные плиты и выложили ими себе гробницу в земле. Очень много золота и серебра было у них. Вынесли они его и в землю зарыли.

— Гибнем, и пусть никому не достанется, — мать сказала.

Закопали все, укрыли так, что никто их не видел, потом ушли. Дом тот так и оставили. Взяли мать с собой, вошли в ту гробницу и дитя с собой взяли. За двенадцать дней так перемерзли все, что ни один не остался в живых. Потом уж, конечно, возрадовалось все селение. После этого лишь познали люди вольную жизнь.

ОБ АМИРАНИ

56. Прикованный Амирани

Жил Жадал. Тот Жадал был очень силен. Не было на свете человека, способного побороть его. Был он в то же время владыкой и господином. Родился у Жадала сын, которого называли Амирани. Обрадовался Жадал рождению сына, вышел на радостях на дорогу и стал кричать:

— Я силен, а мой сын каков будет!

Брал он камни весом в двести-триста пудов и бросал их, точно мячи, в разные стороны: кто же осмелится, мол, бороться со мной да еще с моим сыном, кто посмеет оспаривать наше господство!

Сказали Жадалу:

— Есть один человек сильнее тебя. Зовут его Христом. Как исполнилось ему двенадцать дней, с того дня борется он, и есть у него сорок помощников.

Опечалился Жадал и, желая напугать Христа, стал швыряться еще более тяжелыми камнями и кричать еще громче. Хотел он напугать Христа своим криком.

Пришел тут и Христос. Сказал он Жадалу, что и ему, и его сыну придется отказаться от господства над миром. Жадал ответил:

— Будем состязаться. Кто сильнее окажется, тот и будет господином.

Христос согласился.

Взял Жадал огромный камень и подбросил его вверх, словно мяч. Через два часа упал вниз этот камень и наполовину зарылся в землю.

Тот же камень подбросил Христос и сказал Жадалу:

— Завтра в это время упадет тот камень вниз. Тогда посмотришь.

Так и случилось. На второй лишь день упал тот камень и почти целиком ушел в землю.

Жадал понял, что Христа ему не победить, и сказал ему:

— У меня есть сын Амирани. А ну, поборись с ним!

Привел Жадал Амирани. Амирани горделиво подошел к Христу и сказал ему:

— Ты хочешь со мной тягаться?

Схватил он камень величиной почти с гору и бросил за сорок верст. Поднял Христос тот камень и повелел ему не возвращаться назад совсем. Бросил он камень, и тот пропал за девятью горами, ушел в землю. Так глубоко ушел он в землю, что почти не видать его было.

Христос сказал тогда Амирани:

— А ну, коли ты молодец, достань тот камень.

Бросился Амирани к тому камню, долго мучался, но и сдвинуть с места не смог. Так и мучался он с камнем, пока не повелел Христос приковать его к тому камню. Приковал его, а сверху перекрыл горою. В день один хлеб-шоти¹ ему дается, и дана ему одна маленькая собачка. Собачонка лижет ту цепь, лижет до того, что цепь эта делается совсем тонкой. Кажется, еще немного — и Амирани разорвет ту цепь и освободится. Но в Великий четверг утром встают все кузнецы, ударяют молотом по наковальне² — и цепь вновь обретает прежнюю толщину. Вот бы порвать Амирани те цепи! Несдобровать тогда кузнецам, всем головы пооторвет!

57. Дракон, превращенный в камень

Когда возомнивший о себе Амирани решил потягаться силой с самим Христом-богом, бог приковал его за то к склону Мкинварцвери¹. Этим решил воспользоваться неусыпный враг Амирани — дракон. Сполз он с вершины Мкинвари и собрался проглотить прикованного Амирани. Но об этом проведал святой Георгий и тотчас явился туда. Погрозив дракону пальцем, святой сказал:

— Остановись! Амирани приковали мы, дабы раскаялся он в своих грехах, а не для того, чтоб насытить тебя. Стань тотчас камнем!

Дракон тут же окаменел².

58. Амирани и пастух

Был один пастух, который подошел к горе Амирани и увидел, что вход в гору открыт. Подозвал Амирани пастуха к себе. Тот испугался:

— Не могу,— говорит. (Глаза-то у Амирани большие.)

— Не бойся, подойди,— говорит Амирани.

Пастух осмелел и подошел. Говорит ему Амирани:

— Поглядим-ка ваш хлеб, какой он у вас?

Сжал он рукою хлеб, и пролилась кровь из того хлеба.

Сказал Амирани тогда:

— Кровавый хлеб вы едите,— и добавил: — Подай-ка, вот тут мой хлеб лежит.

Как сжал он свой хлеб рукою, полилось из него молоко.

— Молочным хлебом живу я,— сказал Амирани.— А ну, теперь мой меч пододвинь мне. Там лежит мой меч, а я здесь прикован цепью.

Ничего не нашел пастух, чтобы подвязать к мечу и так притянуть его к Амирани.

— Ты сам ухватись.

Схватился за меч пастух, а Амирани стал тащить пастуха. Заболели руки у пастуха. Тогда Амирани говорит ему:

— А ну, пойдь домой, принеси мне лямки из бычьей кожи. Коли заговорит с тобой женщина, не отвечай ей ни слова — не то закроются двери моей темницы.

Пошел пастух за лямками. Снял их со стены у себя дома. Не хочет ни с кем говорить, да жена погналась за ним:

— Куда идешь? Зачем несешь? Почему молчишь?

— До чего ты надоела мне, женщина! — не стерпел наконец пастух.

И тотчас же закрылась та гора. Как подошел он к ней, увидел, что закрылась гора. Так и остался Амирани прикованным. Говорят, если разорвет он цепи, пойдет по земле и всех женщин перебьет. Сердит он, говорят, на них. Да кто знает, на кого он сердит! Так и прикован цепями он под горой.

59. Аминари

Однажды ночью едет Аминари на коне по дороге. Держит копьё. Острые копыта задело за что-то. Говорит он:

— Ни скал таких вокруг нет, ни леса... За что же цепляется острие моего копыта?

Пробыл там до утра. Утром видит: то человеческий череп врос в землю. В темени дыра, и через нее свободно проезжает всадник. Аминари сказал:

— Боже благословенный, до чего я дожил! Ведь человеческий это череп. Какой же величины был тот человек, что верхом на коне через его череп я проезжаю! Боже, оживи его, покажи мне!

И встал этот человек величиной с гору.

— Боже, один только глаз ему дай, другого не давай!

Как встал тот огромный человек, спрашивает его Аминари:

— Если в бога веруешь, скажи мне, что могло убить тебя, такого огромного?

— Нас девять путников было. Застала нас ночь в одном месте. Укрылись мы в черепае человеческом — девять коней и девять человек. Уснули мы. А у пастуха рядом стадо овец паслось. Волк напал на стадо. Камнями ли, деревьями — стал он в того волка кидать. Схватил вдруг тот череп, в котором сидели мы, и в волка швырнул. Тогда и погибли мы.

— Что за хлеб вы ели, чем занимались, как жили?

— Все, что вокруг белое найдешь, — неси мне.

Пошел Аминари, набрал горного хрусталя. Взял тот человек хрусталь в руки и выжал из него молоко — одна зола осталась. Высыпал он золу, а молоко выпил.

— Так,— говорит,— и жили мы. А что теперь за оружие у вас?

Аминари принес меч, показал ему:

— Вот это у нас для боя,— говорит.

— У нашей матери был такой нож, сыр она им крошила.

— А вы чем же воевали?

Пошел он, притянул к себе дерево, вырвал, очистил его:

— Этим мы бились в бою. Ну-ка пройди, стань, а я метну в тебя этим деревом.

Прошел он. Очистил великан дерево и метнул в него.

— Где пролетело?

— Над головой.

— А второе?

— Под ногами.

— А третье?

— Бурку в землю вбило.

— А сам ты где?

— Убежал я.

— Мы убежать не умели. Мы нападать умели.

60. Арам-Хуту

Арам-Хуту никого не боялся, спорил с богом. Вольным был человеком. Так как большого был он роста, ползучую виноградную лозу, колючий кустарник и папоротник ненавидел он. Знал он средство против папоротника. Пойдет, бывало, на море, сорвет что-то — и папоротник не цветет больше.

Идет однажды Арам-Хуту и встречает бога — да будет благословенно его имя! Арам-Хуту раскачивает громадный, величиной с три дома, камень. Говорит он богу:

— Можешь ли то же сделать?

Засмеялся бог и ответил:

— Не могу!

Потом сказал ему бог:

— Обовью тебя ниткой, сможешь ли ее разорвать?

— А как же! — ответил Арам-Хуту.

Бог обвинил его нитью, сотворил крестное знамение и превратил ее в цепь.

— Пошевелись,— сказал ему бог, но Арам-Хуту не смог разорвать цепи.

После этого отвел его бог в пещеру и приковал там вместе с его конем. Пищу и питье поставил он перед ним. К стопудовому колу он его приковал и сорокапудовый молот положил перед ним.

Целый год раскачивает Арам-Хуту тот кол. А когда кол почти выходит из земли, прилетает трясогузка и садится на него. Арам-Хуту — еще ей не хватало, мол, меня дразнить — замахивается на нее молотом, но птичка успевает взлететь, а кол от удара молота вновь уходит в преисподнюю и укрепляется в скале с прежней силой.

О ВЕЛИКАНАХ И КАРЛИКАХ

61. Аджами

А джами¹ жили здесь до наших дедов. Жили в лесу. Как умирали, были у них каменные кельи большие, выложенные каменными плитами. Аджами носили вокруг головы железные ободья², когда у них болели головы, у диких.

Вот крепость выстроена высоко над селом. Каждый камень весом в шестьдесят пудов будет. Это камни с берега реки. То они строили. Они больше дэвов были. Они все могли. Видывали мы их в детстве. Как глянem, вокруг голов у них железные ободья.

62. Огузы, люди и карлики

Огузы¹ раньше были. Были огузы высокими, громадными людьми. Ростом в три-четыре человека таких, как сейчас. Их скотина, и верховая, и тягловая, под стать им была. А вот ума-

то у них было немного, говорят. Столь глупыми и беспомощными были они, что кормушки для скотины наверху, на крыльце дома, ставили.

— Коли поставим кормушки наземь, лошади не достанут до них. Лошадь-то ведь высокая, ростом с крыльцо,— говорили они.

Однажды пахали огузы. А настала та пора, что появились на земле люди ростом поменьше, теперешние. Один такой человек крутился возле их пашни. Увидел он огузов и сказал:

— Что это за великаны такие? Запрягли дэвов в плуг и пашут!

Натянул он лук и пустил стрелу. Попала она огузу в бедро. Укусом пчелы то ему показалось. Достал он ту стрелу, разглядел ее и подивился:

— Боже, что я вижу, что это за диво такое? Откуда эта стрела, кто в меня стрелял?

Поглядел вокруг, видит: маленький человек бежит среди кустарников. Погнался за ним огуз, сделал два-три шага, нагнал его и поймал. Маленький человек взмолился:

— Шени чириме!² Много у меня врагов, хотят убить! Сделай доброе дело, спрячь меня.

Огуз посадил его в голенище сапога и спрятал. Потом пошел к своим жеребцам, пахал недолго, потом распряг жеребцов, бросил там же хомут, ачачу³, выпустил буйволов из упряжи и пошел домой. Придя домой, говорит своей матери:

— Матушка, одного удивительного человека привел тебе. По-нашему растут у него усы и борода, похожее на наше лицо и говорит он по-нашему, по-грузински, да сам он крошечный.

— А ну покажи.

— Да вот! — Вытащил того человека из-за голенища.

— Ой! Пропади моя головушка, это ведь малый человек! Мир после нас им на съедение достанется. Теперь наступает пора таких вот, маленьких, людей. А за ними наступит время карликов.

— Матушка, сам-то он каков! Карлики какими же будут? Как же смогут они работать, как будут жить, по какому пути пойдут?

— Умом они возьмут, сынок!

— Как же может такой за лошадьми смотреть, им овса задать?

— Как станет им корм задавать? Да словчит. А ну, подай ему мешок с овсом, сам увидишь!

Сын насыпал в мешок соломы, смешал ее с овсом и протянул маленькому человеку. Тот взял, показал овес и солону лошади и крикнул: «Тпружей, тпружей!»

Лошадь заржала, к маленькому человеку подошла, вытянула шею, нагнулась к овсу. Изловчился в это время маленький человек и повесил ей мешок на шею. Подняла высоко шею с мешком лошадь и стала жевать овес, похрустывая.

— То я и говорила тебе! Вот сколько ума и ловкости у этих маленьких людей. Они нас со света сживут, а их — карлики.

63. Сильнее сильного всегда можно найти

Жил-был один великан, силач и вместе с тем замечательный обжора, по имени Хечо. Хечо съедет за обед и съест более ста пудов хлеба и выпьет сто пудов вина. Зато Хечо был хорошим хозяином, потому хлеба и вина у него всегда было вдоволь. Случилось так, что в один неурожайный год у Хечо не стало вина. Он приготовил подарки, взял бурдюк, все это взвалил на плечи и отправился к царю с просьбой. Доложили царю и представили великана. Царь спросил его, что он просит. Великан отвечал:

— Вина!

Приказал царь провести великана в винный погреб и позволил ему пить, сколько хочет, а потом наполнить вином бурдюк. Великана отвели в погреб. Там стояли огромные сосуды, наполненные вином. Великан к общему удивлению осушил до дна все сосуды. Но больше всего удивило придворных то, что в бурдюке великана поместилось более тысячи пудов вина, и он преспокойно понес его домой. По дороге Хечо сел отдохнуть у подножия горы, на которую он должен был подняться. В это время подходит к нему человек и предлагает помочь. Хечо обрадовался и обещал незнакомцу в награду за труд напоить его вином на вершине горы. Незнакомец взвалил бурдюк на плечи и вмиг дотащил до вершины горы.

Хечо, развязав ушки бурдюка, предложил незнакомцу отпить, сколько он хочет. Тот — хлоп! — и опорожнил весь бурдюк. Пошла ссора между ними. Тут подъезжает к ним некий человек по имени Кажи¹ и, разняв их, берет одного, кладет в один карман, а другого — в другой и везет к себе домой.

Дома, вынимая их из карманов, Кажи похвастался перед женой, что такого силача и великана, как он, нет в целом мире. Жена на это возразила, что в мире найдется великан, перед которым он покажется букашкой. Рассердило это Кажи. Взял он лук и несколько стрел, каждую в сто пудов, и, бросив семью, поехал искать соперника.

Ехал он три года и три месяца и доехал до огромного поля, среди которого был разведен большой огонь. Над огнем висел громадный котел, в котором что-то варилось, а около огня спал невиданной величины человек. Кажи пустил стрелу и попал в спину великана, но тот не пошевелился. Он пустил другую стрелу в него, и великан проснулся. А когда он пустил третью, то великан поднялся. Был он величиной с гору. Это был лесной человек — Ндии. Кажи испугался и давай бог ноги! Кажи бежит без оглядки, а лесной человек Ндии гонится за ним.

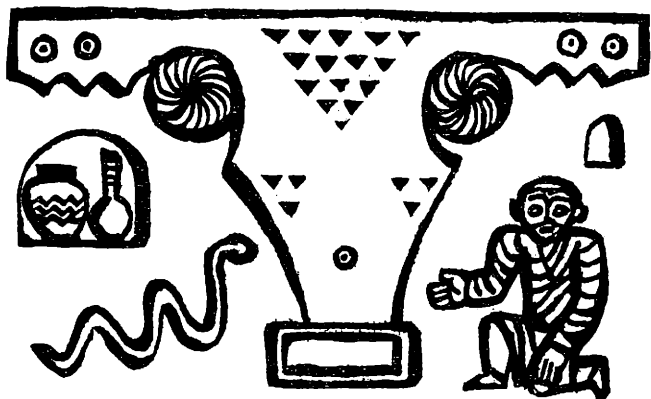
В это время на одном поле увидел Кажи странного и вместе с тем страшного пахаря, который, запрягши в плуг несколько десятков пар буйволов, пахал землю. Кажи направился к нему и, подойдя, попросил защиты. Земледелец взял его вместе с мулом и положил в сумку, из которой он доставал семена для посева.

Ндии подошел к пахарю и попросил его выдать ему того, кто прервал его мирный сон, — нашего Кажи. Земледелец велел Ндии отстать, а когда тот стал настойчивее требовать, отрубил сохою голову Ндии, а тело его выбросил за ограду.

Настал час еды, и, к великому удивлению своему, Кажи видит, что жена пахаря несет еду из нескольких сваренных быков и более ста пудов вина. А еще более поразило его то, что обед этот она положила в корыто, корыто поставила себе на голову — сама же идя преспокойно прядет шерсть. Пахарь предложил Кажи поесть, но тот, встревоженный, ничего не хотел есть и отказался. После еды пахарь попросил жену взять Кажи домой. Та взяла его, положила в корыто, а корыто — на голову и пошла домой.

Вечером пришел домой пахарь и стал расспрашивать Кажу, откуда он, куда и зачем идет. Кажу рассказал пахарю все. В свою очередь пахарь рассказал Кажу следующую историю. «Нас было шестьдесят братьев. Мои братья были сильнее меня, и никакая сила не могла устоять против нас. Однажды мы напали на Каджетское государство², покорили его и возвращались домой. Настал вечер, погода испортилась. Нужно остановиться ночевать — но где? В это время мы увидели гору, а в горе — пещеру. Зашли туда и расположились ночевать. На другой день, чуть свет, кто-то приближается к нам и, схватив эту гору, перебросил дальше со словами: „Экая проклятая собачонка, куда ее притащила!“ Братья мои все были задавлены, а я случайно остался жив. Выхожу из пещеры: оказывается, мы ночевали в конской голове, которую собака пастуха притащила к дверям его шалаша. Пастух, увидя утром голову, выбросил, не подозревая, что в ней сидят люди. Видишь, сильнее сильного всегда можно найти».

Кажу вернулся домой, уверившись, что на свете есть такие люди, перед которыми он покажется действительно букашкой, как и говорила ему жена, и стал жить с женой в согласии.

О ЗМЕЯХ-ДАРИТЕЛЯХ

64. Хогаис Минди (1)

Из ущелья Архоти¹ был Хогаис Минди², из села Амга³. И по нынешний день возле Сабекурискари видны следы его жилища. Каджи⁴ взяли его однажды в плен.

«Поначалу,— сказал Хогаис Минди,— глаза мне они завязали, чтоб не запомнил я дороги. Вели меня так. Как перешли мы девятую гору, тогда лишь сняли повязку. И других пленных вели, подобных мне. Мясо христиан они ели. Вокруг запястий и вокруг голов обвязали нас нитками, чтобы примечать, насколько полнеем мы. Пленница одна была у них: так раскормили ее, что нитки впивались глубоко в тело. Гоняли нас на гору и заставляли ловить змей: делали из них какие-то лекарства.

Пошел и я однажды. Поймали мы одну змею. Вокруг шеи кольцом вился у нее белый каракуль. Вернулись домой, глядим: ту полную женщину подвесили каджи под потолок, подставили лохани, снизу бьют ее трепальным гребнем железным,

и льется кровь... Нелюба стала мне жизнь и еда, решил я покончить с собой».

Взял Хогаис Минди и зашел к жене своего хозяина, которая готовила лекарства из змей. В ту пору убила она ту змею с белым каракулем, и капли ее крови видны были на полу.

«Смекнула она,— сказал Хогаис Минди,— что хотел я отведать той крови, прошла мимо и растерла капли крови ногой. Да одна капля упала сбоку, так что не видна была ей. Как вышла женщина вон, слизнул я ту каплю языком».

Только коснулся он языком змеиной крови, как жар поднялся у него сильный. Вошла женщина, поглядела на него — поняла, что случилось.

«Как сменили мне девятую постель, потерял я разум, не слышал ничего. Пришел в себя, гляжу, а под мышкой у меня опухло что-то. Разрезал я опухоль, и вышли оттуда насекомые. То они, оказывается, тяжелят человека. Таким я стал легким, что, переходя через мост, завертывал камни в полу чохы, чтоб не снес меня ветер в воду».

Язык всего сущего он познал с тех пор. Решил он бежать, и удалось ему это. Однако погнались за ним каджи и поймали.

«Так били меня — кожа сошла».

Вторично бежал он.

«Как подошел к мосту, вижу: золой мост посыпан. Понял я, что ради меня то сделано. Прошел я задом наперед, чтоб сбить их с толку. Ранним утром на рассвете вошел я в лес. Спрятался в корнях большого дерева. Искали меня. До моста шли по моему следу, а затем сбились со следа».

Шел он долго и пришел в одно село.

«С палец длиной люди там жили. Увидев меня, испугались они и разбежались. Потом подошли ближе. Дали поесть кое-чего. Вечером стали возить щепки, строить что-то».

— Что это делаете вы? — спросил их Хогаис Минди.

— Сегодня в ночь нападет на нас войско журавлей и других птиц — коршунов, сорок, грачей.

— А ну, не бойтесь! — сказал Хогаис Минди.

Сделал он лук и стрелы, сел в засаду. В полночь налетели птицы. Отогнал он всех их, так что никого не успели они тронуть.

«Окружили меня, целовать стали:

— Ты наш бог! — говорили мне.

Один был малюсенький человек, одноглазый.

— Не узнал меня, Минди? — говорит мне.

— Нет, не узнал, — говорю.

— Не помнишь, как выколочил ты мне глаз в Сабекури-скари? Я гугули⁵. Все мы гугули. Вон за той горой превращаемся мы в птиц, а по эту сторону горы людьми становимся.

— А ну, — говорю, — если знаешь село Амга, веди меня!»

Пошел с ним тот гугули. Как пришли к горе, сказал он:

— То гора из золы. Ступай осторожно, не то зароешься. Я стану птицей, а ты по голосу ступай за мной.

Перешли они ту гору, и привел его гугули в Амгу.

Единственный был сын у матери Хогаис Минди. Привел в дом жену. Как вернулся он из плена, язык всего сущего он понимал.

— Ах, если б могли вы слышать, — говорит, — о чем шумит трава, когда мы по ней ходим: «Зачем ступаешь по мне ногами, ведь я тоже молода, мне жить ведь хочется!» А трава, что по краю хлебного поля растет, та так причитает: «Сожните и меня, зима идет, застанет меня, застудит, не оставляйте меня!» Когда рубим мы деревья, занятно, как плачут они: «Зачем режешь, больно мне, неужто не жаль вам меня? Что за сердца у вас, у людей?» Как бросим в поле камень, и тот визжит: упаду, мол, и ушибусь оземь. Зачем бросаете меня? Потом те, что на земле лежат, кричать начнут: «В меня попадешь и больно мне станет!» Когда бьем скотину палкой, ревет она, о том же говорит, плачет. А трава сама поучает: «Я лекарство от такой-то болезни, вылечу — возьми меня», — говорит. Учит нас трава: если змея за тобой гонится, беги, мол, по ровному месту — по спуску и подъему она, подобно стреле, пущенной из лука, мчится. Перескочить надо через текущую воду, и змея не найдет пути-дороги, потому что видевшие тебя воды пройдут, а новые воды скажут, что не видели они никого.

Не жал, не рубил дров Хогаис Минди, жил так в бедноте. Жена однажды набросилась на него: ничего не делаешь, мол, лежишь так, без дела. Уговорила она его, и Минди нарубил однажды дров. Тут и потерял он тот дар, перестал слышать язык травы, остался ни с чем. Потом забрали его на войну силой. Не смог он воевать, спрыгнул с башни и разбился.

65. Хогаис Минди (2)

Хогаис Минди из ущелья Архоти был. Когда родился Минди, на небе два солнца¹ встало. Именитым героем стал Минди в Хевсурети. Друг у него был в Шатили², славный муж Гахуа. Минди и Гахуа ходили с хатеби³.

Однажды прибыли в Архоти дурные духи — жамни⁴. Крошечные были они, длиною с циду⁵. Не всякий мог их видеть. Увидели их Минди и Гахуа. В час, когда жамни прибывали в Хевсурети, в Архоти, в крепости села Амга раздавались звуки волынки: то хатеби подавали знак. Народ, узнав о прибытии злых духов, жамни, покидал Архоти.

Жамни прибыли втроем, на трех ослах — черном, красном и белом⁶. Черный осел был нагружен стрелами с черными перьями на концах, красный — стрелами с красными перьями и белый — с белыми перьями. По очереди метали они стрелы. Черноперистая стрела убивала человека на месте, красная — наполовину, а белая оставляла его живым. Перешли дурные духи в потустороннюю Хевсурети⁷. В Архоти уничтожили они людей. Лишь некоторых уберег хати. Минди вступил в бой с дурными духами. Взяли они его в плен и увели с собой.

Как вступили они на перевал (по пути в потустороннюю Хевсурети), все трое увидели Гуданского джвари⁸. Говорили они меж собой: «Старый пес белобородый! Сидит на белом коне, держит в руке лахти, не подпустит нас. Кругом своих подданных он ходит, стережет их».

Как перешли жамни в потустороннюю Хевсурети, перекрыли ослов потниками, чтоб не заметил их Гуданский джвари. Минди оставили пасти ослов. (Не настоящие ослы то были, а крошечные, малюсенькие.)

В потусторонней Хевсурети убили они лишь одного пастуха. Гуданский джвари не подпустил их к народу, поправ дурных. Жамни обманом завлекли Минди в Каджети⁹. Как привели его на чужбину, исчезли духи. Тут захватили в плен его каджи. Начали они его раскармливать, надеясь испить побольше его крови. Кормили отборной пищей. Догадался о том Минди, тайно стал есть золу. Плох он стал, и отложили его казнь каджи.

Однажды приставили ему в сторожа детей. В конце села, где был он пленником, перекинут был через реку мост, по ко-

тому можно было войти в село и выйти из него. Каджи посыпали его золой, чтоб по золе заметить следы сбежавших пленников. Минди поднялся на дерево и выследил оттуда, как задом наперед ходили каджи по этому мосту. Сделал то же самое Минди, прошел через мост задом наперед и бежал.

Шум поднялся на селе: «Убежал Хогаев сын!»

Начали поиски, да на мосту не обнаружили следов и стали искать его в деревне.

Шел Минди без пути-дороги. Держал путь в Архоти, да попал в страну гугули¹⁰. Спросили они Минди, какого он роду-племени и зачем пришел.

Рассказал им Минди свои злоключения. Одноглазый гугули, говорят, попенял ему:

— Помнишь, в Архоти ты кинул в меня камень и выбил мне глаз. Чего тебе от меня надо было? Ведь это я приводил весну в Архоти.

Вспомнил Минди детские проказы, пожалел об этом и попросил у гугули прощения.

Гугули жили в домах из необожженного кирпича. В тот день неожиданно подняли они шум. Начали возводить крепости, укрепляли дома и двери. Спросил причину того волнения Минди.

— Ждем нападения птичьего войска! — восклицали гугули.

И вправду, налетело войско грачей, и начали они разорять царство гугули. Палкой стал отбивать их нападение Минди и перебил всех.

Полюбили Хогаис Минди кукушки. Сказали ему:

— За то, что избавил нас от врага, все, что пожелаешь, исполним для тебя.

— Отведите меня в Архоти,— попросил Минди.

В ту же минуту крикнули кукушки:

— Гоните овец!

Минди увидел ползущее стадо змей с белым каракулем вокруг шеи. Минди испугался. Кукушки вывели одну из змей и в честь Минди зарезали ее, сварили и поднесли гостю. Тяжело было Минди отведать змеиного мяса, да не отстали от него хозяева. Наконец подчинился он их воле. Минди отведал змеиного мяса. Не мог найти себе места после того. Тошно ему стало. Тогда жены гугули постелили Минди три постели и сказали ему:

— Ложись в первую постель. Как не улежишь на ней, переходи на вторую. Не улежишь на второй — ложись на третью постель, там отдохнешь.

На третьей постели и впрямь отдохнул Минди. Проснулся и видит: под мышками опухло у него, величиной с чашу налипло что-то. Гугули сказали ему:

— Надрезь под мышками — и выйдут насекомые оттуда.

Сделал надрезы Минди под мышками, и много насекомых вышло оттуда. Минди вес потерял тогда. Таким стал легким, что за пазухой камень стал носить, чтоб ветер не унес его. Как поел он змеинового мяса, услышал Минди речь деревьев, птиц, зверей, полевых цветов и трав.

Искалеченному Минди одноглазому гугули поручили отвести Минди в Архоти. В дорогу дали ему хлеба и поучали так:

— Сколько откусишь хлеба праведной земли, столько прибавится в нем снова.

Границей той земли, где жили гугули, была река. Как возвращались они к себе домой, перейдя реку, становились человечками длиною в циду, как уходили за реку — в птиц превращались. В своей стране они человечки с циду ростом.

Только Минди и одноглазый гугули перешли реку, говорит гугули Минди:

— Я обернусь птицей, а ты по голосу иди за мной.

Минди таким стал легким, что летел за ним по воздуху. В пути сколько ни откусывал он хлеба, тот снова становился целым. Питаясь тем хлебом, добрался к весне в Архоти Минди.

И в своем краю продолжал Минди понимать язык растений, животных, птиц и всего сущего. Минди не мог косить траву, деревья срубить не мог, все говорили ему: «Не режь меня, Минди!» Зверей жалел он, не мог бить дичи. В день и трех копен сена не мог он сжать. Колосья, зерна кричали ему: «Минди, не покидай меня! С небес я слышу зов, возьми меня!» Минди жалел их и подбирал каждое зернышко. Травы и цветы кричали ему вслед: «Я лекарство от той-то болезни, я от того-то!» Минди лечил раненых. Перерубленного пополам человека соединял он снова, спасал от смерти. Врагов побеждал Минди. Хевсуры очень любили Минди... В конце концов изменил он клятве, нарушил ее, стал бить зверье, рубить деревья.

Однажды хати отправились походом на Каджети. Минди и Гахуа пошли с ними. Хати сказали Минди и Гахуа:

— Во плоти не можете за нами следовать, выйдите вон из тел и так пойдете за нами.

Минди и Гахуа вышли вон из тел, и хати спрятали их тела поблизости, в лесу. Сломали они Каджети, разорили каджей. Скот и добычу захватили с собой. В пути скот стал испытывать жажду. Тогда Копала ударил лахти об землю, хлынула вода, и скот напился. Вернулись хати в Хевсурети, подошли к телам Гахуа и Минди, видят, покрылись они червями. Хати повелели:

— Питающийся хлебом и сыром Минди, ты что там стоишь? Войди в свое тело!

Минди и Гахуа не хотели возвращаться в червивые тела, но хати сказали им:

— Из плоти вы, с нами не жить вам.

Силой заставили хати души Минди и Гахуа вернуться в их тела.

Минди однажды пошел к кистам¹¹ отомстить кровнику. В Теретэго¹² хотел прийти он, к другу своему Алдидзе¹³, но из-за непогоды сбился с пути и попал прямо к кровникам своим в село Миза. Кистская женщина узнала кровника, обманом завлекла Минди в башню. Минди не один был. Брат его и Квирике Джабушанури¹⁴ были с ним. Женщина подняла крик в деревне: поймали, мол, Минди мы. Пришли кисты, окружили башню. Квирике спрыгнул с крыши и ушел. Минди сказал тут брату:

— Спрыгну и я, следуй за мной.

Да брат его оказался малодушным, начал плакать: не смогу, мол, спрыгнуть я. Минди принес себя в жертву, не оставил брата. Обманом заставили кисты его разоружиться, связали ему в башне руки и покончили с обоими. Кисты вырезали у Минди сердце, разделили его, дали отведать беременным женщинам: авось сердце Минди вложится им, авось родятся у них похожие на Минди дети.

[В народе так поют¹⁵ о смерти Минди:]

Хогаис Минди умирал —
Солнце краснело, ярилось,
Небо гремело, земля грохотала,
Душа с трудом покидала тело.
Падали звезды на землю,
Луна всходила справа.
Ястреб, соколы и орлы
Били неистово крыльями.

Зверь высоких скал
Собирался, чтоб оплакать его.
Конь его осиротевший
Серый вставал на дыбы.
Жена его несчастная
Одевалась в черные одежды.
Мать его бедная
И плакать была не в силах.
Отец его несчастный
Рвал на себе волосы, бороду.

66. Бой драконов

Двенадцать тушин¹ под водительством Мекобаури² пошли к лезгинам.

Через несколько суток зашли они в такое место, где совсем сбились с пути. Заночевали они в каком-то удивительном лесу с развороченными деревьями, в болоте, в котловане. В полночь вокруг спящих тушин кольцом обвился дракон толщиной со ствол чинары. Голова его лежала на его хвосте.

Увидев ужас на лицах тушин, дракон стал ластиться к ним, лизать им ноги. Наконец совсем он снялся оттуда и лег поодаль. Успокоились тушины, видя, что дракон не трогает их. Вдруг дракон головой дал им знак следовать за ним. Как только задерживали шаг тушины, останавливался и дракон. Подошли они к реке — такой бурной, что барс не сравнился бы с ней. Тут дракон вытянулся и положил голову на противоположный берег реки. Хвост его оставался на этом берегу. Лег он мостом и подал знак тушинам: пройдите, мол, по мне.

Мекобаури встал на хвост дракона, да сошел обратно — мягок был хвост.

В третий раз, как поднялся он, упругой стала спина, и тогда только кликнул он товарищей: за мной идите!

Прошли через реку. Там в котловане озеро стоит и гнездится в нем другой дракон. Никого из мимо проходивших не пропускал он, оказывается, всех уничтожал.

Вдруг взбаламутилось озеро, содрогнулось, и из него выпрыгнул дракон величиною с гору. Полтуловища в воздухе у него — так высоко он держит голову. Летит как стрела, с воем.

А первый дракон повернулся и у тушин помощи просит. Потом и он ощерился, поднял голову и ринулся на врага. За ним пошли и тушины.

Схватились драконы, борются насмерть. Вышедший из озера дракон силу берет, теснит другого. Вот-вот убьет его! Сказал тут Мекобаури тушинам:

— А ну, тушины, нашему дракону трудно приходится, не дадим его убить, ударим нашими мечами. Схватились тушины за мечи и напали на вышедшего из озера дракона, отсекли ему хвост. Тут и их дракон помог, и убили они большого дракона.

Потом победивший дракон снова подал им знак: за мной, мол, идите. Пришли они к глубокой норе, где большого дракона детеныши, оказывается, были. Перебил их меньший дракон. Потом из той же норы достал он ружье буча³, франкский меч и различные доспехи. Роздал он их тушинам и вывел их на дорогу. То ружье из драконовой норы и сейчас по ту сторону гор, в селении Гуро⁴, находится. Тот франкский меч тоже у хевсурского героя Мамуки Калундаури⁵ был. Потом, как убили его тушины, тогда и забрали его обратно.

С тушинами на охоте какое дело случилось?

Скрылось, Мекобаури, с глаз твоих солнце.

Спустились они по тропе драконьей, думали —

то след сорвавшегося дерева...

Дракон лег мостом через реку, идут по нему тушины.

Дракон с драконом бой ведет по божьему велению.

Франкский меч Мекобаури надвое рассекает дракона.

67. Живая кольчуга

На охоту пошел Торгва¹. В одном месте провалился он в ледяную трещину. Там дракон находился, оказывается, и упал Торгва ему на спину. От холода и голода погибал Торгва. Жалел его дракон, доставал свой драгоценный камень и давал ему полизать. И грел он его, и кормил. Побратимами они стали. Тот дракон подарил Торгве кольчугу боевую — бегтари. Такое имела она свойство: там, где приходился на нее удар меча, попадала пуля или стрела, все петли кольчуги собирались, скапливались в одном месте, и никакое оружие не могло поразить ее владельца.

Но в конце концов улетела кольчуга. И погиб Торгва от стрелы пшава Чоты. Красным цветом окрасилась десница Торгвы...

Говорят и так, что, собираясь в одном месте, железные петли кольчуги отбрасывали пулю обратно. Ни днем, ни ночью не снимал кольчуги Торгва, и враг никогда не победил бы его, если бы не несчастный случай.

Однажды купался Торгва в теплом источнике. Во время купания река унесла лежавшую на берегу кольчугу, и кровник убил его.

Спускались по Андаки² восемь охотников.

Торгва спускался также — олень в весеннюю пору.

Грустно шагает он, видны на лице следы слез.

— Кольчугу куда ты дел, Торгва, побратимом дареную?

— На охоту пошел я, выслеживал дичь.

Спустился в Арчило, набрел на теплый источник³.

Спустился купаться, сбросил кольчугу.

Тогда и потерял я ее, не усмотрел за проклятой.

Так поплыла кольчуга моя, словно волны реки.

Послал я погоню за ней, но нигде следов не нашли ее.

Иду я оттуда. Что же было делать? Оттого и следы слез
на лице у меня.

68. Бездетная невестка и змей

В селении Шилда в одной семье жили двенадцать братьев со своими женами. У одиннадцати из них были дети, один же брат бездетным был.

В этой многочисленной семье хлеб пекла всегда бездетная невестка. В амбаре, откуда брала она муку, жили две змеи — самка и самец. Об этом знала только та бездетная женщина. Она ходила за теми змеями, кормила их и укрывала. Однажды собралась она куда-то уехать. Заранее напекла она хлеба на несколько дней, а невесткам наказала не доставать муки из амбара и не печь хлеба без нее. После отъезда той бездетной женщины невестки нарушили обещание, решили выпечь хлеб. Когда пришли они за мукой, увидели в ней змей. Одну из них они убили, другая успела уйти. Вернулась бездетная невестка и, узнав о смерти змеи, сильно опечалилась. Однажды ночью, когда вся семья спала, приползла оставшаяся в живых змея и перекусала всех. Многочисленная семья погибла. Остался лишь один из братьев, случайно отсутствовавший в ту ночь.

69. Шубнури

Шубнури¹ является в виде змеи. Из Тушети привели его. Из Тушети пришел один татарин. Повстречались, оказывается, с ним на горе ликокские² пастухи и надумали его убить. Взмолился он: «Дзима, не убивай!» «Дзима» сказал он вместо грузинского «дзма»³, так как плохо говорил по-грузински. Все же раз успел он назвать их братьями. Взяли они его с собой и выделили ему место поодаль от села. Поселился он там. Полюбил хевсурскую женщину, и имела она от него сына. Невзлюбили их другие хевсуры и не пускали их к себе.

Тогда большим было село Шубани, до шестидесяти дымов. То село особенно притесняло «дзиму». Не давали ему покоя совсем. Ту полюбившуюся ему хевсурку он в жены взял и имел с ней сыновей девять. Прозвали их Дзимаисдзе⁴. И были они самолюбивыми и храбрыми юношами. Пока подрастали сыны у «дзимы», сильно его притесняли. Решил он пойти и в помощь от врагов привести из Тушети Шубанского джвари, побратима Копалы. Пошел он, принес оттуда серебряный кубок и тайком положил его в доме своих притеснителей в землю. Их было три брата. После того как зарыт был в землю кубок, в доме посреди очага вырос ясень. Братья срубили его и выбросили. На второе утро вновь вырос ясень, и вновь его срубили. В третий раз из земли вышла вместе с ним змея и обвилась вокруг дерева. Почувствовали, что тут что-то неладно, и оставили все дом. Одного брата звали Чалхи. Засыпал он жару в дом и сжег его. Сам же, зажегши огонь, сейчас же ушел оттуда. Когда отошел он далеко, оглянулся: хотел взглянуть на огонь. Оглянулся, а в это время искра, вылетевшая из огня, попала ему в нос. Почувствовав жжение в носу, схватился он за него рукой. Нос отвалился, упал на землю и остался Чалхи без носа.

С тех пор выселились из Шубани все шестьдесят дымов, и расположился там Шубнурис джвари. (Шубнури является и в виде гончей и в виде змеи.) И сейчас владеет он тем местом. Иногда ту змею видят. Однажды шел, оказывается, Квирика Ликокели, житель села Карцеулта, и увидел в конце Квате (то название местности) лежащую змею, очень большую. Большие глаза у нее были, и осматривала она Квате. Квирика, оказывается, бросил в нее три камня. Попали все три, но она и не шелохнулась и продолжала оглядывать Квате.

Квирика перестал кидать камни и пошел домой. Не прошло и недели, как трое детей умерло у Квирики — два сына и дочь. Хевсуры приписали это камням, брошенным в змею⁵. Теперь ликокцы каждую змею принимают за шубанскую святыню, не убивают их, и они там расплодились очень сильно. Та змея, будто бы, в год один раз, весной, проползает мимо ликокской реки. Осмотрит там Копаловы владения и пройдет до того места, где ликокские воды впадают в большую Арави. Потом вернется обратно по воде в свои шубанские земли.

Шубнури повинуется Копале и всем его слугам. Если где-либо какой ликокский житель попадет в беду, — или Шубнури он призовет или Каратского джвари. Они сейчас же распорядятся: либо мцевари — гончую пошлют ему в помощь, либо «змееподобного»⁶.

70. История Пулду Калдана

Пулду Калдан жил в старину, мудрец. Однажды ночью три волка¹ подошли к его дому. Ночь была очень темна, и шел дождь. Волки завыли. Взял Пулду Калдан и бросил им одну овцу. Благодаря той овце остались в ту ночь живы голодные волки.

На второй день волки — не вечно же им сидеть у его дома — ушли.

Однажды Пулду Калдан поехал в горы Мегрелии на промысел. Навстречу ему попался юноша мужественного облика и спросил его:

— Кто ты?

— Пулду Калдан я.

Крикнул тот юноша двум своим товарищам:

— Пулду Калдан это. Это он бросил нам овцу — накормил голодных.

Оказалось, что эти юноши и есть те волки. Сперва один пригласил его к себе в дом, потом другой, потом третий. Под конец спросили они его:

— Чем одарить тебя?

Отказался от подарка Пулду Калдан, но попросил их:

— Тем скрытым знаниям, что есть у вас, научите меня.

Тогда отвели они его в сторону и взяли с него клятву, что ни с кем не поделится он их знаниями, никому о них не скажет.

Постиг Пулду Қалдан все тайны: голоса животных, голоса птиц — вплоть до языка пресмыкающихся все изучил он.

Вернулся он со своей свитой домой и погнал перед собой стада быков и коров и всякой живности до домашней птицы — без числа.

Теперь у него свои коровы, свои телята, свои лошади, свои жеребята. Зовут матки жеребят в свое стадо — и все это разумеет Пулду.

Қобылица заржала однажды и кричит своему жеребенку:

— Торопись, за нами гонится войско, торопись домой! Ведь ты краса и прибыль всего стада!

Погнал Пулду жеребенка, отобрал лучшую часть стада и спешно перевалил с ними через горы.

Часть стада осталась с его свитой по ту сторону горного перевала. На другой день вернулся назад Пулду и поднялся на вершину горы. Поглядел оттуда и видит, что вся его охрана и стадо уничтожены.

Вернулся он домой. Лег спать с женой. На кровле дома расстелена была для просушки пшеница. Прилетела маленькая белая птичка мушкарил — птичка березового дерева, начала клевать ту пшеницу. Выснулась из норки мышь и заворчала на нее:

— Пулду Қалданова эта пшеница, не клюй ее.

Услышал это Пулду Қалдан и засмеялся. Спросила его жена:

— Чему смеешься?

В тяжелое положение попал Пулду. Что сказать ей? Нельзя выдать тайну, а разве жену уймешь...

Вдруг взлетел высоко петух и крикнул Пулду:

— Смотри, не допусти ошибки, не выдавай тайны своей жене. Если не замолчит она, смажь ей губы горячей головней.

Взял Пулду Қалдан жару и припугнул жену, заставил ее умолкнуть. Так и не выдал он тайны и счастливо прожил всю жизнь.

71. Карах-Охотник

В некотором царстве змей жил охотник по имени Карах. В этом царстве из боязни навлечь на себя гнев царя змей никто не решался охотиться. Право охоты было даровано царем

змея лишь одному славному герою Караху, который и получил прозвание Охотник.

Однажды во время охоты Карах-Охотник был поражен необыкновенным зрелищем: какой-то старый змей совершал грубое насилие над супругой царя змей. Увидев подобное унижение царицы, верноподданный Карах-Охотник тотчас натянул свой лук и пустил стрелу в оскорбителя царской чести. Но шальная стрела не попала в цель, а оторвала у царицы часть хвоста. В горе от своей неудачи Карах-Охотник побрел к себе домой, не зная, как и быть.

Царь змей, заметив, что у его супруги поврежден хвост, сильно разгневался. Решив, что такую обиду не мог нанести ему никто, кроме Караха-Охотника, царь тотчас приказал двум своим слугам-змеям тайно проникнуть в жилище изменника и умертвить его.

Царские слуги, прибыв к Караху-Охотнику, прежде чем он успел вернуться с охоты, незаметно проползли в его жилище. Они спрятались и стали выжидать, что будет дальше. Наконец пришел домой опечаленный Карах-Охотник.

Жена спрашивает мужа:

— О чем ты так горюешь?

— Как мне не горевать. Постигло меня несчастье. Сегодня на охоте я невольно совершил тяжкое преступление: нечаянно задел стрелой хвост у нашей царицы и изуродовал его,— ответил Карах-Охотник и поведал жене обо всем, что случилось.

Убедившись, что муж действительно не виноват, жена стала всячески успокаивать его. В то же время и притаившиеся змеи, подслушав разговор супругов и тоже убедившись, что Карах-Охотник не только ни в чем не повинен, а наоборот, решили избавить его от гибели. Они отправились к царю и рассказали ему все, что слышали в доме Караха-Охотника.

Царь похвалил своих слуг за то, что они избавили знаменитого Караха-Охотника от незаслуженной смерти, и приказал позвать к нему самого героя: он решил наградить его достойным образом.

Змеи ранним утром прибыли к Караху-Охотнику и передали ему приказание царя. При этом сказали ему:

— Предупреждаем тебя, что царь выслушает тебя, а потом свистнет, и соберутся к нему все змеи со всего его цар-

ства. Ты не бойся: ничего не будет худого. Царь предложит тебе указать того самого змея, который дерзнул оскорбить царицу. Ты смело укажи виновника. Царь тотчас убьет его, а потом обратится к тебе и спросит, какую ты желал бы получить от него милость. Советуем тебе, попроси у царя только одного: пусть позволит тебе лизнуть у него под языком. Верь нам: от прикосновения твоего языка к царскому ты получишь такой дар, который составит верный источник твоего благополучия на всю жизнь.

Получив такое наставление от змей, Карах-Охотник отправился вместе с ними к царю. Царь змей встретил Караха-Охотника очень ласково. Карах-Охотник рассказал ему всю правду: как во время охоты он увидел насилие над царицей и как, намереваясь убить дерзкого змея, случайно задел стрелю хвост царицы. Царь обласкал героя и вдруг свистнул со всей своей страшной силой. И тотчас предстали пред ним змеи со всего его царства. Царь попросил Караха-Охотника указать змея, оскорбившего царицу. Карах-Охотник смело обошел все ряды змей, но среди всего этого бесчисленного множества змей не оказалось того, которого он искал. Тогда разгневанный царь спросил собравшихся змей:

— Все ли мои подданные здесь и не отсутствует ли кто?

Змеи ответили, что отсутствует лишь один седой змей, который отстал дорогой и, верно, скоро прибудет. Наконец вдали показался и сам седой змей. Завидев приближавшегося змея, Карах-Охотник сразу узнал его и сказал об этом царю. Царь тотчас же убил изменника, отпустил остальных змей и сказал Караху-Охотнику:

— Ну, герой, теперь проси у меня, чего хочешь. И твое желание немедленно будет исполнено.

Карах-Охотник ответил:

— Царь змей! Не хочу никакой твоей милости! Прошу только, позволь мне коснуться языком основания твоего языка!

Царя крайне удивила подобная просьба Караха-Охотника, и он стал ему советовать попросить чего-нибудь другого.

— К чему тебе это?! — говорил он. — Исполнение твоего желания угрожает тебе смертью.

Несмотря на это предостережение, Карах-Охотник упорно настаивал на своем. Тогда царь дозволил ему лизнуть под своим змеиным языком и отпустил его.

Оказалось, что от прикосновения к языку царя змей Карах-Охотник получил способность понимать язык всякого живого существа и даже растений.

Возвращаясь медленно к себе домой, он стал прислушиваться и к голосам животных, и к шелесту листьев, и во всем этом он открывал не известный ему ранее смысл. Но при этом, по внушению самого царя-змея, он ни под каким видом не должен был раскрывать перед людьми той тайны, обладателем которой он стал, иначе он подвергал опасности погибнуть, согласно предсказанию царя-змея.

По пути к себе домой Карах-Охотник набрел на стоянку баранты и попросился на ночлег к пастухам. Пастухи приняли Караха-Охотника радушно и с наступлением ночи стали его угощать ужином. Во время ужина, когда пастухи потчевали своего гостя, вдруг неподалеку поднялся вой волков, а в ответ на это — и лай пастушечьих собак. Разумеется, пастухи, которые привыкли и к волчьему вою, и к собачьему лаю, ничего особенного не видели в том. Но Карах-Охотник, обладавший сверхъестественной способностью понимать язык зверей и растений, начал внимательно прислушиваться. Волки гово-
рили:

— Скорее бы уснули пастухи. Мы бы тогда зарезали всю баранту!

Собаки на это возражали:

— Если бы наш хозяин накормил нас мясом, набрались бы мы сил и прогнали бы вас!

Услышав эти взаимные угрозы собак и волков и ничего не открывая пастухам, Карах-Охотник упросил пастухов, чтобы они, ради него, своего гостя, зарезали одного какого-нибудь барана и его мясом накормили своих собак. Не зная истинных побуждений Караха-Охотника, пастухи были крайне удивлены его вниманием к овчаркам, но тем не менее исполнили его просьбу и бросили мясо собакам.

Тем временем Карах-Охотник заметил, что одна из овец в стаде разрешилась сразу парой ягнят — самцом и самкой. Ягнята стали блеять, причем самец говорил:

— Я увеличу хозяйскую баранту на сто штук!

А самка говорила:

— Я сама принесу сто ягнят!

Карах-Охотник запомнил слова ягнят и скоро задремал. В полночь находившиеся вблизи волки набросились на стадо.

Между собаками и стаей волков завязалась драка. Тут подошли проснувшиеся пастухи и прогнали волков. Обрадовавшись спасению стада от волков, пастухи предложили своему гостю на память об этом случае взять из стада чего сам пожелает. Карах-Охотник ничего не пожелал взять от пастухов, кроме тех двух ягнят, которые появились на свет в эту ночь, и их матки. Пастухи, не зная как много обещали эти ягнята, были смущены подобным скромным желанием своего гостя. Но делать было нечего. Они исполнили его просьбу и на рассвете распрощались с ним, отдав ему ягнят и их матку. Неся в сумке нежных ягнят и погоняя перед собою их матку, наш Карах-Охотник медленно продолжал свой путь домой.

По дороге Карах увидел беременную женщину с ребенком на руках, которая ехала на жеребой кобылице, за которой следовал ее жеребенок. Кобылица шла довольно быстро, и жеребенок отстал на значительное расстояние. Жеребенок ржал и просил свою мать идти медленнее. Кобылица на его просьбу отвечала:

— Ты видишь, я несу на себе еще четыре души: одну в своей утробе, женщину, ее ребенка и ребенка в утробе женщины. И тебе не стыдно еще отставать от меня?!

Наконец Карах-Охотник прибыл к себе домой.

Однажды жена Караха пекла хлеб. Вдруг в это время Караху-Охотнику вспомнился услышанный в дороге разговор кобылицы с жеребенком, и он невольно рассмеялся. Любопытная жена пристала к Караху-Охотнику и стала просить его рассказать, чему он смеется. Карах-Охотник отказывался удовлетворить любопытство жены, но та стала еще сильнее настаивать, чтобы он непременно открыл ей причину своего смеха. Муж просил ее не приставать к нему, уверяя, что это тайна, обнаружив которую он тотчас же умрет. Но жена не отставала и все требовала от мужа открыть ей тайну, хотя бы ему пришлось действительно умереть от этого. Делать было нечего. Мягкосердечный Карах-Охотник уступил упрямству своей жены и решил открыть свою тайну. Предварительно он предложил своей назойливой жене приготовить все нужное для его похорон.

— Вот, кстати,— сказал он.— Ты печешь хлеб, так приготовь и всякой другой провизии, а также пригласи и гостей на тризну. Когда я умру, все у тебя будет готово, и ты можешь с честью похоронить меня!

Жестокая жена стала готовиться к похоронам своего мужа.

Узнав о намерениях своего любимого хозяина, опечалились все домашние животные и птицы, принадлежавшие Караху-Охотнику. Нисколько не тужил о предстоящей смерти Караха-Охотника лишь один петух. Одна из куриц, за которой погнался неугомонный петух, сказала ему с упреком:

— Охота тебе гоняться за нами! Разве тебе не жаль, что ни за что, ни про что погибает наш добрый хозяин?!

На это петух возразил:

— Мне ничуть не жаль нашего хозяина! Он слишком глуп и потому становится жертвой капризов своей жены! Ты видишь, какое множество у меня жен — вас, кур, и как всеми вами я управляю по собственной своей воле. Ни одной из вас не позволяю противоречить мне! А ведь у нашего хозяина всего одна жена, и он, такой сильный, не может управиться с нею! Если бы он понимал наш язык, то я бы дал ему разумный совет, как поступать со своею женой. Но что делать, он моего языка не понимает! Надо бы взять гибкую палку и, как жена пристанет к нему, так и начать дубасить ее. Тогда бы она быстро угомонилась!

Услышав разговор петуха с курицей, Карах-Охотник вдруг опомнился: он понял свою ошибку, понял, что действительно весьма глупо с его стороны слепо повиноваться жене, и решил последовать совету петуха. Поспешно принес он гибкую кизилковую палку — и ну бить ею свою любимую жену! Карах-Охотник бил свою жену палкой до тех пор, пока она окончательно не покорилась и не стала у него просить прощения за свою назойливость. Так научил петух Караха-Охотника, а через него и всех людей исправлять любопытных и непокорных жен.

О ВОЗБУДИТЕЛЯХ БОЛЕЗНЕЙ

72. Оспа и корь

Оспа и корь — братья. Мать их жива и живет на вершине очень высокой, неприступной скалы, на берегу моря. Время от времени мать посылает своих детей к людям. Жилища оспы и кори в старину, давным-давно видел один человек.

В старину однажды семья ехала по морю на корабле. Поднялась на море буря, и корабль погиб. Кто был на корабле, погибли все, кроме одного человека, которого морская волна прибила к подножию громадной скалы. Полез человек на скалу и с большим трудом поднялся на ее вершину. Тут увидел он широкое поле. Там же увидел он большой прозрачный родник. У родника стояла нагая женщина и стирала белье. Бела как снег была эта женщина. Груды она закинула за спину. Подкрался этот человек к женщине и коснулся зубами ее груди¹.

Вздрогнула женщина, удивилась. Сказала она человеку:

— Что заставило тебя прийти сюда? В твои края послала я своих детей. Посетили ли они тебя?

Рассказал ей о своих злоключениях человек и просил по-

казать ему ее жилище. Женщина того человека отвела в свой дом. Посреди дома стоял там столб. Тот столб со всех сторон был обит человеческими глазами. Человек захотел узнать историю этого столба. И та женщина рассказала ему:

— Сколько испортит мой сын глаз у людей, столько несет сюда и прибывает к столбу². Тогда лишь губит он глаза людям, если они во время болезни пылят в доме или же льют на огонь воду.

Во время этой беседы вернулись оспа и корь. Мать заступилась за этого человека, попросила оспу вернуть его домой невредимым.

— Я только от бога,— говорит оспа.— Завтра шлет он чуму на его соседей. Отошлю я его с нею.

На вершине той скалы и другие болезни жили, оказывается. Из землянок в нескольких местах валил дым и виднелось пламя. Мать оспы и кори назвала жилище каждой болезни, показала и дом чумы — откуда шел черный дым.

— Только у насморка здесь нет постоянного жилья,— сказала женщина.

Ночью вручили этого человека чуме, и она на второй день благополучно доставила его домой.

73. Лихорадка, горячка и смерть

Лихорадка, горячка и смерть побратались. В одном открытом поле захотелось им вдруг поесть. На склоне горы увидели они пастуха и сказали лихорадке:

— Иди, возьми у него одну овцу.

Пошла лихорадка и говорит пастуху:

— Одну овцу отдать ты мне должен.

— А ты кто, что требуешь овцу у меня?

— Я лихорадка,— говорит.

— Коли ты лихорадка, так смотри ж у меня,— сказал пастух и давай ее бить.

Вошла в него лихорадка и затрясла его. Неподалеку был холодный как лед источник: палец засунешь — онемееет. Бросился этот пастух и — бултых туда. Затряслась от холода лихорадка, бросила пастуха и ушла. Вернулась к смерти и горячке.

— Ну, с чем пришла? — спросила ее смерть.

— Сам он лихорадка, а не я, — говорит.

— Ну так я пойду, — говорит горячка.

Пошла горячка к пастуху и говорит:

— Одну овцу должен ты дать мне.

— А ты кто будешь? — спросил пастух.

— Я горячка.

— Ах, ты горячка! Ну, смотри у меня!

Схватил палку и давай ее бить.

Вошла в него горячка и задала ему жару. А у этого парня в углу были собраны овечьи шкуры. Влез он в самую середину и лежит. Не выдержала жары горячка, бросила его и ушла.

— С чем пришла? — сказала смерть.

— Горячка не я, а он сам. Чуть не сгорела я, — говорит горячка.

— Ну, теперь я пойду, — сказала смерть. — Посмотрим, получу с него овцу или нет.

Пришла смерть и говорит пастуху:

— Одну овцу должен ты мне отдать.

— А ты кто, что овцу с меня требуешь?

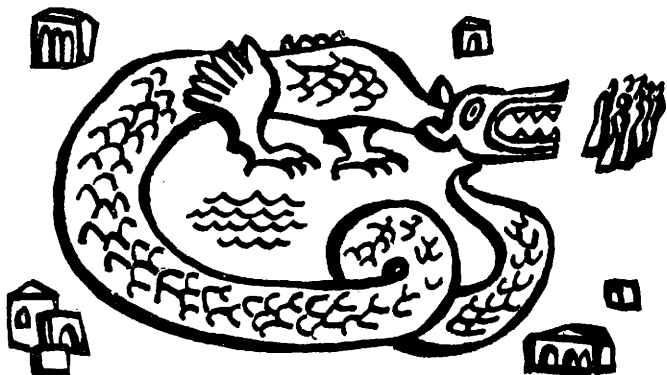
— Я смерть.

— Бери всю отару, только скажи мне, когда наступит час моей смерти.

— Не по своей воле я людей убиваю. Сейчас взгляну по списку и скажу. — Просмотрела смерть список и говорит: — Тебе двадцать лет сейчас. Восемьдесят лет еще тебе на этом свете быть. Жить до ста лет будешь.

— А коли до ста, так за что же давать тебе овцу! — сказал пастух и, взяв в руки палку, отделал и смерть на славу.

Так-то остался победителем пастух.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОРЕЙ, РЕК, ОЗЕР, ГОР И УЩЕЛИЙ

74. Цхрацкаро

Там, где сейчас бьют воды девяти источников, жил, говорят, зажиточный грузин со своей большой семьей. Девять сынов у него было. Все девять выросли и возмужали.

Однажды враг напал на их ущелье. Все девять братьев вышли навстречу врагу. Все девять полегли в бою. На девяти носилках внесли их в дом к неутешной матери, и всех она похоронила в девяти могилах на склоне горы, возле дома. Потом обошла она все могилы и оплакала каждого. Всюду, где упала горькая материнская слеза, забил источник. Поэтому и называется это место Цхрацкаро, что значит «Девять источников».

75. Озеро Абуделаури

Король Джалети¹ не смог, говорят, сломить хевсур, а долины Грузии он разорил полностью. Наконец решился он и дал приказ своему военачальнику о наступлении на Хевсуре-

ти. Среди татарского войска был один юноша. Перед походом, прощаясь с сыном, оказывается, мать сказала юноше:

— Ты идешь на войну. Прошу тебя, запомни три моих завета. Первый: помни, что ты не татарин. Второй: как попадешь в Грузию, внимательно прислушивайся ко всему. И третий: в пути старайся всегда вести свою лошадь за всадником, сидящим на белом коне.

Двинулось войско. Вторгнуться в Хевсурети днем они не решились: злы, мол, хевсуры и нанесут нам большой урон.

В ночь Атенгеноба² решили они напасть на Хевсурети: народ, мол, будет на празднике и некому будет оказать нам сопротивление.

Ночь выпала темная, дождливая и туманная. Войско шло наугад... Юноша, как всегда, вел свою лошадь по следам какого-то всадника, сидевшего на белом коне. Вдруг всадник и белый конь исчезли. Остановил юноша свою лошадь, спешился. Как рассвело, увидел он, что стоит на самом краю озера. В темноте все войско погибло в озере. Тогда вспомнил он и понял наказ своей матери. Прошло еще немного времени, и вдруг услышал он звуки колоколов. Прислушался, вспомнил, что когда-то в детстве слышал эти звуки. Решился и пошел в ту сторону, откуда слышался благовест. Пришел на празднество хевсурское. Рассказал народу, что приключилось с ним. Спросили его старейшины:

— Как выглядит твоя мать, нет ли у нее родинки на левой щеке?

— Да,— говорит,— есть.

— Сейчас же смени одежду на хевсурскую и садись с нами пировать,— сказали старейшины.— Ты сын женщины нашего рода, вместе с матерью взят ты был в полон.

76. Озеро Эрдзегашра

Один пастух был. Звали его Боши. Все лето пас он баранту в горах. Хорошо откормил он баранов. В месяц дождей перегнал Боши стадо в долину, постриг и, так как стояли погожие дни и ничто не предвещало приближения зимы, вернулся обратно в горы. Под вечер расположился он со стадом на берегу озера Эрдзегашра. Как стемнело, из вод озера вышел крупный баран и до утра играл с его овцами. Пастух в изумлении глядел на это зрелище.

Баран и на вторую ночь поднялся из вод озера. Еще полтора месяца задержался Боши в горах.

На второй год, по весне, сказал ему младший брат:

— Я пойду в этом году с барантой в горы.

Долго упирался Боши, не хотел он отпускать младшего брата, но тот настоял на своем.

Погнал младший брат стадо и также пришел к берегам Эрдзегашра. Вечером из озера вышел баран и стал покрывать маток. Удивился пастух, не удержался и вскрикнул. Шарахнулось стадо овец. Вздрогнул и чудесный баран и бросился в воды озера, а за ним попрыгало в озеро все стадо.

С пустыми руками возвратился домой опечаленный младший брат и поведал Боши о своих злоключениях.

Опечалился Боши:

— Говорил я тебе: не ходи — не то не избежать тебе худа!

Взял сейчас же Боши соинари¹, чианури², чонгури³, поднялся к озеру Эрдзегашра, сел у берега, запел и заиграл — сперва на одном, потом на другом и так по очереди на всех инструментах. На звук музыки из озера по одной вышли все овцы. Удивился их появлению младший брат и от радости опять вскрикнул. Стадо снова бросилось в воду. Горько опечалился Боши. Много он пел, играл, но стадо не возвращалось больше.

— Без баранты ни к чему мне жизнь! — воскликнул в отчаянии Боши и последовал за своим стадом, бросившись в воды озера.

После этого пастухи много раз слышали крики «гей! гей!», доносящиеся из озера. И не раз, гоня стада к горе Афун, видели пастухи, как волны прибывали к берегу озера клячьей овечьей шерсти.

77. Серебряное озеро

Серебряное озеро расположено к востоку от ущелья Ленджер¹. В старину не только пить, но даже касаться его прозрачных как слеза вод было запрещено. Говорят, один пастух осмелился бросить в озеро камень и поднялась такая страшная буря, что пастуха со всем его стадом снесло в озеро и затянуло на дно. Говорят, выслано озеро серебром. Это серебро каджи и чинки стерегут. Оттого и зовут его мегрельцы Тоба варчихили, что значит «Озеро из серебра».

78. Озеро Эрцо и дракон

Там, где сейчас на Эрцо¹ отстроились села, раньше, говорят, было озеро. Гнезвился там дракон, и это озеро было его владением. Не хватило дракону пищи, и тогда выполз он на сушу, стал опустошать стада окрестных деревень. Случалось, что, не находя скотины, нападал он и на людей.

Обнищали села, опечалился народ. Все боялись водяного чудища, но убить его не решался никто.

А дракон по-прежнему похищал по десять и двадцать голов скотины и в злобе нападал и на людей.

Разорено было все население. Кто плакал о своем дитяти, кто оплакивал потерю отца, кто — матери или жены, и горестное смятение охватило всех.

Далеко от озера находилось одно хати — сильнейшее из сильных. Прославлено было имя святыни. Звали хати именем Креста Троицы святого Георгия. Много добрых дел совершало хати. Многие слепые прозрели, а калеки стали ходить его милостью.

По сто и двести быков приносилось в жертву хати. Часть скота резали, а часть оставалась впрок.

Среди священных быков один отличался своей необыкновенной силой. «Острия рогов у него из алмаза», — говорили в народе. И впрямь, в лучах солнца, подобно алмазам, искрились его рога.

По божьему ли то делалось повелению, но каждую ночь бык оставлял свое стадо, направляясь к горе Шевардени, и тринадцать раз раздавался его рев по всей округе. Тринадцать раз повторяло эхо в окрестных селах его рев и терялось вдали.

В ответ на рев священного быка тринадцать раз кричал дракон и несся к горе Шевардени.

В первую ночь боролись они до утра. Не смог дракон справиться с быком, но и бык не сумел его победить. На рассвете расстались они. Так было и в следующие дни. Дракон возвращался вновь в свое озеро, а бык приходил в ограду церкви усталый и покрытый пеной.

— Что происходит с этим непутевым, почему покрыт он потом и пеной? — удивлялся пастух.

Девять ночей боролся бык с драконом и на девятый день побил его: поддел алмазными рогами и вспорол ему брюхо.

Испугался дракон, повернул на восток. Там, где воды реки Адзеба вливаются в реку Иори, стояла тогда высокая гора. Двинул ее головой дракон и обрушил. Обрушил и ушел. Пошел вслед за пролившимися туда водами Иори и укрылся в Каспийском море.

За драконом пошли и воды озера, и высохло оно совсем. Текут там лишь воды реки Адзеба. Извилисто ее русло, и говорят теперь, что так извивался дракон, спасаясь от быка, и русло реки идет по его следу.

Так осушились эти места. Лишь кое-где оставшаяся вода образовала болота. На суше выросли села, и зовут эту местность Эрцо, что значит «Качнулось», как качнулись воды озера, устремившиеся вслед за драконом.

79. Озеро и змей

Здесь есть озеро, в котором, по преданию, жил некогда змей. Однажды он похитил девушку и поселил ее у себя, стал с нею жить и пришелся ей по сердцу. Змей увлек ее в озеро в то время, когда родители хотели выдать ее за нелюбимого человека. Долго брат искал сестру и наконец нашел ее на берегу того же озера, уже забеременевшую от змея, и привел ее домой. Змей при расставании с возлюбленной дал ей три золотых, которые затем были повешены на крест местной церкви. В ясную погоду эти золотые можно было видеть издалека. Но напали турки и унесли в числе прочего те три золотых.

80. Женщина-камень

Когда шах Аббас¹ разорил Кахети, население бежало в леса. Среди других бежала одна молодая красивая женщина. На плече она несла люльку с малышом и держала за руку трехлетнюю дочь. Сопровождали ее две собаки.

Поднявшись на гору, остановилась она, чтобы перевести дух. Поставила колыбель наземь. Враги были уже близко. Бежать не было больше сил. Оглянувшись на приближавшихся преследователей, женщина взмолилась:

— Пусть лучше превращусь я в камень, чем попаду в руки врага!

И вправду, стала она камнем. Рядом с ней стоит окаменевшая люлька с ребенком, ее дочь и две собаки.

Говорят, эта женщина была из рода Гоголадзе, и ныне живущих в селе Сабуз². Когда случается сильная засуха и песни Лазаре³ не помогают, собираются и сейчас женщины со всего села и сталкивают этот камень в ручей, протекающий рядом. Но среди них непременно должны быть женщины из рода Гоголадзе. Одна из них погладит рукой камень и шепнет ему: «Мамида⁴, иди за мной»,— и камень легко скользит в воду. Наоборот, если идут чересчур обильные дожди, то камень отодвигают подальше от берега. Если не будет среди женщин никого из Гоголадзе, не сдвинуть камень с места. Так и зовут его калква, что значит «женщина-камень».

81. Кахетинское море

Раньше вся Кахети, от края до края, от Душети до Нухи, была покрыта водой. Стояло здесь море. Народ жил в горах¹, однако вода и там не давала жителям покоя. Она поднималась все выше и выше, пока не достигла людских жилищ. Тяжелой стала жизнь, не осталось ни пахотных земель, ни пастбищ. Думал народ: «Как же быть? Если так пойдет дальше, вода покроет и вершины гор. Погибнем все, жизни не будет нам». Собрались, посетовали друг другу, поделились заботой, погоревали вместе. Среди этого горя и стенаний вышел вперед один угольщик и обратился к народу:

— Собранию желаю здравствовать! Высоко в горах жгу я уголь. Часто гляжу я оттуда на море и вижу, что вода не стоит на месте. Она поднимается вверх, движется из стороны в сторону, ищет выхода. По-моему, надо найти ей выход — прорубить сток и спустить воду.

— И мы об этом думали. Но не под силу никому найти этот сток,— ответил ему народ.

— Я вот что вам предложу,— сказал тогда угольщик.— Сплетем крепкое годори², наполним его углем и бросим в воду. Вода сама понесет его по течению. Куда прибьет его водой, там и прорубим ей сток, прорежем канал, а вода сама прорвет его глубже и найдет себе выход.

Народу понравился совет угольщика. Полное угля годори бросили в море.

Вода подняла годори на поверхность, несла, несла его и прибила к тому месту, где сейчас русло Алазани³. Там Тушино-Сигнахский хребет, оказывается, смыкался с Нухинскими горами. Собрался народ со всей Кахети, прорезали эту гору и прорубили сток, спустили воду. Двинулись морские воды, пошли и спустились по Алазани. С тех пор построилась красавица наша Кахети. И жизнь здешних грузин расцвела.

82. Джефир, Атени, Тана и Ховле

Был Джефир¹. Могучий был человек, редкой силы. И жена его была ему под стать. В Церети² жил он. Болел душой Джефир за бедный народ.

В старину, сказывают, в Атени³ большое безводье было и народ страдал очень. Вот Джефир отломил большую глыбу от скалы, срубил громадные ели, скрутил их, подвязал к каменной глыбе, впрягся в нее вместе с женой и стал пахать. Ущелье Атени, оказывается, он прорыл. Тана, наша речка, говорят, раньше не в нашу сторону текла, а по другому склону. Джефир нарочно провел борозду своим плугом и спустил ее воду в нашу сторону. И народ он поселил тут впервые. Село Джебири, что в начале ущелья Атенского стоит,— его имени.

Прослышали жители села Ховле⁴, что Джефир провел атенцам воду, попросили его провести воду и к ним. Джефир поставил им условие:

— Если каждый день к обеду и ужину станете мне присылать по семь буйволов и семь тоне⁵ хлеба,— проведу.

Согласились ховлельцы. Начал Джефир прокладывать борозду своим плугом. На порядочное расстояние провел уже, но как довел ее до ущелья Дзелгами⁶; ховлельцы решили, что дальше они и сами управятся, и нарушили условие, не стали посылать ему пищу. Крепко обиделся Джефир. Вызвал к себе ховлельцев и, когда убедился в их замысле, взял свой плуг, сделанный из каменной глыбы, и забил его в ту борозду.

— А ну, теперь проводите себе воду,— сказал он и показал им спину.

С тех пор остались жители села Ховле без воды. Что поделаешь с этой скалой?!

Так-то случилось с ховлельцами.

Однажды поднялся Джефир на хребет Данахвиси⁷ и увидел, что строят Атенский храм. Крикнул мастерам:

— Что за коробочку мастерите?

Как узнал, что строят храм, закричал им:

— Бросьте сейчас строить эту коробку — не то, как размахнусь этим камнем, разнесу все в щепки.

Мастера не бросили строительства. Тогда подошел он поближе, стал на горе Размити⁸ и сбросил громадную скалу сверху. Но божьей силой остановилась та скала на крутом, отвесном склоне. И сегодня народ зовет ту застывшую на лету скалу Игория, что значит «Катящаяся». Это брошенная Джефиром скала. Вблизи она высотой в три человеческих роста.

На том и кончилось могущество Джефира. Вскоре умер он. Его могила там же, на горе Размити. Надгробный камень на ней длиною в рост трех рослых молодцов.

Так-то оно было.

83. Несчастливая любовь

Никому не удавалось отвести воду от реки Курмухо по крутому склону Курмухского ущелья. Много раз пытались прорыть там канал, но не смогли и наконец забросили это дело.

Именно в те времена жил в селе Кахи священник Хуцишвили. Очень красивая была у него дочь — девушка на выданье. Увидел ее однажды один знатный татарин. Издалека приехал он в село, пошел к священнику и взмолился:

— Сгораю от любви к твоей дочери, отдай ее за меня замуж.

Священник затужил: как отдать дочь за иноверца, магометанина?

Очень красивым и статным юношей был татарин. Приглянулся и он поповне. Что было делать священнику? Решил он задать нежеланному зятю невыполнимую задачу:

— Коли проведешь, — сказал он, — по склону Курмухо за церковную ограду воду, отдам за тебя дочь, а нет — так с глаз моих долой, уходи, откуда пришел.

Татарин взялся за дело. День и ночь работал он. Прорыл гору и не сегодня-завтра должен был пустить воду.

Затосковал священник. Не думал он, что справится татарин с неслыханно тяжелой задачей. Не оправдались его расчеты, и должен он был отдать дочь в жены чужанину.

Очень горевал священник. Тут пришла к нему одна ведьма-старуха и сказала:

— Если хочешь спасти дочь, отдели в твоей отаре маток от ягнят, в стаде — коров отдели от телят. Три дня пусть они будут врозь, пусть наголодаются вдосталь! А затем пусти их друг к другу. Смешается скотина, поднимется рев и бляение. Матки станут искать детенышей, ягнята и телята — маток. Тут пойду я к татарину и скажу ему: «Слышишь горестные вопли и стоны в доме у нашего священника? То поповна высохла с тоски по тебе и отдала богу душу. Горит там все с горя, потому и слышны крики, стоны, плач и шум».

Пришелся по душе священнику совет старухи. Юноша же, узнав о смерти девушки, застонал, разбил себе киркой голову и бросился в канал.

А по ту сторону ущелья девушка, узнав о гибели жениха, упала как подкошенная и тоже умерла.

Обоих похоронили на горе Курмухо: одну — по одну, другого — по другую сторону канала. Розы и цветы выросли на их могилах. Все вокруг жалели безвинно и безвременно погибших. Сердце болело за них у каждого, и все грозилось убить старуху. От страха разорвалось у той старухи сердце. Понесли ее и закопали в том канале меж их могил. Вырос у ее могилы колючий кустарник. Раньше по весне цветы с тех двух могил тянулись друг к другу и сплетались между собой: А теперь колючий кустарник торчал между ними и преграждал им путь.

84. Канал царицы Тамар

Тамар¹ царицей была. Хотела она прорыть канал. Забирала малых детей на оброк и старились они там, а канал все никак окончить не могли. Как настал конец работам, провели канал, поставили мельницу на той воде, насыпали пшеницу — смололась кровь. Тогда сказала Тамар:

— Эге! Большой на мне грех. Где же слыхано, чтоб кровь шла из пшеницы?

Бросила она тот канал, вернулась к реке Алазани и спустила туда воды с канала. А след его и сегодня виден. Зовут его каналом царицы Тамар.

85. Коши-гора

Однажды царица Тамар пожаловала со своей многочисленной женской свитой в Шуамта¹. Незадолго до того прошел дождь. На второй день женщины из свиты Тамар очистили свои коши² и набралось столько земли, что образовалась большая гора. Эту гору и сейчас зовут Коши-гора.

86. Кали-аквана

Один пастух на высокой горе пас овец и каждый день играл на свирели. Услышала в башне девушка звуки свирели. Не удержалась она и покинула свою башню. Ей казалось, что звуки раздаются очень близко, но пастух-то, оказывается, играл на вершине горы.

Устала девушка, не смогла долго идти, и коши ее стоптались. Крикнула она пастуху:

— Спустись сюда.

Сбежал пастух с горы вниз.

— Кто ты? — спрашивает девушка.

— Горный пастух!

— Нет, не тебя я звала. Тот сладко играет на свирели,— сказала девушка, испугалась, стала плакать и решила вернуться в башню.

Юноша достал из кармана свирель и заиграл на ней...

— Откуда пришел ты? — спросила девушка.— Где твой дом?

— Мое пристанище — высокая гора. На зеленой траве я лежу, а надо мной тень высокого дерева,— юноша отвечал.

— Уведи меня к себе. Но ходить мне трудно. Возьми меня на руки и неси так. Да смотри, не прекращай игры на свирели— иначе мне станет страшно и я убегу от тебя,— сказала ему девушка.

Подхватил радостный юноша девушку на руки — легкой она ему показалась,— заиграл на свирели и пошел в гору.

Шел он, полный радости и желаний, торопился взойти на вершину. Но гора была очень высока, и вершина ее была очень далека.

Медленнее стал идти юноша, все тяжелее становилась ноша. Но как только умолкала свирель, юноша чувствовал,

что девушка ускользает из его рук, и он начинал играть громче.

Все медленнее шел в гору юноша, но не прерывал напева свирели.

Кое-как дошел пастух до вершины горы. Качаясь, подошел к своему стаду, усадил девушку под деревом и положил голову ей на колени. Звуков свирели не стало слышно.

— Играй, играй на свирели — не то страшно мне! — воскликнула девушка.

Юноша молчал. Тяжелою стала ноша девичьим коленам. Она посмотрела вниз и увидела, что свирель лежит на земле.

В тот миг завыла собака пастуха.

Говорят, девушка с помощью собаки вырыла могилу юноше и похоронила его на той горе. Девушку и собаку с тех пор никто не видел, а гора эта и сейчас зовется Кали-аквана¹, что значит «Поднятие на гору девушки».

87. Самгори

В поле Самгори¹, рассказывают, пасли стада трое: одна девушка и двое юношей. Юноши, оказывается, оба любили эту девушку. Но сказать ей об этом ни один не решался. Наконец положили они меж собою: «Скажем девушке то, что лежит у нас на сердце, и пусть она составит счастье того, кого изберет сама. А второй отступится от нее навсегда».

Так и сделали. Сказали ей:

— Оба хотим тебя в жены, и ты реши нашу судьбу, даруй жизнь избранному, а смерть — отвергнутому.

— Оба вы мне милы,— сказала им девушка.— Ни одного не решусь потерять. Давайте положимся на решение судьбы. Я стану посреди поля, вы же — в начале поля и в конце. Достанусь я тому из вас, кто раньше добежит до меня,— его суженой стану.

Согласились пастухи. Стала девушка посреди поля. Отметили равное расстояние и по знаку девушки побежали они.

Глядит на них девушка. То один обгоняет, то другой. Трепещет ее сердце. Вдруг увидела она, что один из юношей опередил другого, и заболело у нее сердце, пожалела она второго, поняла, что тот ей желаннее. И вот изменила она своему слову, сошла с условленного места и потихоньку стала двигаться в его сторону.

Увидел первый юноша, что изменила ему девушка, презрела клятву. Горечью наполнилось его сердце, и пожелал тот юноша, чтобы превратились они все трое в землю и камень. Исполнилось его желание. Все трое превратились они в горы: две горы поближе друг к другу стоят, одна — вдали. Поэтому и называется это место долиной Самгори, что значит «Долина трех гор».

88. Ущелье Лочини и Самгорская долина

В одном из ущелий неподалеку от Тбилиси в старину были возведены две сторожевые башни. При первом же появлении вражеских полчищ на вершине башни зажигали огонь, давая знать тбилисской крепости о приближении врага. Сторожил некогда эти башни однорукий человек по имени Лочини. Было у него два сына.

Однажды увидел Лочини, что разбушевавшийся горный поток несет живого еще олененка. Воды вынесли олененка на маленький холмик, возвышавшийся островком среди волн.

«Ну что за человек я буду, коли не вызволю животное из беды?» — подумал Лочини, вошел в бурлящие волны и вынес олененка на берег. Наравне со своими сынами растил он олененка в своем доме. Животное стало понятливым, как человек. Повсюду сопровождал олень хозяина. Даже в Тбилиси был с ним однажды.

После смерти отца сыновья заступили его место. Но однажды ночью молодые люди крепко уснули. Враг успел приблизиться к охранявшемуся ими ущелью. Олень почувствовал приближение врага, начал стучать рогами и копытами, стараясь разбудить спящих. Проснулись братья в последнюю минуту и бросились к сторожевым башням.

Один из братьев успел развести огонь на своей башне, но был убит настигшей его вражеской стрелой. На второй башне другой брат подал сигнал, но тут же был сбит.

Но не пропали даром их труды. В тбилисской крепости узнали о предстоящем нападении, успели подготовиться и разбили врага.

Остался олень один. Стал он искать братьев, но оба были мертвы. С горя заплакал человеческими слезами олень и стал биться головой о камни, пока не умер.

Братьев и оленя с большим почетом, каждого в отдельной могиле, похоронили в открытой долине. Над каждой из могил выросла сама собой высокая гора.

С тех пор зовут это ущелье ущельем Лочини¹, а поле — Долиной трех гор, Самгори.

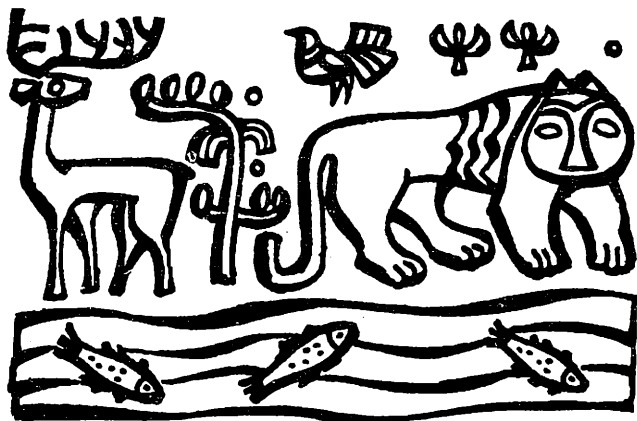
89. Девушка из цови

Вот, гляди на этот камень. Сейчас его и с места не сдвинуть, трем-четырем не поднять его... Этот камень из глубины ущелья подняла сюда девушка из цови¹. Крупная, сильная и красивая была она, как говорят. Эту девушку полюбил один известный своим мужеством и силой юноша. Герой из Царо². Он обратился к родителям девушки. Брат ее также славился доблестью и силой. Он не решился неволить сестру.

— То дело твое и моей сестры,— сказал он искателю руки.— Захочет, так выйдет за тебя замуж.

На узкой тропинке в сторону Индаурты³, за Царо, подкараулил влюбленный девушку из цови, открыл ей свое сердце и попросил стать его женой. Девушка ответила отказом и заспешила домой. Обиделся герой — как это отвергает его девушка — и на самой тропинке схватил ее за руки. Девушка застеснялась, стала просить юношу не позорить ее, отпустить с миром. Однако распаленный юноша не отступал. Когда юноша преступил все границы дозволенного, разгневалась девушка, размахнулась и сбросила юношу в ущелье.

Вот здесь то место, где они боролись, а вон, в глубине ущелья, на берегу реки, место, куда упал сброшенный девушкой вниз юноша.

О ЖИВОТНЫХ, ПТИЦАХ И РАСТЕНИЯХ

90. Панцирь черепахи

Одна женщина ждала к себе в гости любовника. Приготовила она ужин, зарезала курицу, ощипала ее, очистила и насадила на вертел. Накрыла она на стол и выглянула в окно: не идет ли избранник ее сердца?

Неожиданно увидела она на дороге приехавшего к ней из родительского дома брата. Женщина спешно прикрыла жареную курицу миской и спрятала ее.

Пришедшего издалека брата она угостила хлебом и мхали¹.

В ожидании своего возлюбленного поскорее отпустила она брата и стала искать запрятанную в стенной шкаф курицу. Но вот несчастье! Миска приросла к куриному мясу, а курица, ожив, ушла из дому далеко.

Так произошли черепахи. Потому в Мегрелии женщинам запрещено даже упоминать о черепахах.

91. Как появились на свете черепахи

Молодая невестка купалась, оказывается, в своей комнате. Двери запереть она позабыла. А свекровь возьми да загляни туда. Молодой стыдно стало, легла она наземь да прикрылась циновкой. В тот же миг стала она черепахой — к спине ее приросла циновка, которую по сегодняшний день она носит как наказание за свое бесстыдство¹.

Так говорят ингилойцы.

92. С какого времени служит человеку собака

Жила на свете собака. Одна она была на свете. Не с кем ей было дружить, и не знала она, кому служить. Однажды повстречалась собака с шакалом. Продолжали они путь вместе.

Вдруг в лесу заметили они следы волка.

— Чьи это следы? — спрашивает собака шакала.

— Такого зверя, который обоих нас придушит, если только повстречается с нами где-либо.

Собака бросила шакала, пошла по следу волка. Увидел ее волк и спрашивает:

— Кто ты?

— Твой покорный слуга, — ответила собака.

— Так пойдем, продолжим путь вместе.

Пошли. В пути увидели следы медведя.

— Чьи это следы? — спрашивает собака волка.

— О, это такой зверь, который одним ударом обоих нас прикончит.

Бросила собака волка и пошла по следам медведя.

— Кто ты? — спрашивает ее медведь.

— Твой покорный слуга, — ответила собака.

— Так пойдем за мною, — сказал медведь, и пошли они вдвоем к лесу. В пути собака заметила следы человека.

— Чьи это следы? — спросила собака.

— О, это такой зверь, сильнее которого нет на свете, — ответил медведь.

Бросила собака медведя и отыскала человека.

С тех пор живет она с человеком и верно ему служит.

93. Буйвол

Огромным и очень сильным животным был буйвол. Еле-еле передвигался он по земле. От его тяжести земля дрожала. Когда он ступал по земле, его ноги проваливались. Поэтому чаще всего он лежал и жевал жвачку. Лень было ему вставать. В жаркие дни ложился он в жидкую грязь и не вставал до вечера. Однажды спросили его:

— Почему ты еле волочишь ноги? Зачем не бегаешь резво, подобно лошади?

— Гм,— ответил буйвол,— если стану я бегать подобно лошади, земля меня держать не станет, начнет колебаться под ногами. Поэтому и хожу я медленно, не торопясь.

В старину буйвол был белым как снег и мычал, как бык. А теперь он черен как ворон и точно квакает «ноэ, ноэ, ноэ!» — будто зовет Ноя.

В то время, когда господь послал на землю потоп, буйвол лежал в черной грязи и жевал себе безмятежно жвачку. Когда начался ливень, не торопясь пошел он к Ноеву ковчегу, но не успел. Хлынули воды, и ковчег поплыл по воде. Буйвол плавал хорошо, поплыл он за ковчегом, но настичь его ему было трудно. К тому же Ной уже запер двери ковчега и не смотрел наружу. Подплыв наконец к ковчегу, буйвол поднял кверху голову и позвал Ноя:

— Ноэ, Ноэ, Ноэ-э!

Ной выглянул, узнал буйвола, открыл ему двери и впустил в ковчег. Буйвол в спешке не успел отмыть черной грязи и так и остался черного цвета, а когда мычит он, поднимает высоко голову и все зовет Ноя.

94. Заяц

Зайчиха спросила своего новорожденного детеныша, сколько времени он хочет кормиться грудью матери: год или три дня и три ночи? Зайчик, думая, что «три дня и три ночи», должно быть, больше, чем одно слово «год», выбрал то, что больше. Поэтому ныне зайчиха кормит грудью своих детенышей толькое трое суток.

95. Мзетунахави и золотой петух

В старину в Саингило¹ жил один прославленный герой. Широко было известно его имя. Никто не мог тягаться с ним ни в охоте, ни в борьбе, ни в каком ином удалом деле. Поэтому народ прозвал его Аслан-лев.

Стоило только появиться вражескому войску в узком Курмухском ущелье, Аслан появлялся со своим отрядом и уничтожал врага.

Кто сочтет, сколько раз избавлял он родной край от разорения! Поэтому ненавидели его враги и всячески старались его уничтожить.

Да и Аслан — нечего и говорить — был начеку. В пути ли, дома ли — всегда он был вооружен до зубов. Не было за душой ничего у Аслана, кроме одной башни. Ни пахал он, ни сеял. В военное время жил он военной добычей, в мирное — охотой.

Но богаче всех на свете считал себя Аслан, так как была у него дочь Мзетунахави². Боясь, чтобы весть о ее красоте не достигла ушей врагов и не похитили бы ее, Аслан все дни держал ее взаперти, в башне.

Лишь в сумерки открывалась дверь, Мзетунахави выходила на вольный воздух и при свете луны расчесывала свои длинные косы.

Был у красавицы один петух. Гребешок, клюв и шпоры были у него золотые. День и ночь дремал петух, но как только враг приближался к границе, петух просыпался и начинал громко кричать. На его пение отзывались другие петухи, один за другим. Пение петухов поднимало на ноги всех людей, и войско заблаговременно собиралось, чтобы дать отпор врагу.

Мзетунахави выводила и петуха на лунный свет. Он дремал, сидя у нее на плече.

Однажды после большого праздника народ спал крепким сном. Напрасно кричал петух, извещая всех о приходе врага. Не услышали его пения, и враг легко пересек границу, предавая страну огню и мечу. Аслан тоже не слышал ничего. Как мертвый спал он на пороге своей башни. Нашли его вражеские войны и отрубили ему голову. Взломали дверь башни и вошли. Темно было в башне, но лицо Мзетунахави светилось в темноте.

Изумленные воины остолбенели и спрашивали друг друга: что это — видение или сон?

Наконец, убедившись в том, что это живая девушка, они решили взять Мзетунахави в плен и отвезти ее в дар царю. Девушка поняла, что ее ожидало, и сказала воинам:

— Знаю, вы хотите мне добра, отвезете меня в дальние края. Многие мои ровесницы позавидовали бы мне. Лишь одна у меня просьба. Давно дала я обет принести своего петуха в жертву святому Георгию Курмухскому. Все не собралась выполнить свой обет. Петух мой болен, дремлет день и ночь. Уж не поет он больше. Пока он жив, дайте мне выполнить обет — и я спокойно покину родную землю. Дайте мне немного времени, я поднимусь в храм Курмухо³ и тотчас спущусь обратно.

Воины переглянулись, посоветовались и дали свое согласие.

Красавица взяла петуха, завернула его в полу своего платья и пошла вверх по узкой тропинке. Дошла она до дверей, оглянулась: вокруг не было никого, только чернел вход в церковь. «Ах, хоть бы поглотила меня та скала», — подумала она.

Только собралась девушка, выпустив своего петуха, броситься со скалы вниз, как открылась под храмом пещера и девушка со своей птицей скрылась в ней.

Долго ждали ее воины у подножия скалы. Пошли за ней следом, искали, но нигде не нашли. Разрушили храм и вернулись ни с чем.

«Если спаслись мы от разрушения и нашествий, то только благодаря той Мзетунахави, — говорят местные жители. — Она предупреждала нас обо всех нашествиях. И теперь, как настает полночь, открывается пещера, вылетает золотой петух и начинает петь. Петухи всего Саингило вторят ему, а Мзетунахави сидит на высоком камне и расчесывает свои косы».

96. Лоза и соловей

Говорят, в былые времена виноградная лоза и соловей большую дружбу вели меж собой. Вспорхнет, бывало, соловей на лозу и сладко поет. Слушает лоза его и обливается слезами.

Однажды соловей с таким пылом свистел и заливался, что у лозы от страсти быстро стали расти ее зеленые усики.

Певец и не заметил опасности. Пел он себе, позабыв обо всем на свете, а его лапки потихоньку обвивали тонкие как нити, гибкие усики лозы.

Всю ночь пьянел от страсти соловей, а лоза плакала, плакала и все теснее обнимала ножки певца своими блестящими, только распутившимися пальцами.

На рассвете утомленный соловей пришел в себя и решил улететь, да не смог оторвать свое тельце от ветки, оказался накрепко привязанным к лозе. Велико было его горе. Слабыми крылышками боролся он с расцветшими под его пение зелеными сетями. Но что он мог поделывать?

Долго бился несчастный и наконец испустил дух.

С тех пор возненавидело потомство соловья лозу и виноградник и никогда не подлетает близко к ним.

97. «Нашел! Нету, нет!»

Двое было у мачехи неродных детей — сестра и брат. Пасти скот гоняла она их каждый день, зиму и лето. Однажды пропала у детей скотина. Что делать, как идти домой? До глубокой ночи искали они скот и, делать нечего, пошли домой.

Выгнала вон детей — пропади она пропадом! — мачеха.

— Не найдете скотину, так не смейте на глаза мне являться, — сказала им.

Ушли те дети и ходят в ночи по лесу и оврагам. Кличет, говорят, сестра брата:

— Тедоре, нашел?

— Нету, нет!

Камень и тот сгорел бы от жалости, на них глядя. Пожалел их господь и превратил брата и сестру в птиц. Сказывают, и сегодня так кличут они друг друга:

— Нашел?

— Нету, нет!

98. Почему кричат коршуны

Когда бог создал живые существа, такой установил он всем порядок:

— Время от времени должны вы мне давать своих детей.

Потребовал детей он и от коршунов. Коршуны же взмолились:

— Только детей у нас не отнимай, а мы готовы за то не пить воду в ардадеги¹.

Услышал их господь, не стал отнимать у них птенцов, но в дни ардадеги, когда стоит самая сильная жара, не дает он им пить. Носятся коршуны и кричат. Сядут у самой воды, мучатся жаждой, но пить не могут.

Потому и говорят в народе: «Что ты кричишь, как коршун в июле?»

99. Почему пчела избегает некоторых цветов

Творец хотел испытать верность пчелы и сказал ей так:

— Лети, пчела, пересчитай все цветы, какие есть на земле, и назови мне потом, какие из них дадут тебе мед и пищу.

Пчела с веселым жужжанием полетела считать цветы. Все цветы, крупные и мелкие, пересчитала она и только собралась вернуться с ответом, как увидела три неизвестных ей цветка: черемухи, медовика и цицнелы.

«Какие пахучие цветы,— подумала пчела.— Кто знает об их существовании? Все дни летаю я по полям и лугам, но вижу их впервые. Должно быть, много они дадут меда. Лучше скрою я их от бога, и если перестанет дарить он меня своей милостью, рассердится и отнимет у меня цветы, то хотя бы три эти цветка останутся мне на пропитание».

Прилетела пчела к творцу, перечла ему все цветы, а о тех трех и не заикнулась.

— Все цветы назвала ты?

— Все, владыка, и одного не пропустила,— солгала пчела.

— Так с сегодняшнего дня питайся соком лишь тех цветов, которые ты назвала. А те цветы, что скрыла от меня, трогать не смей! Если коснешься черемухи, ослепнешь на двенадцать дней, коли испробуешь медовика, домой вернешься голодная, а если коснешься цицнелы, умрешь тотчас же.

Потому и не собирают никогда пчелы мед на цветах черемухи, медовика и цицнелы.

100. Как появились удо́ды

Молодая невестка причесывалась, говорят. Мужа она ожидала. Глаза у нее блестели, губы улыбались. В тот час взглянул на нее свекор. Понял он, что молодая жаждет встречи с мужем. Почувствовала это женщина, сгорела со стыда. «Боже, унеси меня отсюда, пусть сгину я!» — подумала она.

В тот же миг выросли у нее крылья, а гребень застрял в волосах. Молодая женщина превратилась в птицу, которая теперь зовется удо́д.

101. Филин

Раньше филин был царем всех птиц. Птицы рабски ему прислуживали, очищая по временам голову его от насекомых.

Самая задорная из птиц, сойка, осматривая раз голову филина, спросила его, почему у него на голове такой мягкий пух. Тот объяснил ей, что он и духом так же слаб, как мягок пух на его голове. Сойка воспользовалась чистосердечным признанием филина. По ее уговору все птицы, и малые, и большие, восстали против филина, избili его и хотели даже убить, но он спасся в дупле дерева.

С тех пор злополучный филин, боясь бывших своих рабынь и повинуюсь судьбе, безропотно переносит свое одиночество и предпочитает темную ночь дневному свету.

По ночам кричит филин заунывно и грустно: «К страданиям привык я давно!»

102. Кукушка

Отие был образцовый крестьянин в своем селе. Все любили и уважали трудолюбивого старика. Куда ни взглянешь: во двор ли, в сад, огород или в дом его — везде был примерный порядок и образцовая чистота. При этом надо сказать, что был он человеком веселым; да некогда было ему и скучать: круглый год он бывал занят. Мало того — ему хотелось, чтобы и другие его соседи были такими же. Потому, богат ли

сосед, беден ли, всем он твердил: «Пора пахать! Пора сеять! Пора сеять! Пора полоть! Пора собирать!» и т. д.

Как-то Отие исчез, словно сквозь землю провалился. Это случилось в первых числах февраля. Один из крестьян говорил, будто он похищен и продан в рабство. Другие говорили, что его убили и ограбили. Но настоящая причина никому не была известна.

Однажды ранней весной, как раз в то время, когда Отие, бывало, созывал соседей на совет или приглашал приступать к полевым работам, услышали они знакомый им голос Отие: «Куку! Куку!» Сбежались крестьяне в надежде увидеть Отие, но их глазам предстала кукушка!

Чем больше они вслушивались в голос ее, тем явственнее они стали различать в нем выражения: «Хач-кит! Баргит!» («Сейте! Очищайте!»), а иногда: «Катха-гвини! Катха-гвини!» («Чаша вина! Чаша вина!»). Таким образом соседи Отие узнали, что он не убит и не продан, а превращен богом в кукушку за примерное ведение хозяйства среди неопытных и ленивых соседей.

Всемогущий, превращая Отие в кукушку, разрешил ему брать с урожая хвее (избыток с богатого урожая).

Крестьяне больше чем уверены в том, что если бы кукушка не брала с их урожая хвее, то тогда не хватило бы закромов для хлеба и плодов.

103. Ласточка

В Ноевом ковчеге образовалась течь, что очень встревожило Ноя. Змея сказала ему:

— Я остановлю течь, если будешь меня кормить вкусным мясом.

Тотчас Ной выпустил из ковчега жука, который должен был определить, чье мясо вкуснее. Жук нашел, что нет мяса вкуснее человеческого. В пути он встретил ласточку и рассказал ей об этом. Ласточка попросила жука отведать и ее мяса, каково оно на вкус. Затем она в свою очередь захотела определить вкус мяса жука и попросила его высунуть язык. Жук исполнил просьбу ласточки. Желая спасти человека, птичка откусила у него язык, чтобы жук не мог донести Ною о вкусе человеческого мяса. Прилетел он к Ною, но говорить не может.

Змея спрашивает у Ноя:

— Что же мне есть?

Ласточка за Ноя отвечает:

— Лягушек!

Змея рассвирепела, схватила ласточку за хвост и вырвала середину его. Вот почему у ласточки хвост, точно ножницы.

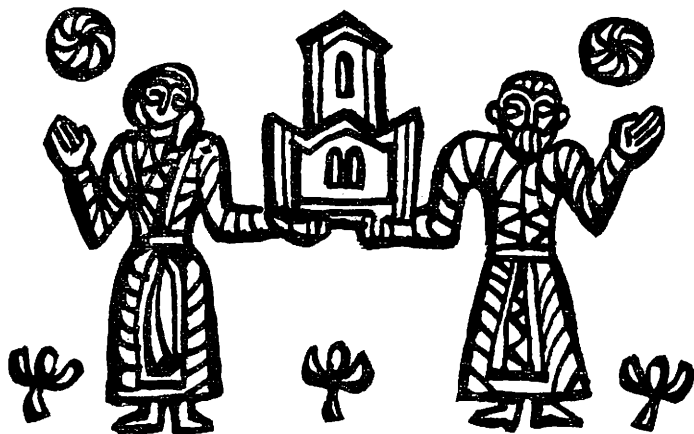
104. Почему не растет высоким кизильное дерево

Теплым весенним утром голодный медведь высунул голову из зимней берлоги. Оглядел он лес и видит, что все деревья голые стоят, один лишь кизил весь в цвету. Подумал медведь: «Раньше всех зацвел кизил. Должно быть, и созреет он раньше других»,— и решил прилечь под кизильным деревом, подождать, пока созреют его плоды. Так и сделал он. Растянулся под кизилом и уснул.

Прошли дни, недели, месяцы, а кизил не созрел¹. Медведь глянет на зеленый кизил и опять спит.

Однажды небо покрылось тучами, пошел проливной дождь, вода лилась потоками. Проснулся медведь, глядит: и что же он видит? Волны потока несут зрелые лесные груши! Вскочил рассерженный медведь и как хватит по кизильному дереву — всю верхушку ему обломал.

С тех пор и не растет высоко кизильное дерево.

О ВЫДАЮЩИХСЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЯХ

105. Жизнь Фарнаваза

Был в городе Мцхета¹ один юноша, которого звали Фарнаваз². Был тот Фарнаваз по отцу картлинцем — из рода Уплоса, сына Мцхетоса³, а по матери — персианин родом из Исфагана⁴. И был он сыном брата Самара⁵, бывшего старейшиной во Мцхете во время прихода туда Александра Македонского⁶.

Самара и брат его, отец Фарнаваза, были убиты Александром. Фарнаваза же мать увезла, и был тот Фарнаваз трех лет укрыт ею в горах Кавказа. И вырос Фарнаваз там и вернулся во Мцхету на родину свою.

И был тот Фарнаваз человеком умным, смелым всадником и искусным охотником. И скрывал он добродетели свои из страха перед Азоном⁷, ставленником Александра. Но своим искусством охотника стал он известен Азону, и возлюбил его Азон за искусство охоты.

Умоляла мать Фарнаваза:

— Сын мой, берегись Азона и не показывай ему добродетелей своих, иначе будешь убит.

И были они в страхе и ужасе по той причине. И так как все страшнее становилась опасность, сказала мать Фарнавазу:

— Сын мой, оставь родину отцов твоих. Увези меня в Исфаган, к моему брату, и уходи живым из рук Азона.

И порешили они твердо уехать в Исфаган.

Горестен был для Фарнаваза отъезд из земли отцов его, но ввиду опасности решил он уехать.

Тогда увидел Фарнаваз сон: был он в доме безлюдном и хотел выйти вон, но не смог выйти; тогда вошел луч солнца через окно и обнял стан его, и потянул, и вывел его через окно. И как вышел он в поле, увидел солнце, спустившееся на землю, и протянул он руку свою, и обтер росу на лице солнца, и оросил ею свое лицо...

Проснулся Фарнаваз, и был удивлен он и молвил:

— Сон этот вещий! Уеду я в Исфаган и там буду в добре.

И вышел в тот день Фарнаваз и охотился в одиночестве. И поднял он оленя в поле Дигомском⁸. И бежал тот олень к скалам тбилисским⁹. И гнался за ним Фарнаваз, пустил стрелу и попал в оленя. Пробежал недолго олень и упал у подножия скалы.

Подошел Фарнаваз к оленю. И день тот, и вечер кончались. И сел он возле оленя, дабы пробыть тут ночь и пуститься в обратный путь утром.

А у подножия скалы была пещера, и камнями заделан был вход в нее. И от старости рушилась та стена, выстроенная в старину.

Тут пошел сильный дождь, и Фарнаваз достал чуглуги¹⁰ и расчистил вход в пещеру, дабы укрыться там от дождя. И вошел он в ту пещеру и увидел там сокровища несметные: золото и серебро и утварь золотую и серебряную несметную.

Тут удивился Фарнаваз и исполнился радостью, и вспомнил он сон свой! И завалил он вход в пещеру и быстро вернулся домой. И известил он мать свою и двух сестер своих. И той же ночью пошли они втроем, погнав ослон, груженых мешками. И наполнили они их казной и зарыли часть там же, вновь заделав вход в пещеру. И так вывезли они то сокровище за пять ночей, спрятав его надежно.

Тогда послал Фарнаваз раба своего к Куджи¹¹ и повелел передать ему: «Я из рода Уплоса, сына Мцхетоса. И сын я брата Самара-старейшины, и владею я большим богатством. Пожелаешь, приду к тебе с ним и будем братья и будем владеть тем добром вместе, нападём на Азона-эристави¹², и да будет благосклонна к нам наша судьба».

106. Охота Фарнаоза

Царь Грузии, оказывается, однажды охотился в окрестностях Тбилиси. Страстным охотником был, говорят, царь. Первую же пущенную им стрелу всадил он в оленя. Раненый олень добрался до серных источников, где успел омыть свою рану. Серные воды заживили его рану. Олень спасся от преследователей.

Царь почел это знаменем свыше. Осмотрев местность и бьющие здесь горячие источники, он повелел заселить эти места, назвав новый город Тбилиси, что значит «Теплый».

По народным преданиям, то был Фарнаоз¹, первый царь, давший грузинам письменность.

107. Вахтанг Горгасал

На той земле, которая видна с горы Бочорма¹, жил царь Грузии Вахтанг Горгасал². Там же возвышается, вся в выбоинах, гора, на которой стоял его дворец. Развалины его сохранились и поныне. Пониже видны развалины царской дозорной башни и крепости Уджарма³, вокруг которой ранее был город. Непрístupной твердыней была эта гора... На какой только высоте не стоят здесь вокруг остатки башен и церквей! Отсюда и правил наш царь Картли⁴ и Кахети⁵. Могучим был он царем и таким благим, что с неба слышался ему благовест. Об этом и сказано в песне:

Царь Вахтанг любим был богом,
Слышал благовест он с неба⁶.

Много воздвиг он храмов, и город Тбилиси им был построен. Да жена попалась ему дурного нрава, и сам он однажды изменил данному им слову, поэтому и ждал его дурной конец.

Еще четырнадцать лет воссел он на царство. Не прошло и немного времени, как напал на его страну один царь.

— Давай не будем губить народ, а сами померимся силой,— сказал ему этот пришлый царь.

Позором было бы для героя отступить, когда вызывают его на поединок, и Горгасал вышел на бой. Приближенные стали нашептывать царю:

— То искушенный и знаменитый боец. Победа останется за ним. Если не сумеешь его обмануть, погибла наша страна.

— Не соглашался царь, но под конец решил нарушить свое слово и, когда они вышли на место боя, крикнул своему противнику:

— Не подобает герою выходить на бой со столь многочисленной свитой.

Бедняга, говорят, оглянулся, и в это время Горгасал вонзил ему стрелу в шею...

Однажды Горгасал отправился походом в Индию, а свою жену оставил во дворце на той горе.

Внизу, в долине, жил, оказывается, пахарь⁷ из Джавахети⁸. Благословенным был он человеком, пахал и сеял, и урожай собирал он великий.

Царская жена глядела на него сверху во время пахоты. Не блюла она честного имени и соблазнила пахаря. Так как негде было им встречаться, пахарь по ночам рубил скалу, чтоб подняться по ступенькам на вершину горы. Те дыры и выбоины, что видны на той скале доныне,— дело рук того пахаря.

В ту ночь, когда кончил он рубить скалу и поднялся к царице, пожаловал из Индии Горгасал и застал пахаря у царицы. Так держал перед ним ответ пахарь:

Днем пахал я плугом землю,
Ночью вырубал скалу я,
В полночь встретился с любимой —
Невысокой с ликом солнца.
Честь и совесть позабыл я.
Да поможет бог убийце!
Да будет бог в помощь тому, кто
Лишит меня жизни!

Не лишил жизни пахаря Горгасал, но услаб его с глаз долой в Джавахети. Весь урожай Картли и Кахети ушел, говорят, вместе с ним. И долго не росло у нас ничего, тогда

как в Джавахети урожай подобен был морю. Послали потом за тем пахарем человека, хотели вернуть его, да не захотел он. Лишь несколько горстей пшеницы прислал. Осыпали, говорят, тем зерном поля, и с того года вернулся урожай в Картли и Кахети, да только в Джавахети все равно урожай вдвое больше.

Добросердечен был царь и простил жене ее вину. А вот жена вновь предала его. Многочисленное войско вторглось в нашу страну, света не видать было на Самгорском поле⁹ от их великого множества. И подошли они к Уджарме. Горгасал дал им жестокий отпор. Днем бил он их в поле, а ночью возвращался в свой замок, окруженный неприступной крепостью. Царица за его спиной договорилась с царем неверных:

— Если возьмешь меня в жены, помогу убить моего мужа. Ночью дам его коню много соли, а утром, как станет он переправляться на коне через реку, нагнет голову конь, станет пить воду. Царь потянет коня за уздцы, поднимет его на дыбы, а ты укройся на другом берегу реки и вонзи ему в этот миг стрелу под мышку. Иначе не убить его. С ног до головы закован он в броню.

Привела в исполнение царица этот преступный заговор, и на второй день смертельно раненного царя внесли в замковый зал. За два дня испустил дух этот прославленный царь. Да царь неверных и царицу пустил по его следу:

— Столь знаменитого героя, мужа не пощадила! Мне ли ждать от тебя верности?! — сказал он.

Повелел привязать ее к хвосту коня Горгасала, и разнес ее тот конь на куски.

108. Основание Тбилиси

Те места, где сейчас стоит Тбилиси, были покрыты непроходимым лесом, населенным многочисленными зверями. Однажды в том лесу охотился Вахтанг Горгасал. Испытанный царский сокол погнался за фазаном. Оба спустились в ущелье и исчезли. Царь, окруженный свитой, спустился в ущелье и увидел поток горячей воды, а в ней сварившегося сокола с фазаном в когтях.

Царь внимательно осмотрел те места, понял целебное значение тех вод и решил заложить здесь город. Повелел он корчевать лес, очистить местность и начать строительство домов. По тем теплым водам и назвали город Тбилиси¹.

109. Откуда произошло название Метехи

Горгасал еще малолетним был, когда вторгся в Картли Ос Богатар¹, похитил сестру Вахтанга и взял ее себе в наложницы. До поры до времени мать скрывала это от Вахтанга. Но один случай вывел все наружу. Однажды Вахтанг играл среди сверстников и почему-то дал пощечину одному из играющих. Побитый в сердцах крикнул ему:

— Что ты тут размахиваешь кулаками! Если такой ты молодец, иди выручай свою сестру от Ос Богатара, который ее в наложницах держит.

Эти слова так огорчили Горгасала, что он немедля вернулся домой, пришел к матери, положил ей голову на колени и попросил:

— Матушка, дай последний раз отведать твоей груди, проститься с детством.

Мать достала ему грудь. Тут Горгасал зажал сосок в зубах и сказал:

— Говори сейчас же, где моя сестра — не то отгрызу сосок.

Отказывалась было мать, но Вахтанг не отстал, и в конце концов она подробно рассказала ему обо всем. Сказала она ему под конец:

— Скрывала я от тебя, сын мой, все это до поры до времени, но теперь возмужал ты и надеюсь на тебя, что поможешь и сестре, и всей Картли.

Вахтанг после этого усердно стал готовиться к походу, собрал войско и сообщение тайно послал сестре о своих намерениях. В ответ сестра написала ему: «Богатар, братец, — великан. Многих палаванов² лишил он жизни, и лучше оставь свои замыслы. Но если уж не откажешься ты от задуманного, сообщаю тебе, что Богатара убить можно, лишь нанеся ему рану под мышкой, так как он всегда закован в броню».

Как только собрал Вахтанг войско, послал нарочного к

Богатару и вызвал его на бой. Богатар со злости огнем пылал. Собрал осетин и пошел на Вахтанга, который стоял с войском там, где сейчас стоит Метехский храм³. Пришел Богатар и стал на другом берегу Куры. Вахтанг бросил ему вызов на бой. Богатар взял с него клятву, что тот не станет пускать в него стрелы, пока он будет переходить реку. Направил он коня в реку, режет конь волны, а Вахтанг не сводит глаз с самоуверенного Оса, который еле сдерживает коня. Вот улучил Вахтанг момент, увидел обнажившуюся подмышку и мигом пустил стрелу, да так метко, что смертельно раненный Богатар упал с коня и был унесен волнами Куры. Дрогнуло осетинское войско. Вахтанг преследовал их по пятам, вторгся в Осетию, покорил ее и освободил сестру. В знак раскаяния за нарушение клятвы воздвиг Вахтанг пять храмов: Цилканский⁴ — на востоке, Сиони⁵ — на юге, Эртацминда⁶ — на западе, Самтависи⁷ — на севере. А посередине — храм Метехи, что значит «Мэ втехе», то есть «Я нарушил» (клятву). Так говорит народ.

110. Царь Гурген

В Кутаиси¹ жил прославленный царь Гурген². Испытанное было у него войско. Гурген при его помощи и свою страну оборонял, и другим помогал. Однажды татары осадили Гурю³ и Мегрелию⁴. Сообщили об этом Гургену. Он со своим славным войском пошел в бой.

Царь оставил своим заместителем надежного визиря, которого облек властью. Началась война. Тяжело пришлось Гургену. Никто не надеялся на его возвращение.

Узнав об этом, Гургенов визирь захотел стать царем. Хотел он заполучить и царицу.

— Гурген изменил своей родине, он женился на дочери султана, — уверял он царицу.

Но она не верила визирю и отказалась стать его женой.

Скоро пришла весть: Гурген-царь жив.

Визирь призадумался: «Вернется царь, расскажет ему царица о моих разговорах с ней — и я пропал». Решил он избавиться от женщины. Послал письмо царю: «Во время твоего отсутствия твоя супруга осквернила дворец своим поведением».

Гурген очень любил своего визиря. Поверил он всему, о чем было написано в письме, и тут же прислал ему ответ: «Убейте ее в таком месте, чтоб и тела ее не осталось. Пусть растерзают ее хищники».

Обрадовался письму визирь. Отобрал он несколько придворных и указал им на гору Хвамли⁵, которая хорошо видна из Кутаиси:

— Поднимите эту женщину на вершину этой скалы и убейте ее. А тело подвесьте на дерево, пусть его склюют птицы.

Когда поднялись на Хвамли, царица попросила придворных:

— Не убивайте меня, не берите греха на душу, останусь тут, все равно съедят меня хищники.

Пожалели они женщину и оставили ее в живых.

Нашла женщина какую-то пещеру и стала там жить.

В пещеру приходила дойная олениха. Она так привыкла к царице, что та доила ее. Поселились вместе женщина и олениха. Царица была беременна и родила в пещере сына. Мать давала ребенку грудь, а олениха — матери.

По прибытии узнал обо всем Гурген. Сильно затосковал он, никуда не ходил и прекратил веселье во дворце.

Однажды к нему во дворец прибыли гости. Желая развлечь их, Гурген согласился поехать с ними на охоту на гору Хвамли. Увидел тут царь оленя и погнался за ним. Олень подвел его к пещере.

Увидел Гурген ребенка и поразился. Вскрикнула жена и бросилась ему на шею.

И сейчас стоит на Хвамли церковь, построенная Гургеном.

111. Ворота Дербента

Один грузинский купец повез на продажу товары в Дербент. В пути напали на него, оказывается, лезгины и отняли все дочиста. Купец пошел жаловаться правителю лезгин.

— В твои владения я прибыл, товар привез на продажу. А твой народ ограбил меня дочиста. Прошу справедливости. Вели вернуть мне награбленное.

— Откуда ты родом? — спросил правитель лезгин.

— Грузин я.

— Вот и отправляйся в Грузию, припади к ногам твоего

царя Давида¹ и проси у него справедливого суда,— сказал ему лезгин.

— Суда у тебя я прошу. Не то, если узнает о случившемся царь Давид, несдобровать тебе.

— Гм! Несдобровать? А что сделает со мною Давид? Уж не снимет ли ворота Дербента?

Купец вернулся в Грузию и обо всем рассказал царю. Не забыл передать и слова лезгина: «Уж не снимет ли Давид ворота Дербента».

Давида обидело поведение правителя лезгин. Он повелел привести тысячу лошадей, заказал две тысячи вьючных корзин и посадил в каждую из них по вооруженному грузину. Проводников одел в купеческие одежды, потерпевшему купцу царь велел ехать впереди. Отправил царь караван в Дербент, а сам поехал следом.

Приблизившись к Дербенту, Давид послал гонца к правителю лезгин: везу, мол, товары на продажу, откройте ворота города.

Лезгины обрадовались, решили, что снова будет чем пожить, и открыли ворота. Настала ночь. В полночь Давид велел открыть корзины и выпустить оттуда вооруженных воинов. Три тысячи отборных храбрецов были готовы к бою. Захватили они Дербент. Отняли городские ключи у правителя лезгин. Давид повелел снять железные ворота, охранявшие въезд в Дербент, запряг в них лезгин и так привез ворота в Гелати².

Правителя лезгин, однако, он простил и отпустил его с миром. Тогда получивший свободу правитель сказал Давиду:

— Благодарю за милость, но прошу тебя: даруй мне землю хоть размером с кожу быка, чтоб мог поселиться я на ней.

Давид исполнил его просьбу. Правитель лезгин велел принести кожу быка, нарезал ее на тонкие тесемки, связал их одну с другой так, что ею стало возможно охватить весь Дербент. Нечего было возразить Давиду, и Дербент вновь остался лезгинам.

112. О строительстве Гелати

Давид Строитель был очень милостив и благочестив.

После окончания одной из войн решил Давид построить великий Гелатский монастырь¹. Нет сомнения, что его жела-

ние должно было быть исполнено. Созвали рабочих и начали строить. Дьявол — будь он проклят! — захотел помешать ему в этом богоугодном деле. Сколько раз возводили стены над фундаментом, столько раз проклятый рушил их по ночам. Сегодня, завтра, сегодня, завтра дело не шло на лад, стены поднять над фундаментом не могли. Царь, конечно, смекнул, что дьявольских рук это дело, и решил во что бы то ни стало поймать дьявола. Он взял миску, наполнил ее водой и поставил неподалеку от фундамента. Сам же спрятался в углу и стал стеречь. Только стемнело как следует быть, где был и где не было его, появился тот проклятый и усердно взялся за дело. Тут заметил он миску с водой и подошел к ней. Выскочил тогда из укрытия Давид и ухватил его. Дьявол превратился тут же в мула, но хитрый царь все же не испугался. Он вдел ему уздечку и быстро вскочил ему на спину.

С того дня не расставался он с тем мулом. С того дня и строительство Гелати быстро пошло к концу. Тогда же выстроил он Вардзию² и многое другое. Немало труда положил Давид на строительство Гелати. С реки Цкалцитела приволок он два огромных камня. Очень велики эти камни. Они встроены в юго-западный угол здания. На одном из них и сейчас видны солнечные часы, будто бы сделанные самим Давидом. Из Дербента привез он огромные ворота³ и повесил их в ограде Гелати.

А тот чертов мул также верно служил Давиду — повсюду ездил на нем Давид. На тяжелом пути, в бездорожье так отчаянно бил мул копытами землю, что всюду оставлял следы. И сегодня в Имерети показывают знак на скале, который зовут следом мула, или чертовым следом. На спине того мула привез Давид те два громадных камня и дербентские ворота. Давид собственноручно ухаживал за мулом: водил его на пастбище и на водопой, так как не доверял никому — черт ведь он, обманет и убежит еще...

Однажды царь был очень занят и не мог напоить мула. Позвал он конюшого и велел повести мула на водопой. Предупредил его:

— Ни в коем случае не снимай с него уздечки.

Конюший отвел мула к источнику. Мул понюхал воду, поднял голову и начал фыркать и лягаться. Конюший подумал: «Бедняге уздечка мешает», — и снял уздечку. Чертов мул радостно заржал, прыгнул в воду и исчез.

113. Царица Тамар и утренняя звезда

Сверкающая утренняя звезда¹, дающая нам зиму и лето, была взята в плен царицей Тамар², приковавшей ее цепями.

По желанию царица Тамар обращала звезду в коня, седлала его и ездила на нем.

С превращенной в коня звезды никогда не снимали уздечки, иначе она могла исчезнуть. Однажды воспитательница Тамар повела превращенную в коня звезду на водопой. Конь обратился к ней:

— Ну как же мне, взнузданному, пить воду! Сними с меня уздечку, чтобы мог я напиться.

Воспитательница Тамар сняла с коня уздечку, и сверкающая звезда тотчас исчезла. Послали вдогонку за ней войска царицы Тамар, но сверкающая звезда подняла ветер, снег и бурю и сбила с пути войска царицы.

Улетела утренняя звезда, села на Эльбрус и шлет нам от туда то зиму, то лето.

114. О Тамар и ее сыне

Не было на земле девушки красивее Тамар. Много было у нее женихов, но она отказывалась выйти замуж. Много царевичей она отвергла; решила остаться девственницей. За чистоту и святость бог даровал ей чудо: ее одежда висела на луче солнца, падавшем в комнату из окна. Но придворные и великие князья были озабочены тем, что Тамар оставалась без мужа, а престол — без наследника. Много думали они и наконец впустили к ней ночью юношу... Спала Тамар глубоким сном и не слышала ничего.

На следующий день встала она, взяла одежду и повесила ее на луч, но не стал держать луч ее одежды, упала она на пол. Опечалилась Тамар, да что было делать.

Прошло время, и родила она сына. Позвала ночью служанку и велела ей отнести новорожденного в горы и бросить там. Стыдилась она его. Исполнила ее веление служанка.

Стал мальчик плакать в горах. На тот плач пришла оленья. Увидела ребенка, пожалела и дала ему сосать свое вымя. Вырос мальчик на оленьем молоке.

Однажды охотник увидел в горах олениху, погнался за ней. Олениха привела охотника в место, где увидел он большого мальчика. Бросился тот к оленихе и стал сосать ее вымя. Удивленный охотник не тронул олениху и, вернувшись, поведал об этом Тамар. Поняла она тотчас, кто был тот мальчик. Сшила рубаху, только для головы не сделала прорехи. Дала охотнику и наказала:

— Придешь в то место, где видел ребенка, брось рубаху, а сам спрячься. Ребенок возьмет рубаху, натянет ее, а головы просунуть не сможет. Тут поймай его и приведи.

Исполнил все охотник, как повелела царица. Вырастила Тамар своего сына и назвала его Георгием¹. Так как олениха вскормила его, все потомство Георгия не ело никогда оленьего мяса.

115. Да погибнет он, если дурное задумал!

Во времена Тамар Горийский холм¹ был подобен острову. С трех сторон омываем был он водами рек Куры, Лиахви и Меджуды. Воды эти образовали глубокое озеро. Страшен был там омут. Вокруг горы покрыты были непроходимыми лесами.

Однажды царица Тамар прибыла в те места на охоту. Охотники рассыпались по лесу и вскоре вернулись с богатой добычей. Много было убито дичи: кабанов, оленей, фазанов. Только не видать было любимого сокола царицы. Оказывается, опустился тот сокол на выступавший из воды холм и сел там на высокую скалу.

Повелела Тамар:

— Тому, кто вернет моего сокола, любое желание исполню.

А глубокое озеро шумело, бурлило. Не видать было, чтобы кто-нибудь взялся исполнить желание царицы. Вдруг от толпы отделился какой-то чудесный юноша. Быстро отдал он поклон царице, сбегал с горы и бросился в омут. Широко раскинул он сильные руки и бодро поплыл. Приблизился он к берегу холма, поймал сокола и вновь бросился в бушующие волны. Вот геройски борется он с волнами, вот достиг берега, еще немного — и ступит он на берег.

«Обещала я ему исполнить любое его желание, — подумала вдруг Тамар. В душе взмолилась она: — Да погибнет он, если дурное задумал, да поглотят его волны!»

Только подумала об этом Тамар, как затянула юношу вода ко дну. Раскаялась Тамар и, дабы замолить свой грех, сделала доброе дело: спустила в Куру воды озера — омута, который ежегодно уносил человеческие жизни, и осушила его. На том холме и выстроила она крепость Гори.

116. Тамар

Поведала мать своей Тамар:

— Дитя мое, сон привиделся мне. Глядела я в чашу мира, видела все страны. Тебе принадлежала вся земля. Храни ее, сознавая величие долга.

Вскоре исполнился материнский сон. Стала Тамар властительницей всей Грузии. Ни один щит не устоял против ее меча. Все склонились ниц и платили дань. Всех обложила данью Тамар. Одно лишь море осталось свободным и не склонило пред нею голову. Но и его вскоре покорила Тамар: повелела принести к морскому берегу ботвы и соломы, валежник, высыпать все это в море, облить керосином и зажечь. Засверкал огонь, и дым стал стелиться по берегу моря. Опечалилось море, содрогнулось от края до края. Послало оно гонца к Тамар: «Только не жги меня, какую хочешь дань стану тебе платить!»

Снизшла Тамар к просьбе моря, обложила его данью: буйволов, янтарь и самоцветы, жемчуга потребовала от него. С тех пор и появились на земле буйволы, самоцветы и жемчуг.

117. Царица Тамар

У одного прославленного грузинского царя была прекрасная собой дочь по имени Тамар. Заболела она злым недугом. Без счета тратил деньги отец, чтоб излечить Тамар от той немочи, но ничем помочь не мог. Увидев, что дочь его хиреет, становится все безобразнее, вызывая у всех отвращение, велел царь слугам увести ее куда-нибудь подальше от дома, чтобы не видеть ее страданий.

Взяли слуги покрытую страшными язвами Тамар и бросили ее на склоне, поросшем травой. Тамар не в силах была уже ходить. Скатилась она по склону горы и прикосновение

к травам, росшим на склоне, исцелило Тамар от болезни. (Говорят, особенно помог ей табак.) Тамар вновь стала такой же красивой и очаровательной, как и прежде. Вскоре стала она еще краше. Глаз нельзя было отвести от ее лица. Так хороша была благословенная Тамар.

Почувствовав себя здоровой, встала Тамар и пошла куда глаза глядят.

Долго ли шла она, коротко ли, проходя под пещерами Вана¹, напротив Вардзийских пещер², повстречала она какую-то женщину. Та дала ей приют, и стали они жить вместе.

Однажды летели над ними в теплые страны журавли. Вдруг неподалеку Тамар заметила журавля со сломанными ногой и крылом. Подкралась она к нему и поймала. Перевязала ему раны и вскоре залечила их совсем. Журавль стал ручным и жил вместе с домашней птицей. Очень привязалась к нему Тамар.

На второй год, как летели журавли, улетел с ними и прирученный журавль. Опечалена была Тамар его побегом и немало пролила слез.

Однажды вновь появилась в небе журавлиная стая. Тамар поглядела на нее и сказала:

— Не с ними ли летит мой журавль?

Только произнесла она эти слова, как отделился один журавль от стаи. В клюве он нес две щепки — одну желтую и одну белую. Красивые были щепки.

Опустился журавль на скалу, где в пещере жила Тамар, положил на землю обе палочки и улетел.

Подбежала Тамар, взяла те красивые принесенные журавлем щепки и сказала:

— Сгодятся они молоко замерять.

Тут же замерила она надой молока своей коровы. Молоко, в которое опустила белую палочку, превратилось в серебро. Замерила она вечерний надой желтой палочкой — стало молоко золотом. Так и вода, в которую опускали те щепки, превращалась то в серебро, то в золото. Собрав много серебра и золота, воссела Тамар царицей на трон и стала строить по всей Грузии храмы. Была она щедра и жаловала бедным немало.

Весть о красоте Тамар дошла и до персидского шаха. Собрал он великое войско и пошел на Грузию походом, чтобы силой взять Тамар в жены.

Тамар разбила его войско. Разбила она его и вторично; но в третий раз победа осталась за шахом, и собрался он увезти Тамар из Грузии. Тогда растаяла Тамар в воздухе и стала невидима Грузии мать.

118. Могила царицы Тамар в Вардзии

У многих великих этого мира красота Тамар заставляла биться сердца учащенно. Многие мечтали жениться на ней. Среди них был и турецкий паша.

Однажды послал он к ней послов: «Должна ты стать моей женой».

Разгневалась сильно царица Тамар, с отказом отпустила она сватов. Обиделся паша. Повелел ей передать: «Живою не удостоился тебя зреть в моем дворце, но после смерти из могилы похищу тебя».

Задумалась царица Тамар: «Неужто после смерти могу я попасть в руки этого нехристя?» После долгих дум приступила она к строительству Вардзийского монастыря. Окончив строительство монастыря, повелела она выточить три столба и зашекала своим приближенным:

— Когда настанет моя кончина и преставлюсь я, похороните меня в Вардзийском монастыре, а этими тремя столбами укрепите монастырскую церковь.

Преставилась царица Тамар. Царедворцы исполнили ее волю: похоронили ее в монастыре тайно, а потом установили в монастырской церкви три столба.

Как только дошла весть о кончине царицы до паши, собрал он великое войско, пошел походом на Грузию и прямо ринулся к Вардзии. Собрал он всех царедворцев и спросил:

— Где могила царицы Тамар?

Один из царедворцев проговорился, доложил паше:

— Здесь вот, в этом монастыре, она похоронена.

— Чем отмечена могила?

— Приметой три столба стоят там.

Вошел паша в монастырь, увидел три столба и стал в раздумье: не знал, к какому столбу идти, под которым из них могила Тамар-царицы.

После долгих раздумий подошел он к ближнему и начал рушить его. Вдруг заговорил столб и говорит паше:

— Напрасно рушишь меня. Вот там, под вторым столбом, похоронена Тамар!

Бросил паша первый столб и подошел ко второму. Только начал рушить его, как заговорил второй и то же самое сказал ему:

— Не здесь похоронена Тамар-царица. Вот там, под третьим столбом она.

Третий столб то же самое сказал и отослал его к первому.

Удивился паша, восславил бога и сказал:

— При жизни была ты великой и мощной и при смерти сохранила свое величие и мощь.

Поклонился он богу и попросил простить его грех. Тут же вышел он вон из монастыря и, не отдохнув после бессонной ночи и боя, ушел той же дорогой обратно.

119. Шота Руставели

Слышал я, что Шота Руставели¹ был прославленным стихотворцем. Был он крестьянский сын, оказывается, из села Рустави, что недалеко от Ахалцихе. Сызмальства в лесистых горах Рустави пас он баранту. И десяти лет ему не было, осиротел он: отец у него умер. Скоро и мать скончалась, и остался он круглым сиротой.

Сказывают, что Шота Руставели очень любил свою мать. Как узнал о смерти матери (был он тогда в горах с барантой), от горя чуть ума не лишился: побежал, говорят, и в Куре (Кура недалеко от Рустави течет) хотел утопиться. Да на его счастье из Вардзии возвращался отец царицы Тамар. Пожалел он ребенка и спас его. Забрал с собой и вырастил со своей единственной дочерью, царицей Тамар.

Тамар-царица и Шота Руставели с детства крепко полюбили друг друга и дали слово стать мужем и женой. Когда умер отец Тамар и трон остался за Тамар, собрались все приближенные, устроили совет и попросили ее: «Выходи замуж, нельзя же так тебе оставаться».

А она им и скажи: «Не хочу замуж, останусь я без мужа». Но не допустили этого: «Нельзя,— сказали,— так». Тогда потихоньку поведала она домашним: «Есть у меня нареченный, такой, что всей Грузией руководить может». И назвала Шота Руставели.

Как узнали об этом, стали все сердиться на нее: «Как посмела ты какого-то сироту, крестьянского сына, избрать себе мужем! Не смеешь этого, иначе не видать тебе трона!» Что же было ей делать? Много она горевала, но помочь делу ничем не могла.

И Шота очень любил Тamar. Он тоже горевал о случившемся. Тогда царица Тamar выдала за него замуж свою красавицу прислужницу. Очень грустил Шота Руставели, сник весь, похудел, как смерть стал, похож на умирающего.

Тamar-царица была несравненно прекраснее его жены. Видя ее, в душе говорил он: «Что потерял я и что нашел!»

Шота был приближенным Тamar-царицы. Почувствовав, что не может он без Тamar, попросил у нее:

— Отпусти меня, уеду я в Аравию.

Опечалилась Тamar:

— Кто же заменит тебя, кто станет воспевать нас в песнях?

Но Шота настоял на своем и уехал в Аравию. Жену хотел он оставить здесь. Тamar узнала о том и сказала ему:

— Из уважения ко мне возьми с собой эту женщину.

Ради Тamar он готов был в огонь броситься. Забрал жену и уехал.

Там целыми днями ездил он на охоту. Этим и отвлекал свое сердце от дум. Писал он и стихи. Большую книгу написал он — «Вепхисткаосани»². Невзлюбил он жену и не вспоминал о ней.

Однажды, когда Шота был на охоте, его жена сошлась с молодым, бравым арабом. Вернувшись с охоты, Шота застал его у себя дома. Хоть и не любил он жену, но все же стало ему обидно: как этот араб смеется над ним. Достал он меч и сказал:

Не удержать смерти узкой, скалистой дороге.
Она уравниет слабого и сильного³.

Сказал он это и тут же зарубил жену и того юношу. В ту же ночь бежал он в Грузию. Но царицу Тamar не захотел он все же видеть. Обидно ему было. Ушел он монахом в один монастырь. После того недолго он жил. Умер монахом и похоронили его в соборе.

120. Шота и владетель Тмогви

Крепостью и городом Тмогви¹ владел Тома Тмогвели². Была у него сестра по имени Тинатин, прекрасная собой. Когда Шота вернулся³, захотел взять Тинатин в жены.

Поехал он из Рустави⁴ в Тмогви свататься. Проезжал мимо крепости Ормоци⁵. Там жило семеро братьев Абашидзе. Все семеро были прославленными героями, но были холосты. Была у них сестра. Чуть прихрамывала, но была образованна, умела говорить хорошо. Как подъехал он к селу, попросил у той сестры семерых братьев по имени Кекела напиться. Кекела ответила ему:

— Если хотите воды, пожалуйста к нам в дом.

Шота вошел в дом. Завели они разговор и говорили меж собой столько, что договорились и о замужестве. Подумал Шота: «Не найду я лучшей девушки». Дали они друг другу слово: если Шота изменит своему слову, должен он принять смерть от руки Кекелы. Если изменит Кекела, — убьет ее Шота. Дав это обещание, покинул Шота тот дом и направился в Тмогви. Поднялся он к владетелю Тома Тмогвели. Был вечер. Поужинали они. Тут встретился он с Тинатин и понял, что она нравится ему больше Кекелы.

И здесь дали они друг другу слово: в мае должен приехать Шота за девушкой. Вернулся Шота в Рустави, но не по тому пути прошел, что вел мимо Кекелы. Обошел другим берегом. Пришло время, и должен Шота увезти к себе Тинатин. Снова кружной дорогой поехал он, чтобы не видеть Кекелы. Справил Шота в Тмогви свадьбу и повез Тинатин в Рустави.

Узнала Кекела, что везет Шота Тинатин по Толошской дороге⁶. Все семеро ее братьев случились в то время дома.

Кекела собирала обед семерым братьям, в то время как ехал по ту сторону реки свадебный поезд. Братья не знали ничего. Был у братьев конь, семь лет он пасся необъезженным. Не успела даже обед подать Кекела, оставила миски нерасставленными на столе. Надела вооружение старшего брата, села на того коня и бросила его в воды разлившейся реки. Так как обед запоздал, братья послали младшего из братьев: скажи, мол, сестре: пора нести обед. Младший брат видит, обед готов, миски сняты с полки, и подумал, что она куда-то вышла ненадолго.

Опять не видать Кекелы.

Тут вышел второй брат. Он видел то же, что и первый, и то же сообщил братьям. Вновь не видать было Кекелы. Вышел старший брат. Видит, нет его доспехов. Побежал в конюшню, видит, нет и коня. Тут кликнул он братьев:

— Выходите, кто-то похитил нашу сестру или же своей волей она бежала.

Вышли братья во двор и начали проглядывать дорогу. Видят, девушка направила коня в реку. Их кони в столь бурные воды войти не могут. Смотрят они: семь лет отдохавший конь так глубоко врезался в воду, что лишь голова всадницы видна. Через короткое время вынес конь всадницу на берег. А тут свадебный поезд едет. Преградила девушка путь Шота и говорит:

— Останови свадебный поезд.

Достала она их договор, написанный в ту ночь. Шота распахнул платье на груди и говорит:

— Виновен я перед тобой и должен от твоей руки погибнуть.

— Покажи мне твою невесту,— сказала Кекела.

Тинатин приоткрыла свое лицо.

— Да, лучше она меня,— сказала Кекела, сошла с лошади, благословила молодых и, сев на коня, вновь переехала вброд реку.

Смотрят братья, диву даются.

Спросили братья Кекелу:

— Что было, зачем ты ездил на тот берег?

Сестра ответила им:

— То был Шота Руставели. Вез он жену из Тмогви, а я благословила молодых.

Не сказала она братьям правды. Боялась, чтобы не убили они Шота.

121. Слова Шота

Однажды царица Тамар прибыла в гости к эристави¹ Рачи². Сопровождала ее многочисленная свита; певцы, поэты и философы окружали Тамар. Большой пир устроил в ее честь эристави.

Оказывается, в дочь рачинского эристави был влюблен мелкий дворянин, стрелок Давид Гоциридзе, бывший в кре-

постном гарнизоне. Всем он взял: умен был, воспитан, собой хорош, всеми прославлен, но жениться на дочери эристави не мог по происхождению.

Узнала об этом Тамар. Спросила собравшихся там философов:

— Что бы вы нам сказали, посоветовали?

Умолкли все. А Шота Руставели выступил вперед, поклонился царице и сказал:

Если тысячу стоит происхождение,
Десять тысяч — цена воспитанию,
Если негод человек,
Ни к чему его знатности!³

Согласна была с ним царица, и решил тогда эристави отдать дочь за Гоциридзе, исполнить волю царицы.

Грузины почитали Тамар как святую и звали ее пиримзе, что значит «лик солнца». Не рождалось еще женщины, равной ей по красоте.

О Тамар-женщина,
Око всей страны,
Солнцу равная!

Когда умирает в Раче хорошая женщина, так причитают по ней:

Хорошая ты, царице Тамар подобная,
Голосом низкая, делами высокая.

122. Скала Тамар и гора Шода

Возле села Шкмери в высокой скале высечена пещера¹; вход в нее выложен кирпичом. Сегодня подняться туда почти невозможно. По мнению народа, в той пещере стоит колыбель, в которой выросла царица Тамар, а на стене сохранилось ее изображение. С этой пещерой связано такое предание.

Царица Тамар и Шота Руставели с детства любили друг друга. Шота Руставели был сыном вельможи, однако царскую дочь за него не отдали бы никогда. Поэтому Шота навсегда покинул Грузию. Царица Тамар повелела высечь эту

пещеру высоко в скале и удалялась туда, когда любовная тоска одолевала ее. Тамар спешила тогда в Шкмери, запиралась в этой пещере и оттуда смотрела на гору Шода², имя которой напоминало ей имя Шота. Этим отвлекалась она от тяжелых дум. Скалу эту и сегодня зовут скалою Тамар. По преданию, Тамар пользовалась при этом тайным ходом, который вел в пещеру из Чиатуры³.

О НАРОДНЫХ ГЕРОЯХ — БОРЦАХ ЗА РОДИНУ

123. Бахтриони

Алвани¹, где сейчас живут тушины, в старину захвачена была татарами. В двух крепостях они укрепились: в крепости Бахтриони — в начале Алвани и крепости Алаверди — в ее конце. Царем Кахети был в то время Леван². Он жил близ села Шилда. Алванские татары причиняли много бед местному населению.

Однажды из Тушети приехал закупить хлеб в Алвани молодой тушин. Захватили его татары в плен и жестоко оскорбили его мужскую честь. Узнали об этом тушины, — это ведь было оскорблением всего тушинского племени. Чаша терпения народа была переполнена.

«Отомстим или погибнем с честью!» — воскликнули тушины. Послали они за помощью к пшавам и хевсурам, начали готовиться к походу. Послали людей и к царю Левану.

Была полночь, когда посланники тушин. подъехали к царскому дворцу. По их просьбе стража разбудила царя. Он принял гонцов. Поведали ему тушины свою обиду, свои надежды. Сомневался царь, говорил:

— Что делать? Велико вражеское войско, не справится нам. Разъяренные татары предадут огню всю Кахети, камня на камне они не оставят, погибнет весь народ. Я царь, я буду за это в ответе.

— Нет, о царь,— сказали тушины.— Пусть на наши головы и на наши мечи и сабли падет вина, если не сумеем мы победить. Не снести нам позора, не смыв его кровью. Либо все поляжем, твои верные слуги, либо окрасим алванскую землю вражьей кровью. Не победить им нас! Только ты стань во главе войск, а уж мы, тушины, пшавы и хевсуры,— мы сумеем положить конец власти татар.

Согласился царь. Он со своим войском должен был перебить татар, расположившихся в окрестных деревнях, а тушины, пшавы и хевсуры — занять крепости Бахтриони и Алаверди.

В назначенный час собралось войско. Коней подковали они задом наперед, чтобы сбить татар со следа. Войско горцев разделили надвое. Часть пошла по ущелью Панкиси, чтобы взять крепость Бахтриони; остальные пошли на Алавердскую крепость.

Вражеский дозор стоял в ущелье Панкиси. Заметили дозорные следы всадников. Пошли по ним по ущелью в горы. А грузинское войско, укрытое в лесу, дожидалось вечера.

Вот и условный час пробил. Двинулось войско приступом на крепость. В пути предводитель тушин Зезва Гаприндаули выточил из крепкого дерева несколько клиньев и завернул их в полы чохи.

Подошли к крепости. Стража спала. Зезва Гаприндаули забил в стену клин — стал на него, забил второй — поставил вторую ногу, забил третий, четвертый и поднялся по крепостной стене. Соскочил в крепостной двор, открыл ворота и впустил войско. Разъяренные, полные жажды мести тушины, пшавы и хевсуры бросились на врага. Божий гнев пал на головы татар. Со сна не могли они разобратся, кто враг, а кто свой. Они только думали о том, как спастись от разъяренных горцев. Бросили татары крепость Бахтриони и бежали в Алаверди. Войско преследовало их по пятам. А в это время из

Алавердской крепости, занятой грузинами, остатки вражеского войска двигались в сторону Бахтриони. Встретились они в Алванской долине. С двух сторон окружили грузины татар и началось настоящее беспощадное побоище.

Так много полегло их, что в конце концов один вражеский труп вниз головой стоял, зарытый в груде тел. Тогда остановил Зезва избиеение врагов: грех, когда тело убитого станет вниз головой.

То место и сейчас тушины зовут Гацкветила, что значит «Побоище» или «Вымершее» (место).

Татары, что живут и сейчас в селе Ахтала,— остатки того войска.

Царь Леван пожаловал Алвани тушинам от Бахтриони до Тахтис Багири³. А пшавы и хевсуры по собственному желанию взяли всю остальную военную добычу.

124. Конь Зезвы Гаприндаули

После взятия крепости Бахтриони царь захотел одарить горцев, выигравших эту войну. Пшавам, говорят, даровал он Шираки¹, а тушины, по совету Зезвы, пожелали получить те земли, которые сможет в один объезд обежать его конь. Конь взял слишком широкий разгон, много объехал он, да сам не выдержал, утомился и пал в конце пути. С великим почетом его хоронили. И с тех пор народ чтит его могилу. Кто хочет долгой жизни своему коню или ищет удачи в конях, тот и сегодня приносит жертву на могиле коня Зезвы, особенно тушины, пшавы и хевсуры. Ни один не пройдет мимо этой могилы так, чтобы не сойти с коня и не выпить за упокой души того коня и его хозяина, героя Зезвы.

125. Царь Эрекле и горцы

Царь Эрекле¹ часто созывал хевсур на войну. Однажды, говорят, татары² объявили войну Грузии. Велел татарский царь передать Эрекле: «Либо сдай мне город и крепость Тбилиси, либо черные дни настанут для тебя. Приду с моим войском и расположусь на обед в Тбилиси».

Услышав это, Эрекле, говорят, сказал:

— Глядите-ка на этих негодных! Как грозятся мне татарские сыны! Там будет видно, кто из нас отведет душу в бою! С ними мои горцы одни справятся,— сказал, говорят, Эрекле и повелел созвать хевсур, тушин и пшавов. На берега Арагви послал он своих людей, написал приказ Кайхосро, управителю Арагвинского ущелья: «На конях скачите, побыстрее сообщите моим верным слугам горцам».

Эрекле наказывал Арагви управителю:
«Седлай коня, Кайхосро, сообщи моим слугам:
Хирчле тому, Бабунаури, всей Хевсурети главе,
Бердии Мамукаури, подпоясанному коротким мечом,
В селе Амга Гаге из рода Бердиева, охраняющему
три ущелья,

Стражу Алудаури, тигру подобному воину,—
Один был он в Шибе, один сдержал натиск неверных.
Пусть спешат Пшави сыны, пусть не теряют времени,
В Тушети сообщи тушинам, пусть станут плечом к плечу
с Зезвой».

Кайхосро был управителем ущелья Арагви. Как передали ему приказ Эрекле, оседлал он коня, сам поехал повсюду. Сперва в Тушетию, затем к пшавам, потом в Хевсуретию. Собрал всех воинов до одного. Всюду побывал на своем коне.

Собрались хевсуры, пшавы, тушины. Прямо на конях примчались ко дворцу Эрекле. Увидели царское войско, стали кричать:

— Где наш царь? Покажите нам его!

Народ, войска говорят меж собой:

— Что это за люди? Мы со страху замираем, когда Эрекле выходит на нас взглянуть, а эти смеют вызывать его, кричат: «Где наш Эрекле?»

Тут и Эрекле вышел, готовый к бою. Как увидел на конях хевсур, облаченных в железные кольчуги и боевые доспехи, крикнул им:

— Гаумарджос, победы моим хевсурам!

А те в ответ:

— Нашему Эрекле гаумарджос!

Тогда сказали ему хевсуры:

— Почто звал нас, в чем твоя нужда?

Говорит им тут Эрекле:

— Увы, горе вашему Эрекле. Отобедать в Тбилиси грозятся татары. Какая же нужда может быть страшнее этой?

Сказал им Эрекле стихами:

Помогите мне, хевсуры, верные вы мои слуги,
Денег получите столько — не потянуть будет коням!

Обиделись за те слова хевсуры:

— Разве ж мы из-за денег воюем?

Тогда сказал народ:

Не изменят тебе хевсуры — верные твои слуги.
Серебра кто коснется рукой, кто возьмет его из хевсур,
Пусть разгневаются на него, о Эрекле, наши святыни!
Готовьтесь же, хевсуры, наденьте шелома на головы:
Татар мы ждем — не за пивом сидим на празднестве.
Стань во главе войска, царь Эрекле, пойдем
по пути Крцаниси³

Построились хевсуры, и вся рать Эрекле направилась к Крцаниси. Подошли тут и татарские войска. Хевсуры, говорят, попросили Эрекле:

— Пусти нас вперед.

Пустил Эрекле хевсур первыми, а во главе сам пошел. Ударил татарским войскам в лоб и прошли до конца. Царь Эрекле на коне вступил в рукопашный бой. Семь раз он прошел татарское войско от начала до конца и обратно, неустанно рубя мечом направо и налево. Немало войска перебил. Как пошел он в седьмой раз, рухнул под ним конь, не выдержал его тяжести. Семь пудов свинца было в его кольчуге — движущаяся кольчуга⁴ на нем была. Рухнула его лошадь, и окружили его татары, но хевсуры мечами отбили Эрекле, спасли своего царя. Тут и остальные войска подоспели, подвели ему нового коня.

Рухнул конь под Эрекле, — слуги подводят другого.
Сажают его на коня, поддерживают ему стремя.

Не успел он сесть на новую лошадь, как хевсуры добрались до вражеского стана. Посмотрел Эрекле и говорит:

— Что это делают там хевсуры? Окружили вражеский стан?

Крикнул он своему коню:

— Лети, мой конь! Гибнут мои верные слуги, пусть и Эрекле будет с ними.

Погнал он коня, подоспел в то время, как хевсуры начали рубить палатки татар.

Тогда бросили клич, говорят, хевсуры:

Где же вы сейчас, тушины, когда рубят хевсуры шатры?
Обломки меча Надираи валяются у столбов шатра!
Переломился меч у Хошараули, хевсуры подают ему
другой.

В бою, оказывается, Хошараули рубанул мечом столб татарского шатра. Крепкий был тот столб, и меч переломился надвое. Хевсуры тут же подали ему другой. Бились они, пока не повернули татар вспять.

Кончился бой, и созвал Эрекле свое войско. Многие погибли. Большинство хевсур уцелело, так как были они все в железных доспехах. Эрекле сказал, говорят:

— Чего хотите, хевсуры мои, чем одарить вас? Серебром ли, оружием или сталью?

Хевсуры ни до чего не дотронулись, сказали:

— Не нужны нам подарки! Разве ради этого мы воевали?

Тогда Эрекле сам одарил — кого оружием, кого деньгами.

Поехали хевсуры домой. Перед отъездом наказывали они Эрекле, прощаясь:

— Если еще что приключится, снова нагрянут татары, — пришли за нами. Тогда мы всю их страну уничтожим.

Поблагодарил их Эрекле, и вернулись хевсуры в горы.

126. Предание о Майе Цхнители

Майя из Цхнети¹ была крестьянкой. Была она очень красива. Жила во времена царя Эрекле. Еще не успела Майя стать девушкой, как помещик привел ее к себе в дом и учинил над ней насилие. Мать и отец умерли с горя: отец удавился в лесу, мать отказалась от пищи и умерла дома. Даже похоронить их не смогла Майя — не отпустили из помещичьего дома. Очень горевала она по родителям и решила пожаловаться царю на своего помещика. Темной ночью сбежала она, зашла в отцовский дом, надела его чоху и брюки, опоясалась мечом, кинжалом, вскинула на плечо его ружье и прибыла в Тбилиси. Да только раздумала она жаловаться царю, решила скрыть ото всех, что она женщина. Сказала она царю, что, мол, нет у нее ни матери, ни отца, ни господина, так и ходит сиротой. Попросила принять ее в слуги.

Повелел царь оставить юношу при дворе. И начала Майя служить царю под видом юноши и назвалась Мате.

Немного времени прошло, и напали на Кахети лезгины. Поспешно собрал царь людей и свое, дворцовое, войско добавил. Среди них была и Майя. Все отличились в бою с врагом, но с Майей никто не мог сравниться. Было ей в то время двадцать лет. Подивился царь доблести, удали и мужеству юноши, радостно обнял его, поцеловал в оба глаза и сказал:

— Ах генацвале!² Настоящий мужчина ты, и шапка на тебе молодецкая!

Как вернулось войско в Тбилиси, пришла весть, что татары напали на Сомхити³. Тотчас собрали погоню. Вперед выслали отборных бойцов. Среди них был и Мате. Бой был под Соганлугом⁴. Как приблизились к врагу, Мате с обнаженным мечом въехал на коне в самую гущу вражеского войска и с ходу снес голову одному из именитых предводителей. Дрогнули тут враги, и так их разнесли грузины, что некому было передать домой весть о погибших. Тут еще более удивился царь героизму Мате и сказал:

— С этого дня считаю тебя родным сыном: ты сын — я отец. Разрешаю тебе звать меня отцом.

Майя стала грозой не только врагов внешних, но и внутренних. В то время часто негодные люди занимались продажей персам в рабство юношей и девушек. Приехал один старик к царю жаловаться, что продано помещиком двенадцать девушек и юношей. Встретил он при дворе Майю. Узнав обо всем, она собрала своих товарищей по оружию, погналась за персами и доставила ко дворцу освобожденных.

Утром стала она пред царем и говорит ему:

— Разрешите мне, царь, обратиться к тебе с жалобой.

— Говори, — сказал Эрекле.

— Великий царь! Когда ж просохнут слезы крестьянские, когда наконец взглянет на них господь милостивым оком и избавит от мук?!

— О чем ты, дитя мое? — спрашивает царь.

— Да как же о чем, чириме⁵: раздавлено крестьянство и уничтожено. Злые люди громят твои села. Помещики распродали всех людей. Кто остался — того в плуг, в ярмо запрягают до последнего издыхания. Женщину недавно запрягли — так в ярме и отдала богу душу, несчастная. Тебе докладываю, должен ты уничтожить это зло и преступления.

— На господ наветов много я слышу. Знаю, что губительны для Грузии подобные дела, но кто докажет мне, что это правда! Не видел я ничего подобного своими глазами, по словесным наветам не могу я людей к ответу звать.

— Великий господин! Я сам свидетель и жертва подобных деяний, осиротевший и лишенный родителей. А вот и вчера пришли к тебе крестьяне с жалобой на преступных людей, продавших детей в рабство. Я не допустил их до вас, сел на коня, забрал с собою товарищей, и отбили мы у персов проданных девушек и парней. Вот они здесь перед вами. Вот и доказательства!

Рассердился царь, разгневался. Созвал на другой день духовенство, и предали они анафеме злодеев.

Подобным заступничеством Майя заслужила лютую ненависть князей, и решили они известить ее и убрать из дворца.

Однажды царь послал Мате с поручением куда-то. Прослышали ее враги об этом, погнались за ней, да перебила их всех Майя, а последнему сказала:

— Что вам, проклятым, толку от моей смерти? Поживиться-то вам нечем!

А тот лукаво ответил ей:

— Не мы хотим твоей смерти. То повеление царя!

Ошеломили те слова несчастную Майю. Усомнилась она в царе, испугалась смерти и ушла в лес разбойником. В Тriaлетских горах⁶ она укрылась в большом лесу, который народ прозвал Гнездо Майи. Отсюда спускалась она на дороги, караулила проезжавших князей, убивала и грабила их. Наконец выследили ее и стали ловить. Бросила она тогда свое гнездо, переехала в Сомхити и там стала жить под чужим именем. Но каждый раз, как враг нападал на этот край, она становилась во главе войска и разбивала врага.

Однажды прибыл царь в то село, где жила Майя. От села к селу жители провожали царя. Пошла охранять его и Майя, да не узнал ее царь, стара она стала, да считали ее погибшей давно. В пути совсем неожиданно напал на свиту из засады враг. Никто не был так скор, как Майя. Выстрелив из ружья, она обнажила меч и бросилась на нападавших. Тут и другие ободрившись, погнались за врагом, и победа осталась за ними. Тут царь обратился к Майе:

— Кто ты, друг, неизвестный мне герой?

— Мате я, царем изгнанный. Повелели вы меня убить.

Вот я тут, у вас в руках, поступайте как знаете. А я только времени ждал, чтобы вас повстречать лицом к лицу. В разбое не виноват я. Убивал я князей, защищая свою жизнь. Как же мне было на глаза вам показаться. Я разбойничал в Триалети, я грабил многих насильников... К тому же женщина я, не мужчина.

И царь, и все окружающие его были поражены. Простили Мате все грехи. Тут надела Майя женское платье. Но недолго ей оставалось жить. Персы напали на Грузию. Майя в женском платье пошла в поход и билась с врагом на славу. Дивились персы ее удалству, и ханы велели поймать ее живьем. Взяли ее в плен, повезли, да бежала она в дороге. Однако на обратном пути, под Ереваном, убил ее кто-то.

127. Тамро Вашлованели

Мать у Тамро¹ умерла рано, и отец женился в другой раз. Умер и отец, и помещик продал Тамро какому-то чужанину, да Тамро сбежала из полона. Возвращаясь домой, шла она лесом. Здесь повстречался ей медведь и напал на нее. Убила медведя бесстрашная девушка и избежала второй беды.

Теперь жила она свободно. Не было над ней господина, так как по закону избегший полона был свободен.

Была Тамро неподатлива и крута нравом и божьей грозой стала для врагов. Потому и знали ее по всей Грузии. На селе без ее участия ничего не делалось.

Однажды на село Вашловани напали татары. Огню и мечу предали они село, разрушили церкви и угнали жителей в плен. Бросилась в погоню за татарами Тамро, нагнала их со своим отрядом, удивительное совершила геройство: разбила врага и освободила пленных грузин.

Как узнал об этом царь — поблагодарил Тамро:

— О дитя мое! Радуюсь ты мою седую голову, твой пример вселяет бодрость в сердца мужчин.

Затем дал он Тамро и ее отряду пули и порох и даже обещал дать им пушку.

В отряде Тамро было много и женщин.

Одной ночью лезгины напали на село Вашловани. Тамро со своим отрядом отбила их нападение. Об этом говорится в песне:

Отбросили мы лезгин
Лунной ночью.
Гналась за ними Тамро
С наточенным остро мечом.

Немного времени прошло, и снова пришла весть о нашествии татар. Тамро укрыла всех жителей в башнях, сама вооружила людей и устроила засаду в одном узком ущелье. Как приблизились татары, Тамро на своем сером в яблоках коне промчалась по берегу реки. Погнались за ней татары, заманила она их в то узкое ущелье, а грузины стали палить из ружей и поубивали многих. Подъехала тут Тамро, и все бросились на врага, перебили татар, отняли обратно награбленное в деревне добро. И снова пришла ей благодарность от царя.

Один дворянин позавидовал ее славе и обвинил Тамро в измене родине. Царь устроил им очную ставку, и Тамро доказала свою невиновность и злоумышление того дворянина. Отпустил ее царь со словами:

— Иди, Тамро, постарайся заразить своим примером мужчин.

В то время довелось быть у царя многим князьям. Понравилась им осанка Тамро, ее молодечество. Попросили ее сразиться с одним палаваном. Не отказалась она, схватилась с ним и поборола палавана.

Ее победа породила много врагов и завистников. С тех пор она и не появлялась больше. Долго скрывалась Тамро, да один случай заставил ее снова открыться.

Однажды встретила она опечаленного крестьянина. Шел он к царю в поисках правды. Пошла с ним Тамро и сама донесла царю обо всех мучителях народных.

Рассердился царь, созвал помещиков и отругал их как следует. Так она спасла крестьян, да сама была погублена князьями. Поймали ее подосланные ими люди и бросили в Куру. Много она приняла мук. Наконец волны прибили ее к одному из устоев моста. Собралась она с силами, влезла на него, но оттуда выбраться уже не смогла. Ослабла. Так и испустила там дух от голода и жажды.

Прошло время. Пастух увидел ее, дал знать деревне. Сняли крестьяне ее истерзанное вороньем тело и с большим почетом похоронили в Триалетском храме.

Об этом говорится в песне.

В Триалети, в большом храме
Похоронена Тамро.
Подобной ей, преданной и отважной,
Не было у нас женщины.
У Тamar Вашлованели²
Яблоня стоит в головах.
Часть плодов зреет, часть цветет
Вокруг ее могилы.
Некому плакать о ней,
Да будет блаженна память о ее роде!

128. Тина Цавкисели

Тина из села Цавкиси¹ была крепостной Габашвили. Таковой же была она покровительницей крестьян и героиней, что и Майя из Цхнети. Еще в юности убила она своего господина, отомстив за поругание чести, но обошлось то дело, никто не заподозрил в Тине убийцу.

Прошло время. Тину с другими парнями и девушками родственники князя продали персам. В пути вздумали персы насильничать над девушками. Тина догадалась об их намерении и заранее подговорила своих друзей. Отняв у персов кинжалы, они перебили их, сели на их коней, поехали к царскому двору и обо всем поведали царю.

Подивился царь их удали. Отпустил всех девушек по домам, а Тину оставил при дворе. Там она овладела искусством верховой езды, научилась стрелять из ружья и владеть саблей. С тех пор не расставалась она с царем. Во всех походах его сопровождала. Снискала она славу своей храбростью, удалью и умением владеть оружием.

Однажды царь отправил всех крестьян в погоню за лезгинами. В это время пришла весть, что татары собираются напасть на село Цавкиси. Как узнала о том Тина, собрала всех женщин с детьми в башне, понаставила на ступенях внутри пчелиные ульи, заперла двери с двух сторон и велела:

— Еду я в Тбилиси доложить царю о нашествии татар. Если в мое отсутствие враг окружит башню, сломает двери и взойдет на лестницу, выпускайте пчел из ульев, пусть задержат врагов до нашего возвращения.

А сама полетела в Тбилиси.

Враги подошли к башне, взломали внешние двери, подня-

лись по темной лестнице и дошли до верхних дверей. Запертые в башне женщины открыли ульи и напустили на врагов рой пчел, страшно покусавших татар. А тут и Тина подросла с войском и разбила татар.

Вскоре после того овдовела она и осталась с двумя сыновьями.

Приняла она участие и в боях против Ага-Магомет-хана². По преданию, убили ее под Болниси³ и по велению Эрекле тут же возле храма похоронили рядом с мужем. На могильной плите вырезаны были их лики. Сыновей же их растили при дворе.

129. Царь Эрекле и нищая

Одна бедная старуха пришла к царю Эрекле за подаванием.

— Для всех ты отец родной, для меня — отчим; хоть раз взгляни на меня милостиво, — сказала в шутку старуха.

— Что же ты, дожила до седины и подавание просишь? — сказал ей царь. — Разве нет у тебя детей?

— Что же за женщина из меня, коли не родила бы слуг тебе? Семерых я вырастила!

— И не стыдно, имея семерых сыновей, побираться?

— Ах, родной, не надо мне семерых, хотя б одного иметь, да такого, как ты!

130. Остроумный ответ

Однажды царь Эрекле ехал из города в Кахети в сопровождении свиты. Солнце садилось, когда царь подъехал к Сагареджо¹ и обратил внимание на то, что в одном поле жнет очень много жнецов.

— Чьи это жнецы? — спросил он.

Доложили ему:

— Здесь, в Сагареджо, один зажиточный крестьянин живет. Его это мамитади².

— Молодец, хозяин, — сказал царь и спросил его имя.

Доложили ему и сказали при этом:

— Скупой он, говорят. Никогда никого не угостит, если не выгадает на том.

Остановил царь коня и повелел:

— Приведите того крестьянина сюда.

Привели. Царь сказал ему:

— Ужинаем мы у тебя. Принимай меня со всей свитой.

— Пожалуйте, шени чириме! — ответил крестьянин. — Прости, что здесь не сумею тебя принять, пожалуй ко мне в дом.

Дал согласие царь.

Сын крестьянина сел на лошадь и поскакал вперед. Пока доехали царь со свитой до села, стемнело уже. Крестьянин встретил царя у ворот и пригласил на кровлю дома, всю застланную коврами. Отменное гостеприимство оказал он, говорят, царю и его свите.

Отведав ужина, царь собрался уезжать и повелел подать коней. Поблагодарил он хозяина и говорит:

— А мне говорили, сын мой, что ты никого не угостишь, если не выгадаешь на том.

— Оно так есть, шени чириме! — ответил смело крестьянин. — Правду тебе говорили.

— Как же это? А ну, сегодня какую ты от нас видел выгоду?

— Земля на кровле дома только была засыпана. Немало понадобилось бы мне работников, чтоб утоптать и укатать ее. Куда же больше выгоды, если мой дорогой господин да столько сиятельных его спутников своими ногами утоптали мне кровлю!

Понравился царю остроумный ответ, засмеялся он и одарил того крестьянина платьем.

131. Говорящий правду в лицо должен иметь коня наготове

В те дни, когда в Чакви¹ из-за измены горийцев царь Соломон II² был разбит турками, исчез грузинский дворянин Коринтели, любимый домашний слуга Элизбара-эристави. Об этом горевали как эристави, так и царь.

Оказывается, того бедного Коринтели, валявшегося среди убитых без сознания, нашли турки и забрали в плен. Исцелившись от ран, пленник пришел к паше и сказал ему:

— Отпусти меня домой, и я принесу тебе выкуп — сто кошелей золота.

— А если не сумеешь достать? — спросил паша.

— Любит меня мой господин, как верного своего слугу, надеюсь я достать у него денег.

— А кто мне поручится за тебя?

— Никто!

— Так как же?

— Вот волосок из моих усов! ³

— А если ты не вернешься, на что мне этот волосок?

— Пристыди его и плюнь на него!

— Гяур, о чем ты говоришь? А тебе-то что, больно от этого станет?

— Телу не станет больно, но сердце почует и душа затокует.

Эти слова Коринтели произнес с таким убеждением и силой, что паша дал согласие и отпустил его в Имерети, сказав ему, однако, что в случае неудачи Коринтели заплатится головой.

Радостный, вернулся Коринтели в Имерети в день пасхи. Припал он к коленам своего князя и царя Соломона, рассказав подробно свои приключения. Царь и приближенные хотели одарить его, но Элизбар-эристави покачал головой, нахмурил брови и сказал:

— Если кто уважает меня, ни один не поможет этому презренному! Грузин, попавший к врагу в плен, покрыт позором, с ним и сидеть за одним столом не подобает!

Подобно стрелам, вонзились в сердце Коринтели эти слова. Не ждал он их от своего господина, которому верно служил. Полный печали и разочарования, бросил он все, вернулся к паше и рассказал ему обо всем, что случилось. Паше понравился его поступок, подивился он его бесстрашию и попросил:

— Так как гяуры не знают цены подобным тебе людям, останься здесь со мной, поменяй свою веру, доверься мне, не бойся, я сумею тебя устроить!

Но грузин ответил ему:

— О чем ты говоришь, великий паша! Тот, кто изменит вере своих отцов и дедов и бросит свою родину из-за чьей-то неблагодарности, — разве достоин тот чьего бы то ни было доверия?

Эти слова еще более удивили пашу, он одарил Коринтели сотней кошельков, полных золота, и отпустил в Имерети.

Коринтели купил имение возле Кутаиси и поселился там. В течение десяти лет не появлялся он при дворе. Жил у себя в деревне, так что и имя его было позабыто.

Однажды между царем Соломоном и Элизбаром-эристави произошла ссора. Царь рассердился, и эристави, попавший в опалу, переселился в Гори⁴, в свое имение. По наущению царедворцев царь подослал к нему Кайхосро и Свимона Церетели, чтоб устроить ему ловушку. Церетели легко исполнили царскую волю, выманили эристави из горийской крепости, изменнически схватили его и отвезли в Имерети к царю.

Прошло немало времени, и Элизбар-эристави примирился с царем, бывшим его зятем и шурином. Вновь они стали жить в дружбе и мире. Однажды во время пира, когда они, как обычно, сидели за накрытым столом, вошел в залу бородатый мествире⁵ и начал сказывать такие шаири⁶, что эристави диву дался: в них говорилось о приключениях самого эристави.

— Кацо, ты кто? — спросил Элизбар.

— Мествире — на волынке играю, — ответил волынщик.

— Вижу, но что ты за человек?

— Один бедняк из чужих краев!

— Нет, не похож ты на простого человека. Поди присядь у стола, поешь, а потом расскажи о себе.

— Нет, не стану я есть, шени чириме.

— Ты, должно быть, не решаешься сесть в присутствии царя, но сегодня он мой гость и не станет перечить моим желаниям.

— Нет, шени чириме, нет у меня желания сесть за стол.

— Почему?

— Потому что не пристало мне сидеть с вами за одним столом.

— Как это? Тебе не пристало сидеть и есть со мной за одним столом или мне не подобает посадить тебя рядом с собой?

— Мне не подобает, я не хочу сесть за стол с вами.

— Ты слишком дерзок!

— Выслушайте меня. Однажды один бедный грузин был окружен вражеским войском. Бился он, пока хватило сил, но под конец, не в силах уже шевельнуть ногой или рукой, израненный и окровавленный, попал он в плен. Когда же он вернулся из плена, его господин не принял его, сказав: «Не подо-

бает нам сидеть рядом с тобой за столом». Вот я и докладываю теперь тебе, моему великому господину и знатному человеку, что князя Элизбара-эристави имеретины обманом выманили из крепости и привезли сюда как пленника. Как же сидит с ним за одним столом столько знатных людей?

Кровь прилила к сердцу эристави, и он спросил:

— Ты знаешь, кто я?

— Не отрекусь, знатные люди мало меняются. Узнал вас, господин Элизбар.

— А ты, ты... ты Коринтели?

— Да, шени чириме. Ваш гнев меня сровнял с землей. Трудно меня и узнать теперь, но, кажется, наконец узнали вы меня.

— Как же ты смеешь! — закричал Элизбар и попросил разрешения отрезать язык Коринтели. Но не успел еще царь сказать им «да» или «нет», царский шут вдруг захохотал. Царь повернулся к нему и спросил:

— Чему ты смеешься, шут, в своем ли ты уме?

— Да и нет, мой господин, — ответил шут. — Я вспомнил одну смешную историю. Была одна новобрачная. Оставляя дома одна, она никогда не запирала дверей. Всегда оставляла их открытыми. Однажды ворвались к ней какие-то; изнасиловали ее и ушли. Набралась ума молодая невестка и с тех пор запирала накрепко двери. Так случилось и с господином эристави. Раньше должен был он отрезать язык у Коринтели, пока тот не сказал всего. А теперь что же? Он-то все успел сказать, хоть режь ему теперь язык, хоть нет...

Засмеялся царь и сказал шуту:

— Не знаешь разве поговорки: «Говорящий правду в лицо должен иметь наготове взнузданного коня»?

— Знаю, господин, но я свою лошадь отпустил в лес поохотиться на волков.

— Так ладно, — сказал ему царь. — Выведи из моей конюшни коня получше и скачи отсюда скорее.

Шут стрелой вылетел вон из зала.

Царь взглянул на Элизбара с улыбкой. Тот понял его желание. Повернулся к Коринтели и сказал:

— Эх, делать нечего! Меня ты обидел, так хотя бы к шуту не будь неблагодарным! Иди нагони его и скажи ему спасибо. Если нет у тебя коня, то бери моего взнузданного коня. Садись и догони его!

132. Поединок

Царь Имерети Гочна был злобным человеком. При дворе его жил известный герой Есик Авалиани. Был он таким огромным, что, видя его в строю, можно было принять его за всадника. Враг бежал от звуков его мощного голоса.

Однажды царь разгневался за что-то на Есика Авалиани, отнял у него его поместье Квитири¹, крепостных и предал огню его усадьбу. Есик бежал и нашел убежище у владетеля Одиши². Царь разгневался еще пуще и объявил владетелю Одиши Даднани³ войну.

Испугался Даднани, но Есик обнадежил его:

— Будь спокоен, князь. Об одном прошу, не ввязывайся в боевые действия против царя. Предложи ему выпустить по одному представителю от враждующих сторон, и пусть они решают единоборством исход боя. С твоей стороны выступлю я, и можешь не бояться — Есик не оплошает.

Даднани пришлось по сердцу предложение Есика.

В назначенный день с обеих сторон подошло войско.

Тогда Даднани предложил царю:

— Не будем натравливать брата на брата и лить христианскую кровь. Если требуешь боя, давай сделаем так: я выпущу с моей стороны одного бойца, и ты выставишь одного против. Если перевес будет на стороне твоего бойца, победа останется за тобой. Если же победит мой боец, пусть я считаюсь победителем.

Царь тотчас разгадал замысел Даднани. Разъяренный, оглядел он войско противника и заметил Есика, сидевшего на отличном скакуне, одетого в железную кольчугу, с копьем в руке.

Решил было царь отказаться от боя, но тут князя окружили его и обнадежили:

— О царь! Турок ты не боялся, никогда спины не показывал. Неужто обнаглевший дворянин заставил тебя призадуматься?

В это время меж князьями, окружившими царя, просунул голову какой-то тощий, маленький человечек, почтительно приветствовал царя и его приближенных, а затем сказал:

— Великий царь! Не оставляй потомству своего имени на посмешище, не давай складывать о себе басни! Изменника на-

кажет бог. В доказательство этого разреши мне, карлику, уродцу Алавидзе, вступить с ним в единоборство. Другим не стоит беспокоиться. Я один с ним справлюсь и разобью врага. Известно ведь: топор мал, да великое дерево рубит.

Все удивились тем словам и вначале смеялись над ним.

— Да что ты, Алавидзе, о чем ты говоришь,— сказал царь Гочиа.— Есик меня опозорил, а теперь ты окончательно уничижишь меня и сделаешь посмешищем.

Алавидзе не отступал и убеждал царя в том, что он принесет царю победу.

Царь все колебался, но князя его наконец убедили. Повернувшись к войску, царь сказал:

— Братья! Кто б ни вышел на бой с Есиком, он каждого проглотит, подобно дракону. А если бог на нашей стороне, то и этот человечек справится с ним, подобно Давиду, сокрушившему Голиафа.

С этими словами он сказал Алавидзе:

— А ну, Алавидзе, с богом! Разбей врага.

Алавидзе выбрал себе захудалую лошаденку, оделся в простую линялую одежду, на голову накрутил какую-то тряпку, лишь отдаленно напоминающую папанаки⁴, взял длинное и очень крепкое копьё и выехал на площадь, где должен был состояться поединок. Войска Дадияни покатались со смеху. А царское войско, сжав от злости зубы, глядело на него. «Неужто царь не нашел никого получше?» — думали они.

Увидев его, Есик стал смеяться: «Царь решил унижить меня и поднять на смех! Но напрасно надеется он, что я пощажу этого наглеца! Рук-то я не стану об него пачкать, но все же ему не сдобровать».

— Ну-ка, стой, попрошайка! — заревел Есик.— Постарайся хоть удержаться на ногах! — с этими словами он бросился на Алавидзе.

Алавидзе невозмутимо вел коня. Когда Есик приблизился к нему, Алавидзе выставил копьё и ткнул его в нос налетевшему коню. Однако скакун противника все же заставил его коня попятиться назад. Тогда Алавидзе выпустил конец копья из рук, рукоять глубоко вошла в землю, а острие пробило нос и вышло в ухо коня. Конь споткнулся и упал, подмяв Есика под себя. Есик вывихнул себе ногу, а Алавидзе затрусил к царю поздравить его с победой. В это время Есик высвободился из-под коня и погнался за Алавидзе пешком. Догнав его,

он вытащил меч и только собрался разрубить его надвое, как вывихнутая нога подвернулась и он снова растянулся на земле.

Радости царя не было предела. Он обнял Алавидзе, расцеловал его и щедро наградил. Есику же плюнул в очи, как изменнику.

Дадиани тоже разгневался на Есика за подобный позор. Тот обратился к близким и попросил примирить его с царем.

Царь вернул ему часть Квитири и четыре дыма крепостных. Остальное же отдал Цулукидзе, чьим слугой и стал с того времени Есик.

А до того Авалиани были при дворе царя.

133. Отиа Месхи

Отиа Месхи был прославленным рыцарем. Был у него единственный племянник родом из Лечхуми¹ — Асатиани по фамилии. Слово родного сына растил он его и любил без меры. Все рыцарские приемы, какими он владел, передал Отиа ему, обучил и выпестовал его наилучшим образом.

Однажды, когда Дадиани, владетель Мегрелии, объявил царю войну и Лечхуми, восстав против царя Грузии, стало на сторону Мегрелии, Отиа отозвал племянника, жившего с ним при царском дворе, и сказал ему:

— Сын мой! Тяжело у меня на душе, но делать нечего. Лечхумец ты и должен быть с твоими родичами рядом. Хорошо было бы не дожить нам до этого дня, но раз случилось так — ничем не можем мы помочь делу.

Благословил он его, пожелал доброго пути, дал на дорогу все необходимое и отпустил.

Начался бой. Вдруг видит Отиа, что какой-то всадник гонит изо всех сил коня, а неприятель преследует его и вот-вот догонит. Пригляделся он и узнал в первом своего заклятого врага Чачиашвили, а в преследующем — своего племянника Асатиани.

Не утерпел, крикнул он:

— Племянничек, не забудь: хоть личный враг мне Чачиашвили, но на этом поле должен я ему помочь. Не убивай его — не то заплачу лихом! Да и не пристало рыцарю преследовать бегущего врага.

Не послушал его разгоряченный боем юноша, размахнулся и снес Чачиашвили голову... Тогда ринулся на него Отиа, взмахнул саблей и перерубил его пополам.

— Говорил же я тебе, племянничек: здесь мы с ним друзья и должны постоять друг за друга.

Так выполнил Отиа свой долг. Но ранил ему тот долг сердце и свел безвремененно в могилу.

134. Тамарул Чинчараули

Враги напали на хевсур. Хевсурская женщина Тамар Чинчараули укрылась за дверью своего дома.

Напавшие переходили из дома в дом, опустошая село. Дошли и до дома Тамарул¹. Стоя за дверью, каждого входящего разила она мечом. Наконец ворвались они гурьбой. В доме нельзя было уже повернуться. Выскользнула Тамар из-за двери во двор — продолжала там бой. Тридцать два человека уложила. Трое сбежали, а она пошла биться рядом с мужчинами.

Кончился бой. Спросили Тамарул люди:

— Чего бы хотелось тебе, чем отблагодарить тебя?

— Ничего мне не надо, — ответила Тамарул, — кроме одного. Здесь, в Гуданском хати, в святилище, каждый праздник ставьте один котел пива на мое имя. Тем и будете поминать меня.

Так и повелось. В хати Гудани каждый праздник ставят пиво большим котлом и говорят:

— Тамарул, за дверьми укрывшуюся, помянем!

135. Сестра и брат

Шах Аббас разорил крепость Тмогви и угнал множество пленных в Персию. Среди них был один прелестный мальчик. Так полюбил его шах, что оставил при себе слугой.

Прошло несколько лет. Отдышалось немного Джавахети¹. Тут напал на нее турецкий султан и разорил села, все до одного. Султан вошел и в город Тмогви и вновь угнал оттуда массу пленных. Среди пленных была юная девушка. Своей красотой покорила она султана. Султан поставил ее прислуж-

ницей своей любимой жены. Эта девушка доводилась сестрой тому мальчику, которого угнал в плен шах Аббас.

Однажды шах Аббас поехал в гости к султану. Гостеприимно принял его султан и устроил по этому случаю большой пир. За ужином повеселились они, а после ужина легли отдыхать.

В ту ночь не спалось молодому слуге: на другой день наступал праздник Вардзии — богородицын день², и он особенно горько чувствовал тяжелую долю пленника. Много черных мыслей витало у него в голове. Наконец вздохнул он и сказал громко:

— Мария вардзийская, будь заступницей всех грузин в их горе.

Услышала те слова прислужница жены султана. Удивилась она очень и подумала про себя: «Явь то или сон? Откуда быть здесь грузину?»

Не утерпело ее сердце, подошла она к юноше и спросила:

— Брат мой, кто ты?

— Грузин я, из села Тмогви, сын Гогилы Макваладзе, — ответил мальчик.

Услышала эти слова девушка, прикусила мизинец и сказала юноше потихоньку:

— И вправду ты брат мне: дочь я Гогилы Макваладзе.

Тут, разумеется, узнали они друг друга, наплакались от радости, рассказали друг другу все, что стряслось с ними. Наконец зашла речь и о празднике Вардзии. Устали они под конец, присели на одну из ароб, стоящих поодаль, и решили в честь праздника провести эту ночь в бдении.

Говорили они много, да сморил их сон наконец. Покатилась вдруг эта арба быстро-быстро. Катилась она, катилась и остановилась у села Анни, на пригорке, у самой Вардзии.

Проснулись сестра и брат на рассвете. Смотрят туда-сюда, видят, что стоит арба на откосе. Испугались, думают: «Где мы? Узнают наши господа, не сдобровать нам!»

Вдруг услышали они колокольный звон. Поглядела сестра, видит: горят огни Вардзии.

— Вот она, Вардзия, ее эти свечи, — сказала сестра.

— Туман застлал нам глаза, сестричка, — отозвался юноша. — Откуда взяться здесь Вардзии. Где бы найти воды, чтобы сполоснуть глаза, прийти в себя?

Забил тут ключ рядом с ними. (И сейчас тот ключ на пригорке том журчит.) Умылись они, пришли в себя и поняли, что они на любимой родной земле.

136. Сестра

Однажды Грузию басурманское войско окружило. Неверных было очень много. А грузин было мало. Понял грузинский царь, что все войско перебьют у него в сече, Грузии же все равно не миновать разорения. Что было делать царю? Направил он посла к татарскому царю. Хотел замирился. Басурманский царь велел передать ему: «Если не хочешь боя, то пришли мне в знак покорности трех отборных воинов. Я их казню перед моим войском».

Оскорбило подобное унижение нашего царя. Разгневанный, он уже готовился дать знак к началу боя, как вдруг стали перед ним три воина, сказав:

— О царь, не подвергай уничтожению наше войско. Пусть мы падем за него жертвой.

Царь долго отказывался: трудно было ему посылать на убой мужественных воинов, но что он мог поделаться? Сила горы пашет! Дорог был царю мир, и отпустил он трех героев на смерть. Трое избранников стали перед татарским царем, ожидая смерти. Вдруг какая-то грузинка кинулась в ноги шаху. Плакала она и просила не убивать героев, подарить им жизнь. Женские слезы смягчили сердце свирепого шаха, и он сказал ей:

— Всех троих не отдам тебе, а одного из них, какого хочешь,— бери.

Окаменела грузинка. Которого же ей было брать? Один был муж ее, другой — сын, а третий — брат. Что делать? Время не терпит: надо спасти хоть одного, иначе убьет всех троих. Внезапно она приняла решение:

— Мужа найду еще,— подумала она,— и сына рожу другого, а вот брата уж никогда не будет у меня.

Вцепилась она в подол его чохи и силой уволокла, спасла от смерти.

Такова сила любви сестры.

137. Горшок, кипящий без огня

Когда татары напали на Кахети и началась упорная борьба, население покинуло насиженные места и бежало, так что беременные рожали в пути. Враг разорял села. На окраине одной деревни осталась глубокая старуха. Она не могла бежать. Неприятель подходил уже к ее дому. Один из бежавших крикнул ей с дороги:

— Скорее спасайся, идет вражеское войско.

Растерялась старуха, ухватила глиняный горшок, кипевший на огне, и собралась бежать в укрытие. Не успела она добежать до дверей, как увидела неприятельских воинов, входивших к ней во двор. Испуганная старуха поставила горшок тут же возле дверей, а сама спряталась под тахту. Подошли татары, видят: стоит глиняный горшок и кипит без огня. Испугались, побоялись они войти в дом. Сказали:

— В дверях дома стоит горшок и кипит без огня. Что же будет с нами, если мы войдем в дом?

Повернулись не солоно хлебавши и убежали. Так, благодаря этому кипевшему горшку, все село спаслось от уничтожения.

138. Шалик Султанишвили

Хорошим охотником и мужественным человеком был Шалик Султанишвили. Вернулся он однажды с охоты, а дома, кроме матери, не застал никого.

Оказывается, осетины похитили женщин из их села и все жители направились за ними в погоню.

Спрашивает Шалик мать:

— Что случилось, почему не видать никого в селе?

— Ничего, сынок. Кто на охоту пошел, кто на покос... — не хочет сказать ему правды.

Не отступился он от нее, и сказала мать наконец:

— Вчера в ночь похитили женщин осетины, сынок, за ними и ушли в погоню в горы все мужчины. Теперь уж не нагнать их. В Дигории¹ они уже будут теперь!

Выбежал Шалик из дома босой на одну ногу...

Гора Сакравиа есть там одна. Высокая гора. Через эту гору и перевалили осетины в Дигорию. Перевалили похитители, и говорит один из дигорцев:

— Оглянемся, не гонится ли кто за нами!

Другой говорит:

— Кто сможет перевалить сейчас через гору? Шалик Султанишвили разве!

В это время, подобно вихрю, налетел на осетин Шалик, отбил у них женщин, а осетин захватил в плен и так вернулся домой.

В осетинской песне так и поется:

Султанишвили Шалик
На орла похож горного,
Нагнал нас в Киртишо²,
Бураном занес нас горным,
Правой рукой обувь натягивает,
Левой — гонит перед собой караван пленных.

Говорят, жена Султанишвили была родом из той деревни, что за горным перевалом. Пришла весть, что родила она в материнском доме сына.

Пошел Султанишвили за ней. На перевале напали на него разбойники. Да в те времена верили друг другу. Если мужчина рвал волосок из уса и клялся им, можно было ему верить.

Поклялся Шалик так:

— Коли верите мужскому усу и слову, завтра в это время буду здесь, а сейчас — отпустите.

Поверили ему. Пошел он, повидал жену и сына. Пристали к нему родичи жены:

— Чего пожелаешь в подарок, прими от нас...

— Один у вас лезгинский меч зимли — его возьму.

Отдали ему меч.

На второе утро забрал он жену и дитя. Сам с сыном на руках идет впереди. Прокладывает путь в снегу. На горном перевале остановил он жену. Подвесил сына ей на спину.

— Иди,— говорит,— потише. Я же проложу в снегу путь и вернусь, подсоблю идти.

Подошел к условленному месту, кликнул громким голосом разбойников. А их девять человек.

Герои, встаньте, как подобает героям,
По-геройски готовьтесь к встрече.
Все девять сойдете в могилу,
Я же один пойду с вами.

Мол, вас убью я всех, а коли сам погибну, нипочем мне это.

Набросился он на них. Убил восьмерых, а девятого погнал перед собой и так вернулся в свой дом. Три года держал он того человека, потом сшил ему новую одежду и отпустил его.

— Похваляться будете — и меня вспомните, — сказал он ему.

139. Осетинский герой Джанхоташвили

Был один герой осетин Джанхоташвили¹. Имел единственного сына он.

В набег пошел тот юноша, грабить Геби², Убили жители Геби единственного сына.

Пришли к Джанхоташвили, сказали:

— Твоего сына рачинцы убили.

— Нечего мне вам сказать! Где взять слова? Моему сыну чего нужно было? Жена у него была, скот был и кони, вино и хлеб. Зачем не жил мирно?

— А все же отомстим, пойдем схватим гебских детей, — говорят ему осетины.

Гебские дети, оказывается, на берегу реки Чанчахи играли. Напали на них осетины, посажали их в гуды³ и увели в Осетию. Бегают их матери, кличут, ищут их в воде, в лесу. Где ж их найдешь?

Вернулись осетины в свое село, говорят этому Джанхоташвили:

— Похитили мы детей, что с ними делать — убить?

Джанхоташвили сказал им:

— Нет, подарите их мне. — Взял детей к себе в дом.

Выросли, возмужали дети, юношами стали, по двадцать лет им.

Говорит однажды Джанхот жене:

— Оденьте их в нарядные одежды, справьте все, что полагается: бурки, шапки, чохи и архалуки и провианта на дорогу. Отвезу мальчиков их родным. Пусть обретут покой.

Как въехал он в границы Геби, остановил лошадь и показывает юношам дорогу:

— Держитесь все вправо, дойдете до села.

— Поедем, отец, вместе.

— Нет, не могу я, убьют меня в Геби.

— Пойдем вместе, а нет, так и мы не пойдем,— что нам там делать одним!

Пришли в село:

— Вот, дети мои, вот здесь вас похитили. Идите теперь к вашим настоящим родителям.

Удивляются дети:

— Что говорит наш отец? — Не помнят уже ничего.

Тут народ идет им навстречу. Тогда Геби небольшое село было, всего сорок-пятьдесят домов.

Оглянулась на них женщина: а эти осетины откуда тут, зачем?

Пришла, говорит мужу:

— Сходи, узнай: кто эти осетины?

Старик хорошо знал осетинский язык. Рассказал ему все Джанхоташвили. Узнали тотчас родители, обрадовались, повели сыновей к себе, не отпустили и воспитавшего. Четыре месяца шел пир, одарили его золотом, серебром, вооружением десяти воинов. Настал между ними мир, и не было больше меж ними крови.

140. Андрези¹ рода Бурдули

Нападали на нас осетины в старину. Собирались отрядом и нападали на села. Сегодня — на село Архвати, завтра — на Млету; послезавтра — на Сетурни...²

Куда придут они, должны им белого бычка зарезать, навар из костей сварить, пивом напоить. А кроме того,— «мартебули»³ называли — девушку или молодую женщину должны были им привести. Ночью уложить с ними для забавы.

Должны были принимать их по жребию. И вот выпал жребий роду Бурдули. Башня была у них, говорят, высокая. Было их девять братьев, и имели они одну сестру. Плачет, оказывается, та девушка: «Обесчестят меня! Куда же я денусь потом? Не жить мне, порешу я себя».

— Все девять братьев поляжем, но ее не отдадим на поругание.

Сплели они ласти⁴, укрепили над ямой, которую вырыли в доме. Зарезали быка, устроили пир осетинам. Тут потребовали они «мартебули»...

— Отдохните пока. Девушка она, стыдится. Как стемнеет, заведем ее к вам.

Прилегли они, пьяные, уснули в ожидании девушки. Тут обрубил брата ласты. Посыпались в яму враги. Навалились на них вдвпятером и искрошили их, как начинку для када⁵. Кинжалами изрубили их.

Как узнали об этом остальные мтиульцы — опечалились. Испугались, бросились все к Бурдули в гневе.

— Что же нам делать теперь? Придет вражье войско и предадут огню весь наш край!

Бурдули заперлись в своей башне. Наконец нашелся умный человек, сказал мтиульцам:

— Дайте срок братьям Бурдули. Коли это они свершили, и другое надумают что-либо.

Потом, как в обычае у нас, в чохе с опущенными полами⁶ пошли к башне Бурдули двое из мтиульцев. Один из них Миделаури был родом.

— Не ссориться пришли — поговорить хотим.

Сказали им девять братьев тогда:

— Помогите нам, сделайте по-нашему, — и навсегда избавимся от врагов.

Возле деревни Сакурианты вырыли сообща большой ров — на Дидвели⁷ и сейчас видны его следы. Повбивали колья на его дно, перекрыли тонким ласты, нарезали дерна и заложили сверху.

В то время прослышали осетины о гибели своих братьев, собрались все.

В Осетии собирается войско, Салми его возглавляет,
Перейдем в Мтиулети, в Нагвареву⁸ нагрянем,
Выберем себе девушек и женщин, Салми их преподнесем.

Вся Мтиулети собралась в долине Дидвели. Ждут врага, хотят встретить его. Пришли осетины и увидели мтиульское войско. Летят осетины на лошадях и прямо в ров падают, гибнут на кольях.

Собралось мтиульское войско, железом одели тела,
Из семи тысяч человек семерых отпустили мы домой:
«Возвращайтесь, несите домой весть о гибели вашего войска».

Стали думать мтиульцы: как вознаградить тех девять братьев, что освободили страну от врага?

Бурдули сами потребовали, сказывают:

— Пусть мы будем слугами святыни Ломиси⁹, пусть из нашего рода будут деканози. (И сегодня так это, и доход от празднеств весь им принадлежит.)

Этим и одарили их на все времена. И еще одарили их сверх того. Решили: «Человек из рода Бурдули к столу незванным может являться и девушку любую в жены выбрать».

В старину ведь много мучений было со сватовством: три года должны были ходить сваты. Деканози и весь род должны были принять в этом участие. А для Бурдули отказа не было. Немедля должны были дать согласие.

Громкое было имя у рода Бурдули. И жертвенную скотину мы резали всегда. Приглашали нас. Коли не Бурдули, не мог зарезать жертвенную скотину никто.

О БОРЦАХ ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО ГНЕТА И КРЕПОСТНОГО ПРАВА

141. Капсог Гоштелиани

Могучими князьями были Дадешкелиани¹, Гоштелиани² были варгами³. Враждовали они между собой. Задумал Отар Дадешкелиани захватить в плен Капсога Гоштелиани.

Однажды в пути напали на Капсога люди Отара-фуста⁴. Связали его и доставили ко двору Дадешкелиани.

Спрашивает у своей свиты Отар-фуст:

— Кто возьмется отвезти Капсога в Турцию и продать его там в рабство?

Вышел вперед Мурза Калабетши⁵.

— Отар-фуст, мне доверь это. Снабди лишь дружиной в сорок человек.

Говорит тут фусту Капсог:

— Коли сможет продать меня Мурза, пусть мой дом и усадьба останутся ему на счастье. Коли нет — моими пусть станут дом его и усадьба.

Повезли в Турцию закованного в цепи Капсога.

Достигли они хребта Цицхвари⁶. Стемнело. Тут и расположились лагерем на ночь. Разожгли костер. Устали люди в пути. Говорит своей дружине Мурза:

— Можете спать все спокойно. Капсога я сам караулить буду.

Далеко за полночь перешло время. Калабетши Мурза сидел у огня, опершись на лезгинский меч, воткнутый перед ним в землю. Под конец и его одолела дремота. Улучил время Капсог. Изловчившись, зубами захватил он горящую головню, перебросил ее за спину и спалил веревки, которыми были связаны его руки. Затем сломал он железные цепи на ногах... Но не встает, затаил дыхание. Отдышавшись, внезапно вскочил Капсог на ноги, выхватил у дремавшего Мурзы меч и снес ему голову. Отпрыгнув в сторону, закричал Капсог громким голосом:

— Время вставать тебе, Мурза! Бежал Капсог.

Всполошились дружинники, глядят на Мурзу,— а его голова у костра валяется. Растерялись все, не знают, куда идти. Так и не решились преследовать Капсога.

А Капсог между тем направился ко дворцу владетельного князя. Ворвался он во двор Отара-фуста, выбрал лучшего скакуна в конюшне, вскочил на него и закричал громким голосом:

— Отар-фуст, пожалуй во двор! Мурза Калабетши приехал, привез тебе вырученные за Гоштелиани деньги.

Услышав это, фуст крикнул ему из дому:

— Знаю, Капсог ты Гоштелиани, узнал твой голос! Подожди, одарю тебя щедро.

— Не нужен мне твой подарок. Я уже выбрал себе твоего лучшего скакуна. Потом расквитаюсь с тобой за него.

Помчался Капсог к себе, подъехал к своей башне и крикнул:

— Мать моя, открой мне двери!

Проснулась мать, стала причитать и плакать.

— Увы, пусть так же поможет тебе бог, как нет со мной того, кто звал меня матерью!

— Мать моя! То я, твой сын, открой мне двери!

— Не верю, далеко увезли того, кто звал меня матерью.

— Поверь, мать моя, я твой сын.

— Если ты сын мне, а ну просунь твою руку в двери.

Старается Капсог, но его могучие руки не проходят в узкую щель.

— Мать моя, ты же знаешь толщину моих рук!

Тогда поверила ему мать и открыла двери. Бросился Капсог к ней. Узнала его мать, вскрикнула, припала к его коленям. Обнял ее сын, покрыв поцелуями лоб и все ей поведал.

142. Борьба ущелий

В старину между жителями сванских ущелий шла борьба ¹. Вожаком Мулаха ² был Подаант Пута. Выше Угвирского ³ перевала предводителем был Кипиани ⁴ из Гукари ⁵. Угвири и Мулах в борьбе держались вместе, объединялись. Добыча принадлежала угвирцам, а слава — мулахцам.

Гиго Галпхани окружили враги из Нижней Сванети. То был Бер Геловани ⁶ со своим войском. Оделся в козлиную шкуру Гиго Галпхани и под видом пастуха проник в войско Бера Геловани.

Совещается Бер Геловани со своей свитой. Совещаются о том, как изменить Гиго Галпхани и его уничтожить.

Вернулся Гиго Галпхани к себе, взял два сапалне ⁷ вина, взял быка. У врат Мулахского Спаса привязал быка в дар и пожертвовал Спасу вино. Сам же пошел к родне и остался там до утра.

Утром старейшина Мулаха Пута из Поданов видит быка, привязанного к вратам церкви, и бурдюки вина на земле.

Дивится он: «Чьих рук это дело?» Собрались жители Мулаха. Вышел Гиго вперед и воззвал о помощи:

— Бер Геловани осадил меня со своим войском. Измена у него на сердце. Прошу вас, помогите мне против Бера Геловани.

Послали гонца к Кипиани. Соединили войско и двинулись к Чолури ⁸. Под Чолури расположились лагерем на широкой поляне. Бери Геловани послали вестника.

— Возвращайся назад, оставь Гиго Галпхани — не то не кончится добром твой поход.

Бер Геловани отвечает им:

— Сванских собак не боюсь я.— Вернул вестника.

Трижды посылали к нему посредников с предложением мира, и трижды вернул он их.

Взяли тогда сваны и темным вечером на речной гальке по берегу рассыпали горох. На второй день закинули за плечи свои сверкающие ружья и стали собирать горох и есть его.

Выглянул из своего лагеря Бер Геловани и удивился.

— Что за диво, что собираете вы и жуете?

— Да собираем речную гальку и мелкие камешки, жуем вот и едим, чтобы вражеская винтовка не поборол нас. Вот доберемся до вас, уничтожим всех.

Испугались войска Бера Геловани, разбежались, — кто на восток, кто на запад.

Сваны погнались за расстроеным войском — уничтожили его.

143. Мечь ушгульцев

Надумали Дадешкелиани стать господами в вольной Сванетии, да не смогли сломить вольнолюбивых сванов; убили ушгульцы¹ сперва Кваркваре, а затем и Пута Дадешкелиани.

Не хотел народ, чтобы в убийстве Пута был обвинен один из многих. Потому собрали они по крупинке пороха, наскребли свинец — каждый от своей пули — и отлили из того свинца одну пулю — для Пута.

Внесли ружье, заряженное тем порохом и той пулей, в ограду церкви Ушгульской богородицы и повернули дулом туда, откуда ждали прихода Пута. Решив, что стрелять будут тоже все вместе, привязали они к курку длинную веревку, за которую взялись все мужчины Ушгули. Лишь после того послали людей звать Пута в гости.

Не поверил ушгульцам Пута, не согласился ехать в гости до тех пор, пока не послали ему заложниками сына ушгульского старейшины и двадцать человек еще.

За столом рядом с Пута сидел старейшина Ушгули Наскида. А рядом с каждым из приближенных князя — по два ушгульца. Когда Наскида произнес условленные слова: «Напоите-ка нас, парни, красным вином», — тотчас же из-за ограды церкви грянул выстрел, и пуля заставила Пута проститься с жизнью. Остальные ушгульцы набросились на свиту князя и перебили всех. Спасся лишь один, но в пути, в селе Жибиани, окружили его женщины рода Кокичашери и прикончили.

Жена Пута, узнав о смерти мужа, попросила ушгульцев

вернуть ей труп убитого. Но пока не были возвращены все заложники, сын ушгульского старейшины и его товарищи; до тех пор ушгульцы не разрешили вынести трупы убитого и его свиты².

Одежда Пути и кусок той веревки, привязанной к курку ружья, и сегодня хранятся в церкви Ушгульской богородицы.

144. Меч Мамуки Калундаури

Не раз вторгался Зураб-эристави¹ в Хевсурети. Вот однажды собрал он войско на бой с хевсурами. Одно только горе видел он там. Однако перевалил через Пхитури², прошел Осаури³, подвел свое войско к горе Рошки⁴. Был уверен Зураб в победе. В песне того времени сказано:

К Пхите⁵ подлетели журавли, усталые с дальней дороги;
В Рошки застонали башни, в Бло⁶ задрожали кровли домов.
Боятся, чуют: с Садзеле⁷ идет ледяной обвал!
Зураб воссел на горе Рошки, заслонил собою солнечный свет.

В Сане⁸ собрались хевсуры. «Мы хозяева этих мест».

Зураб решил обложить данью хевсур так же, как привык он это делать с другими. Не многие могли устоять против него: могучим был он воином. Среди хевсур лишь Мартия Мисриаули, Бердиа Мамукаури, Хирчла Бабураули и Хошараули могли дать отпор Зурабу и его воинам. Больше никто не был ему равен. А в этом походе в борьбе с Зурабом прославился Мамука Калундаури⁹.

Этот Калундаури, родом из Гуро¹⁰, сидит, оказывается, ничего не ведает — копает в поле хипхолу¹¹... Говорят, что у Калундаури меч был благословенный свыше. В тот день, когда Калундаури ждала победа, его меч сам собою выходил из ножен, давая этим знать хозяину близость победы.

Где б ни находился Калундаури, чуял он тотчас же, что меч его шевелится в ножнах. Вот и в тот день, копая хипхолу в поле, почуял он что-то и пошел домой. Пришел, взглянул на меч, висевший дома высоко на столбе, и видит: наполовину вышел тот из ножен.

«Что случилось, где и кто нуждается в помощи? Куда идти?» — подумал Калундаури. Вышел он и крикнул своему соседу Бачакаури:

— Что происходит, Бачака? Меч мой до половины вышел из своего гнезда! Где и кому нужна моя помощь? Куда зовет меня мой меч?

— Того не ведаю, Калундаури. Сказывали хевсуры, что войско Зураба вторглось в Хевсурети.

— Ну так кто же, как не они, нуждается в моей помощи? — сказал Калундаури. — Знакомы нам повадки Зураба. Камня на камне не оставит от хевсурских сел, если не помочь им, и побыстрее.

— Будь осторожен. Хитроумен Зураб, не убил бы тебя!

— Что будет, то и будет, — отвечал Калундаури. — Думается мне, что победа останется за мной. Не ждала бы меня победа — не стал бы рваться вон из ножен мой меч.

Повернулся, вошел в дом, взошел в кетхо, надел доспехи, взял оружие, подпоясался мечом, вддел его обратно в ножны и сказал:

— Ну-ка, меч мой, покажи теперь, на какие дела ты способен!

Пошел Мамука, а за ним — другие из обитателей окрестных гор.

Как поднялся он на гору Борбало¹², окинул взглядом всю Хевсурети и тотчас же увидел хевсурское войско и войско Зураба возле Саны. Полетел он туда стремглав.

Божья благодать была на Мамуке¹³. Когда направлялся он в поход, подобно звезде предшествовал ему сноп света. И на этот раз впереди его двигался луч.

Взглянул Зураб, увидел Калундаури, идущего у подножия горы, не смог устоять на месте. Обезумевший, бросился к хевсурам:

— Что это за муж идет к нам, предшествуемый звездой?

— Не ведаем мы, что это за человек, — отвечали хевсуры.

Поднял Зураб свое войско. Сказал им:

— Не принесет нам добра этот муж. Уйдем отсюда скорее.

Собрал свою рать и бежал вместе со своими воинами.

Но Калундаури быстро нагнал войско Зураба — у подножия горы Бекени¹⁴, у реки. Сам Зураб-то ушел, ускользнул, но войско его настиг Калундаури у реки, ринулся на него с мечом в руках. Убил одного, затем — второго, третьего. Двенадцать убил он разом. Как ударил мечом двенадцатого, так тело убитого стало в реке вниз головой — дошла до господ бога весть об избииении стольких людей.

Тут вложил Мамука свой меч в ножны, воззвал к богу:

— Не сердись на меня! Больше не стану убивать!

(В Хевсурети старые воины и сейчас следуют этому правилу. Если в рукопашном бою убитый мечом станет вниз головой,— нельзя продолжать бой. Тот бой не угоден богу.)

Вложил Калундаури меч в ножны и сказал оставшимся в живых воинам Зураба:

— Прощайте. Счастливого вам пути! Господь не велел убивать вас.— И тут же поставил самани¹⁵, сказав:

— После смерти моей, если пройдет здесь путник и не выпьет, благословясь, трех рогов водки, пусть падут на него все грехи, содеянные моим мечом, вся кровь, пролитая им,

Тогда и сказано:

Спустились из-за гор жители окраинных мест,
Солнечный луч следует за Мамукой Калундаури.
У горы Бекени нагнал он, рубил войско Зураба,
Вернувшись оттуда, самани водрузил из камня.
Пусть согласно его желанию поступит каждый юноша,
ступивший по нашей земле.

145. Смерть Мамуки Калундаури

Не прошло и двух недель после избиения Зурабова войска. Мамука косил сено на горе Гуро. Снова почувствовал он приближение боя. Спустился с лугов вниз, в село, пришел домой, взглянул на меч, висевший на столбе, и увидел, что вновь наполовину вон из ножен вышел меч. Подумал Калундаури: «Вновь победителем стану, как тогда, разобью войско Зураба!» Но на этот раз на горе вышел тот меч из ножен.

Калундаури опоясался мечом, вышел из дому и говорит про себя: «Куда это идти мне надо? Куда зовет меня мой меч?» Глядит, а у подножия горы Борбало тушины, братья Шалва и Иване, угоняют хевсурские стада баранов. (Те Шалва и Иване среди тушин прославленными бойцами были.)

Пошел Мамука, погнался за ними. Как заметили его тушины, стали кричать ему:

— Мамука, не подходи, не вынуждай нас убивать тебя! Не поднимается у нас рука на подобного тебе воина. Возвращайся и баранту забирай всю. Не станем мы угонять стадо!

Но Мамука не послушался: уверен был он в победе, не захотел возвратиться с миром. Как приблизился он к тушинам, крикнул ему Иване:

— Так не хочешь послушать нас!

Грянуло его ружье, попала в Калундаури пуля, рухнул он наземь умирающий.

Тогда это сказано:

Не подпустим тебя с мечом, издали взяли на прицел.
Ружейная пуля издали содрогнуться заставила тело.

Как ранили Калундаури, рухнул он наземь. Подошли тушины за оружием, как и был обычай у воинов в старину. Тогда еще дышал Мамука. Испуская дух, сказал он, оказывается, тушинам:

— Не отрубайте десницы моей. (Отрубить руку врага в старину обычаем было.)

Тогда сказаны им эти слова:

Руки не рубите мне правой — левая рука ведь ваша.
Кольчугу не срывайте с тела — камней, песка и земли
она цвета.

Ружья не берите с плеча — зверям скал врагом оно было.
Меча не снимайте с пояса — хевсурам добро он творил.

Отрубили тушины ему правую руку, сорвали кольчугу с тела, взяли его ружье и меч и ушли. Говорят, у тушин и сейчас хранятся Калундауровы доспехи. Такова история Калундаури. Как узнали о его смерти гуройцы¹, принесли его, похоронили в своей могиле.

146. Пугало

Страшен был Зураб¹. От мала до велика на всех нагонял он страх. Грозен был он в бою. Даже именитые мужи и те пугались встречи с ним.

В Хевсурети так было принято. Коли не могли унять плачущего ребенка, именем Зураба его пугали, и умолкало дитя.

Прикрикнет, бывало, мать на маленького:

— Молчи, не то Зураб-батони пришел, тут и стоит за дверьми. Не замолчишь — войдет и съест тебя.

147. Девять братьев и Зураб-эристави

Девять братьев было хевсур. У Зураба было войско. Всех осилил он, лишь до этих девяти братьев не дошли у него руки. Башня была у них. Сказал он тогда:

— Того, кто поможет мне захватить их, с ног до головы золотом осыплю.

Тогда сказала сестра их отца:

— Много сулит он золота... Предам племянников.

Сказала Зурабу:

— Лошадей задом наперед вели подковать.

Сказала потом своим племянникам:

— Ушел пес-Зураб, нет его здесь. Выходите на вольный воздух.

Вышли они из башни по одному. Глядят: нет никого. По следу подков видать: ушел пес-Зураб. Устроили себе отдых. Кто купается, кто лежит, кто оружие снял. Тогда сказала та сука-старуха:

— Покойно теперь у них на сердце.

Пошла к Зурабу:

— Наружу они вышли, хватай их.

Напали на них. Что ж могли они поделывать? Шестерым из них срубили тогда головы. Трех оставили в живых. Сварили мясо их братьев и подали им. Сказали:

— Ну, каково на вкус мясо брата, хевсуры?

— Так тебе дожить бы до старости, как вкусно мясо родного брата.

Сказал Зураб тогда:

— Порубите им головы.— Да потом раздумал:— Постой,— говорит,— крепкой они породы, сгодятся нам еще.

Оставил их на развод.

Один брат поселился в Гвидаке, другой — в Ахалцихе, а третий — в селе Тонча¹.

Узнал о том Зураб:

— Ах, собаки, спина к спине жмутся, все друг на друга надеются,— говорит.

От тех трех братьев и пошел весь род Бучукури.

148. Зураб-эристави изменил хевсурам

Хороша была дочь у царя Теймураза¹. Звали ее Дареджан. Ту дочь он выдал замуж за арагвского эристави Зураба. До замужества Дареджан Пшави и Хевсурети были вольными, не было у них господ. Были пшавы и хевсуры крепостными царя, его слугами.

Настоял Зураб, говорил молодой жене:

— Попроси отца дать за тобой в приданое Пшави и Хевсурети.

Исполнила Дареджан просьбу мужа. Дал за ней Теймураз в приданое Пшави и Хевсурети.

Оскорбил хевсур поступок царя, содеянное им. Не покорились они Зурабу волей. Силой сломил непокорных гордый Зураб.

Не хотели они ему служить все же. Тогда решил эристави прибегнуть к коварству. Призвал он к себе хевсур, предложил им собрать дань с непокорных осетин. Пошли в поход отборные мужи хевсурские. Жестоко разорили они села ущелья Трусо². Великую добычу взяли: сталь, коней, баранту и рогатый скот, ковры. Под конец собрались в Трусо на отдых. Режут быков, баранов, начинают пир.

Говорит Зураб хевсурам:

— Снимайте оружие на время пира. Ведь беспокойный вы народ, как бы не было беды. Все, до карманных ножей, сложите — пируйте, отдыхайте от трудов.

Обманулись хевсуры, доверчиво сняли с себя оружие. Сам лично стал меж ними Зураб, своей рукой поил их.

Как стали они снимать доспехи, один из них, Гахуа Хетекаури, говорил хевсурам: не будем, мол, снимать мечей, коварен Зураб, кто знает, что на уме у этой неверной собаки.

Гахуа Хетекаури

Верное слово молвит хевсурам:

«Мечей не станем снимать, хевсуры,

На Зураба нельзя полагаться...

Вы, как знаете, хевсуры,

Я ж поступлю по-своему».

Не снял оружия Гахуа Хетекаури.

Начался пир. Усталым, навоевавшимся хевсурам захотелось спать. Тут же на поле прилегли они, безоружные. Ослабленных вином, сморил их сон.

Мтиульцы³ были с Зурабом. Им он не давал пить. К измене готовил их господин.

Начали они губить измученных людей и перебили всех до одного. И весть домой некому было снести. Один Гахуа сопротивлялся, да и того убили.

Прошло несколько лет, и Зураб вновь заслал к хевсурам посредника на замирение. Предложил он им собраться в ущелье Хандо, обещав прибыть туда лично.

Собрались хевсуры в назначенном месте. Зураб расположился лагерем у источника на противоположном склоне ущелья, хевсуры — по эту сторону, там, где сейчас стоит село Бибилаури.

Был среди войска Зураба один по имени Шанше. Пробрался он к хевсурам и говорит им:

— Не доверяйте Зурабу. Доверчивы вы излишне. Забыли разве дело в ущелье Трусо! Опомнитесь. Бросьте жребий. Часть из вас пусть будет на виду у Зураба, а остальные спасайтесь, идите домой.

Кинули жребий.

Те, кому выпал жребий возвратиться домой, сказали:

— Кто ж нам поверит, что жребий нам выпал идти домой невредимо? Укроемся тут же в лесу. Коли замирятся они,— уйдем потихоньку, чтобы не видел нас Зураб. Если же измену таит в душе господин, так мы сразу ринемся на помощь своим.

Тот тайный разговор между Шанше и хевсурами был ночью. Обещал Шанше:

— В ноги брошусь Зурабу, молить буду, чтобы пожалел он вас. Коли сделает по-моему,— хорошо. Утром возглавлю я войско. Примечайте, в руке у меня будет белая палка. Если поеду я с той палкой в руках через реку, то знайте, что с добрыми намерениями прибыл Зураб. Если ж отброшу я палку, то готовьтесь к бою. Не стреляйте в меня, я вырвусь вперед и перейду к вам. Пропустите меня в тыл. Таю я злобу на Зураба и хочу его гибели.

На второй день обе части хевсурского войска следили за знаком Шанше. Двинулась Зурабова рать. Во время переправы Шанше кинул ту палку. Рванулся вперед, побежал он к хевсурам, да один из них, не узнав Шанше, убил его. Хевсуры с двух сторон бросились на Зураба и уничтожили все его войско. Сам Зураб с двумя всадниками успел укрыться в

Ананурской⁴ крепости. В тот час и был убит виночерпий Зураба, переодетый в его одежды. Убил его Алуда Алексаури, принявший его за Зураба.

Быстро бросился на тебя, о Зураб,
Алуда Алексаури.
Убил он твоего виночерпия,
Сам же ты ушел целым.
На Зураба замахнулся Алуда,
Да ранил твоего слугу.
Кому даровал бог победу?
Меч и палаш кого коснулись своим острием?
Если б ты получил этот удар, о Зураб,
Смерть нипочем была б для меня.

149. Гибель Арешидзе

Ару¹ — Арешидзе²,
Войско — Джапаридзе³,
Если уничтожат господ,
Достанется все Лобжанидзе⁴.

В старину, знаете ведь, обычай был: в ночь свадьбы ново-брачную, «царицу»⁵, — отводили к господину. Потому и было, что у нас «царя и царицу» не сажали вместе. Отдельно они находились, и, если желал того господин, женщина была в его власти.

Один житель села Геби⁶, Звиад Лобжанидзе, не хотел жениться.

— Почему не приведешь жену? — спрашивают того Звиада.

— Привести да преподнести ее господину?

Мужчина мужественным должен быть,
Не корчиться от страха.
Приводите жен,
Отводите их господину,
Сами бабами стали,
Женскими платками покрыться вам в пору!

Время пришло научить князей и дворян уму-разуму.

Стали судить-рядить — что делать, мол.

Трое братьев было Арешидзе, гебских господ. Дэвцихе, дэвовой, звалась их крепость. Был у них управитель по имени Гагна. Звиад Лобжанидзе и говорит:

— Устроим пир, позовем Гагния, подкупим его и уничтожим с его помощью всех Арешидзе.

Жители Геби дали согласие.
Пригласили на пир Гагния,
Вином и хлебом угощали.
Зашумело в голове у Гагния.
Тут сказали ему жители Геби обо всем,
Клятву потребовали страшную.

Гагния и говорит:

— Завлеку я Арешидзе на охоту в окрестности Геби; на мосту Цинчала⁷ уничтожьте их. В быках того моста устройте засаду и, как вступят Арешидзе на мост, засыпьте их стрелами. Да не торопитесь, в меня не попадите.

Пошел управитель к Арешидзе. Князь спрашивает его:

— Что нового в деревне?

— Много зверя в лесу, батоно. Надо поохотиться.

— Сон я видел плохой и боюсь идти на охоту,— говорит ему Арешидзе.

— Сон — то ничего.

— Стрелами меня осыпали во сне, в крови я плавал.

— То знак великой охоты.

— Хорошо это, да гнетет меня сон.

Уговорил его управитель, и повел двух братьев Арешидзе на охоту.

Только ступили они на мост Цинчала, осыпали их стрелами жители Геби. Одного брата там же убили, другой прыгнул в реку.

В водоворот Риони он прыгнул,
Помощи просит у бога.

Погнались за ним, да князь хорошо плавал и быстро рассекал воду. Пускали в него стрелы, но ни одна не попала. Вплавь добрался князь до Геби. У церкви Мацховари⁸ заметили его женщины и сообщили о том старику Гулитаду Гавашели. (Остальные мужчины у моста собрались.)

Знаменитым стрелком был в молодости тот старик, а теперь немощный лежал на плетеном челти⁹.

— Что случилось, зачем бежит народ вдоль берега? — спросил старик.

— Так и так, Арешидзе-то, сбежал он от наших.

— Поднимите меня на носилках и несите на берег. Дайте лук и стрелы.

Понесли его на берег, натянул старик лук, пустил стрелу и убил князя.

Узнал о случившемся третий брат Арешидзе. Захотел перейти через Риони — войти в селение. Жители Геби снесли мост, чтоб не было доступа князю.

Одна старуха подъехала на лошади к берегу. Попросил ее господин:

— Перевези меня через реку.

Посадила его в седло впереди себя старуха. Как вошли они достаточно глубоко, обхватила его руками и бросилась с ним в воду. Утонули оба.

Такова была последняя воля старухи:

«Как умру — каждый год ставьте мне поминальный стол».

И вправду, так велось издревле. Три поминальных стола у нас ставили в старину: отцу, и сыну, и святому духу. И ставили у нас также четвертый стол для поминовения души той старой женщины.

Так завоевало свободу село Геби.

150. Башня женщины

Над селением Кахи¹, в узком ущелье, высится башня. Зовут ее башней женщины. По крутому склону ведет к ней заросшая тропа. Давно никто не ходил здесь. Если споткнется кто, сорвется с крутого обрыва — и костей его не собрать!

Жил здесь раньше герой Торгва. Да, то был настоящий герой, не гнул он спины перед господами. Высоко в горах вырубил он жилище и укрылся там. Взял себе в жены красивую девушку и жил с ней вдвоем.

Женщина эта была под стать своему мужу. Когда Торгва ходил на охоту, она сторожила подступы к крепости.

Немало врагов было у Торгвы среди князей. Однажды властитель того края держал совет с приближенными:

— Не подчиняется мне Торгва, держит сторону народа. Поймать его и доставить ко мне! Я выжгу ему глаза и накормлю своих собак его мясом!

Многие пытались убить Торгву, покрыть себя славой, но никто не вернулся живым с той тропинки. Ни одного не миновали стрелы Торгвы и его жены. Так и не нашлось смельчака,

что справился бы с Торгвой. Опечалился князь, созвал вновь своих приближенных и говорит им:

— Что же делать, как избавиться нам от Торгвы?

Ничего не могли придумать. Вдруг со двора раздался крик: то голодный пастух, погонщик княжеских ослов, пытался пробраться к князю.

Господин велел привести пастуха.

— Чего тебе надобно? Зачем пришел?

— Выслушай погонщика твоих ослов,— говорит ему пастух.— Вам не справиться силой с Торгвой, так как он стоит за народ, а народ — за него. Смелостью его не возьмешь, но хитростью его взять легко, если только ты согласишься выслушать такое ничтожество, как я!

— Что же ты советуешь? — говорит князь.

— А то, что у подножия крепости Торгвы, на дне ущелья, там, где лесная просека, растет густая, сочная трава. Зверье охотно пасется там, и Торгва часто охотится в тех местах. Украсим одного из твоих ослов оленьими рогами, накроем оленьей шкурой и ночью выпустим голодного на тот выгон. Меткого же стрелка укроем в кустах. Поутру Торгва увидит нашего осла, примет его за оленя, выйдет из крепости, а тут наша стрела его и настигнет.

Единодушно одобрили совет погонщика князь и его свита.

Третье утро разгоралось, когда княжеский стрелок выгнал к берегу речки осла, одетого оленем, а сам спрятался в лесу.

Немного времени прошло, и Торгва открыл двери своего жилища, вышел на крыльцо и осмотрелся. Заметив на просеке оленя, он тотчас вошел в дом, взял лук и стрелы и стал спускаться по тропинке вниз, не сводя глаз с оленя.

Прошло лишь несколько дней, как у Торгвы родился первенец. Маленький лежал в люльке — красивый, что вишневая ягодка. Вслед за Торгвой на крыльцо вышла и его жена. Она несла в руках люльку с ребенком. Поставив ее возле двери и мерно покачивая ее ногой, она следила за спускавшимся вниз Торгвой, не спуская глаз и с оленя, щипавшего сочную траву.

Торгва спустил стрелу. Олень упал. Торгва прыгнул к нему и одновременно из-за скалы вылетела стрела княжеского слуги. Бездыханным упал Торгва на землю.

— Тебе изменили! — крикнула жена.— Но где муж, там и жена.

Привязав люльку к поясу, она бросилась с высокой скалы.

О СТРОИТЕЛЬСТВЕ КРЕПОСТЕЙ, БАШЕН, СЕЛ И ХРАМОВ

151. Башни на высоких горах

Царица Тамар часто путешествовала. Ее всегда сопровождала многочисленная свита. Посередине, говорят, ехали женщины, окружая царицу. А вокруг женщин ехали мужчины. Разумеется, все они были на конях. (В старину в Грузии женщины ведь были превосходными наездницами.) Головы у всех женщин были покрыты лечаки¹.

Каждый раз, собираясь куда-нибудь ехать по велению царицы Тамар, каждая из придворных дам завязывала в уголок своего лечаки горсть извести. Как поднимались они на какую-нибудь высокую гору, оглядывала Тамар местность, и, если ей она нравилась, по ее знаку развязывались лечаки и известь сыпалась в кучу.

Обычно ее набиралось столько, что можно было построить большой храм или высокую крепость. Тогда по знаку Тамар все мужчины становились цепочкой и начинали передавать

друг другу камни со дна ущелья с берега реки. Один подавал камень другому, и так, не двигаясь с места, поднимали они на вершину горы нужное количество камня. Лишь после этого уступали они место каменотесам и строителям.

Поднимая стены, по мере их роста снаружи насыпали землю, заменявшую им леса. Заканчивалось строительство, землю ссыпали, вывозили и перед всеми вставало готовое здание.

Так строились все эти башни и крепости на неприступных горах. А как же могло быть иначе? Кому же могло быть под силу поднять на вершины гор столько камней и извести?

152. Сурамская крепость

Царь Грузии спешно воздвигал в местечке Сурами крепость¹ для защиты от ожидавшегося нашествия турок. Однако никак не удавалось довести постройку до конца. Каждый раз возведенные стены рушились, и все приходилось начинать сначала. Извелись строители крепости. Визирь, которому поручено было строительство, пришел в отчаяние. Не знал он, как помочь делу. Наконец по совету людей обратился он к прорицательнице.

— Чтоб укрепить крепостные стены, нужна жертва,— сказала ему прорицательница.— Найдите чистого, невинного юношу, единственного сына вдовы. Замуруйте его в стену. Тогда достроите вы крепость и стены ее будут стоять вечно.

Долго искали жертву и наконец тут же, в Сурами, нашли подобного юношу, единственного сына вдовы. Звали его Зурабом. Несчастливая вдова с горя едва не лишилась разума, но страна была на краю гибели, враг был у ворот и грозил стране полным уничтожением. С воплями и плачем проводила мать своего первенца до крепости. Начали строить стену.

— Сын мой, Зураб, докуда [достигает стена]?

— Увы, мать моя, по щиколотки! — отвечал ей сын.

— Сын мой, Зураб, докуда?

— Увы, мать моя, по колена!

— Сын мой, Зураб, докуда?

— Увы, мать моя, по грудь...

— Сын мой, Зураб, докуда?

— Увы, матушка, конец мне...

— Сын мой Зураб...²

Построили стену, укрепилась она жертвенной кровью и стала неодолимым препятствием для врагов³.

А несчастная мать каждый день причитала, говорят, у стен крепости:

Сурамская крепость, желанная моя,
Когда же увижу я моего сына?
У тебя мой Зураб, побереги его.
Кувшином стану носить воду — умой его,
Не корми его овсяным хлебом — корми белым пшеничным.
Не води его в лаптях — надень сафьяновые сапожки.

Говорят, по той стене и сейчас струятся прозрачные материнские слезы, а в траве, которой заросла вся стена, пробиваются волосы юноши.

153. Уплисцихе

В Уплисцихе¹ большие пещеры. Со всех окрестных сел, если собрать туда народ,— уместятся все. Пещеры эти высечены в скалах. Залы большие, комнаты там. Есть и марани² и квеври³.

Внутренняя лестница была в той пещере. По подземному ходу, по ступеням спускались к воде, когда нападали враги. Думает враг: «Перемерут они все без воды»,— а у них ход по-тайной был.

Теперь спросишь меня: чем же резали они тот камень, чем рубили его? А камень такой — ударишь киркой и махонький кусочек еле отскочит.

В старину, во времена царицы Тамар, к такой прибегали уловке: раздадут работающим кирки, а у этих кирок один конец на три годжи⁴ из золота отлит — остальное сталь. Знал работавший, что как сотрется сталь в работе — золото его. Ну и работали они споро. Таяла сталь...

Должно быть, и силы рабочие таяли, да зато старались. Золото им доставалось, а страна-то строилась. Вот гляди: все эти крепости, пещеры, башни — все так и построено. Так и строили в старину.

154. Тмогви и Дамкали

Село Тмогви в старину широко известным городом было. Его правитель, говорят, жил в неприступной Тмогвской крепости¹ вместе со своей красавицей женой и всей семьей. Однажды крепость была осаждена войском кизилбашей². Семь лет не снимали они осаду, но крепость оставалась столь же неприступной, а крепостной гарнизон в насмешку не раз выливал на головы врагов свежевзбитую пахту в знак того, что осажденные ни в чем не терпят недостатка.

Однажды глава татарского войска заметил на крепостном валу красавицу жену правителя. Паша подослал к ней тайного посредника: «Твоя гибель неотвратима, подумай о спасении, помоги мне овладеть крепостью, и я тебя сделаю своей женою».

В самом непродолжительном времени женщина, которой давно надоело сидеть взаперти, велела передать ему: «В такое-то время я раздобуду ключи и открою вам ворота крепости. Войди со своим войском и увези меня».

В назначенное время паша бросил все войско на приступ. Ворота крепости оказались открытыми.

Взяв твердыню, паша перебил караульных и уничтожил весь гарнизон. Правитель крепости самоотверженно сопротивлялся врагу до самого конца. Увидев, что враг побеждает, он верхом на коне бросился с крепостного вала в пропасть.

Женщина, укрывшись в одной из комнат, с нетерпением ждала появления паши.

Паша велел своим приближенным привести вдову правителя, созвал свою свиту и все войско и сказал им:

— Дайте мне откровенный ответ. Не сносить головы тому, кто покривит душою. Превосходил ли меня доблестью и красотой муж этой женщины?

Все вынуждены были единодушно подтвердить правду.

— И красотой, и доблестью превосходил тебя правитель Тмогви,— сказали ему все.— Равнялся он пяти таким, как ты. Ни в чем тебе не превзойти его.

— Ваша правда,— сказал паша.— Куда мне было до него? И вот такому доблестному мужу она изменила, не пощадив все его войско. Чего же я могу ждать от нее? А ты что скажешь на это? — обратился он к женщине.

— Что же остается мне сказать? Изменила я мужу, народу и родине, так убей же меня поскорее,— ответила женщина.

Взмахнул паша саблей и снес ей голову. С тех пор крепость у села Тмогви зовется Дамкали, что значит по-грузински «Убей меня».

155. Ответ эристави

В ущелье реки Ксани¹ вторглось турецкое войско. Ксанский владетель — эристави укрепился в замке и сопротивлялся врагу.

Война затянулась. Турки приблизились к крепости. Народ с трудом умудрялся снабжать крепостной гарнизон провиантом.

Паша послал эристави с гонцом жареного барана и велел в насмешку передать ему:

— Знаю, нет у тебя ни куска хлеба. Посылаю тебе барана, чтоб немного подкрепить твои силы.

Было то время икрометания. Вся рыба шла к верховьям рек. Как раз в то утро, прежде чем гонец с приношением от паши явился в крепость, произошло следующее: в ущелье Ксани орел поймал лосося и летел в небе с добычей. Когда он поравнялся с крепостной башней, один из грузин прицелился и легко ранил орла. Лосось выпал из когтей птицы и упал во двор крепости.

Эристави в ответ послал паше живого лосося и велел передать ему:

— Не печалься о нас: вина и хлеба у нас вдоволь и, как видишь, живых лососей достаточно!

Паша потерял надежду взять крепость, снял осаду и увел войско.

156. Крепости Гогия и Петре

Вблизи от Боржоми, по обе стороны Куры, стоят две крепости. Народ зовет их крепостями Гогия и Петре. Братьями были, по преданию, Гогия и Петре. Враждовали они и соперничали меж собой. Разбоем и грабежом путников жили и бо-

гатели оба. Нападали они на запоздалых путников или караваны, особенно на купцов. Не раз войска братьев шли друг против друга, показывая при этом чудеса молодечества и удивляя всех.

Наконец после долгих усилий удалось повести дело на мировую. Оба брата в сопровождении своих дружин сошлись в доме посредника. Обнялись братья и поклялись в вечной любви и верности. Однако за клятвой начался пир горой, азарпеш¹ и роги пошли вкруговую. Кахетинское вино не смогло охладить их издавна ожесточенные сердца. Здесь же, за столом, произошла размолвка, спор перешел в драку, дошло дело до кинжалов. Тут каждая дружина встала за своего властителя, и кончилось тем, что оба брата и их многочисленная свита полегли, все до единого. С тех пор остались эти крепости без хозяев и превратились в руины².

157. Почему так печально кричат сычи

Однажды, очень давно, полчища персидских войск напали на Грузию. Нападение было таким неожиданным, что большая часть грузинского войска попала в плен к персам, а сам шах персидский проник в глубь страны. В плен к царю попал один предводитель большого отряда — князь Кайхосро.

Тяжело было Кайхосро в плену, мучал его стыд и терзал его страх за родину, а пуще всего беспокоился он о судьбе своей молодой жены. Прямо со свадебного стола пришлось Кайхосро идти в бой и покинуть красавицу Саломе.

Саломе славилась своей красотой далеко за пределами Грузии. Особенно хороши были ее глаза. Когда она поднимала свои длинные ресницы, самая темная ночь делалась светлой. Перед блеском ее глаз не мог устоять никто.

Когда гонец принес весть о пленении всего войска с молодым Кайхосро во главе, его жена немедленно собралась в путь. Отговаривали ее близкие, плакали, но она все повторяла: «Где муж, там и жена». Решила она ехать в становище персов к самому шаху.

Измучилась она в пути, извелась, но на третий день прибыла туда. Чуть ума не лишился Кайхосро, узнав, что его молодая жена приехала его выручать. Через верных людей пере-

дал он ей свой наказ: «Уезжай домой. А если останешься, не поднимай глаз, опусти ресницы, не вздумай глядеть на шаха».

Княгиню с почетом приняли при дворе шаха. Повелел он привести ее в свой походный шатер.

Все приближенные шаха с любопытством ждали появления прославленной красавицы. Но когда вошла она, опустив глаза и наклонив голову, стала перед шахом — ничего особенного не нашли в ее красоте:

— Это и есть прославленная красота грузинок? — спросил шах. — Обычная стройная грузинка. И за что хвалили ее?

Саломе просила у шаха разрешить ей разделить судьбу ее мужа. Плен ли то будет или казнь, она хотела быть рядом с ним.

Шах задумчиво молчал.

В это мгновение женское любопытство заговорило в Саломе. «А каков шах собою? Молод он или стар? Так ли страшен, как говорят о нем», — подумала Саломе и на один миг одним глазом взглянула на шаха. Только поднялись ее ресницы, будто небесный свет загорелся в шатре. От изумления вздохнули все как один вокруг. С изумлением смотрел на нее и шах. Повелел он привести ее мужа.

— Видно, крепко любит тебя жена, — сказал шах князю. — Да так просто не выпущу я птичку из клетки. Если и впрямь так крепко любите вы друг друга, назначаю вам испытание. Не уснете семь дней и ночей — уйдете вдвоем домой. Но если уснет один из вас — не обессудь, — твоя жена украсит мой гарем.

Посадили Саломе и Кайхосро в две башни — те, что и сейчас стоят у берегов Куры в Ликани¹. Приставили к ним стражу. Из окон башен перекликались они, подбадривая друг друга. Первые дни прошли хорошо.

— Не спи, жена! — кричал Кайхосро.

— Не сплю, не сплю! — отвечала Саломе.

Но постепенно голоса их стали слабеть. На пятый день еле слышно отвечала Саломе мужу, опершись на решетку окна.

На шестой день ее голоса не стало слышно. Муж тряс решетку и кричал что было сил:

— Не спи, жена, не засыпай!

Женщина еле дышала. На седьмой день рухнула она на колени...

От отчаяния муж превратился в ночную птицу и вылетел в окно. Открыла глаза жена и, увидев его, тоже стала птицей.

Так и кричат и сейчас сычи в окнах тех полуразрушенных временем башен:

Не спи, жена...
Не сплю, не сплю...

158. Обработка руды в Цедиси

Некий Майсур Дидидзе служил, оказывается, при дворе грузинского царя. Однажды в отсутствие царя, находившегося в походе, навлек он на себя гнев царицы.

Вернулся царь, и пожаловалась ему царица. Недостойно, мол, обошелся со мной твой слуга. Гони его прочь с царского двора. Но Дидидзе великие заслуги имел перед тронном. Не захотел царь губить его и повелел:

— Лишаю тебя имени Дидидзе. Отныне будешь зваться Майсурадзе. Собирайся всей семьей, всем родом твоим и иди с глаз моих долой, подальше куда-нибудь, за Лихский хребет¹.

Пошел Майсурадзе в Рачу² Горийской дорогой³, и пригласилось ему это наше горное местечко. С тех пор и повелись здесь Майсурадзе. Оказывается, и в Картли село их называлось Цедиси. Сохранили они это название и здесь⁴.

Свершилось все так, и размножились здесь Майсурадзе. Размножились да и набрались смелости. Потом была найдена в наших местах в земле руда. Нашли ее Майсурадзе и стали плавить из нее железо.

Завистью и злобой наполнились сердца местных князей. Послали гонца к царю.

— Бесчинствуют Майсурадзе, с утра до ночи без устали рубят. Наготовят дров, а ночью подожгут и уничтожат ими же заготовленный лес.

Рассердился царь, по наветам князей послал войско и спалил Цедиси. Таким богатым было это село, что закрома, говорят, горели по три недели — до краев были полны зерном.

Сожгли село, а потом стали вести следствие, и правда оказалась на стороне жителей Цедиси. Рубили они лес днем, а ночью складывали дрова в яму и жгли, оказывается, на уголь.

Много ведь нужно угля для плавки руды. Узнал о том царь, оправдал цедисцев. Похвалил их добычу и обработку руды.

На коже лани повелел написать царь: «Никто, кроме дождя и солнца, не смеет подойти к воротам Майсурадзе. Освобождаю их от всяческих податей. Если же задумает кто убить кого-либо из рода Майсурадзе, пусть прежде совет десять пядей веревки из песка и наполнит голенище сапога мозгами саранчи. Если же не сможет того он сделать (а разве смог бы кто сделать подобное?), то пусть не смеет поднять руку на их род. Если все же решится кто-нибудь на убийство, то заплатит повинную — шестьдесят белолобых быков. Не найдет белолобых, пусть полотном повяжет быкам головы и сойдут они за белолобых».

Потерялась потом у нас та кожа. Долго искали ее, да не найти уж было. Пропала она бесследно.

159. Бани Отинко

Недалеко от Батуми, возле села Борчха, стоят со времен царицы Тамар бани. Зовут их бани Отинко. Где-то в тех местах стоял когда-то дворец Тамар. Однажды зазимовала она там. Во дворце было много голубей. Приметила она раз, что захворал один голубь. Велела отнести его подальше и выпустить на волю царица, чтобы не пал он во дворце и не заразил других голубей.

Понесли его слуги за ворота подальше и выпустили. Прошло три дня, и голубь вернулся совсем здоровым. Только мокрый был весь. Увидела это царица, удивилась и сказала: — Где-то поблизости лечебная вода должна быть.

Послала во все стороны слуг. И вправду, нашли они горячий источник. В том месте снег стаял весь и вода лилась журча.

Доложили о виденном царице. Порадовалась она и одарила слуг.

Как пришла весна, повелела она строить там целебные бани. И поныне они там стоят, зовут их банями Отинко,

160. Почему село называется Кахи

Село Кахи¹ в Саингило² ранее звалось Тораги. Одного старика, священника из этого села, схватили и привели к султану. Долго мучал тот его, а после потребовал:

— Скажи, где хранится церковная утварь и деньги ваших храмов? Иначе убьем тебя.

Старик, изнемогавший от пыток и возжелавший смерти, сказал ему:

— Отвезите меня на родину, к моему дому, и там укажу я церковный клад.

Привели его к дому. Только подошел он к воротам, припал к порогу и сказал:

— Можете убить меня, мне это нипочем теперь, раз я приму смерть на родной земле. Тайны клада я вам ни за что не выдам.

Никакими силами не смогли оторвать его от порога, и, расвирепев от злости, обманутые слуги султана изрубили его на мелкие куски. С тех пор село Тораги стало зваться Кахи, что значит на их языке «мелко изрубленные сушеные фрукты».

161. Вардзия

Очень большая птица была одна. Хищная была птица. Бросалась то на овцу, то на теленка, уносила в свое гнездо. Страдало все село. Однажды пропала в деревне девочка. Туда, сюда — все село стало на ноги. Обошли кругом леса и овраги. Каждое дерево, каждый ручеек обшарили, но на след ребенка все же напасть не смогли.

Однажды один охотник погнался за этой птицей. Пошел за ней в нехоженные места, на высокие скалы, высмотрел ее гнездо. Только нацелил он стрелу в ту птицу, как вдруг слышит детский голос: «Ака вар, дзия, — тут я, дядя, не стреляй!» Бросился охотник на голос — и что же он видит? В гнезде сидит девочка. Отсюда и пошло название села Вардзия¹ в Имерети.

162. МелискарИ

Однажды после обедни, когда двери церкви были еще открыты, вбежала лиса, схватила зубами свечу и направилась уже обратно, как вдруг упала и окаменела. Церковный сторож, увидя все это, был поражен и обратился к богу с молитвой, прося, чтобы всемогущий оживил лису и избавил церковь от нее. Бог услышал его молитву: лиса ожила, оставив свечу, выбежала вон из церкви и скрылась. С тех пор за церковью в народе утвердилось название МелискарИ¹.

163. Воронья церковь

Поля и земли в Двани в старину принадлежали одному богатому помещику. Здесь земля плодоносила всегда, и помещик раньше всех начинал уборку хлеба. Однажды вся деревня была у него на покосе. За работу взялись ранним утром.

Повара поставили котлы в тень и приготовили пищу. Однако время обеда еще не пришло, и поэтому, потушив костры, повара присоединились к косарям. После полудня помещик велел сделать перерыв на обед.

С шумом пошли косари в тень. Они не обратили внимания на то, что над их головами стала метаться и каркать ворона.

Повара подали обед. Сели косари, но только взял один из поваров в руки деревянный уполовник и открыл котел, как у него под носом пролетела ворона и помешала ему достать из котла пищу. Второй раз опустил он уполовник в варево, как снова воропа заметалась над ним. Повар бросил в ворону камень, засучил рукава и только собрался разлить пищу по мискам, как со свистом пронеслась над ним ворона, упала в котел и, конечно, сварилась в кипящей пище. Повскакали косари со своих мест, окружили котел. Никто не стал есть испоганенную вороной пищу.

Опрокинули тяжелый котел наземь — и вот диво! Земля впитала жижу, а среди кусков мяса, рядом с телом вороны, увидели громадную змею.

Тут все поняли чудо, совершенное птицей: она хотела предупредить несчастье.

В память той вороны и своего чудесного избавления ко-сари выстроили эту церковь, развалины которой стоят доныне. И доныне носит она название Воронья церковь.

164. Алая церковь

Там, где кончается Цициановский лес¹ и начинаются степи Саджавахо², произошел однажды большой бой. В том месте земля впитала столько крови, что, когда стали там возводить церковь и замесили глину для постройки, та глина окрасила кровавым цветом белый камень, привезенный для церковных стен со скалистых берегов озера. Отсюда и произошло название Алая церковь. Туда собираются на поклон все потерявшие своих близких на войне.

165. Олень в Окуми

В Окуми¹ есть церковь святого Георгия, вся ограда которой, каменная и высокая, украшена с внутренней стороны оленьими рогами. Происхождение их народ объясняет так. В ночь с 22 на 23 апреля на церковную паперть по воле святого Георгия² являлся олень с большими рогами. Когда в день Георгия жители сходились к храму помолиться, олень уже был на паперти и стоял неподвижно. После церковной службы его закалывали и устраивали пир, который продолжался до вечера; рога оленя прикрепляли к ограде. Так было много лет и происходило каждый год. Но раз олень явился к церкви в то время, как народ уже собрался на молитву: подбежав к ограде, зверь перескочил через нее и очутился на паперти. Там он стал как вкопанный. Кто-то из мирян взял палку и, подойдя к оленю, ударил его со словами: «Что же так поздно прибыл?!»

После обедни оленя все-таки съели, а рогами его заполнили оставшееся пустое место на ограде. Но рассердившийся за это святой Георгий больше не присылал священного дара.

К этому прибавляют следующее. Один турок, живший от Самурзакано³ верст за триста и прибывший в Окуми чуть ли не накануне дня Георгия, усомнился в действительности чуда, совершаемого святым с оленем (между тем собратья турка по

вере, селившиеся окрест Окуми, были убеждены в истинности того чуда), и сказал: «Если Георгий уж так всемогущ, то пусть он приведет к церкви моего быка, серого с черными пятнами». И что же?! Бык тот через несколько часов стоял уже на паперти, а хозяину его оставалось только изумляться.

166. Илорский бык

Однажды какой-то крестьянин по данному им Илорской¹ иконе обету пожертвовал Илорской церкви быка, рога которого украсил серебряными бубенчиками. Быка пустили пасть в церковной ограде. Ночью пришел другой крестьянин и украл его. На другой день, когда обнаружено было воровство, священник и прихожане усердно принялись искать быка. Но напрасны были все поиски их: быка так и не нашли. Тогда священник по просьбе прихожан начал служить молебен: прихожане горячо просили Илорскую икону, чтобы она указала им вора. По окончании молебна все вышли из церкви. Не вышел только крестьянин-вор, также находившийся там. Священник, желая узнать, чего ради этот крестьянин так упорно стоит на одном месте и не двигается, подошел к нему и был поражен. Он увидел, что крестьянин окаменел. Этот камень в виде колонны стоит и ныне в Илорской церкви.

167. Строительство Сапари

Было семеро братьев Атабагов. Из них двое жили в Сапари. Решили они построить там монастырь. Старший брат был известным мастером-строителем, младший был его учеником. Был у них вол, звали его Индуша. Вол не нуждался в погонщике. В лесу Кисатиби грузил младший брат сани камнем, а вол вез эти сани один. Разгружал сани старший брат. Так и перевез вол в одиночку весь камень для строительства монастыря Сапари.

Однажды, в ту пору как заканчивалось строительство монастыря, остановился вол в пути передохнуть. Напал на него тут медведь, отгрыз ему голову и переднюю ногу. Так и осталась лежать на дороге большая каменная плита, которую вез вол.

Старший брат не заметил отсутствия камня. Ошибся в расчетах. Послал он сказать брату: не надо больше камней, закончен, мол, монастырь. А младший-то знал, что камень лежит на дороге, и посмеялся над братом, велел передать ему: «Не закончен еще монастырь, не хватает одного камня!» Так расстроил мастера его просчет и то, что ученик его оказался прав, что бросился он с крыши монастыря вниз головой.

В верхнем углу церкви изобразил ученик того быка, а по другую сторону высечено изображение медведя¹.

Каменная плита и сегодня лежит на дороге к монастырю, и высечена на ней кафельница. И сегодня зовут плиту камнем Индуши.

168. Царица Тамар и ее брат

Был у царицы Тамар брат. Поспорила она с ним: своими руками построю я, мол, церковь в таком-то месте.

Брат же сказал ей:

— А я вон с той горы,— протянул он руку в сторону гор Триалетии,— воду спушу и все эти засушливые луга и поля напою водой.

Договорились. Царица Тамар стала церковь строить, а брат ее пошел воду проводить.

Не прошло и недели, а парню уж надоело работать. Надумал он: «Давай-ка обману я сестру». Тайно привез он несколько синих полотнищ, сшил их и разостлал по склону Триалетских гор.

Тамар уже возвела фундамент и стены. Стояла она высоко на лесах. Дитя ее было с ней рядом. Одной рукой строила она стену, другой — качала колыбель.

Взглянула Тамар и видит: по склону горы синее что-то. Подумала: «Эге... Победил в споре мой брат, спустил он уже воду с горы».

Обидно ей стало, дрогнула у нее рука, уронила она колыбель, и погребло ее дитя. Тогда прокляла Тамар эту церковь.

— Да будет цкромн над тобой! — сказала она.

С тех пор Цроми¹ зовут ту церковь, а ущелье то зовется ущельем Дзама², что значит «ущелье брата».

169. Алаверди

В Грузию вторгся с несметными полчищами персидский шах Аббас. В короткое время завладел он Кахети и частью Картли.

В один из жарких дней, когда шах Аббас отдыхал после обеда у входа в свой шатер среди персидского лагеря, к нему явился посол от грузинского царя с подарком и поставил к ногам шаха корзину со свежими фруктами. Шах похвалил плоды и, раздавая их царедворцам и приближенным, изредка бормотал: «Чох гюзель, чох гюзель! — Очень хорошо, очень хорошо!» Аббас взял самое большое яблоко, съел его и, выкинув семена, закопал их концом копья в землю. Затем, обратившись к посланцу — грузинскому таваду¹, он сказал:

— Кланяйся царю и доложи, что пока из этих семян не вырастет сад и я не вкушу плодов от него, до тех пор не выйду из пределов вашей земли, где мне спится лучше, чем дома.

Низко поклонился посланец шаху и, сев на коня, пустился рысью из лагеря. Посланца-тавада звали Шио. Возвращаясь домой, он думал о своей молодой жене Хорошане, о ее замечательной красоте, о родине, и в голове его зародился смелый план избавления страны от ненавистных персов.

Между тем шах Аббас, покоривший Грузию, продолжал грабить и разорять страну, стараясь принести как можно больше вреда ненавистным гяурам. Кроме сбора разной дани, шах отдал приказ набирать в селах и городах с каждой новой луной пятьдесят отборных красавиц и доставлять их в персидский лагерь. Несчастных пленниц раздавали приближенным шаха.

Одним из самых влиятельных ханов в свите шаха считался предводитель татарской конницы Алаверды. Пользуясь своим высоким положением, он не дожидался подачек от хана и сам посылал в город Телави за красивыми грузинками.

Грузинский царь и его тавады стояли в это время с остатками разбитого войска около Мцхеты. По призыву духовенства сюда, к месту древней святыни, стекались воины со всех концов края. Войско постепенно увеличивалось. Ожидали подкрепления от Имерети и единой Москвы. В таком положении были дела, когда тавад Шио скакал к царю с ответом шаха. По пути он решил захватить к себе домой и попробовать привести задуманный им план в исполнение. Он решил

пожертвовать для спасения родного края своей горячо любимой женой, красавицей Хорошаной.

Переступив порог своего дома, он бросился на колени перед женой и стал просить ее спасти отечество. Страстно и горячо доказывал тавад трудность предстоящей борьбы обессиленной Грузии с могучим шахом Аббасом и призывал Хорошану совершить подвиг, возможный только для женщины.

— Не главный стан шаха с несметной силой кизилбашей страшен грузинам. Их геройская уверенность колеблется только перед могучим помощником шаха, ханом Алаверды. Отложись он от шаха — и Грузия спасена. А ее надо спасти во что бы то ни стало! И ты одна это можешь совершить — не силой, а жертвой. Ту любовь, которая до сих пор принадлежала лишь мне одному, отдай хану Алаверды. Будь Юдифью Иверии. За то, чему нет цены, потребуй от хана Алаверды измены шаху. Приведи его к нам, а если это невозможно... сними с него голову. Я умру впереди храбрых, буду биться с врагом до последнего вздоха, но что значит вся наша храбрость в сравнении с тем великим подвигом, который совершишь ты для спасения нашей страны!

Долго говорил тавад Шио, убеждая Хорошану принести себя в жертву, долго длилась в ней борьба между любовью и долгом, и только к утру согласилась она наконец исполнить просьбу любимого мужа.

Сам Шио, одетый в лохмотья простолюдина, привел жену в шатер хана Алаверды. Хан Алаверды был пахлаван и обладал страшной силой. Немало видел он на своем веку красавиц, немало было их и в его гареме, но такой, как Хорошана, он еще никогда не видывал. Глаза его загорелись при виде смущенной грузинки, и охватила хана неудержимая страсть.

Наступила ночь. Под шелковым шатром хана шел горячий спор. Алаверды не соглашался на цену, которую требовала за любовь красавица Хорошана. Он предлагал ей все свои сокровища, все наслаждения, кроме измены шаху, но Хорошана просила только этого. Не раз могучий хан приходил в бешенство и угрожал ей кинжалом — красавица оставалась непреклонной. Мрачный как туча был хан весь следующий день, и только в полночь согласился наконец исполнить желание овладевшей его сердцем грузинки и поклялся ей в этом бородою пророка.

Весь следующий день хан Алаверды провел счастливым пленником у ног прекрасной грузинки. В это время шах прислал гонца к хану с повелением выступить в поход против неприятеля и соединиться с войсками шаха через три дня. Алаверды приказал ковать коней и готовиться к выступлению из лагеря.

Оба войска сошлись наконец на бранном поле. Полки шаха были готовы к бою, но Аббас медлил начинать сражение и ждал прибытия хана Алаверды с его конницей, движение которой почему-то замедлилось. Тогда шах Аббас выступил со своим войском. Персы дрались отчаянно, и уставшие отряды их заменялись свежими силами. Бой разгорался, и победа склонялась на сторону мусульман. Вдруг в отдалении показалось татарское войско. Кизилбашни еще более ободрились и подняли радостный крик. Грузины заметно приуныли, но ободренные своими начальниками снова бросились в битву. И вдруг случилось то, чего никто не ожидал. Алаверды со своими татарами бросился на полчища персов и довершил победу православных воинов над ордой кизилбашей. Персидское войско было разбито и обратилось в постыдное бегство.

Не дешево обошлась эта победа Грузии. Немало погибло в битве лучших сынов ее. В числе убитых был и храбрый тавад Шно. Над его трупом страстно рыдал молодой воин в татарских доспехах: это была красавица Хорошана. Хан Алаверды также получил смертельную рану в бою. Умирая, он завещал все богатства на восстановление разрушенной обители святого Георгия.

Обновление монастыря праздновалось осенью после сбора винограда. Почти все жители Кахети и Картли съехались на этот народный праздник. После службы на огромном пространстве зажгли костры, задымились кебаб², шашлык и наполнились вином турьи рога и азарпеши³. После многочисленных тостов последовал тост в память поборника Грузии хана Алаверды.

— Алаверды! — провозгласили грузины, поднимая азарпеши.

— Якши-ол! — ответили им татары из приближенных хана, принявшие по примеру своего властителя православие.

Праздник стал повторяться ежегодно с огромным съездом народа и неизменными поздравительными возгласами «Ала-

верды» и «Якши-ол»⁴. Народ скоро разнес эти клики во все концы Грузии и увековечил этот обычай застольного поздравления.

Обитель же святого Георгия с того времени получила название Алаверди⁵.

170. Тедоре

Это было время, когда татары и лезгины беспрестанно опустошали нашу страну своими набегами.

Однажды вражеское войско двинулось в сторону крепости Греми¹. В пути поймали они одного священника по имени Тедоре.

Предводитель отряда сказал ему:

— Проведи нас кратким путем до Греми, и я тебя одарю щедро. А не проведешь — отрублю тебе голову.

Согласился Тедоре. Лишь крестьянину, сопровождавшему его, шепнул он одно слово. Только увели Тедоре, крестьянин бросился бегом к крепости Греми. А Тедоре повел отряд берегом Алазани к дремучим лесам. Целый день водил он их по лесу. Предводитель отряда заподозрил что-то неладное и в одном месте в пути поставил зарубку на дереве. Не видел этого Тедоре и спустя два часа провел врагов той же дорогой. Разожгли они большой костер и бросили его в огонь.

За это время посланный Тедоре крестьянин добежал до Греми. Грузинское войско встретило врага наготове и уничтожило его. На месте того костра стоит церковь в память о Тедоре, его геройской смерти.

171. История поселения Апциаури и Чохели

Было два брата — Апи и Чохи. Случилось им убить одного киста. Бросили братья свой дом и переселились в Гудамакари¹. И тут поселились они порознь: коли будут, мол, мстить кисты за кровь, чтоб не погибли мы оба. От одного род Апциаури пошел, от другого — Чохели.

172. Сказ о селении Читаурни

Читаури ранее хевсурами были — Гигаури звались они. Ушли они из Хевсурети и стали селиться в ущелье Чартали¹. Чартальцы не пускали их, говорят. Трижды предали они огню селение чартальцев. Наконец поселились там пришлые Читаури.

Трижды предал тебя огню, ущелье Чартали,
В четвертый — поселился я тут.

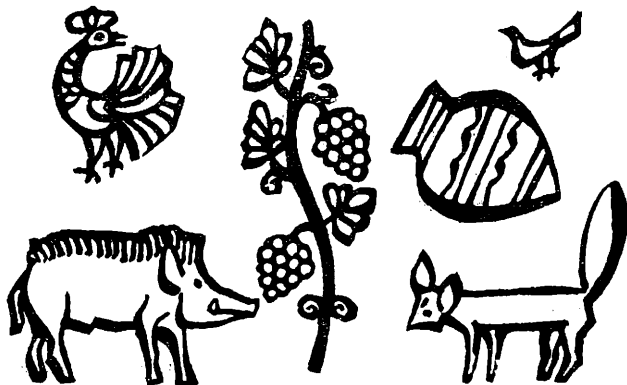
173. Циклаури и Бекаури

Как стал теснить Зураб¹ хевсур, в те времена бежали два брата в это ущелье. Одного звали Бека, другого — Циква. Циква сильным был. Бессилен был Бека и таил злобу на брата, враждовал с ним. Однажды в празднество случилась между ними ссора, и порешили они после того: «Рассечем собаку надвое и расстанемся».

Рассекли они собаку и сказали так:

— Да достанутся взаимно нам наши женщины!

От этих братьев и произошли эти два рода — Циклаури и Бекаури, и берут они женщин в жены друг у друга.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗОЛОТА, ВИНА, МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

174. Когда спит вода

В сутки раз и вода уснет.

Говорят, когда вода спит, что ни опустишь в нее — все станет чистым золотом. .

У одного мельника мельница на ходу вдруг остановилась. «Может, в желобе что застряло», — подумал мельник и вынес лопату. Как опустил он ее в воду — стала лопата вся из золота. Так отяжелела вдруг, что выронил он ее из рук. Сунул за лопатой руки в воду — превратились они в золото. К чему ни прикасался он с тех пор, все становилось золотым. Про ведал об этом царь, повелел убить мельника. «Коли превратит он все в золото, не золото то станет, а чугун», — сказал царь.

Говорят, по вине того царя много у нас чугуна и мало золота.

175. Как было сделано первое ствири

Был в стародавние времена царь Парнаоз¹. Молился он огню и приносил ежегодно в жертву своему божеству трех человек. Сжигали их в огне. Раз в год собирался весь народ, бросали жребий. Вытянувшего жребий жгли, приносили в жертву.

Бросили однажды жребий. Пал тот жребий на юношу — единственного сына своих родителей. Через полгода должны его сжечь. Опечалились родители, плачут и стонут. Однажды ночью привиделся отцу его сон. Будто кто нарисовал ему ствири² и сказал: «Сделай подобный инструмент, сыграй на нем при Парнаозе, и подарит он тебе сына».

Сделал этот человек ствири и за шесть месяцев научился играть на нем. Пришел к царскому дворцу и стал играть. То веселый наигрыш, то скорбный. Вышел образованный царь Парнаоз, принял мествире³ с радостным ликом и сказал ему:

— Скажи, чем наградить тебя? Исполню любое твоё желание.

Заиграл мествире скорбную песнь, с плачем поет под музыку, а в конце спел он «Мравал жамиер» — «Многие лета», стал на колени и взмолился:

— Парнаоз-батону! Единственный сын мой предназначен в жертву — подари мне его!

Рассердился царь, отказал было, однако жена его сказала ему:

— Батону, давеча молвил ты: одарю всем, что пожелает он. Не к лицу тебе неправда — ты царь.

Нечего делать — вернул он сына отцу.

Так и появилось на свете ствири.

176. Вино

Лоза прежде росла в лесу, и птицы клевали ее зерна.

Принесли лозу и посадили перед домом. Осенью выжали сок. Сладкий сок понравился всем: «Ну и сок у такой сухой лозы!»

Приходил народ, дивился.

Раньше всех соловей прилетел:

— Да здравствует вино! Кто станет его пить, запоет по-соловьиному.

Пришел и петушок:

— Кто выпьет, будет любить ссоры и, подобно мне, станет забиякой!

Пришла и лиса:

— Кто станет пить — по-лисьи, воровски, заберется в него вино.

Наконец пришел один жирный боров.

И он сказал:

— Да здравствует вино! Кто много выпьет, подобно мне станет валяться в грязи на дороге.

Так и действует вино на человека,

177. Откуда в Грузии столько красавиц

Был в Индии царь Шедат, человек настолько гордый и самонадеянный, что решил устроить рай на земле: народ, мол, сочтет меня богом.

Построили по его приказу Эдем. И вправду, необычайно красивый, похожий на подлинный рай, но...

— Что это за рай,— сказали ему с опаской,— коли нет в нем ангелов?

Царь тотчас призвал своих приближенных и повелел: обойдите весь мир и, где увидите красавиц, тотчас везите их сюда.

Царь хотел поселить тех красавиц в раю.

Приближенные исполнили приказ царя, собрали гурий со всей земли и направились в Индию. Проезжая Кавказ, узнали они вдруг, что бог безжалостно покарал Шедата за гордость и самонадеянность, наслал на него бесчисленное множество комаров, которые так искусали злосчастного царя, что он опух как колода и вскоре испустил дух.

Красавицы, услышав эту весть, решили: «Не надо ехать в Индию, но и в свои страны возвращаться не стоит. Останемся здесь, в этом прекрасном крае, который лучше любого рая».

178. Почему неприметен женский труд

На дороге сидел старый нищий. Тяжела была его ноша. Не мог он никак закинуть ее себе на спину. Сидел и ждал кого-нибудь, кто подсобит ему. Прошла мимо женщина. Старик попросил ее:

— Как дочь отцу помоги мне, подкинь мою ношу, подсоби взять ее на спину!

— Недосуг мне, тороплюсь, дела у меня,— отказала ему в помощи женщина.

— Иди, да пусть не будет конца твоей работе. Работай с утра до ночи, делай много, да пусть видно будет мало, чтобы никто не замечал твоего труда! — проклял ее старик.

Тут прошел по дороге мужчина. Он помог старику взвалить на спину ношу. Старик поблагодарил его и сказал:

— Иди, и да будет благословенна твоя десница, так чтобы и немного, сделанное тобой, казалось бы большим!

Этот старик нищий был господом Иисусом. Потому и случилось так, что работает женщина в семье много, с утра до ночи нет отдыха ни рукам, ни ногам, все хлопочет она, но ее труд неприметен. А мужчина хоть дважды вывернет лопату — видно то, работал, мол.

179. Февраль и Март

В один день Февраль и Март повстречались. Спросили друг друга о семьях, поговорили то о той горе, то об этой. Наконец распрощались друг с другом и разошлись. Март проявил свое гостеприимство: пригласил Февраль пожаловать к нему в гости с женой и детьми.

Прошло порядочно времени. Февраль и думать об этом позабыл. Но однажды вновь в дороге наткнулся он на Март месяц. Тот обрушился на него с упреками:

— Что было бы, если бы ты пожаловал ко мне в гости с женой и детьми?! Неужели не интересно тебе взглянуть на мою семью?

На этот раз Февраль обещал, что непременно придет к нему в гости.

Вот так и попался Февраль. Заложил арбу, посадил туда

жену с ребятами, и поехали они. Выехали в такое открытое поле, что деревца и того не видать. Один песок и колючки.

Увидел Март, что Февраль едет к его дому на арбе. Засмеялся только и поднял такой ветер, что все затрещало вокруг. Февраль раскусил мартовские шутки. С большим трудом укрыл он детей и жену и невредимыми доставил их домой.

Не прошло много времени, как повстречался ему в дороге Март с хурджином через плечо. Издалека уж поднял он крик:

— Февраль, а Февраль, куда ты? Я к тебе иду с дарами. Жди меня дома.

Февраль спокойно ответил ему:

— Ни принесенного ветром, ни унесенного им — ничего мне не надо, — и продолжал свой путь.

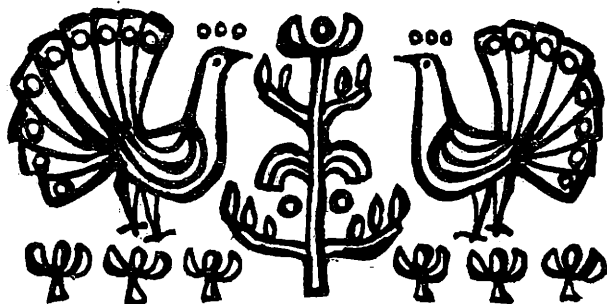
180. Как пастух провел Март месяц

Один пастух сказал, говорят:

Так прошел весь Март,
Ни одного ягненка не смог у меня убить.

Рассердился Март. Взял да и занял у Апреля три дня. В эти три дня нагнал он бурю и буран. Не смог пастух вывести стадо из загона. Достал он тогда кота, посадил его в кожаную заплечную суму — гуду и повесил на столбе посреди загона. Кот царапается в сумке, а бараны на сумку смотрят. Так и развлекал он три дня баранов, не дав им и пожевать.

Прошло три дня, и сгинул Март. Выгнал тут пастух баранов в поле. Так обманул пастух Март месяц.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ, О ЛЮБВИ

181. Земля свое возьмет

Была одна вдова, имела она сына. Мальчик рос и видел, что, кроме него одного, у всех были отцы. Одному ему некого было назвать отцом. Сын привязался к матери:

— Матушка, у всякого есть отец, почему у меня его нет?

Мать говорит ему:

— Умер он, сынок.

— Так не вернется он? И что это — смерть? — спросил ее сын.

— Он-то не вернется к нам, сынок, да мы пойдем к нему: от смерти никто не уйдет, все землей станем, умрем.

— Не просил я у бога жизни, да раз создал он меня, зачем же ему меня убивать? — сказал юноша. — Должен я в такой край пойти, где смерти нет.

Мать отговаривала сына, но он настоял на своем.

Обошел он весь свет. Куда ни придет, спрашивает: есть ли тут смерть? Всюду один был ответ. Есть, мол. Опечалился юноша: не нашлось на земле места, где не знали бы смерти.

В то время исполнилось юноше двадцать лет. Однажды шел он по полю. Видит, далеко впереди олень стоит. Рога его

облака достают. Подошел юноша к оленю, понравились ему оленьи рога, и спросил он его:

— Создателя твоего блага ради, не знаешь ли такой страны, где не было бы смерти?

Олень ответил ему:

— Я сам посланник божий и исполнитель его воли. Пока мои рога не упрутся в небо, буду я жив, достигнут мои рога неба — и я умру. Хочешь, останься со мной и будешь жив, пока буду жить я.

Юноша ответил ему:

— Коли жить, так жить вечно, а смерть я и в другом месте найду!

Оставил его юноша и пошел своей дорогой. Прошел он степь, луга и забрел в лесные скалистые места. Подошел к краю ущелья. Отвесные скалы были там и пропасть такая, что дна не видать. На краю ущелья, на скале, сидел ворон. Тот ворон также был посланник бога. Юноша спросил ворона:

— Не знаешь ли страны, где не было бы смерти?

— Мне богом завещано жить, покуда не наполню я эту бездну моим пометом. Хочешь, останься со мной и будешь жив, пока буду жив я. Не будет у тебя никаких забот и нужды.

Юноша заглянул в пропасть, но и такой глубины ему показалось мало. «Иди, иди вперед!» — подсказывало ему сердце.

Оставил юноша и ворона. Прошел он всю земную сушу и подошел к берегу моря. День шел он, второй, никого не встречая на своем пути.

На третий день вдали заметил он сверкание. Юноша пошел туда и увидел, что это был дом из цельного стекла. Обошел его юноша и не нашел дверей. Наконец где-то заметил он надрез. Подойдя ближе, увидел, что это двери. Налег он на дверь и вошел. В комнате лежала женщина, такая красивая, что солнце позавидовало бы ее красоте. Юноше очень понравилась девушка, а ей понравился юноша. Юноша спросил ее:

— Прекрасная, я бегу от смерти. Не знаешь ли такого места, где не было бы смерти?

Девушка ответила ему:

— Нет такого места нигде. Чего ты ищешь? Останься, будь со мной.

Юноша сказал ей:

— Не тебя ради покинул я дом. Покинул его ради того, чтобы найти место, где не было бы смерти!

Девушка сказала ему:

— Земля свое возьмет все равно, не достоин ты бессмертия. А ну угадай, сколько мне лет?

Юноша оглядел ее. Груды ее подобны были бутонам, розовые щеки были так хороши, что юноша в ту минуту забыл о смерти.

Юноша сказал ей:

— От силы пятнадцать лет тебе.

— Нет,— сказала дева.— Я создана в первый день творения и такова я все время. Меня зовут Турпа, что значит «цветущая и прекрасная», и я никогда не состарюсь. Вечно буду я такой и не умру никогда. И ты бы остался со мной, да сам ты не выдержишь, все равно земля тебя позовет.

Юноша дал ей обет не оставлять ее никогда.

Стали девушка и юноша вместе жить. Годы летели как минуты. Многое изменилось, многие умерли, многие стали прахом земным, многие родились. Земля заметно меняла облик. Но юноша не замечал полета времени. Дева все так же была хороша, и юноша все так же молод.

Пролетела тысяча лет. Юноше захотелось вдруг повидать свой край; возжаждал он увидеть мать и родных. Сказал он деве:

— Должен пойти я повидать мать свою и родных.

Дева сказала:

— И костей их уж нет нигде, должно быть.

Юноша возразил:

— Что говоришь ты? Ведь три-четыре дня, как я пришел сюда. Что могло убить их всех?

Дева сказала:

— Говорила я тебе, земля свое возьмет. Ладно, иди и пей на себя за все, что с тобой случится.

Дала она ему три яблока и велела:

— Как придешь на место, тогда их съешь.

Пошел юноша. И вот встречает он знакомые места. Вот и ущелье, та бездонная пропасть. Ворон погиб, наполнив ее пометом. Иссохший, сидит на вершине скалы. У юноши в глазах потемнело, вспомнил он слова девы, решил вернуться, да земля, судьба его не пустила.

Опять пошел он вперед. Оставил за собой скалы и вышел

на знакомое поле. Прошел его наполовину и видит: олени рога упираются в небо. Олень только что испустил дух. Теперь-то понял юноша, что и вправду много утекло времени.

Все же пошел он в свой родной край. Пришел, но знакомых нет никого. Спросил он о матери, но не нашлось никого, кто бы слышал о ней. Наконец нашел он одного старика. Спросил его о матери и рассказал свою историю, да старик не поверил ему:

— Та женщина, по рассказам наших дедов и прадедов, жила тысячу лет тому назад. Как же это возможно, чтоб сын ее оказался жив!

Народ не верил и говорил: «То посланник бога, пришедший с того света». Пошел о нем слух по всем деревням, и любопытные, подобно саранче, осаждали юношу.

Наконец пришел он туда, где когда-то стоял его дом; желтые, заросшие мхом стены стояли только.

Вспомнил юноша все — свою мать, свое детство, и горько ему стало. Наконец подумал он: «Дай-ка съем я одно яблоко». Взял, съел его — и в одну секунду борода, как мох, повисла у него до пояса. Съел он второе — и подкосились у него колени, не мог он пошевелить рукой, стал беспомощным калекой. Сам себе противен стал он. Подозвал стоящего рядом мальчика и попросил его:

— В кармане яблоко у меня лежит, подай его мне.

Достал мальчик яблоко, подал старику. Съел его старик и испустил дух. Вынесли его сельчане и похоронили всем миром.

182. Как пришла на землю смерть

В одной деревне жил бедный холостяк. Не было у него никаких забот на свете. С утра до вечера работал в поле, и пот ручьем струился с его лица. Когда смеркалось, клал у плетня полупудовую мотыгу, заходил в избу, разводил огонь в очаге, доставал холодный мчади¹ и грыз его, заедая хвостиком соленой рыбы, а потом ложился спать. Измаявшись за день, хотел он ночью уснуть, но страшные сны не давали ему покоя. Каждую ночь являлась во сне покойная мать, хватала его за руку и тащила с собой на тот свет. Стал бедняк бояться смерти.

Раз на земле появилась смерть на белом коне. Оказывается, она выехала искать добычу, чтобы забрать с собой на тот свет. Едет по дороге, гарцуя на лошади, и паткнулась прямо на бедняка. Страх объял его. «Возьмет наверняка», — подумал он и попробовал скрыться, но не удалось. Смерть приблизилась к нему и сказала:

— Здравствуй.

От страха он еле пробормотал в ответ:

— Здравствуй.

— Чего ты дрожишь? — сказала смерть. — Успокойся, не бойся меня, не до тебя мне теперь. Из этой деревни хочу забрать одного или двух, а ты поддержи моего коня.

Взял человек коня. Смерть скрылась с глаз бедняка, начала рыскать по деревне, а бедняк остался один на один с ее конем. Подумал он: «Давай уведу у нее этого коня, сяду и помчусь на нем. Вот будет потеха посмотреть издали, что станет с ней, когда не найдет она своего коня и не на чем будет мертвецов свезти на тот свет!»

Недолго думая сел он на коня и хотел пустить его рысью, чтобы скорее покинуть эти места, но лошадь не двинулась с места. Оказывается, смерть забрала с собой плеть, а без нее конь ни шагу вперед. Сидит бедняк на коне, не знает что делать. Немного погодя идет смерть. Вмиг она обошла деревню и выбрала себе девушку и юношу.

Застав бедняка верхом на коне, смерть удивилась и спросила:

— Не собирался ли ты украсть у меня лошадь?

Человек не знал, что ей ответить. Смерть расхохоталась. Сняла она кнут с руки, вручила бедняку и сказала:

— Огрей сильнее коня! Ты достигнешь неба, а спустившись вниз, расскажешь мне, что увидел там.

Так он и сделал. Конь быстро взлетел на небо вместе со всадником. Долго летел он без пути-дороги и спустя много времени вернулся снова на землю.

— А ну расскажи, что ты нашел на небе? — спросила смерть.

Бедняк в ответ:

— Что я мог найти? Ничего! Одно лишь меня поразило — то, что наша земля с неба походит на яичко, такая она крохотная.

Смерть громко расхохоталась и сказала:

— Раз земля не больше яйца, как же ты мог подумать, что на такой маленькой земле можешь скрыться от меня? Теперь иди и больше не будь наивным глупцом.

И смерть села на своего коня и ускакала на тот свет, привязав к седлу трупы девушки и юноши.

Бедняк же, смущенный, долго сидел на дороге, погрузившись в думы.

183. О ненасытном сердце человека

Был один царь по имени Александр Македонский. Всех стран царем он был. Запад и восток, север и юг — все подчинялось ему, но сердце его все же не могло насытиться.

Александр Македонский — это именно тот, кто хотел построить в небо лестницу, подняться на небо, да не смог.

Вселился в него дьявол однажды и затвердил он: «Должен я прорыть землю и всеми подземными странами завладеть».

Конечно, старшие люди, старики, не согласились бы с этой затеей. Поэтому и издал он такой приказ: «Пусть молодые люди поотрубают своим отцам головы, сами же явятся на работу». Дал он приказ войскам, и уничтожали они всех стариков на земле. Каждый из молодых людей должен был произнести клятву: «Отца моего нет уже на земле», — иначе ему самому рубили голову.

Один старик сказал своему сыну: «Вырой в земле яму с меня ростом, спусти меня туда и поклянись царю, что твоего отца нет уже на земле. Неразумный наш царь — осел и тот умнее его».

Наказал старик сыну еще: «Нагрузи ослицу провиантом. Начнете рыть землю, ослицу держи при себе, а осленка привяжи наверху. Как вроешься глубоко, от земли дух тяжелый пойдет. Не снесет того духа ослица и выбежит вон. Хватай ее тогда за хвост — вынесет она наружу и тебя. Коли твой неразумный царь станет за тебя хвататься, — тащи и его».

Так и сделал юноша. Ослицу привязал он рядом с собой. Начали рыть землю, в преисподнюю спустился народ, да ничего там не нашел. Стоит Александр Македонский себе да приказания раздает. Парень привязал к хвосту ослицы веревку, а другим концом сам обвязался. Много они работали, вдруг пошел смрад и раздался грохот. То, оказывается, раз-

рытая земля оседать стала. Испугалась ослица и помчалась к своему осленку. Бежит она да тащит парня за собой — и вынесла его наверх. Как стал парень вверх подниматься, увидел царь, ухватился за него обеими руками да с ними и вылез тоже наверх. Остальная молодежь погибла вся под обвалом. Спаслись только трое: отец с сыном да царь. Александр Македонский говорит парню:

— Ты зачем себя к ослице привязал?

— Отец наказывал,— ответил тот.

— Коли такого ума отец у тебя был, как же ты ему голову отрубил?

— Не отрубил я, живой он!

— А ну, приведи его сейчас сюда! — велел царь.

Парень тотчас привел отца. Тот царь, конечно, привык подарки раздавать.

— За подобное доброе дело чем одарить мне тебя? — говорит Александр Македонский старику. — Дам тебе полцарства, бери в добрый час.

Старик рассердился:

— Да где же твое царство, — сказал он ему. — Такой же ты царь, как и я. Если мертвецами меня одарить хочешь, мне они не нужны. Пока живы были люди, небось тогда не дарил мне полцарства!

— Денег дам тебе! — сказал тогда ему Александр Македонский.

Старик не принял денег и ушел. Спустя некоторое время пришел он к царю, из кармана иссохшее человеческое сердце достал, на землю положил и сказал царю:

— Многого не прошу у тебя, дай столько денег, чтоб это сердце прикрыть.

Царь принес кошелек с деньгами и высыпал на сердце, но высохшее сердце, подобно резине, выскочило вверх. Еще принес он серебра, товаров, всю казну опустошил, но это высохшее сердце вновь оказывалось сверху, ничем было его не прикрыть. Поразился царь и спросил старика:

— Что это такое, что ничем нельзя закрыть его?

Старик рассмеялся и сказал:

— Человеческое то сердце. Видишь, иссохшее, мертвое сердце ничем удовлетворить нельзя, а живое чем же насытить? Ты вот всем миром владел, и все тебе принадлежало. Зачем тебе в преисподнюю понадобилось, чего ты рылся в

земле? А это сердце легко можно успокоить, не бойся, одной горсти земли хватит, чтоб его закрыть.

И впрямь, старик высыпал на высохшее сердце горсть земли и сразу прикрыл его.

Таково человеческое сердце, ничем его не насытить. Ничто в мире его не успокоит... Но достаточно одной горсти земли — и оно забудет обо всем!

184. Материнское сердце

У одной матери-вдовы подрос единственный сын. Полюбил он красивую девушку. Открыл ей свое сердце и попросил стать его женой.

Девушка, которая не очень сочувствовала юноше, то ли желая избавиться от него, то ли желая испытать его, сказала влюбленному:

— Если любишь меня больше родной матери,— пойду за тебя замуж, нет — так нет. Хочешь доказать свою любовь — рассеки грудь твоей матери, достань и принеси мне ее живое, еще трепещущее сердце.

Не задумался охваченный пламенем любви юноша. Не медля ни минуты рассек он грудь спящей матери и понес горячее, еще трепещущее сердце к своей возлюбленной.

От стремительного бега закружилась у него голова, зацепил он ногой за камень и со всего размаха упал. Тяжело ударилось оземь материнское сердце...

Застонало еще живое сердце матери и воскликнуло:

— Увы, сын мой! Горе мне: не ушибся ли ты?

Пришел тут в себя юноша, проснувшись в нем совесть, стиснула ему сердце тоска. Бросившись к своей любимой, он с такой силой швырнул в нее горячее сердце матери, что она тут же испустила дух.

— Держи! Вот живое сердце моей матери, а вот и твоя смерть!

185. Любовное зелье

Когда юноша или девушка хочет добиться верности своего желанного, должны дать ему отведать змеиного зелья. Для этого поймают змею, подвешат ее живую к матери-столбу¹

дома, а внизу поставят девять чаш, одну в другую. То, что попадет в первую чашу, по очереди перейдет в другие. Змея выпустит что-то вроде воды. Та жидкость польется в первую чашу, оттуда по очереди во все, и то, что попадет в девятую чашу, надо подмешать желанному в пищу. Как отведаст того, так и западет ему в сердце желание, кто б это ни был. Если выпивший зелья почувствует себя плохо, давший ему того зелья должен в подоле принести ему воду. Даст ему испить, и будет тот здоров...

186. Буйволиная шкура

Давно уж то было. Неизвестно даже, была ли тогда еще турецкая вера или все люди были христианами. В одной деревне жил женатый грузин, и имел он сына и отца-старика. Отец был лет ста и совсем не мог работать. Выйдет, бывало, на порог дома, сидит целый день и стругает кинжалом палочку, а не то молится богу или ворчит на детей. Стал черт искушать мужика: зачем, мол, кормишь понапрасну старика, на что тебе такой отец, только ест задаром хлеб да ворчит...

Взля мужик буйволиную шкуру и пришел к отцу:

— Пойдем отец,— говорит.— Пора тебе и на тот свет. Что живешь и объедаешь нас!

Заплакал отец и поплелся за злым сыном. Дремучим лесом пробрались они к оврагу. Посадил мужик отца на шкуру, положил подле него чурек да соли, попросил не поминать лихом и спустил с кручи.

Хотел было мужик идти домой, как слышит кто-то говорит:

— Буйволиную шкуру заведи с собой!

Глядь, а его сынишка пришел вслед за ним.

— На что тебе шкура?

— Как на что? А сделаешься ты стариком и тебя спущу на ней в овраг!

Тогда только понял неразумный мужик, что сделал, как попутал его проклятый черт! Со слезами, на коленях спустился он вниз. Видит: сидит его отец невредим и как ни в чем не бывало ест чурек.

Взмолился сын, стал слезно просить прощения, стал клясться святым Георгием, что будет почитать и кормить отца,

и упросил его возвратиться домой. Жил еще долго старик, но пережил его сын, и до глухой старости чтили его и кормили дети, внуки и правнуки.

Видно, простил ему святой Георгий прегрешение такое.

187. Мужик и Соломон Мудрый

Жил-был на свете один бедный мужичок. Однажды, отправившись в город искать работы, он встретился с Соломоном Мудрым, который взял его к себе в число слуг. Мужик усердно служил Соломону, и тот полюбил его. Прошло три года; мужик надумал вернуться домой. Соломон отпустил его, а в награду за усердную службу дал три мудрых наставления: «Если найдешь на дороге какую-нибудь редкость, подними ее и отнеси домой. Не открывай жене своей тайны. Никому ничего не давай без просьбы».

Мужик пошел домой. На дороге он нашел кожу змеи, взял ее, принес домой и бросил на двор, а сам вошел в избу. Жена, увидев его, обрадовалась, собрала ужинать, и долго муж с женой вели разговоры, пока не заснули. Утром они встали и вышли во двор. И тут, к величайшему своему изумлению, они увидели возле избы высокое деревце, состоявшее из множества разноцветных камней, блестящих, как молния. Мужик тотчас догадался, что деревце выросло из кожи змеи, но жене об этом не сказал, помня второй совет Соломона.

В то время мимо двора мужика проезжали купцы, перевозившие свои товары из одного города в другой. Увидев деревце, они очень удивились и захотели купить его. Но мужик не согласился продать его, а предложил им такое условие: если они угадают, из чего деревце выросло, то даром возьмут его, если же не отгадают, то отдадут мужику все свои товары. Купцы согласились и только попросили три дня срока. Прошло три дня: купцы не отгадали загадки, и мужик по договору взял себе их товары, среди которых был и один драгоценный ож.

После этого стали приезжать к мужику со всех сторон богатые и бедные. Первые, чтобы разгадать загадку и получить чудное деревце, а вторые, чтобы полюбоваться им. Мужик разбогател, так как всегда выигрывал у богачей их заклады. Случайно один молодой купец встретился с женою мужика.

Ему пришла в голову мысль, не выпытает ли он у нее, из чего выросло деревце, и он спросил ее об этом. Та ответила, что не знает, но узнает от мужа и скажет ему. Во время ужина жена стала просить мужа, чтобы он открыл ей, из чего выросло деревце. Муж долго не соглашался, но она так усиленно просила его, что наконец муж не выдержал и открыл ей тайну. Жена тогда во все горло закричала:

— Как! Неужели прекрасное деревце выросло из кожи змеи!

— Тише! — прикрикнул на нее муж, испугавшись, как бы не подслушал кто-нибудь слов жены.

Но было уже поздно: молодой купец, который стоял в это время у стены избы, все слышал. На другой день он явился как ни в чем не бывало к мужику с другими купцами отгадывать загадку и, когда дошла до него очередь, спокойно сказал:

— Это блестящее деревце, вероятно, выросло из кожи змеи.

Мужик побледнел, догадавшись о том, как купец узнал секрет. Но делать было нечего — он должен был отдать деревце выигравшему.

Благодаря богатству, добытому мужиком, слух о нем разнесся повсюду и дошел до Соломона, который пригласил его к себе в гости. Мужик явился и по просьбе Соломона рассказал ему, как разбогател и как лишился потом драгоценного деревца. Тогда Соломон сказал мужику с упреком:

— Разве я не говорил тебе, чтобы ты не открывал жене своего секрета?!

В то время, когда мужик беседовал с Соломоном, царь получил вдруг от соседнего царя приглашение приехать к нему в гости. Отправляясь по приглашению, он взял с собою и мужика. У соседнего царя оказалось так много гостей, что во время ужина хозяину не досталось ножа. Мужик, заметив это, взял свой драгоценный нож, тот самый, который выиграл у купцов, и подал царю. Тот взял нож, посмотрел на него и воскликнул:

— Это мой нож! Он лежал у меня вместе с казною и вместе с нею украден разбойниками! Вероятно, ты один из этих разбойников! — прибавил он, обращаясь к мужику.

Мужик хотел ответить что-то, но Соломон, зная, что он скажет какую-нибудь глупость, после которой уже нельзя будет поправить дело, приказал поскорее связать его и отвести

в другую комнату. Когда все легли спать, Соломон, находившийся в комнате, соседней с тою, где лежал связанный мужик, научил его через стену, что он должен говорить на суде.

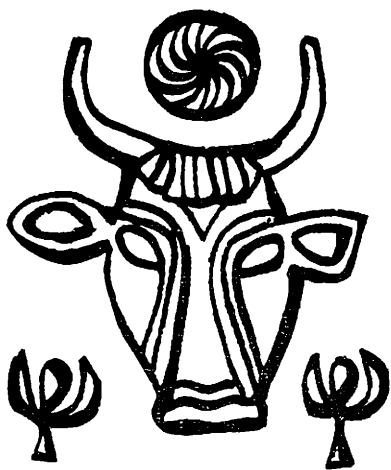
На другой день собрались все министры и царедворцы судить мужика. Привели обвиняемого. Царь рассказал, как его ограбили и как украденный у него нож оказался в руках мужика.

Потом позволили говорить обвиняемому. Тот, наученный Соломоном, сказал:

— Благодарю бога, что наконец нашелся хозяин ножа, и прошу вас выслушать меня внимательно. Мой отец был купец. Раз он отправился по торговым делам с большою суммою денег в далекий город. Прошло три месяца, а он не возвращался. Тогда я поехал искать его и нашел зарезанным в дремучем лесу. Этот самый нож был воткнут ему в горло, и, следовательно, убийцей моего отца должен быть хозяин этого ножа. Так как царь, хозяин этого дома, утверждает, что нож принадлежит ему, то несомненно нашелся наконец убийца моего отца!

Смущенные судьи поспешили прекратить это дело и отпустили мужика.

легенды

188. Сотворение мира

Сначала мир был объят водой. Бог — творец земли в то время находился в скале вселенной. В один день он выскочил из скалы вселенной и прыгнул в воду. В воде стало ему холодно, он вздрогнул и уронил две слезы из глаз. Эти две слезы превратились в архангелов Михаила и Гавриила, из которых первый всегда стоит по правую руку бога, а второй — по левую.

Бог все глубже опускался в воду и стал тонуть. В тот час архангелы Михаил и Гавриил подхватили его и подняли наверх. Втроем они старались осушить воды и сделать видимой землю. Стали они все втроем дуть на воду и наконец обнажили морское дно, ступив на песок. Тут заметили они чей-то след. Бог повелел:

— Давай, пойдем по этому следу, посмотрим, куда заведет он нас и кому он принадлежит.

Согласились ангелы и пошли по этому следу, который привел их под синий камень¹. Подняли камень, из-под него выско-

чил Самаал². Схватил он бога за горло и хотел его задушить. Точно стало богу, попросил он помощи у ангелов, но никак не могли они вырвать его из рук Самаала. Делать было нечего, бог попросил Самаала:

— Отпусти только и проси чего хочешь.

— Ничего не хочу иного, побратайся со мной.

Согласился бог. Отпустил его Самаал и пошел себе своей дорогой.

Бог с двумя ангелами остались там же. Стали они отделять воду от суши, но ничего не смогли поделатъ. Строили стену между водой и сушей, но вода напирала на стену, разрушала ее и вновь разливалась по суше. Закружились все трое, видят: впустую идет их труд. Не знают, что делать. Михаил-архангел сказал богу:

— Пойду-ка я к твоему брату Самаалу. Может, он научит нас чему-нибудь.

Согласился бог. Пошел ангел к Самаалу и рассказал о причине своего прихода. И научил его Самаал истинному способу:

— Передай брату моему,— сказал Самаал архангелу,— вот что. Сколько хватит сил, все втроем начните тесать камни, строить стены и тут же разрушайте их. Много раз повторите ту стройку и разрушение, а как надоест вам это, выкуйте два призывных рога, приложите концами один к другому и дуйте в них вдвоем. Как устанете и от этого, пусть ваш бог что есть силы крикнет громким голосом. После этого суша отделится от воды. Станет суша отдельно, и вода займет свое место.

Михаил-архангел поблагодарил Самаала за совет и вернулся к богу, которому поведал все сказанное Самаалом. Сделали они все по его совету, стали тесать камни, строить стены и рушить их, выковали два призывных рога и дули в них, пока хватило сил. Затем закричал бог громко, и наконец вода сошла прочь и обнажилась суша.

189. Сапицари, ад и смерть

После того как Самаал и бог стали побратимами, Самаал пошел к богу и на правах брата потребовал своей доли. Бог отказал ему.

— Так зачем ты побратался со мною? — сказал Самаал богу.— Если другого ничего не дашь мне, уступи хоть сапицари¹. Сапицари было то, что по обету приносилось челове-

ком в жертву богу или за упокой души усопшего. Все это с того дня должно было поступать к Самаалу.

Уступил бог сапицари Самаалу. Тот проглотил его и отправился в ад. Прошло много времени, родился Христос.

Забрал Христос все сущее, от человека до пресмыкающегося, с собой и отправился в ад. Встретился ему там Самаал. Христос вцепился ему в горло и заставил отхаркнуть сапицари. Обиделся Самаал и в отместку нагнал такую темень в ад, что Христос со своей свитой два месяца не могли найти дверей, чтобы выйти из ада. Опечалился Христос и обратился к спутникам с просьбой: может, кто-нибудь найдет, мол, двери.

Нашелся один человек, который привязал у входа в ад своего осла. Осел знал голос хозяина и отзывался на него. Тот человек обещал Христу вывести его из ада, но потребовал хороший подарок. Христос обещал ему дать золото его веса. Крикнул человек своего осла, и на его голос Христос и вся его свита вышли из преисподней.

Повернулся Христос, хотел одарить его, но человек сказал:

— Не прошу я у тебя золота моего веса. Вот это только покрой мне золотом,— и, достав из-за пазухи человеческое сердце, положил его наземь.

Несметное количество золота насыпал Христос на сердце, но накрыть его не смог. Сколько ни насыпал он золота, сердце выпрыгивало и оказывалось сверху. Христовы спутники добавили все по пригоршне золота, но покрыть сердце не смогли. Тут пришел один человек, взял горсть земли и посыпал ею сердце. Тотчас умерло оно, успокоилось.

С тех пор и повелась смерть человека на земле. Потому и сказано, что сердце человека лишь черная земля может насытить.

Когда Христос выходил вон из ада, в ту минуту мышь тащила святой пшеничный сноп. В дороге настигла ее кошка и оторвала четверть снопа. Потом нагнала ее еще раз и вторую четвертушку отняла. В третий раз — третью четверть, а как должна была она нагнать ее в четвертый раз,— бросилась на кошку собака и тут же ее придушила. Если кошка успела бы вырвать у мыши весь сноп, всегда было бы много хлеба у человека. В наказание за это кошке нельзя есть священный хлеб. Запрещено ей. А собаке можно. Этот обычай хранится и поныне.

190. Бог и Самаал

Бог и Михаил-архангел шли по земле. Земля тогда была такой рыхлой и мягкой, что они по колена увязали в ней, хотя все трое шли на лыжах. Шли они, а перед ними катился круглый камень.

— Надоел нам этот камень, давай я его разобью,— сказал бог.

Ангелы отговаривали его:

— Не делай этого, пожалеешь.

Бог не послушался, толкнул камень ногой и разбил его. Из того камня выскочил Самаал и схватил бога за глотку. Тошно стало богу, и сказал он:

— Только отпусти, дарую тебе чего захочешь!

Самаал сказал:

— Дай мне жизнь либо вечную, либо преходящую, минутную.

Бог даровал ему вечную жизнь.

191. Рождение детей

В глубокой древности детей рожали не женщины, а мужчины из ребра. Каждый мужчина рожал только двух детей: одного мальчика и одну девочку. В то время люди были бессмертны и вечно молоды. Однажды какая-то женщина стала жаловаться на своего мужа, что он родил только двух детей, а не больше. Вдруг послышался голос бога:

— Отныне вместо мужчины ты будешь рожать детей — в мучениях и по нескольку.

После этого люди стали смертны и старость посещает каждого.

192. Элия, Христос и святой Георгий

Элия¹, святой Георгий и Христос шли вместе. Проголодались они. На горе увидели они пастуха и сказали Элие:

— Пойди и достань овцу, чтоб утолить наш голод.

Пошел Элия к пастуху и попросил:

— Дай мне одну овцу!

— Кто ты, что просишь у меня овцу? — спросил пастух.

— Владыка дождя и града, Элия.

— За что же стану я давать тебе овцу? Не разбираешь ты дурного и хорошего, губишь урожай бедного человека.

Спустил с плеча палку — и раз, и два...

Вернулся Элия ни с чем. Теперь Христос направился к пастуху.

— Дай мне одну овцу, мудрый пастух!

— Кто ты, что просишь у меня овцу?

— Я Христос-бог!

— За что же стану я тебе давать овцу, коли не умеешь ты различать дурного от хорошего! — Прогнал Христа ни с чем.

Наконец святой Георгий направился к пастуху.

— Мудрый пастух, дай мне одну овцу!

— Кто ты, что просишь у меня овцу?

— Я святой Георгий — покровитель народа и всей страны.

— Бери все стадо! — сказал ему пастух.

— Нет, не надо мне стада, хватит одной овцы.

Выбрал пастух ему хорошую овечку и дал. Привел святой Георгий овечку к друзьям. Зарезали овцу, зажарили и поели на славу. Пообедав, Христос отряхнул подол и сказал:

— Кто вспашет это поле, будет сыт весь год!

Отправились в путь. А святой Георгий пошел к пастуху и надоумил его:

— Там, где вкушали мы трапезу, Христос отряхнул свой подол. Во что бы то ни стало вспаши это место и посеи пшеницу!

И вправду, купил пастух эту землю, вспахал, засеял пшеницей и налилась пшеница такая, лучше которой не видел человеческий глаз.

Однажды глянул с неба Элия и, увидев это поле, сказал Христу:

— Гляди-ка: какая нива стоит там, где отряхнул ты свой подол.

Святой Георгий, услышав это, сказал:

— Это поле принадлежит пастуху, давшему мне овцу.

— Раз так, посмотришь, что я с ним сделаю! — сказал Элия.

Пока собирался Элия, святой Георгий сбегал к пастуху и сказал ему:

— То поле торгуют у тебя. Продай его на корню сегодня же, сколько бы тебе ни давали

Пастух в тот же вечер продал поле на корню. А ночью Элия так побил градом поле, что от него не осталось ничего.

На второй день Элия говорит святому Георгию:

— Гляди-ка, что я сделал с полем твоего пастуха!

— То поле больше не принадлежит пастуху, он продал его вчера одному купцу,— ответил ему святой Георгий.

— Раз это поле больше не принадлежит ему, посмотришь, как я подниму его,— сказал Элия.

Узнав про то, святой Георгий вновь прибежал к пастуху и сказал ему:

— Верни то поле. Купец, увидев, как оно побито градом, продаст его с радостью.

Вернул пастух себе поле. На второй день Элия привел большой дождь, и поле поднялось вновь.

Повстречался Элия со святым Георгием и говорит ему:

— Гляди, как выправил я купеческое поле.

— Да оно вновь принадлежит пастуху...

Услышал то Христос, разозлился и проклял то поле.

— Пусть урожай с того поля на каждой арбе не больше одного коди² будет.

Побежал тотчас же святой Георгий к пастуху и говорит:

— Сколько бы ни смеялись над тобой, на каждую арбу клади лишь по одному снопу, не больше.

Так и сделал пастух и собрал обильный урожай.

193. Микел-Габриэл

Бог повелел Микел-Габриэлу¹:

— Спустись на землю. В таком-то доме мать живет. Вынь ее душу и принеси мне.

Микел-Габриэл, раб господний, спустился на землю. Много поколесил он по свету, пока нашел свою жертву: в лачуге лежит роженица — нищая, несчастная, голая. Близнецов она родила. Один к одной груди припал, другой — ко второй. Не видать возле них ни огня, ни пищи, и испить ей нечего. Вместо одеяла лохмотьями прикрывает она колени. Сама роженица голодная и больная, а дети, как котята бессильные, мяучат. Не видать над ними ни хозяина, ни души близкой.

Вошел Микел-Габриэл-душитель, поглядел. Не жалостью наполнилось его сердце — ужасом. Вернулся, закрыл за собою плетенную из веток дверь, чтобы не видеть этой страшной картины. Шел и не оглядывался, чтобы не увидеть еще раз, как, подобно червячкам, извиваются голые дети.

— Принес ее душу? — спросил господь.

— Великий боже, неба и земли создатель! Такое несчастье я видел, такую нужду, голод и холод, такие беспомощные младенцы должны были остаться без матери, что я предпочел навлечь твой гнев, — лишь бы не лишать их матери. Некому заботиться о них на этой земле, кроме матери. На кого бы я бросил эти невинные создания? Если мать провинилась в чем, младенцы-то еще ангелам подобны. Не поднялась у меня рука. Ради детей даровал я жизнь матери.

Рассердился господь.

— Негодный, как смел ты не исполнить моего приказа?! Ты что, лучше меня знаешь мирские дела? Будешь учить меня? Тебе ли постичь непостижимое провидение?! — гремел разгневанный правитель мира.

Дал господь палку Микел-Габриэлу и повелел:

— Спустись вновь на землю, ударь жезлом по Черному морю. Разверзнется море, и узришь ты черную скалу. Ударь по той скале жезлом — разверзнется и та скала. Доложи мне обо всем, что увидишь там!

Взял Микел-Габриэл палку и спустился на землю. Ударил по морю жезлом, разверзлось море, и увидел он посреди моря скалу. Ударил по скале жезлом, и скала лопнула. Смотрит Микел-Габриэл, хочет увидеть что-нибудь удивительное, да, кроме муравьев, ничего не видит. Одни черные муравьи ползают, хлопочут.

Вернулся к господу Микел-Габриэл.

— Исполнил ты мой приказ или нет? — спросил его бог.

— Исполнил, господи.

— Ну и что ты в той скале видел?

— Ничего, господи. Одни муравьи ползают.

— Этих-то муравьев ты и должен был видеть, негодный, — вешал господь. — Коли я, небесный отец, на дне моря, в глубине черной скалы, забочусь о черных муравьях и даю им пищу, неужели не позаботился бы я о тех детях?! Пойди и сейчас же принеси мне душу этой женщины.

Побрел Микел-Габриэл. Теперь-то убедился он, что худо

поступил, не взяв душу у бедной матери. Пришел в лачугу и видит: матери полегло, сидит она в постели, оба младенца у нее на коленях воркуют, нежатся материнской лаской. Стоял душитель, глядел на это все, глядел да повернулся и пошел. Пошел да и пошел. Ждал правитель всей земли Микел-Габриэла и устал ждать. Не видать было Микел-Габриэла. Послал он святого Элию:

— Иди найди, куда ушел Микел-Габриэл.

Спустился на землю Элия, искал, искал его и нашел-таки.

— Где ты? Господь ведь сколько времени тебя ждет!

— Нет, не могу я смотреть на божью несправедливость,— говорит ему Микел-Габриэл.— Туда я не хожу.

Еле-еле уговорил Элия Микел-Габриэла и отвел его к господу.

— Ну, куда же ты душу дел? Принес? — спросил его господь.

— Нет, создатель неба и земли. Видел я, как ласкала мать своих крошек, как же мог я взять ее душу? И подумать о том я не мог... Та мать ведь и земной, и небесный отец им. Тебе же не заменить им мать. Далека ты от народа, не тебе заменить им отца.

— Возьмите и вырвите ему сердце! — повелел бог.

Вывели Микел-Габриэла, рассекли ему грудь и вынули сердце и печень. С тех пор не жалеет он никого, одинаково душил бедного и богатого, одинокого и окруженного близкими.

194. Странный сон

Жил один крестьянин. Случилось, что заснул он странным сном: не мертв он был, но и живым не был. Долго был он между жизнью и смертью и наконец пришел в себя.

Спросили его:

— Где ты был и что видел?

«Чего только не видел! — ответил проснувшийся. — Умер я и отправился на тот свет. Подхватили меня ангелы и понесли наверх. Но как поднесли меня к мосту из волоска, загородили мне дорогу черти: „Наш он!“ — кричат и развернули запись моих грехов.

Поднялся спор обо мне между чертями и ангелами. Пожелтел я со страху. Гляжу в сторону моста — увы, не глядели бы

глаза мои! Над бездной протянута паутина, а снизу клубами вьется пламя и дым. Слышны оттуда грохот, шум и крик, и стоны, проклятия, ругань. Одним словом, то, что называется адом, увидел я своими глазами.

После долгих споров поставили меня на мост из волоска, тонкий как паутинка. Пустили идти по нему. Закачался я, не смог удержаться на ногах, запестрело в глазах, под тяжестью моего тела погнулся мост, и полетел я вниз головой в клубы пара, который жег меня и душил. Наконец шлепнулся я в кипящую смолу, да столько барахтался, так изловчился, что весь обожженный и ободранный выполз на край. Долго сидел я так, обессиленный и плачущий.

Наконец огляделся — и что же я вижу? Сквозь пар чуть виднелась, подобно призраку, человеческая голова. Казалось, будто она оторвана и плавает поверх кипящего смоляного озера. Но самое удивительное было то, что голова эта смеялась. Не удержался я и спросил:

— Что ты за человек, что, пребывая в подобном несчастье, находишь силы смеяться?

— Не узнаешь меня? — спросила голова и залилась смехом. — Я твой сосед.

Действительно, приглядевшись, я узнал: то был сосед мой, умерший не так давно.

— Чего же ты смеешься? — спросил я. — До смеху ли тебе сейчас?

— Увы, увы, — каков тот смех? По горло я в кипящей смоле, но все же хотя б голова моя снаружи. А плаваю я потому, что тот, кто подо мною стоит в этой смоле, бегают по дну озера как одержимый. Я стою ногами на той лысой башке, которая всю жизнь поучала меня уму-разуму, учила меня, как следует жить, чтобы попасть в рай. Ее владелец сам попал еще ниже да поглубже, чем я. И вот, забыв о собственных страданиях, я смеюсь, как безумный, узнав, что это наш покойный поп наказан так за свои тайные грехи».

195. Бог и Христос

Христос и бог были верными побратимами. Однажды сказал бог Христу:

— Пойди-ка обойди мир, осмотри, как да что.

Пошел Христос осматривать мир. Видит: один пастух завел

своих баранов в такое узкое ущелье, что, если пойдет дождь, погибнет все стадо. Удивился Христос очень. Подошел к пастуху:

— Победы тебе, пастух!

— Будь победителем.

— Что же ты, добрый человек, не мог разве найти другого места для твоей отары? Ведь ежели пойдет дождь, погибнут твои овцы.

Засмеялся в ответ пастух и сказал:

— Делать тебе, видно, нечего. Как же им погибнуть? Ведь в эту луну капельки росы не выпадает. А дальше я и сам здесь не останусь. Перегоню стадо в другие места. А без дождя ничего с ним не станется.

Повернулся Христос, походил еще по миру и вернулся к богу.

— Ну садись, расскажи, что ты видел, как дела в миру? — спросил бог.

— Все хорошо там, — сказал Христос. — Один только пастух меня удивил весьма. Загнал он стадо в такое узкое ущелье, что чуть дождь пойдет, ни одна овца не спасется. Я посоветовал ему вывести стадо наверх. А он смеется надо мной: «В эту луну ни капли росы не выпадет, а дальше я и сам, — говорит, — здесь не останусь. Подниму стадо и перегоню его в другое место. Не будет дождя, знаю я, так и овцы мои, знаю, будут целы».

— Ладно, — сказал бог. — Раз обидел он тебя, ну-ка заглянем в списки.

Посмотрел списки: и вправду не будет дождя в эти дни.

— Ну ничего, — говорит бог. — Раз обидел он тебя, посмеялся над тобой, увидишь, какой ливень напущу я на него в эту же ночь.

К вечеру начала сверкать молния и стал греметь гром. Пастух сразу смекнул, к чему это:

— Эге, — сказал он, — быть большущему дождю.

Перегнал стадо наверх, на плоскогорье. Пошел проливной дождь. словно из горлышка кувшина, лилась вода.

Настало утро, и бог сказал Христу:

— Иди взгляни, что с твоим пастухом!

Пошел Христос в те места, где стояла пастухова отара, да ее и след простыл. А пастух уж на вершине горы пасет свое стадо.

— Да ведь ты говорил, не будет дождя при этой луне,— сказал Христос.

— Не должно было быть дождя — пусть будет проклят доносчик! Если бы не наклеветал богу на меня, не знал бы он ничего и дождя бы не было!

196. Малыш и быки

Был один крестьянин. Скверный характер у него был очень. Имел он маленького сына и пару быков. Малыш так был привязан к быкам, так привык к ним, что они ему ближе отца с матерью были.

Однажды вернулся с работы крестьянин и пригнал своих быков. Был он сильно не в духе. Привязал в хлеву, на полу, у яслей, быков и, не прекращая воркотни, вышел оттуда в дом. Сказал жене:

— Женщина, завтра рано утром зарежу я Цикару¹. Нет сладу с быками, не в силах я бегать за ними. Сегодня полудни пустил я их пастись в кустарник, а сам прилег в тени, под деревом, вздремнуть на миг. Проснулся я, а быки пропали. Искал, искал их. Так и провел весь день в поисках... Я один работник в семье, зачем мне быки? И без них обойдусь, своими трудами. Зарежу вот Цикару да и раздам в селе по куску мяса в обмен на кукурузу и вино. А шкуру выдублю и нарежу на каламани². Если выгадаю на этом, то и Никору прирежу за ним вслед.

Долго рассуждал хозяин. Малыш слушал отца, и каждое его слово, подобно толстой игле, вонзалось ему в сердце. Любил он Цикару и Никору. Услышав, что хотят их зарезать, потерял он покой и сон. Ночью, когда родители спали глубоким сном, он вылез из постели в одной рубашонке, вышел из избы, забрался в хлев и стал шептать быкам:

— Скорее, скорее, Цикара и Никора! Спасайтесь! Отец собирается зарезать вас. Он наточил уже нож и завтра на рассвете перережет тебе глотку, Цикара!

Цикара вздохнул, потянулся и встал. Вскочил за ним и перепуганный Никора.

Малыш бросился к веревкам и отвязал их. Только собрались быки выйти в открытые двери, как малыш сказал им:

— Не оставляйте меня, быки! Я ведь без вас не проживу,

да и отец сживет меня со свету; кроме меня, никого не заподозрит он. Возьмите меня с собой. Будем жить — так вместе, а умрем — так умрем вместе.

Согласились быки. Пригнул спину Никора, сел на него малыш, ухватился за рога. Там же, в хлеву, висела его пастушья сумка с сухой лепешкой. Перекинул он сумку через плечо, перекрестился, и они пустились в путь.

Очень быстро они шли. Подошли к реке. Должны были перейти ее вброд, другого пути не было. Уже слышна была погоня. Вступили в реку быки. Разлив был сильный, вся река была покрыта волнами. Попал малыш в водоворот, скрутило его, раза два высунул он голову и пошел ко дну.

Поплыли быки вдоль берега. Плыли, пока волны не выкинули на берег утонувшего малыша. Легли быки с двух сторон, да не оживить было его. Его посиневшее тело было обито о камни и скалы и залито кровью.

Собрались воронье и грачи со всех сторон, подняли крик и карканье. Быки тоже жалобно стонали.

Небо и земля содрогнулись от жалости к малышу. Жалобный клич достиг ушей господа, и он повелел ворону:

— Пойди и узнай: о чем там плач, что стряслось на земле?

Полетел ворон. Прошло время, вернулся он и доложил господу богу:

— Какой-то малыш утонул, и воронье и грачи налетели на его труп.

— Нет,— сказал господь.— Вороны и грачи своим карканьем не вызовут такого горя. Скверный у тебя язык, и нет в твоём сердце жалости. Не белым должен быть ты, а черным как ночь, так же как черна твоя душа,— и бросил в него головней. С тех пор и стал ворон черным как смоль.

Послал теперь господь голубя и повелел ему:

— Узнай мне все по правде.

Полетел голубь. Прошло время, и, вернувшись, доложил голубь господу:

— Жалостное я видел зрелище: маленький малыш утонул в реке; на берег выкинули его волны. Пришли туда быки, лежат возле него, будто хотят согреть и оживить его, и жалобно стонут, так что сердце разрывается на них глядя. Все живое, даже воронье и грачи, плачут и вопят из жалости к нему.

— Благословен твой язык! Будь светел, как светло твое сердце!

Раньше черным был голубь, а стал белым.

Потому у голубя и ноги красные как кровь. Пролетая, он вымазал их в крови малыша.

197. Овцы и пастух, превращенные в камень

В селе Мачатиа давным-давно жил один богатей. Столько было у него овец, что все окрестные горы были покрыты его стадами. Стойбище для овец было тут же, неподалеку, в горах. С горы в деревню спущен был длинный деревянный желоб, по которому молоко лилось прямо в деревню.

Беззаботно жил владелец скота. Однажды, в то время как доили овец, на гору поднялся нищий старик.

— Гамарджвеба — победы тебе, хозяин! Да не переводится достаток в твоём доме!

— Гагимарджос — будь победителем, — холодно ответил владелец скота.

— Бога ради, давненько не пробовал я молока из-под черной овцы, вели подоить, если можно, — попросил нищий.

— Только поглядите на этого негодного! Молоко белой овцы ему не подходит, подайте из-под черной овцы! Подоите козу и пусть хлебает козье молоко, — крикнул владелец стад пастухам.

Превратил нищий овец, собак, пастухов и жадного хозяина — всех до одного в камень.

Каждую пасхальную ночь оживают они ненадолго. Блеют овцы, лают собаки, пастухи свистят по три раза и вновь превращаются в камень. И сейчас стоят на горе ставшие камнем овцы, собаки и пастухи.

198. Убийца

Был один злой человек, всегда готов был на драку. Девять человек было на его совести. Завел он драку с десятком — хотел убить и его.

Пришла стража, и убежал он. Гонятся за ним. Бежит он по тропинке, ведущей к ниве. Вдруг оборвалась тропинка. Видит он — дороги нет. Не захотел он топтать хлеб и остано-

вился. Пришли, связали его и бросили в темницу. Приговорили его судьи к виселице.

Настал день казни. Подвели его к виселице, просунули голову в петлю. Как толкнули его, чтобы повис он, вдруг выросли из земли два столба. Один одну ногу поддержал, другой — другую. Так и держат его, чтоб не задохнулся. Удивились все. Спилили те столбы, да на их месте новые встали — не допустили его смерти.

Спрашивают все:

— Что это? Чудо?

Убийца и говорит им:

— Не стал я топтать ниву, пожалел труды рук человеческих, за то и благодать хлеба надо мною.

Простили ему все прегрешения и отпустили с миром.

199. Дети на том свете

На том свете грудные дети сидят на ветвях фигового дерева, которое стоит посреди молочного озера. Дети щебечут, поют. Когда им хочется есть, ветви приближаются к поверхности озера и пьют дети то молоко.

200. Медведь, волк и лиса

Медведь, волк и лиса людьми были, говорят. Однажды Христос-бог проходил мимо. Воззвали эти трое к богу: очень тяжело, говорят, нам пропитание себе доставать.

Господь сказал им:

— Лес да будет виноградником, луг — нивой, а эти булыжники у берега реки — барантой. Растите их, хозяйничайте и живите в ладу меж собой.

Жили они зажиточно, хорошо. Один за виноградником ходил, другой ниву растил, третий баранту сторожил.

Проходил однажды по той земле господь в крестьянской одежде. Подошел он к винограднику и попросил хозяина:

— Будь отцом родным. Дай-ка мне кисть винограда, рот освежить.

— Проваливай с глаз моих долой. Много тут таскается подобных тебе.

Пошел он ко второму:

— Будь отцом родным, не пожалей куска сухого хлеба для нищего.

— Иди, проваливай, не то тебе...

Пошел он к третьему:

— Налей глоток молока, дай промочить горло.

— Иди прочь с глаз моих долой, пока собак не натравил на тебя.

Рассердился Христос-бог и снова превратил тот виноградник в густой лес, виноградадаря — в медведя, ниву — в луг, а хозяина лисой сделал. Баранта снова стала булыжником, а пастух — волком. И посейчас оно так. А в старину, говорят, медведь, волк и лиса людьми были.

201. Как кудианеби вывелись в Хонк

Один крестьянин пришел в соседнюю деревню и там увидел красивую женщину лет двадцати пяти. Она понравилась ему, и крестьянин женился на ней. Но оказалось, что жена его была кудиани¹. Еще не прошло и медового месяца, а шабаш ведьм уж наступал. Чтобы на время своего праздника выпроводить мужа из дому, она сказалась больной и отправила супруга в город за лекарством. До города было далеко. Мужик шел лесом. Застигла его ночь, и решил он переночевать в лесу. Мужик был не из храбрых и в поисках местечка поудобнее и безопаснее вышел на поляну. Посреди поляны ему попался большой кувшин, врытый в землю, — туда и забрался несчастный. Сидит мужик и горюет о больной жене. Вдруг поднялся шум и поляна наполнилась ведьмами: одни из них принеслись на лошадях, другие — на коровах, третьи — на свиньях, а остальные — кто на чем попало. Ужас овладел мужиком. Среди ведьм он увидел и свою жену. Ведьмы всю ночь танцевали под звуки чонгури²; а когда наступило утро, положили его в кувшин, не заметив в нем человека, и удалились с поляны. Когда ужас миновал, опомнившийся крестьянин взял чонгури, вылез из кушина и побрел домой. Жену свою он застал в постели. Начал он играть на чонгури: супруга поднялась и запорхала по комнате. Наконец муж прекратил игру и, оставив успокоившуюся жену, ушел в другую комнату. Но через некоторое время он вынес оттуда раскаленное добела железо и им заклея-

мил жену крестообразно. Затем, собрав односельчан в церковной ограде, он и тут заиграл на волшебной чонгури: все кудианеби пустились в пляс. Тут же всех ведунов и ведьм заклеили крестом, и с тех пор они уже не водятся в Хони³.

202. Старик и глыба соли

Жил один бедный старик. Раз он пошел в город, купил там глыбу соли, взвалил ее себе на спину и пошел домой. Тяжелой была глыба. Старику трудно было идти под ее тяжестью: ослабели ноги у него, захотел он отдохнуть в одном месте и положил глыбу соли под голову. Стал старик роптать на свою судьбу, говоря: «Зачем только создал меня бог для мучения и страданий?» Уснул старик. Во сне явился ему ангел и взял его в рай. Ввел ангел старика в рай, показал ему его и сказал:

— Если будешь жить так, что никогда не скажешь ни слова, то оставляю тебя тут, а хоть одно слово произнесешь — возьму тебя отсюда.— С этими словами ангел оставил старика одного в раю.

Ходит он, оглядывается. Раз увидел он в раю человека, который хотел взвалить себе на спину целую гору хвороста, связанного веревками, но не смог. Уходит он, приносит еще хворосту и прибавляет к своей ноше. Старик, увидя его, не утерпел и закричал ему:

— Послушай, дурак ты, что ли? Вместо того, чтобы убавить хворосту, прибавляешь еще!

Старик тотчас вспомнил, что нарушил обещание, но было уже поздно. Он проснулся. Под головою лежала та же глыба соли. Ангел явился старику и сказал:

— Говорил ведь я тебе: если хочешь быть в раю, не говори ни одного слова!

Старик ответил:

— Согрешил я. Это было в первый и последний раз.

Опять взял его в рай ангел. Однажды увидел старик в раю костер с кипящим на нем котлом и подошел к нему поближе. Видит: варит человек мясо. Котел полон, суп вместе с мясом выливается из котла, а человек тот все прибавляет мяса. Рядом стоит кувшин, полный вина, а хозяин все добавляет в него вино из других сосудов. Старик опять не вытерпел и закричал:

— Безумец! Вынь сначала мясо, что уже сварилось, а по-

том прибавляй! Зачем портишь даром мясо? И с вином так же поступай, как я говорю!

Во второй раз нарушил старик данное им ангелу обещание. Проснулся и увидел около себя глыбу соли. Опечалился старик и начал укорять себя: «Кто меня за язык тянул? Зачем не молчал я и не остался жить в раю на всем готовом?»

Опять явился к нему ангел и сказал:

— Старик, еще раз возьму тебя в рай, если не нарушишь обещания.

Старик поклялся, что сдержит слово. Ангел опять взял его в рай. Теперь уже старик молчал, не говорил ни слова.

Раз, гуляя по раю, прошел он одну долину и вступил в скалистую местность. Там увидел он множество народа. Посреди долины лежал огромный камень. Все окружили этот камень и тянули его в разные стороны: одни вперед, другие назад, третьи направо и налево, но никто из них не мог сдвинуть камень с места. Старик смотрел-смотрел на это и наконец сказал:

— Послушайте, неужто никто не догадается, что камень нельзя сдвинуть, если все вы в разные стороны будете тянуть?!

Вспомнил свое обещание старик, но было поздно. Проснулся он и увидел себя на том же месте, где сел он отдохнуть. Глыба соли валялась тут же. Опечалился старик, стал плакать. Явился ангел и сказал, что не видать ему больше рая. Старик сказал ему:

— Не видать мне больше рая, но прошу, объясни: кто тот человек, который не может поднять хвороста и еще прибавляет к нему? Или тот человек, у которого суп с мясом и вино выливаются из сосудов, а он все добавляет? И, наконец, что за народ, который тянет камень в разные стороны и не может сдвинуть с места?

Ангел сказал:

— Тот человек, который хочет взвалить себе на спину целую гору хвороста и не может, но тем не менее еще прибавляет,— вор. Восемьдесят лет он будет так страдать. Когда он был молодым — воровал, когда стал стариком — и тогда не оставил воровства. Под старость хоть должен был он заняться душеспасительными делами, а он к грехам еще добавляет греха. Тот человек, у которого суп с мясом и вино выливаются из сосудов,— щедрый. Он никогда ни одного прохожего, ни одного нищего не пропускал, не угостив его. Бог так наградил

его за такую щедрость, что не уменьшается суп с мясом в котле и вино в кувшине.

— Тот камень что означает, что все его тянут?! — спросил старик.

— Тот камень — бог, — ответил ангел. — А тянут его грузины, русские, татары и другие. И все к себе тянут. Каждый старается взять его, каждый свою религию хвалит, а того никто не думает, что бог один для всех и отдельно никому не принадлежит.

С этими словами ангел скрылся. Старик остался с глыбой соли на плечах и длинным путем впереди.

203. Священник и черт

К одному царю приходит силач и говорит:

— Или найди такого человека, который одолел бы меня, или же бери в свой дворец и корми!

— Хорошо, — говорит царь, — живи у меня.

Силач поселился во дворце. За обедом и ужином он съедал по два барана. Надоело царю кормить обжору, и шлет он людей по всему царству: «Отыскать человека, который мог бы помериться силою с царским богатырем!»

Все царство обошли, но не могли найти такого человека: никто не отваживался вступить в борьбу с богатырем, который по четыре барана в день съедал. На обратном пути посланные сели однажды отдыхать у берега реки. Вдруг видят: едет священник верхом на муле. Как увидел он мост через реку, соскочил с мула, подлез ему под брюхо, взял на плечи и перенес на другой берег. Царские послы, видя это, и говорят между собой:

— Какого еще нам надо силача? Возьмем его!

Сказано — сделано. Догнали священника и говорят:

— Все царство обошли, а такого сильного, как ты, еще не видели. Пойдем к царю, у него есть богатырь — бороться с ним будешь.

— Господь с вами, — говорит им священник. — Какого вы нашли во мне силача?! В жизни своей ни с кем не боролся.

Но посланные не отстали и взяли его насильно. Впереди идут царские посланцы и ведут мула, а сзади плетется священник. Подходят они так к мостику. Мул заупрямился, не хочет идти по мостику: он привык, чтобы его переносили. Цар-

ские люди принялись его бить, и мул перешел через мостик, но с непривычки сломал он себе ногу. Священник расвирепел и кричит:

— Да что вы со мною делаете! Зачем вы изувечили мула?!

— Да будут прокляты все черти на свете! — говорят ему царские люди. — Не мы ему сломали ногу, а сам он сломал ее!

— Причем тут черти? — сказал священник. — Не черти, а вы виноваты.

Переругиваясь таким образом, они продолжают путь. В это время догоняет их сзади какой-то мальчик и говорит священнику:

— Возьми меня к царю. Я буду бороться с царским силачом.

Священник обрадовался и согласился.

Приходят к царю и докладывают о священнике. Царь выходит и говорит:

— Можешь ли ты, отец, вступить в борьбу с моим силачом?

— Зачем мне вступать в борьбу с ним?! — отвечает священник. — Его и мой причетник может одолеть!

Царь смеется, а богатырь из себя выходит от злости. Вышел он, схватил мальчика, поднял его выше головы и с такой силой бросил на землю, что бедняжка, казалось, должен был лопнуть, как водяной пузырь. Но мальчик, к общему удивлению, не упал даже, а стал на ноги и смеется. Богатырь снова бросил его на землю — а он опять на ногах стоит. Тут мальчик вскочил на плечи богатырю и сдал ему шею с такой силой, что тот запросил пощады и еле ноги унес от страшного противника.

Царь призывает после того священника и награждает его целыми тюками золота и серебра. Идут обратно священник и его мнимый причетник и везут на хромоногом муле полученные сокровища. Как подошли к мостику, переходя который мул сломал себе ногу, священник обращается к своему спутнику и говорит:

— Все это золото и серебро принадлежит тебе, мой друг и спаситель. Не будь тебя, я погиб бы!

— Нет, — говорит ему его спутник. — Золото и серебро я дарю тебе за то, что ты защитил чертей. Люди делают глупости, а ругают чертей, будто они во всем виноваты.

Сказав это, мнимый причетник скрылся под мостиком. Оказалось, что то был черт.

204. Благая весть да благо мне

Неподалеку от села Вардзия в Имеретии есть огромное озеро. Говорят, ранее на том месте было большое село. Одна очень бедная многодетная женщина жила в том селе. День и ночь равны были в ее тяжком труде. Дома и в поле она помогала мужу, чтобы прокормить многочисленное семейство. Приближался великий праздник — благовещение. Все ночи женщина до рассвета сидела за ткацким станком и ткала праздничную одежду для мужа и детей. Настало и утро праздника. А женщина все сидела за станком и ткала не поднимая головы. Одновременно она ногой качала колыбель.

— Соседка,— вскричала в дверях вошедшая к ней женщина.— Не знаешь разве, какой великий сегодня праздник? Бог накажет тебя за то, что ты работаешь в благовещение.

— Э-э... Благая весть да благо мне... Была бы радость моему мужу и детям,— ответила бедная женщина.— Чего сердиться богу, если я одену своих близких,— сказала она, качнув ногой колыбель...

Загрохотала вдруг земля и поглотила женщину со всем ее домом и детьми. А в том месте образовалось глубокое, бездонное озеро. Говорят, каждое Благовещение волны выносят на поверхность то колыбель, то ткацкий станок, то челнок.

205. О Палеостоми

О происхождении озера Палеостоми сохранилось следующее предание.

На месте этого озера был некогда город Палеостоми. В этом городе была церковь, в которой находилась икона божьей матери.

Жители города до того развратились, что, несмотря на святость храма, начали въезжать в него на конях. Чтобы воспрепятствовать этому, бог настолько понизил двери церкви, чтобы нельзя было въехать в нее на лошади. Тогда жители города стали при входе в церковь слезать с лошадей, но все-таки вводили их за повод в церковь. Бог, желая, чтобы они входили в церковь без лошадей и нагнувшись, как бы кланяясь ему, еще более понизил двери. Жители города действительно стали оставлять лошадей на дворе, но не пригибались при входе в цер-

ковь, а просовывали туда сначала ноги, а потом и все тело. Тогда, видя неисправимость жителей, бог решил потопить Палеостоми.

Только один человек по имени Кико хранил благочестие. Господь явился ему во сне и сказал:

— Возьми икону божьей матери и отнеси ее в селение Шемокмеди¹, потому что город Палеостоми должен погибнуть.

Кико немедленно сел на мула, святую икону поставил перед собой, а сзади себя посадил уважаемую женщину, которой он не желал гибели, и поехал в назначенное место. Как только Кико выехал из Палеостоми, бог припустил сверху ливнем и потопил город. Едет Кико, а потоп настигает его: задние ноги мула уже были в воде. Тогда является ему господь и говорит:

— Брось женщину — и спасешься, а не бросишь — так погибнешь!

Кико бросил женщину, и потоп остановился.

Когда приехал Кико в Шемокмеди, через три месяца явился ему во сне бог и сказал:

— Возьми икону в Бахви².

Тогда Кико переселился в Бахви и принес туда икону.

206. Чертовы удила

Было и не было ничего, жил один отвратительно скупой, но очень богатый человек. Без счета было у него баранов и скота, и дома всего было в достатке. Однако настолько был он скуп, что ходил всегда голодный и оборванный, а жену и детей морил голодом.

Не нанимал он пастухов, сам ходил за барантой, боясь, как бы пастухи не зарезали овцу и не отведали мяса. Бывало, дохла скотина — и то не давал он забить ее, не ел сам и не давал другим. Так и выбрасывал.

Ни соседей, ни родственников не звал он в гости и никогда не вводил в свой дом.

Однажды гнал он баранту в поле. Глядит, волк похитил безымянное дитя у черта, держит его в пасти и бежит по полю. Схватил ружье пастух, забежал вперед, выстрелил в волка и отбил ребенка. Подобрал его и несет домой.

Сказал ему безымянный:

— Спас ты меня, так отведи к моим родителям. Они щедро воздадут тебе за содеянное тобой доброе дело.

Не отстал чертенок от скупца. Оставил тот сторожа караулить стадо и пошел с ним. По таким камням, по таким скалам повел его безымянный, что скупец извивается весь и гнется к земле. А чертенок знай подталкивает его и ведет все вперед. Идут и идут они по скалам. Со страху сердце лопається у скупца, думает он: «Вдруг заведет чертенок обманом и сбросит меня со скалы в пропасть».

Тут безымянный говорит ему:

— У моих родителей много добра, много золота и серебра. Станут они предлагать тебе, но ты не соглашайся. Ты скажи им: «Мое добро верните мне».

Пришли они в жилище черта. Рассказал чертенок, как спас его пастух от волка. Черти с почетом приняли скупца, завели его в комнату, полную золота и серебра.

— Вот, сынок, сколько захочешь забирай.

Дух занимается у скупого, охота ему собрать это золото и серебро, наполнить мешок и унести с собой, да чертенок хмурит брови, мигает ему.

— Бери, забирай сколько хочешь золота и серебра,— говорят ему черти...

А он молчит, голоса не подает.

— Чего ж тебе надобно? Чего тебе дать? Скажи, и исполним все! Для тебя ничего нам не жаль!

— Мой достаток верните мне,— сказал скупой.

Не по душе пришлась чертям эта просьба. Помешкал черт, но потом подошел к скупому и дал ему крепко по шее. Тут у скупца изо рта выскочили чертовы удила. Взял их черт и спрятал.

А человек этот точно в себя вдруг пришел. Оглядывается по сторонам: «Где я? Зачем я здесь? Кто привел меня сюда?»

Глядит он на себя, видит: полуголый он, в лохмотьях, самому противно стало. Идет, стыдится, пробирается домой украдкой, а сам свою жизнь вспоминает. Вспомнил он тут, что жену свою и детей измучил, держит несчастных в голоде и холоде. Пожалел он их, сердится сам на себя. Точно сейчас только понял, что за муки принял из-за своей скупости.

Подошел он к стаду, велел зарезать хорошего барашка, послал домой мясо, велел передать жене, чтобы прислала она

ему одежду. Накупил всего и послал жене и детям. Постеснялся уже идти домой в лохмотьях.

Радуются жена его и дети: «Как переменился этот человек»,— говорят.

Нанял он пастухов, послал в горы к стадам, сам же вернулся домой и стал добром жить.

Так вызволил он свой достаток у чертей и стал наконец им пользоваться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

207. Тритино

Когда Персией управлял престарелый шах Джемшид¹, не имевший сына, каждый молодой человек знатной фамилии старался выказать себя перед своим государем в надежде быть им усыновленным. Кто занимался своей наружностью, одевался щеголевато, непомерно стягивал талию и ноги, выписывал ароматы из Аравии и надеялся ослепить старика красотой. Кто упражнялся в скачках, стрельбе и прочих воинских искусствах и хотел очаровать его своей ловкостью в джигитовке. Кто посвящал все свое время изучению всяких искусств: лепил, рисовал, слагал стихи, играл на различных инструментах, пел, плясал и мечтал обворожить Джемшида своими талантами. Кто предавался изучению серьезных наук, писал серьезные сочинения, проводил вечера в разговорах с учеными мужами и думал обольстить его своими познаниями. Кто рассыпал перед ним деньги, угощал нищих, одевал вдов, окружал себя старцами и убогими и хотел своей щедростью привлечь к себе внимание доброго шаха. Нашелся и такой, который за наставлениями обратился прямо к Иблису², то есть демону.

Предание не сохранило нам советов этого наставника, но повествует только, что ученик дьявола Аждехак³ успел понравиться Джемшиду и был им усыновлен и объявлен наследником престола.

Известно, что дьявол никогда не благодетельствует даром. В виде платы за труды он потребовал, чтобы Аждехак убил Джемшида.

Долго сопротивлялся молодой человек. Ему жаль было доброго старика, искренне к нему привязавшегося и осыпавшего его милостями, однако дьявольское красноречие превозмогло и совесть и благодарность, и бедный Джемшид погиб от руки усыновленного им Аждехака.

Едва свершилось преступление, как появилось и наказание — ужасное, невиданное и неслыханное. Из каждого плеча преступника вышло по огромному змею, которые хвостами продолжали держаться в его теле. Питались они исключительно человеческими мозгами.

Пришлось установить жребий, и ежедневно несколько персидских семейств оглашали воздух своими воплями, провожая своих родственников на ужасную смерть.

После кроткого царствования Джемшида такие порядки казались еще ужаснее.

В то время жил знатный и богатый старец Моисей. Он был щедр и гостеприимен, и бедные, бесприютные, странные, убогие толпились кругом его хором, и никто не уходил без богатого подаяния. Он был мудр и учен; и знатные, и бедные спешили к нему за советом. Всякого находил он время выслушать, всякому — сказать слово на пользу, так что уста его уподоблялись переполненной сокровищнице, из которой, если чуть открыть дверь, непременно выпадет жемчужина или алмаз, или яхонт, или еще какой-нибудь драгоценный камень. Он был могуществен и любим при дворе, и все обиженные, оклеветанные бежали к нему и находили в нем защиту и оправдание. Он так любил своих соотечичей, что не шадил для них ничего, не дорожил ни временем, ни трудом, ни состоянием. Часто, раздав все, он снимал с себя верхнюю одежду, чтобы прикрыть ею какого-нибудь обнаженного старца. Джемшид весьма высоко ценил его и часто шутя говаривал:

— Моисей, ты, кажется, ничего на свете не любишь и ничем не дорожишь?

— Извините, государь,— ответил он однажды,— я только

всю свою способность любить сосредоточил на одном предмете, и для всего остального у меня уже не осталось чувства.

— Что же или кто же это? — спросил Джемшид.

— Это — единственное мое детище, дочь моя Нана.

В один прекрасный день, когда, казалось, солнце светило лучше обыкновенного и придавало всему праздничный вид, с утренней зари рассыпались по всему городу глашатаи и звали всех знатных и убогих к Моисею, на великую радость и пир.

Стеклось такое множество людей, что не только обширные его хоромы и просторный двор, но и вся окружающая городская площадь были переполнены гостями. Угощение было самое роскошное, самое обильное и одинаковое как для знатнейших сановников, наполнивших дом, так и для самых убогих нищих, приютившихся на краях площади. Моисей давал пир по случаю помолвки своей дочери с персидским принцем из древней царственной династии Пиш-Дадиани по имени Тритино⁴. Он был известен всем и каждому своей воинской доблестью, отличался гигантским ростом, сверхъестественной силой, необычайной ловкостью и замечательной красотой.

Самые искренние поздравления и пожелания сыпались из тысячи уст на жениха, невесту и Моисея.

Сам Аждехак (имя это значит «дракон») пожелал принять участие в общем торжестве и неожиданно явился среди пирующих. Внимание Моисея и обрученных сосредоточилось на государе, который был необычайно любезен. Следуя старинному обычаю, Тритино, выслушав поздравление Аждехака, подвел к нему свою невесту и собственноручно приподнял чадру, скрывавшую прелестные черты ее от любопытных взоров присутствующих.

Все были ослеплены ее необычайной красотой. Даже злые змеи, покойно дремавшие на плечах государя, подняли головы и не сводили глаз с Наны.

Через несколько минут Аждехак покинул пир, который продолжался далеко за полночь. Возвратясь домой, счастливый и усталый Тритино лег спать, и сны его были продолжением счастливого дня, как вдруг его пробудили печальные вопли. Ему пришли сказать, что жребий пал на Нану и что с восходом солнца Моисей обязан вести ее в жертву змеям и Аждехаку.

— Я сам поведу Нану! — спокойно и решительно ответил Тритино и опрометью бросился в дом Моисея.

Во всем окружающем воздухе стоял гул от плача и рыданий тысяч плакавших и причитавших. Моисея нашел он полумертвым от горя. Возле него стояла Нана — прелестная, бледная, но спокойная.

— Нана, я сам поведу тебя и не дам ни змеям, ни Аждехаку! — вырвалось из уст Тритино.

— Нам еще более получаса до назначенного времени, — ответила Нана, — и я хочу сказать тебе, господин мой, что я не боюсь ни змей, ни Аждехака. У меня есть заступник — сильный, могущественный, непобедимый. Гамдели⁵ — няня моя — была еврейка. Она тихонько научила меня любить и поклоняться истинному богу, который всегда защищает верующих в его могущество. Мы возьмем ее с собою, и я уверена, что ее святые молитвы обезоружат змей; с Аждехаком же, конечно, сладит мой Тритино, поэтому-то я спокойна, но я не умею передать мое спокойствие, мою уверенность отцу!

В это время вошли посланные шаха. Крик ужаса вырвался из уст несчастного старца, и слуги замертво вынесли его из покоя.

— Одна женщина и один безоружный мужчина могут проводить Нану! — провозгласили придворные, и Нана, Тритино, и гамдели отправились с ними.

У дверей опочивальни шаха их всех тщательно обыскали и потом пустили к Аждехаку, заперев за ними тяжелые бронзовые двери.

Гамдели и Нана обе молились — первая громко, не стесняясь присутствия шаха. Она бросилась на колени и, воздев руки к небу, молилась. Нана стояла за нею, опустив глаза, и внутренне молилась вместе со старухой. При виде их шах встал и с недоброй улыбкой направился к ним навстречу. Змеи проснулись, зашипели, радостно протянули головы и выставили свои зараженные жала. Тритино стоял рядом с Наной бледный как смерть, с пылающим взором.

Обыкновенно в некотором расстоянии Аждехак останавливался, змеи вытягивались, одним изгибом своего огромного тела опрокидывали сопровождавших, потом вонзали свои жала в голову жертвы и привлекали ее к шаху. И теперь они с радостным свистом вытянулись — и окаменели. Видя их неподвижность, Аждехак хотел приблизиться, но Тритино бросился на него как ураган. Длинными телами змей связал он его и поверг на землю.

Одного удара богатырской ноги было достаточно, чтобы выломать тяжелые бронзовые двери, и через несколько мгновений Тритино уже тащил своего пленника через площадь вон из города, мимо оторопевших телохранителей, на высокую и неприступную гору Демавенд, где он и приковал его к скале.

О смерти Аджехака есть два сказания: одно говорит, что и он, и змеи умерли с голоду, другое — что змеи сначала умертвили его, выпив его мозг, а потом сами погибли голодной смертью. Тритино же был провозглашен царем персидским, женился на Нане, взял во дворец гамдели, которую щедро наградил, а также и Моисея, мудрыми советами которого руководствовался при управлении царством. Общим любимцем стал Тритино.

По совету Моисея отправил он воеводу Ардама в Картлию на завоевание этой благословенной страны. Ардам перебил неистовствовавших там хазар, овладел всеми городами и крепостями и выстроил на берегу Каспийского моря город Дарубанд⁶, что значит «закрытая дверь».

Он же обнес стеной Мцхету⁷. Это было первое здание из камня и извести. До него карталинцы воздвигали дома или деревянные, или высеченные в скалах, или из камня с глиной. Был и еще один способ, но им пользовались только разве цари и самые богатые люди: это были целые здания, в которых огромные камни стесывались с одной стороны и держались без помощи какого бы то ни было цемента, плотно задвигаясь один на другой. Таким же новым способом, то есть из камня и извести, была воздвигнута крепостная стена в Армази и окончена таковая же по всей горе Армази⁸ до реки Мткуар.

Грузины с благодарностью вспоминают правление Тритино, которого на грузинском языке зовут Апридун. Что затевал Апридун, ему всегда удавалось, потому что он умел предложить это народу в приятной форме.

Так, когда по совету Моисея он послал Ардама, чтобы овладеть Грузией, воеводе строго-настрого было запрещено являться в виде завоевателя.

Ардам объявил грузинам, что прислан Апридуном помочь им избавиться от хазар. Грузины немедленно присоединились к его войску и под его предводительством освободились от хазар. В пылу восторженной признательности освобожденные поспешили провозгласить Апридуна царем.

208. Дождь

Во времена царя Георгия I, в XI веке, жил знаменитый воевода Кэурс, из славной фамилии князей Орбелиани. Известно, что эти князья ведут род свой от императоров китайских и не раз вступали в родство с царями нашими, почему и положение их при грузинском дворе было исключительно приятное.

Надо прибавить к этому, что преданность и усердие князей Орбелиани вполне оправдывали эти отличия. Они из рода в род занимали должность начальника всех войск грузинских и удивляли мир своей храбростью.

Когда Георгий воевал с греками, Кэурс попал в плен, а так как это случилось во время битвы у деревни Ширимни, где погибло множество грузинских военачальников, в том числе спарапеты Рат и Зоват, братья Кэурса, то царь долгое время думал, что Кэурс убит вместе с ним. Только когда начались переговоры о мире, император Василий II предложил царю выменять Кэурса на четырнадцать крепостей, а именно: по одной в Тао, в Базиане, в Артане, в Кола, в Джавахете, в Шавшете¹ и так далее, и сверх того просил в заложники сына Георгиева, трехлетнего царевича Баграта.

— Я так много обязан роду князей Орбелиани, что не пожалею за них и полцарства, — ответил царь.

При окончании переговоров решено было, что пребывание царевича как заложника в Константинополе продолжится лишь столько, сколько потребно будет времени для водворения греческого управления в вышепоименованных крепостях, и никак не более трех лет.

Нашлись люди, которые осуждали царя за отдачу четырнадцати лучших крепостей в обмен за одного человека, но народ чуть не разорвал их. Общая уверенность в воинских способностях князей Орбелиани была так неограниченна, что многие открыто говорили: «Только бы вернулся Кэурс, а с ним мы не только вернем свои крепости, но, с божьей помощью, приобретем еще четырнадцать других». Ликованию по случаю его возвращения не было конца. Более же всех радовалась двенадцатилетняя дочь его Тамара.

Тяжелым горем лег на нее плен отца, в отсутствие которого она лишилась матери и брата. Увидев, что Тамара выехала к нему навстречу одна, в сопровождении старой мамушки и не-

скольких молодых прислужников, богатырь Кэурс, от взора которого бежали целые полчища, заплакал, как дитя.

Отец и дочь бросились в объятия друг друга и долго не могли расстаться.

Клики радости в народной толпе умолкли, все вспомнили добрую, щедрую княгиню и красивого мальчика, всюду ее сопровождавшего, и невольно грусть омрачила общее ликование. Кэурс опомнился первый. Он обратился к встретившим его и пригласил их на свой двор разделить с ним трапезу.

— Тамара постарается своей приветливостью заменить вам мою княгиню,— сказал он.— Господь не без милости, в моей неволе он даровал мне сына взамен того, которого взял. Плиний,— обратился он к красивому юноше, стоявшему сзади него,— помоги сестре и мне угощать гостей.

Все взоры обратились на Плиния — высокого, стройного, с тонкими, правильными чертами лица. Чувствуя себя предметом общего любопытства, он покраснел и невольно опустил взор, как стыдливые девы наши, и скромность эта сразу расположила всех в его пользу. Во время пиршества и Кэурс, и молодые люди обворожили всех своей любезностью.

Старый и всеми уважаемый вельможа Александр, которого за храбрость и воинские успехи прозвали Македонским, подсел к Кэурсу и начал так:

— Ты справедливо сказал, друг, что господь воздал тебе за потерю сына этим прекрасным юношей, привязанность и сыновняя почтительность которого к тебе всем нам видимы и располагают в его пользу, но мы бы желали знать, кто он и почему ты усыновил его.

— В моей неволе,— ответил Кэурс,— господь послал мне друга. Он был знатный сановник, любимец императора и не нуждался в дружбе пленника. Тем не менее не проходило дня, чтобы он не посещал меня. Мы делились своими боевыми воспоминаниями и скоро полюбили друг друга, как два брата. Когда пришло ко мне известие о смерти жены и сына, его дружественное сочувствие было единственным моим утешением. Он рассказал мне свою жизнь, и от него узнал я, что он лишился жены в день рождения Плиния, за жизнь которого в первые годы трепетал ежечасно. Мальчику теперь восемнадцать лет, и он здоров, но слабосилен и требует заботливого ухода. Перед отъездом моим сюда друг мой заболел и призвал меня к себе: «Я умираю,— сказал он,— и благодарю бога, что

это случилось до твоего отъезда, ибо тебе безбоязненно поручаю лучшее мое сокровище. Возьми Плиния вместо того сына, которого у тебя взял бог. Врачи находят, что для его здоровья необходим более жаркий климат, чем наш. Возьми его с собой и замени ему меня!» Я поклялся любить и беречь его, как сына, и надеюсь, что господь поможет мне исполнить мою клятву! — заключил Кэурс.

— Ты удовлетворил мое любопытство,— сказал Александр,— теперь я предложу тебе другой вопрос, но для этого нам необходимо удалиться. Сердце мое также тоскует о сыне, который попал в число молодых людей, сопровождающих царевича в Грецию. Хотя разлука наша не продолжится более трех лет, но мне это время кажется вечностью.

С этими словами старики удалились, а когда вернулись, то в руках их были туры рога, наполненные вином. С веселым видом обратились они к пирующим.

— Друзья,— сказал Александр.— Поздравьте меня и помогите мне благодарить Кэурса, который отдает мне то, что имеет лучшего: я помолвил сына моего с его дочерью!

Посыпались поздравления и пожелания, и ликование продолжалось до глубокой ночи.

Кэурс и Александр виделись часто. Последний всегда спешил сообщить всякое известие о сыне; между прочим, узналось, что молодых людей, сопровождающих Баграта, учат всем европейским языкам и наукам.

Кэурс задумался:

— Моя дочь не знает ни европейских языков, ни тех искусств, которыми тамошние женщины привлекают молодых людей; не показалась бы она странна твоему сыну!

— Позвольте мне сказать слово! — неожиданно раздался светлый, нежный голос Плиния.

Старики оглянулись на него; он стоял перед ними красный от волнения.

— Говори! — сказали они в один голос.

— Покойный отец мой не жалел ничего для моего учения, меня учили всему, чему у нас учат. Наука давалась мне легко, и, если вы позволите, я с радостью передам свои познания сестре, которая и сама имеет страстную охоту учиться.

Разрешение было дано, и с тех пор молодые люди были неразлучны. Под руководством Плиния Тамара скоро усвоила греческий язык в совершенстве. Они вместе изучали поэтов,

затверживая лучшие места наизусть. Чудный голос Тамары, казалось, еще улучшился, когда она научилась от Плиния подчинять его правилам музыки. Достали лиру и по целым часам распевали звучные стихи. Для молодых людей дни, недели, месяцы летели с необычайной быстротой, они были счастливы вполне и долго не понимали, как они дороги стали друг другу. Наконец это сознание пришло. Уверенные в любви Кэурса, они безбоязненно сообщили ему о своем открытии.

Но Кэурс, раз дав слово Александру, не считал себя вправе изменять его. Уроки были прекращены, Плинию воспрещено видаться с Тамарой иначе как в присутствии отца. Счастье молодых людей внезапно превратилось в жгучее горе, которое втайне разделял и Кэурс, искренне их любивший.

Через несколько дней такого мучения Плиний не выдержал и нашел случай тайно увидеть Тамару. Слезно умолял он ее бежать с ним в Грецию и там пожениться, но никакие мольбы и слезы не могли убедить ее выйти из повиновения отцу.

— Твоя жена настолько должна быть лучше других, настолько и ты сам прекраснее всех людей в мире,— говорила Тамара.— Как же можно тебе жениться на беглянке. Нет, Плиний, подождем! Богу все возможно! Он сам найдет способ прекратить нашу разлуку, только ты не забывай меня и... не ищи случая видеть меня... тайно.

И утро, и вечер, и день, и ночь молила Тамара бога прекратить их разлуку.

Раз в сопровождении старой мамушки и молодых прислужников отправилась она на богомолье в какой-то отдаленный монастырь, где жил старец, великий постник, богомолец и подвижник.

Ему открыла Тамара свое горе, и старец повел ее в свой садик. Там в присутствии всех стал он над нею молиться. И вдруг нашла страшная туча, засверкала молния, послышались раскаты грома, один другого продолжительнее и сильнее. Присутствующие в страхе пали на землю. Наконец гроза стихла.

— Вставайте! — послышался голос старца.— Господь услышал нас грешных и утешил Тамару!

— Где же она? — спросили окружающие.

— Вот! — ответил старец и указал на прелестную благоухающую лилию, внезапно появившуюся среди его сада.— Господь преобразил ее в цветок! — пояснил он.

Скружающие не верили. Мамушка подняла вой, что Тамару спрятал коварный старец. Забыв страх божий и боясь гнева Кэурса, она осыпала его проклятиями и ругательствами. Прислужники обшарили весь монастырь, все окружающие леса и кустарники и, не найдя нигде Тамары, убили святого старца и подожгли монастырь.

Сгорело вековое здание, сгорела каменная ограда, сгорели столетние деревья, сгорела огромная библиотека, сгорело все скудное добро иноков. Не сгорела одна церковь и белая лилия, в которую обратилась Тамара. Услыхав об этом, Кэурс и Плиний поспешили на пепелище монастырское. В церкви не было никого, остальное же все представляло открытое поле угля и пепла.

Искать Тамару было негде. Только среди всего этого пепла росла белая лилия, свежая, прекрасная, благоухающая. Плиний первый к ней приблизился и заплакал. За ним последовал Кэурс — и обмер от удивления: он заметил, что, когда слезы Плиния попадали на окружающие лилию угли и камни, нежные лепестки ее желтели от ревности, когда же они капали на лилию, то она краснела от счастья.

— Тамара, ты ли это? — спросил отец.

Пронесся тихий ветерок, и Плиний и Кэурс ясно слышали, как под дуновением его листья лилии издали звук:

— Я!

Безутешный Кэурс не мог перенести потери дочери, тут же умер от горя, а бедный Плиний так долго и много плакал, так пламенно молил бога, чтобы он соединил его с Тамарой, что тот наконец обратил его в дождь.

Я слышал, что в прежнее время, как только случится засуха, жители окрестных деревень спешили к оставленной церкви, кругом которой всегда во множестве росли лилии, и набирали их целые корзины. Благоухающую добычу раскладывали они по полям и садам и молодые девицы наши пели песни Тамары. Прелестное, звучное стихотворение, столь же благоухающее и чистое, как и милый цветок, им воспеваемый. Оно кончается призыванием Плиния, который, говорят, всегда является в виде благотворного теплого дождя.

Я слышал даже, будто лилии эти сохранили редкую способность то краснеть, то желтеть, а молодые девицы наши устроили из этого что-то вроде гадания. Каждая замечает себе один цветок и после дождя идет его отыскивать.

Если он пожелтел, то чувства суженого ее подлежат большому сомнению, если же покраснел, то нельзя сомневаться в его привязанности.

Не знаю, сохранился ли этот обычай? Мне всегда жаль, когда какое-нибудь подобное предание забывается! В наших старинных легендах было столько чистого, честного, возвышенного, что они этим одним были поучительны.

209. Камбечян

Во времена глубокой древности семеро потомков Соломона Премудрого отправились на чужбину искать счастья. Каждый из них хотел сделаться столь же известным миру, как предок их, каждый надеялся стяжать громкую славу, обширное царство, многочисленное воинство и несметное богатство. Предание гласит также, что каждый из них обладал каким-нибудь выдающимся талантом или добродетелью. Так, старший, Баграт, отличался коммерческими способностями. Вторым, Абгавар, славился умением считать с необычайной быстротой и ловкостью, и ему приписывают изобретение ручной арифметической таблицы, столько поколений практиковавшейся в наших древних народных школах. Третий брат, Маобал, считался хитрейшим из людей. Четвертый, Гурам, славился воинской храбростью. Пятый, Саак, известен был своим великодушием. Шестой, Азам, отличался богатырской силой, и, наконец, седьмой, Варзавард¹, обладал даром слагать слова в певучие стихи и обвораживать своих слушателей силой своего поэтического таланта. Судьба привела их всех в Еклетц², составлявший в то время независимое царство, управляемое вдовствующей царицей Ракаель. С азиатским гостеприимством приняла царица молодых царевичей, которые, восхищенные ее приветливостью, непрерывно старались выказать перед ней свои таланты. В то время Ракаель занята была переговорами с финикийцами, и торговые способности Баграта, сразу сообразившего, что может служить наивыгоднейшим предметом торговли, до того пленили царицу, что она решила сочетать его браком со своей единственной дочерью и сделать наследником царства.

Абгавар и Маобал, подавшие также немало полезных советов, удостоились ее расположения и благодаря ее неустан-

ным похвалам вступили в родство с царем Армении, где и водворились на житье. Между тем остальные четыре царевича не отверзли рта. Думая воспользоваться и от них каким-нибудь полезным советом, Ракаель обратилась к воинственному Гураму с вопросом: что бы он сделал, если бы был самодержавным царем Еклетца?

— Я бы собрал войско и постарался разом завоевать у финикиян все то, что вы хотите в столь долгое время приобрести от них торговлей, счетами и хитростью.

Увы! Между жителями Еклетца немало было трусов, и такой совет испугал большую часть слушателей. Чтобы скорее успокоить всех и дать им понять, что она не намерена воспользоваться этим советом, царица оставила предложение Гурама без ответа и обратилась с тем же вопросом к великодушному Сааку.

— Имея такой избыток во всем, я бы даром предложил дружественному народу извлекать выгоду из моего излишка,— по-царски ответил Саак.

Но такая щедрость не по вкусу пришлась расчетливым еклетцам, и царица предложила опять тот же вопрос могучему Азаму.

— Я бы предложил меновую торговлю финикиянам,— сказал он.— Пусть они выберут из среды своей знаменитейшего силача, которому будет дозволено бесплатно унести отсюда столько всякого товара, сколько он зараз может поднять на плечи. Взамен же этого я бы унес их сокровищ, сколько могу поднять. Ручаюсь, что Еклетц остался бы в выигрыше.

Но против этого предложения восстали сами финикияне.

Когда же вопрос был обращен к Варзаварду, он ответил звучными стихами и советами пренебречь всеми денежными выгодами и стараться перенять от финикиян те научные сведения, которыми они славились и которые составят для Еклетца более драгоценное приобретение, чем все их товары.

Подобный совет был встречен громким взрывом хохота торгового собрания, и обиженные царевичи Гурам, Саак, Азам и Варзавард поспешили удалиться.

Вместе с ними вышел один старец, одежда которого отличалась от прочих. Видно было, что он принадлежал к какой-нибудь другой народности. Учтивым поклоном он остановил удалявшихся.

— Чего ты хочешь, старец? — спросили царевичи.

— Я уполномоченный карталинского царя и именем государя своего осмеливаюсь предложить вам гостеприимство. Царство наше граничит со здешним, я послан был для переговоров к царице Ракаель и теперь, окончив свое поручение, возвращаюсь домой и могу служить вам проводником.

С радостью последовали за ним царевичи и достигли столицы в ту минуту, когда ее окружали враги.

Не раздумывая долго, храбрый Гурам с громким криком бросился на врагов. Примеру его последовали остальные царевичи, старец и его свита.

Невзирая на всю их отвагу, едва ли бы им удалось спастись от смерти, если бы судьба не послала им неожиданное подкрепление: царь кахетинский Нерсе³, услышав об опасности, в которой находился его сосед, послал сына своего Бакура с отборным войском на выручку. Благодаря этому обстоятельству враги вскоре были рассеяны и победители вошли в ликующий город, осыпаемые благословениями и приветствиями. Царевич Бакур был легко ранен в руку, но рана показалась ему столь незначительной, что он отказался от всякой медицинской помощи и весело сел за трапезу, предложенную царем победителям. Во время угощения царь карталинский предложил четырем еврейским и кахетинскому царевичу разделить между собой пленных и сокровища. Саак тотчас же даровал свои богатства своим же пленникам, которым тут же даровал свободу. Это великодушие до того пленило царевича Бакура, что он изъявил желание усыновить Саака, женив его на своей дочери.

Царь карталинский последовал его примеру по отношению к Гураму, который, женившись на карталинской царевне, имел двух сыновей — Стефаноса и Деметре⁴, сделавшихся родоначальниками царственной династии Багратидов.

К сожалению, вскоре после свадьбы Саака рана Бакура разболелась. Оказалось, что стрела была отравленная, и, оставаясь столько времени без лечения, больной лишил себя возможности выздороветь. Через несколько дней он умер в страшных мучениях, а грусть об его потере вскоре свела в могилу и престарелого Нерсе, так что Саак сделался царем кахетинским.

Только Азам и Варзавард остались непристроенными и пошли дальше искать счастье.

Достигнув пространства земли между Иорой⁵ и Ала-

занию⁶, они так были поражены красотой этих мест, что подумали, что, вероятно, здесь был рай. Мнение это и до сих пор держится в народе.

Узнав об их приходе, царь предложил им гостеприимство. У него была единственная дочь, красивая, умная и добрая, и он прямо сказал царевичам, что сделает своим наследником того, кто сумеет угодить царевне настолько, чтобы она выбрала его себе в супруги.

Обычай этой страны не запрещал молодым девицам проводить время с юношами, так что обоим царевичам открылось свободное поле для развития их талантов.

Невозможно было найти людей более различных. Чернобровый Азам был атлетического телосложения, с пылающими черными глазами и обилием густых черных кудрей, движения его были быстрые, голос — громкий, походка — решительная; он был веселого характера, любил шутить и смеяться. А Варзавард был небольшого роста, с тонкой талией, крошечными руками и ногами. Голубые глаза его светились кротостью, длинные золотистые волосы спускались гладко по плечам к спине. Голос его был светлый и серебристый, движения мягкие, походка тихая. Добрая улыбка не сходила с его розовых губ. Он никогда не шутил и редко смеялся. Когда он пел, то стихи его всегда носили легкий отпечаток грусти. В общем, он скорее напоминал молодую девушку, и робкая царевна с первой же минуты более расположилась к нему, чем к его брату.

Одиннадцать дней было дано молодым людям на испытание, а на двенадцатый день была назначена свадьба.

Чем больше они знакомились, тем яснее становилось предпочтение царевны к Варзаварду и тем более охлаждалась в сердце Азама братская любовь к Варзаварду, заменяясь сначала ревностью, а потом — ненавистью. Пылкие объяснения Азама, который клялся убить брата, если царевна его отвергнет, пугали молодую девушку до того, что она все откладывала свой выбор до последней минуты. В одиннадцатый день она не вышла из светлицы и только по закату солнца показалась на балконе. Тотчас раздались мягкие звуки лиры Варзаварда, и его нежный голос запел так увлекательно, так сладко, что царевна забыла благоразумие и сказала, что выбирает его.

Едва удалился счастливый Варзавард, как Азам, слышавший все, влез на балкон и, пользуясь своей богатырской силой, нагло завладел тем, чего не мог добиться добровольно.

На другой день весь народ собрался на площадь. Посреди ее возвышался двухместный трон, предназначавшийся для царя и его дочери.

Через несколько времени с одной стороны площади показался царь, окруженный вельможами, с другой — царевна со своею свитой... Всех поразила грусть, светившаяся на ее лице, и красные заплаканные глаза. Когда царь и дочь его заняли места, оба царевича подошли к ступеням трона. Варзавард с прелестным, счастливым выражением лица, а Азам с самоуверенной, недоброй улыбкой. К общему удивлению, царевна, спустившись со ступеней трона, взяла за руку Азама, и, подойдя к царю, оба они опустили на колени. Изумленный царь тем не менее поднял их и, посадив Азама на свое место, обратился к народу с объяснением, что он будет его наследником.

В эту минуту раздался дикий крик: Варзавард с пылающим лицом стоял перед сидящими. Он поднял свои трепещущие руки над их головами и произнес такое страшное проклятие, что весь народ пал в ужасе на землю, ожидая, что свод небесный обрушится на них. Когда стали приходить в себя, Варзаварда нигде не было, царевна рыдала, а Азам смотрел на нее с той же торжествующей, недоброй улыбкой.

Тем не менее свадьба состоялась, но во время пира проклятие Варзаварда исполнилось. Прелестная царевна на глазах у всех превратилась в буйволицу⁷.

Прошло много лет. Варзавард скитался по вселенной, видел много горя, нужды и слез, но ни разу не изменил он своим добрым наклонностям, и в награду за его благородство судьба решила прекратить его бедствия. Приходит он раз на берег прелестной реки. К самой реке спускается благоухающий луг со множеством редких и дорогих цветов. Луг этот окружен золотой решеткой, и по нему ходят буйволята — выхоленные, вымытые. Множество вельмож в драгоценных одеждах окружает маленьких животных: одни поят их из золотых сосудов, другие прохлаждают их дорогими опaxалами, третьи забавляют их, прыгая и валяясь с ними на траве.

В недоумении Варзавард решает спросить, что это такое, и получает объяснение, что это не буйволята, а молодые царевичи и царевны, которые обречены носить этот образ вследствие проклятия их дяди.

Между тем доложили царю о приходе странника. Согласно законам гостеприимства, он приказал нести несколько круг-

лых столиков с яствами и горящей свечой на каждом из них Впереди несли стол с водой и ароматическими маслами для омовения и шел сам царь.

Увидев приближающуюся процессию, путник встал и, узнав брата, не мог сделать ни шагу. Царь же, любуясь играми детей и останавливаясь то с тем, то с другим вельможей, не глядел на его лицо и медленно подвигался все ближе и ближе. В эту минуту на конце лужайки показалась буйволица, окруженная женами и дочерьми вельмож: это была сама царица. Для нее достаточно было одного взгляда, чтобы узнать Варзаварда. Ее жалобное мычание как ножом прорезало сердце Варзаварда. Он бросился к ней, но в ту же минуту был признан царем, который, обнажив меч, погнался за ним. Оба брата сошлись на берегу реки, и гибель Варзаварда была бы несомненною, если б Азам не поскользнулся и не упал в водоворот, который тотчас закружил его.

— Брат, я прощаю тебя! — крикнул добрый Варзавард, и мгновенно царица приняла прежний образ.

Варзавард женился на ней и жил долго и счастливо. Царица до конца жизни сохранила человеческого образ, и дети их отличались красотой. Дети же умершего Азама остались скотами. Их продолжали содержать так же роскошно. От них произошла знаменитая порода, которою известен Камбечиан, да и сам край получил это название от слова «камбечи», то есть «буйволица».

210. Любовь Гуда

Давным-давно, когда еще ни в горах, ни в Грузии не было русских, жила семья, едва имевшая дневное пропитание. Но бог благословил бедняков малюткой дочерью, такой красивой, что трудно было найти ребенка прелестнее Нины. Все население аула любовалось Ниной, и не было отказа ее детским просьбам. На малютку, когда она взбиралась на гору, заглядывались и проезжие, и прохожие. Часто гонец царский останавливал измученного коня, чтобы посмотреть на красотку Нину. Купцы, шедшие с караванами, одаривали ее блестящими безделушками, иногда — куском яркой ткани. Но гонец быстро удалялся, спеша к месту назначения, караван тяжело двигался вперед, и купцы в надежде барышей уходили с ним, и снова около аула становилось пусто.

Но у Нины был постоянный обожатель, видевший ее со дня рождения и любивший с юношеской пылкостью. Этот постоянный обожатель был древний Гуд, горный дух окрестных гор. Может быть, странным покажется, что могучий Гуд полюбил бедную девушку, но так было на самом деле. Старик ухаживал за красоткой по-своему. Хотела ли она подняться на вершину горы — тропинка, ведущая туда, незаметно выравнивалась под маленькой ножкой Нины, и она свободно взбиралась на самые опасные кручи, тем более, что на отвесных скалах камни покорно складывались для нее в удобную и пологую лестницу. Искала ли Нина с подругами своими цветы и травы — Гуд собирал и прятал лучшие цветы и травы под сводом камней, рассыпавшихся при приближении красавицы. Никогда ни один из пяти баранов, принадлежавших отцу Нины, не падал с кручи и не делался добычей злых волков. Одним словом, Нина была царицею того ущелья, где царствовал древний Гуд.

Со дня рождения девушки Арагва уже пятнадцать раз превращалась из ручья в бешеный и мутный поток от снегов, растопленных солнцем, и в развалинах древней Млетской церкви¹ прибавилось пятнадцать новых рогов². Нина из хорошего ребенка сделалась дивной красавицей, какую едва ли можно было встретить не только в бедных деревенских саклях, но даже в Тифлисе, при дворе царском, где, как звезды небесные, сияли красотой стройные грузинские княгини. Любовь старого Гуда с каждым днем разгоралась сильнее и сильнее, он даже придумывал, как бы ему сделаться смертным человеком, а между тем сердце молоденькой Нины в свою очередь проснулось для любви. Она не понимала заботливости Гуда, а засматривалась на Сосико, сына старого Дохтуро, сакля которого была рядом с саклей отца ее.

Молодой и статный Сосико действительно мог скорее пригляднуться красивой девушке, нежели древний-предревный горный дух. Притом же Сосико славился в ауле своей силой и ловкостью: метко стрелял из винтовки и неумоимо плясал не только живой горский танец, но даже лезгинку,— а в то время не всякий мог похвалиться этим. Но старый Гуд не признавал достоинств своего соперника и начал сердиться, заметив склонность Нины к Сосико, гнев его еще более усилился, когда он увидел зоркими очами своими, еще более просветлевшими от ревности, что и Сосико ухаживает за своей красавицей сосед-

кой и взаимная склонность их, вероятно, кончится самым земным образом — женитьбой.

На дворе была поздняя осень, и Гуд сыграл над своим молодым соперником несколько злых горных штук: заводил молодца в трущобы, когда тот гонялся с винтовкой за быстроногой газелью, арчви, застилал пропасти густым туманом при возвращении Сосико домой с отцовским стадом или осыпал его неожиданной метелью. Только отвага и ловкость Сосико спасали его от губельных козней влюбленного старика.

Скоро наступила зима, грозная в горных ущельях Кавказа. Все население аула ютилось у очагов, и свидания Нины и Сосико сделались чаще и продолжительнее, тогда как Гуду реже удавалось видеть свою любимицу. Наконец ярость старика достигла крайних пределов, и в одно утро, когда в горах бушевала выюга, Гуд бросил на саклю Нины и Сосико громадную лавину снега.

Случилось так, что Сосико и Нина были одни в сакле в минуту падения обвала, который, скорее, обрадовал, нежели испугал их. Влюбленные были уверены, что на несколько времени избавлены от докучных свидетелей. Они развеяли огонь, уселись около него, беспечно разговаривая и предаваясь мечтам. Так прошло несколько часов. Сердца юноши и девы были полны любовью, но желудки их отощали и требовали пищи. После долгих поисков найдены были две лепешки и небольшой кусок сыру. Эту скудную еду Сосико и Нина разделили поровну и утолили ею голод, но ненадолго. Еще день — и вместо веселых разговоров в заваленной снегом скале раздавались вопли отчаяния, о любви и помину не было: узники думали о хлебе. Так прошел еще день — страшный, томительный, без надежды на освобождение. На четвертые сутки голод, как хищный зверь терзал Сосико и Нину. Глаза их ввалились и сверкали страшным и нечеловеческим блеском, как сверкают они у хищных зверей. Сосико кидался из угла в угол, но вдруг остановился, взглянул на Нину, бросился к ней, крепко обхватил руками и впился в ее плечо — не жарким поцелуем, а зубами! Девушка вскрикнула и упала на пол, думая, что последний час ее пробил. Но в эту минуту послышался звук многих голосов, и скоро дверь, освобожденная от завала усилиями соседей, отворилась для несчастных. Они бросились к своим избавителям, обменявшись прежде друг с другом взглядами ненависти и отвращения.

Старик Гуд, узнав, что любовь в сердцах Сосико и Нины заменилась чувством совершенно противоположным, затрепетал от радости и разразился таким страшным хохотом, что целая груда камней посыпалась с горы в Чертову долину³.

«Вот как смеется наш могучий Гуд»,— сказал мне проводник-рассказчик, указывая на большое пространство, густо усеянное осколками гранита⁴.

211. Сказание об одноглазе

Некогда одного путешественника между Редут-Кале¹ и Анаклией² застигла дождливая, темная ночь. Кругом — густой лес, никакого жилья на несколько верст. Его окружила стая волков, которые бросились на него, стараясь стащить его с лошади. Лошадь не двигалась с места, несмотря ни на нежные слова, ни на угрозу путешественника. Несмотря на то, что последний привязал к хвосту лошади палочки, волки продолжали бросаться на него с остервенением. Что должен был делать бедный? Им овладевает ужас; его шашка замирает у него в пальцах. Остается одно — кричать что есть мочи. В это несчастливейшее время вдали показывается огонек. Волки разбегаются, и лошадь бежит к огню. Здесь путешественник увидел уединенный домик, хозяин которого бежал на его крики с огнем. Обогревшись, наш путник стал жаловаться на несчастье, с ним приключившееся. Но хозяин с оханьем и причитанием обратил его внимание на окружающих людей.

— Ты, мой брат, считаешь себя несчастным, потому что тебя окружили в лесу волки... Нет, если бы ты знал мое горе, то считал бы великим счастьем все то, что приключилось с тобой. Ты видишь, что мы все носим траур от мала до велика. Нас было восемь братьев, и мы все занимались рыболовством. По месяцам иногда мы не сходили с корабля и только раз в неделю посылали на лодках рыбу. Однажды, закинув с корабля удочки, мы заметили, что корабль наш стал отходить от берега и идти в море,— какая-то сила тащила его, несмотря на все наши старания остановиться. Спустя несколько недель мы увидели скалистый берег, откуда стекал ручьем мед.

Наш корабль прямо направился к тому месту, откуда стекал мед. Когда мы подплыли ближе к источнику, то увидели, что из-под корабля выплыла большая рыба, у которой рот был

шире сажени. Она начала глотать мед с такой жадностью, что почти осушила ручей. Это огромная рыба, которая сюда приплывала пить мед, а в Анаклию — есть кукурузу. Оказалось, к нашему несчастью, удочки наши зацепились за ее плавники — она-то нас и тащила. Здесь, пока она пила мед, мы подкрались и обрубали веревки. Рыба, напившись меду, поплыла назад, а наш корабль остался. Куда мы попали, мы не знали: то смеялись от радости, что увидели землю, то плакали, не зная, что нас ожидает. Посоветовавшись друг с другом, мы порешили, набрав воску и меду, ехать берегом, в одном направлении. Мы собирали мед и воск и целую неделю грузили наш корабль, но когда наутро хотели ехать, то увидели, что к ручью подходит стадо овец и коз. Сзади стада шел человек огромного роста, одноглазый. Он держал в руках громадную палку, толщиной в столб, и вертел ею, как веретеном. Мы помертвели от ужаса. Одноглаз вытащил наш корабль на берег, а нас погнал со своим стадом. Мы подошли к огромному строению. Вокруг него рос громадный лес, и деревья были так высоки, что взор не достигал вершины. Даже камыш там был такой, как у нас дубы.

Громадное, высокое строение было сложено из огромных неотесанных камней и внутри разделялось каменными перегородками на отделения, в которых помещались разные животные. Но особенно велики были четыре отделения: для коз, овец, ягнят и козлят. Здесь одноглаз запер нас, а сам ушел со стадом. Много раз мы пытались как-нибудь отворить дверь, но не смогли, несмотря на то что она не была заперта на замок. Здесь мы просидели с утра до вечера, как мыши в мышеловке. Вечером видим, что приходит наш одноглаз со своим стадом и, загнав его в стойла, разводит огонь. Побросав в костер целые деревья, он взял шампур и, выбрав жирного барана, стал его, не освежевав, жарить. Баран вертелся на шампуре до тех пор, пока у него глаза не лопнули. Сожрав целиком всего барана, он растянулся и захрапел.

На другой день он сожрал еще двух баранов, а вечером, возвратившись со своим стадом, выбрав из нас самого полного насадил на шампур и начал жарить на огне. Брат вертелся и кричал нам: «Спасите!» Но что мы могли, бедные, сделать?! Когда у брата лопнули глаза, одноглаз оторвал одну ногу и бросил ее нам, а сам сожрал остальное. Мы там же похоронили ее. Так это чудовище съело всех наших братьев, кроме

меня и младшего, и мы ничего не могли сделать, находясь в положении ягнят, которых терзает волк. Мы с братом обезумели, желая умереть, но не столь мучительной смертью.

Когда одноглаз наелся последний раз человеческого мяса, лег по своему обыкновению у огня и захрапел, мы с братом подошли тихонько к его шампуру, воткнутому у головы, и с большим трудом вытащили его из земли. Затем, положили его в огонь, со страхом ждали, пока он накалится в огне. Когда шампур накалился докрасна, мы обернули нашими архалуками руки и воткнули его прямо в глаз одноглазу. Одноглаз, сбросив с глаза шампур, подпрыгнул кверху с такой силой, что мы думали, он пробьет потолок. Но он пробил себе голову. Со страшными криками бегал одноглаз по зданию, давя коз и овец, но не мог нас разыскать, так как мы ускользали у него из-под ног.

Утром овцы и козы стали бляеть, как бы прося хозяина выпустить их на пастбище. Одноглаз не мог вытерпеть страданий любимых им животных и, став у дверей, начал пропускать меж своих ног коз и овец, ощупывая у них хребет, живот и голову. Так делал он до полудня. Затем, уставши, перестал ощупывать овец со всех сторон, а только гладил рукой по хребту. На наше счастье у брата оказался нож, которым мы сняли с двух баранов шкуры и, надев их, решились пробраться меж ног одноглаза. Я, чуть живой от страха, решил первым пробраться меж ног одноглаза. Он ощупал меня, но не узнал, и я снова увидел мир. По примеру моему поступил брат. Мы тотчас же направились к тому месту, где стоял наш корабль. На наше счастье, он стоял на месте. Увидев его, мы укрепились в надежде на спасение. В это время подходило к берегу стадо нашего мучителя. Желая чем-нибудь отомстить ему, мы взяли лучших коз и овец и нагрузили ими наш корабль. Но только что успели мы отрезать якорь, как увидели, что одноглаз прибежал к тому месту, где стоял наш корабль, и старался нащупать, привязан ли корабль. Отплыв немного далее, мы стали ему кричать наши имена, гордясь, что причинили ему такой вред. С яростным воем он швырнул в нас своей дубиной так сильно, что поднялось волнение и наш корабль чуть не погиб.

После долгого странствования, перетерпев много лишений, мы возвратились назад.

212. Эрам-хут и святыня джварцев

Жил в великой Кабарде необыкновенного роста великан. Звали его не именем, а прозвищем — Эрам-хут. Незнатного был он роду, и предки его носили заурядную между простыми горцами фамилию Эрам-бая. Хотя вместе с другими он пас овец в свободное от набегов время, занимался домашними работами, но при этом всегда выделялся своей ловкостью и везде выказывал необычайную, можно сказать баснословную, силу. Когда однажды нужно было нарубить хворосту для изгороди, Эрам-хут пошел в лес и в очень короткое время нарубил его большую кучу. Хворост был длинный и такой прямой, будто нарочно подобранный. Он перевязал его свежими ветвями, забрал всю кучу и в один раз принес ее домой. Односельчане были удивлены при виде целой горы сразу наваленного хворосту. Стали из него делать изгородь и огородили такое большое пространство, что можно было в нем поместить более трехсот овец с ягнятами и столько же коз с козлятами.

И вот, именно в то время, когда Эрам-хут находился очень далеко от своего дома и пас в горах свои стада, до него дошли слухи, что с южной стороны, из-за гор, пришли люди, напали на родное его село, разграбили и разорили там его дом, захватили всю его семью, жену, детей и увели их в плен, по направлению к Большой Абхазии. Загорелось ретивое сердце при этом известии у Эрам-хута, закипела злоба у него и бешенство, и он так ударил своей большой палкой о сухую землю, что она вошла в нее, как в мягкое гоми¹, больше чем на целый аршин. Палка была в полтора вершка толщиной, крепкого самшитового дерева с большим железным наконечником. И тут же возвел он глаза к небу, поднял руки и поклялся отомстить врагам. Бросил он все стада на произвол судьбы и немедленно отправился домой. Чем ближе Эдам-хут подходил к своему аулу, тем больше приходилось по дороге слышать рассказов про все ужасы злодейского нападения. Он решил не собирать дружины для набега, а идти один отыскивать свою семью, найти врагов, вырвать ее у них из рук и жестоко отомстить им за их смелый набег.

По всем остаткам от совершенных чужеземцами жертвоприношений легко можно было угадать то направление, где нужно было их отыскивать. Но прежде чем пуститься в путь,

Эрам-хут снял с дерева телячью кожу и сделал из нее себе чувяки. Кожи этой еле-еле хватило для него на одну только пару. Он надел чувяки и быстро пошел по направлению к югу. Но долго, очень долго пришлось ему идти по крутым горам и по дремучим лесам, пока он не перевалил за родные горы и не дошел до первого абхазского аула в Цебельдинском ущелье. Подойдя к нему ближе, Эрам-хут увидел, что в ауле созвано собрание всего взрослого населения под вековым каштановым деревом. Не думая много, он тотчас же напал на всю толпу, очень многих убил, а одного захватил в плен для своих услуг, взвалил себе на плечо и ушел от них. Все жители аула погнались за ним.

По дороге Эрам-хуту пришлось перепрыгнуть через быструю горную речку. Он прыгнул и уронил один из своих чувяков, но даже не заметил этого, так занят был своими мыслями. Его преследователи добежали до речки и остановились. Они увидели этот чувяк, и ими овладел ужас. Двое из них попробовали в него сесть и свободно в нем поместились. Видя это, остальные не только прекратили свое преследование, но даже поспешили поскорее вернуться домой и благодарили бога, что он избавил их от столкновения с человеком, который носит такие громадные чувяки. Так и остался у Эрам-хута человек, захваченный им в плен, и он сделал его своим рабом, который стал ему прислуживать.

Долго еще шел Эрам-хут, все спрашивая и разведывая по дороге. Наконец дошел до абхазского князя Келиш-бея Шервашидзе и вошел к нему. Тут его не окружили теми почестями, которых он был вправе ожидать по своей силе и своему росту. Князь обращался с ним надменно и своим гордым презрением и насмешками хотел, видимо, показать, что он по своему положению и могуществу не придает ровно никакого значения его силе. Для того, чтобы нагляднее это показать, он даже не сделал установленного обычаями края княжеского подарка Эрам-хуту, когда тот собрался от него уходить. Эрам-хуту это показалось очень обидным, и он в сердцах стал князю выговаривать:

— Не мог я ожидать от могущественного князя, — сказал он, — такого внимания и не забуду его вспомнить при доброй встрече с его дружиною.

Князь никогда со своей дружиною не расставался, и ему эта угроза показалась очень забавной.

— Что говорить напрасно,— отвечал он.— Если ты такой силач, как хвалишься, то возьми в плен жителей аула Джвари²,— тогда я преклонюсь перед тобою и буду тебя встречать как самого почетного своего гостя из всех князей нашего края.

Аул Джвари славился между прочими аулами своей неприступностью, а отборные по росту и по своей силе жители его отличались особенной храбростью. Они отважной своей удалью при одном своем появлении наводили страх на всех соседей. Князь считал этот аул непобедимым.

При этой новой насмешке Эрам-хут только с презрением улыбнулся, ничего не ответил, а взял с собою своего молочного брата, который находился при князе и участвовал с ним в набегах, и отправился в путь, распространяя по дороге слух, что он идет один для того, чтобы напасть на жителей аула Джвари, захватить их в плен и увести с собою. Эта весть с быстротою молнии распространилась и дошла до Джвари. Сам князь послал предупредить об этом его жителей и просил их встретить достойным образом Эрам-хута и наказать его за смелую дерзость, а главное— постараться захватить его в плен.

Джварцы вместе с князем Келиш-беем заранее уже праздновали победу, и последнему еще вдобавок улыбалась мысль, что ему удастся у них купить пленного Эрам-хута и таким образом получить такого великана и силача в число своих рабов. Кто же мог сомневаться в том, что такой большой аул отборных джигитов в состоянии будет захватить в плен одного человека, хотя бы великана!

Эрам-хут, дойдя до горы Охачкуэ, поднялся на нее и оставил там все дорожные свои припасы под надзором молочного брата, а сам спустился вниз и напал на аул Джвари. Жители с яростью набросились на него, но первые ряды храбров, как один человек, упали мертвыми от быстрых и метких ударов Эрам-хута, а их натиск не причинил ему никакого вреда. С другой стороны, он и сам не мешкал. В самый разгар боя он поймал двух ближе к нему находившихся бойцов, связал их и, взвалив к себе на плечо, благополучно ушел с этой ношею на гору Охачкуэ.

Весь аул был ошеломлен таким исходом нападения. Первое время на многих напал страх, и они стали поговаривать, что следует целым аулом сдаться этому великану, но затем все опомнились и устыдились своего малодушия. Старейшие

предводители созвали собрание всех способных к битве под тем тысячелетним деревом, где не раз разрешались вопросы о грозных набегах и делались распоряжения захватить в плен не одного какого-нибудь человека, а целые сотни людей и увести их для продажи в неволю. Предводители, стыдясь того, что пришлось созывать собрание, чтобы избавиться от нападения одного человека, стали оправдывать это перед народом тем, что Эрам-хут большой великан и обладает силою, равной нескольким сотням людей. Они ободряли молодежь, возбуждали ее сплотиться и действовать единодушно и указывали на поучительные примеры; бывают такие случаи, когда даже пчелы заедают медведей.

На другой день весь аул был вооружен от мала до велика и была установлена сторожевая цепь, чтобы быть готовым ежеминутно во всяком месте встретить врага. Но, несмотря на это, Эрам-хут все-таки каждый день повторял свои нападения и каждый день, уходя, захватывал с собою по двое и по трое пленных, а после его ухода жителям приходилось подбирать с поля битвы большое число убитых. Так продолжалось довольно долго. Смелость храбрецов стала исчезать, и после нескольких дней бесплодной защиты они убедились, что борьба с Эрам-хутом им не под силу и им одним с ним не справиться.

Тогда созвали опять собрание и по совету стариков решили, что весь аул должен прибегнуть к молитве о заступничестве местных икон: святого Георгия и Цина-Квиркве. Тайнственное происхождение иконы Цина-Квиркве всегда обращало на себя особое внимание, и эта икона у жителей аула считается явленной и ими высоко почитается. Про ее явление сложилась особая легенда.

Рассказывают, что это было очень давно. Однажды пришел из лесу человек по имени Квиркве, что значит в переводе «июль», и ему не было вовсе известно слово «бог». Во время своих молитв, призывая бога, он обращался к нему так: «О создатель, который создал небо и землю». Мудрецам такое обращение к богу не нравилось; они возбудили против него народ и угрозами хотели заставить, чтобы Квиркве в своих молитвах упоминал бога. Они говорили ему, что нужно молиться известному богу, а не какому-то неизвестному существу. Но он, несмотря на все угрозы, не хотел изменить своего обращения к богу и за это был народом осужден на смерть

и убит при полном собрании всего аула. После смерти Квиркве населению пришлось горько раскаяться в своем поступке и убедиться в том, что они убили святого человека: ангелы нисходили на его могилу и подолгу просиживали на ней. Многие даже слышали от них приказание, чтобы сделать образ этого человека, приносить этому образу жертвы и обращаться к нему с молитвами и просьбами, как к надежному помощнику людскому. Вследствие этого в ауле Джвари явилась икона святого Квиркве, и она поныне находится в большом почете и во всеобщем почитании среди всех народов.

После того как собрание жителей аула Джвари решилось прибегнуть к заступничеству местных икон, все стали спокойнее и начали делать приготовления к всеобщему жертвоприношению, т. е. к приношению жертв от имени целой общины.

На это ушла вся ночь, а на следующий день, рано утром, были принесены иконам и самые жертвы. Как только было совсем окончено жертвоприношение и все себя достаточно подкрепили, тотчас после того сторожевые люди дали знать народу, что вдали уже показался Эрам-хут. Все поспешили собраться в ту сторону, откуда он шел и, одушевленные таинственной силой местных икон, храбро приготовились вступить с ним в жестокий бой.

Когда Эрам-хут был уже довольно близко, громкий, воинственный крик вырвался у всех из груди и джварцы, вместо того чтобы ожидать, как было прежде, его нападения, теперь сами ринулись вперед и всей толпою набросились на него с такой стремительной силою, что ему пришлось на этот раз отступить. О захвате в плен кого-нибудь из нападавших нечего было и думать.

При отступлении Эрам-хут избрал более короткий путь и пошел прямо через огороды. В одном из них он наткнулся на молодую девушку поразительной красоты, которая занята была в то время собиранием лобнии. Достаточно было одного только взгляда, чтобы быть ею очарованным, и он остановился как вкопанный. Самая мысль, что его преследуют, и полная в себе уверенность разом его покинули, он уже не мог оторвать своих глаз от этой девушки. Только близкие воинственные крики преследователей заставили его опомниться и выйти из этого оцепенения. На глазах надвигавшейся на него толпы он быстрым движением поймал красавицу-абхазку, взял ее на

руки и стал уходить с нею в горы. Подымаясь на гору и любясь все время своей ношей, Эрам-хут в первый раз в жизни почувствовал усталость и присел отдохнуть. Джварцы же в это время гнались за ним, а девушка не переставая кричала и издали ободряла их. Она уверяла их, что молитвы их услышаны и жертвы приняты иконами, а силы Эрам-хута уже иссякают. Ободренные такими криками, джварцы побежали еще скорее, так что Эрам-хут вынужден был от них спрятаться. Забрался он вместе с девушкой в дупло большого тысячелетнего дерева и велел ей молчать. Она перестала кричать, потому что он пригрозил убить ее. Джварцы сразу потеряли его из виду и догадались, что он от них прячется. Это их еще больше одушевило, но чтобы вернее удостовериться в своем предположении, они стали осматривать местность, и один из них влез для осмотра случайно на то самое дерево, в дупле которого сидел Эрам-хут. Последний не вытерпел такой близости своего врага и одним взмахом палки убил его. Но вместе с тем он выдал джварцам то место, где находился. Они окружили дерево со всех сторон, все разом напали на него и убили его.

Когда Эрам-хут пал мертвым под тысячами ударов — сидя в дупле, он не мог свободно двигать руками и таким образом не был в состоянии от них защищаться, — джварцы, не довольствуясь его смертью, хотели еще надругаться и над мертвым телом: они развели на груди у него костер, чтобы предать его позорному сожжению, а голову отрубили, потому что дали местным иконам обет: в случае победы доставить ее для жертвоприношения вместе с ценными вещами, которые при нем будут найдены.

Но в то самое время как они зажигали костер, подоспел из села Пахулани Геджия Шония, наместник Великого Цюоха Сванетского, и запретил им это сожжение. Он освободил тело Эрам-хута из-под наваленного костра и распорядился предать его земле под высоким деревом в черном лесу. Отрубленную же голову и все ценные вещи джварцы взяли с собою. Голова была торжественно привязана ими в своем ауле на дереве перед ликами икон на съедение хищным птицам, насекомым и червям, а вещи — палка с железным наконечником и пороховница в серебряной оправе и с такими же цепями — возложены на иконы в знак чудесного избавления аула от силача-великана. Эти вещи и поныне хранятся в церкви Джвари, а

имя Эрам-хут превратилось в имя нарицательное и употребляется теперь во всей Мегрелии и Абхазии как эпитет для обозначения высшего геройства и храбрости.

213. Окаменевшая чета

Во время оно в прежних Звилетах¹ славилось одно семейство своим богатством, именем и связями с зажиточными обитателями окрестных деревень. Барзим — так звали хозяина дома — играл в судьбе деревни главную роль. Но не одно богатство и влияние ставили Барзима выше односельцев: он был искуснейший стрелок; любимое его ружье ни разу не било мимо цели. Бывало, на народных сходах он налету убивал птиц и на самом дальнем расстоянии попадал в цель. При такой способности к стрельбе охота сделалась любимым его занятием.

Одно только огорчало жизнь нашего героя и отнимало у его состоятельности и имени цену: он был бездетен. Напрасно он и его жена Кекела посещали самые отдаленные храмы и даже развалины древних церквей, обросшие кустарниками и травами, и кровью быков и баранов сбрызгивали их пороги. Напрасно Кекела налагала на себя разные обеты. Напрасно щедрой рукой давала милостыню нищим. Все было тщетно, ничто не помогло ей. Так прошло пятнадцать лет.

В одно прекрасное утро, при восходе солнца, когда Кекела стояла у порога своего дарбази², к ней подошел мастиый старец в нищенском одеянии с перекинутою через плечо сумою и протянул руку за милостыней. Кекела вмиг вбежала в сатоне³ и вынесла нищему чашку муки, и он, приняв ее, благословил добрую женщину, пожелав ей иметь потомство. И впрямь, скоро Кекела родила, к удивлению всех, близнецов — сына и дочь.

— Теперь я счастлив,— говорил Барзим приезжавшим к нему с поздравлением родственникам и знакомым.— По смерти есть кому управлять моим именем и засыпать гроб мой землею.

Новорожденные росли не по дням, а по часам. Прошло ровно два года, и малютки уже бегали и лепетали.

Наступило заговенье пред постом — время, когда каждый грузин, как бы беден он ни был, приготовляет хороший обед

и ужин. В доме Барзима, как зажиточного человека, готовился, конечно, роскошный стол. Кекела в ожидании обеда сидела на дворе со своими детьми. Вдруг видит: одна ворона, откуда ни возьмись, села на стоявшую на дворе Барзима иву и начала каркать во весь голос. «Это дурной признак», — сказала Кекела, посылая тысячи проклятий злой вещунье.

День клонился к вечеру. Вдруг в доме Барзима послышались шум и крики. Малолетний сын Барзима Датико, оставленный по неосторожности матери во дворе, пропал из виду. Сначала думали найти дитя в деревне, но, когда осмотрели ее, мальчика ни в чьем доме не оказалось. Озадаченный Барзим, второпях перекинув через плечо любимое свое ружье и прадедовскую саблю, с дюжиною молодцев пустился искать дитя по звилетским лесам, а Кекела, окруженная женщинами, плакала навзрыд. Прошли сутки, вторые, третьи. Осмотрели в звилетских лесах каждое дерево, каждый куст, осмотрели каждую окрестную деревню, но мальчика нет как нет. Пропал он без вести, безвозвратно.

Этот случай вызвал в деревне разные толки. Одни говорили, что дитя похищено драконом, рабом святого великомученика Георгия, за то, что Барзим, беспощадно истребляя оленей в звилетских лесах, рогов их не приносил в жертву святому, как бы следовало. Другие полагали, что дитя поглощено землею в наказание Барзиму, самовластно управлявшему Звилетами и притеснявшему бедных жителей. Третьи думали, что оно похищено осетинами, имевшими свои убежища в звилетских лесах.

Утекло с того времени много воды. Барзим и Кекела примирились с постигшим их горем и все свои родительские заботы сосредоточили на единственной своей дочери Марте. Ей исполнилось уже двадцать лет, и она своей необыкновенной красотой и умом привлекала к себе внимание многих. Но никто из домогавшихся ее руки не имел успеха. В это время в отдаленных городах Осетии появился какой-то пришелец, проданный осетинами в прежние времена чужеземцам, разбогатевший там и воротившийся на родину, о которой он мало и слыхивал, оставив ее еще ребенком. Наконец он появился в Звилетах. Молодой человек скоро прославился. Приглянулся он Марте, и родители дали свое согласие на брак.

Наступил день свадьбы, столь радостный для Барзима и его семейства и желанный для обитателей Звилет.

Кончились все приготовления, гости собрались; жених и невеста, наряженные, сидят на особом, приготовленном для них месте, в дарбазе, ожидают священника. Явился священник и, благословив молодых, направился вместе с ними в церковь. А за ними медленно потянулись макреби⁴ с пением, приличным случаю. Отворили дверь храма, зажгли свечи, и взоры всех обратились на молодых виновников настоящего торжества. Они стояли в какой-то непонятной задумчивости и бледность покрывала их лица. Священник обвенчал их, и макреби, окружавшие молодых, дав им выйти из церкви, готовы были грянуть громогласно свое макрули⁵. Но — о чудо! о ужас! — как только молодые переступили порог церкви, внезапно какая-то невидимая сила с шумом и треском ударила в них, и они превратились в камни.

Нужно ли говорить, что богатый жених был родной брат невесты, украденный осетинами!

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДАНИЯ

№ 1. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1946 г. в с. Гвидаке Душетского р-на; сказитель Бучукури Глаха 67 лет.

Опубл.: Вирсаладзе, 1958; № 493.

¹ Дэв — от санскр. Deva, греч. Deus; вначале являлось общим названием божества, в частности божества света. В персидской литературе Daiva уже один из демонов Аримана. В новоперсидском Div — демон, помощник Аримана, сформировавшийся в отрицательный персонаж.

² Число девять наряду с троекратностью — одно из наиболее любимых чисел в грузинской волшебной сказке. Девятиглавый дэв, девятиглазое солнце, девять братьев, за девятью горами и т. д.

³ Бучукури — фамилия, распространенная среди горцев Восточной Грузии, в Хевсурети и Мтиулети. Гогия — собственное имя, сокращенное от Георгий.

Мотив семи солнц см.: Th A7201; A7161 — четыре солнца; A759.5 — семь лун.

№ 2. Опубл.: Котетишвили, стр. 381—382. Предание приведено в комментарии к грузинским народным стихам о быке: «В понедельник воздвиглась...». Там же дан разбор образа быка в грузинском фольклоре.

¹ В Грузии, стране развитого земледелия и скотоводства, образ быка встречается во многих народных песнях, сказках, преданиях, легендах, загадках и пословицах (см. в нашем сборнике № 166, 167, 196 и др.).

² Прыжок оленя — народное грузинское название Млечного Пути.

³ Согласно народным представлениям, отрывистые полосы на Млечном Пути — следы прыжков оленя, непрерывные же полосы — тропа, проложенная быком.

Согласно одному из вариантов данного предания (Джанашвили, стр. 145—146), творец повелел оленям скитаться по лесам и скалам в поисках пищи.

№ 3. Зап. историком М. Джанашвили, сказитель неизвестен. Опубл.: «Накадули», 1912, № 10 [на груз. яз.].

Вариант см.: Степанов, XVII, стр. 124—126. Согласно этому варианту, земля была плоской. Бог не сумел сделать достаточно большого неба, чтобы ее перекрыть. Дьявол предложил заполнить пустоту сеткой. Сетку по божьему велению прогрызли специально для этого созданные им мыши. В наказание за то, что земля при сжатии (по совету дьявола) прогнулась, бог назначил дьяволу «местом постоянного пребывания все образовавшиеся

шероховатости, т. е. ущелья, пещеры, рывины, балки, пропасти, берега рек и озер и т. п., где грузин встречает всех нечистых». Сам же бог поселился на небе, которое иногда отвращается, и тогда люди могут его видеть.

Согласно другому преданию, отшельник прицелил щипцами нос дьяволу. Удары хвоста извивающегося сатаны по единственному в то время Кавказскому хребту образовали долины, ущелья, овраги и холмы (см.: Джанашивили, стр. 146—147).

Мотив содеянной руками бога земли см. Th A830; A969.9 — происхождение гор и холмов дело рук дьявола; см. также «Этнографическое обозрение», V, 1890, стр. 33 (польская легенда).

№ 4. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани).

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1889, № 37.

Вариант настоящего сказания см.: Степанов, XIX, стр. 78—103; Степанов, XVII, стр. 140—142; см. также Кобалия, стр. 88.

Согласно примечанию В. Нижарадзе, по грузинским сказкам, у солнца на небе медный дом, в котором оно ночует. Само солнце представляется живым существом. Светит не солнце, а его одежда, которую оно снимает на ночь. По грузинским преданиям, затмение солнца происходит оттого, что его глотает дракон (см. Th A721.1); поэтому во время затмения началась стрельба (Степанов XIX, стр. 79). Th A711.4 — вначале не было солнца; Th A715.1 — солнце и луна произошли от женщины; Th A736.3 — солнце и луна — братья; Th A722.5 — светит не солнце, а его оружие; Th A754.5 — пятна на луне — следы материнской руки.

№ 5. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани).

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1889, № 37.

Предание имеет отдаленное сходство с мифом о золотом руне. С ним же перекликается грузинское поверье о том, что солнце иногда играет с ягнчком (Th A732.1).

№ 6. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани).

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1889, № 37.

№ 7. Зап. В. Нижарадзе.

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1887, № 51.

Согласно другим преданиям, гром — это удар копы св. Георгия, пугающего чертей, или шум колесницы и золотых коней св. Элиа (Ильи). Ипогда Элиа представляется скачущим на запряженном конями кеври — молотильной доске, которой еще недавно молотили хлеб в Грузии. (В нижнюю сторону доски вставлялось несколько рядов кремней.) По представлениям народа, кеври скользит по ледяной корке, покрывающей небо с внешней стороны, и этим вызываются звуки грома (см.: Джанашивили, стр. 113—114, 148; Машурко, стр. 259).

№ 8. Зап. В. Нижарадзе.

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды,— «Иверия», 1887, № 51.

См. также Степанов, XXIV, стр. 140—142; Джанашили, стр. 147—148; Степанов, XIX, стр. 80.

№ 9. Зап. В. Нижарадзе.

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды,— «Иверия», 1887, № 51.

¹ Шдавал — птичка меньше ласточки. В Сванети прилетает летом и лепит гнездо, подобно ласточкам, на углах сванских башен. Ее называют по-свански *шдавал*, а снег называется *шудва* (примеч. В. Нижарадзе).

№ 10. Зап. И. Степановым в с. Калаури (Кахети); сказитель С. К.

Опубл.: Степанов, II, стр. 124—143. Перевод Степанова отредактирован.

№ 11. Зап. И. Степановым.

Опубл.: Степанов, II, стр. 126—127. Перевод Степанова отредактирован.

Вариант предания см.: Джанашили, стр. 145—146.

¹ Лаваш — хлеб из очень тонко раскатанного теста.

² Тоне — грузинская печь для хлеба. Глиняный цилиндр, вставленный в землю; на его раскаленных стенках выпекается хлеб. При больших выпечках счет хлебу велся обычно так: одно, два тоне.

№ 12. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Лахири (Верхняя Сванети); сказитель Д. Иосселнани, 78 лет. Текст является, скорее, прозаическим пересказом известной хороводной песни «Дали рождает на скале».

¹ Меписа — мужское имя.

² Хмиади — хлебец из пресного теста. Охотнику не полагалось брать с собой на охоту ничего сдобного. «Хлеб наш, а сдобу Дали дарует», — говорят охотники.

³ Дали (Дал) — сванское название божественной владычицы зверей, воды, скал, леса. Пережитки представлений о хозяйке зверей распространены в Грузии повсеместно.

⁴ В литературе неоднократно высказывались соображения о тотемистическом характере образа волка в грузинской этнографии и религиозных представлениях. В грузинских сказках волк живет на небе рядом с солнцем. Интересен сванский обычай ритуального убийства волка, сопровождающийся праздничным шествием мужчин. Во главе идет убийца волка; он несет шест с укрепленной на нем шкурой волка. (Бардавелидзе, стр. 243). В нашем тексте охотник обвязывает бедра шкурой убитого им волка и так идет к Дали.

Интересна связь этого сюжета с грузинским эпосом об Амирани. Там златокося Дали тоже рождает сына, но сын зачат в любовной связи с охотником. В эпосе гибнет уже сама Дали, оставляя сына охотнику (см.: И. Я. Чиковани, Народный грузинский эпос о прикованном Амирани,

М., 1967; Е. Б. Вирсаладзе, Die Amiranisage und das grusinische Jagdepos, — «Acta Ethnographica, Academiae Scientiarum Hungaricae», t. X, Budapest, 1961.

№ 13. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Местия (Верхняя Сванети); сказительница М. Д. Джапаридзе, 63 лет. ФАИ, № 34415.

Опубл.: Вирсаладзе, 1964, стр. 217.

¹ Казбек — мужское имя. Геловани — княжеский род в Сванети.

² Архалук (груз. архалухи) — мужская одежда из тонкой ткани; поддевается обычно под шерстяную чоху.

Песни о Дали и охотниках опубликованы в сб. «Сванская поэзия». Песни собрали и перевели на грузинский язык А. Шанидзе, В. Топуриа, М. Гуджежани, Тбилиси, 1939, стр. 280—288 [на груз. яз.]; см. также ЛОИВАН СССР, Архив востоковедов, разр. II, оп. № 2, ед. хр. 42 и 43, № 25, 28—30, а также многочисленные материалы ФАИ, ФАУ; см. также Вирсаладзе, 1964, стр. 205—220 (с библиографией).

№ 14. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Адиши (Верхняя Сванети); сказитель — А. Авалиани, 76 лет — известный сказитель и прославленный охотник. ФАИ, № 35360.

Опубл.: Вирсаладзе, 1964, стр. 208.

¹ Беткен (Беткил, Метки) — имя героя. Этимология неизвестна. Употребляется в уменьшительной форме. Эти имена не встречаются в быту, что указывает на их ритуальный характер. Песнь о Беткене, или, вернее, плач о нем исполняется как соло, в сопровождении струнного инструмента чундир, так и, главным образом, в хоровом исполнении, в хороводе, сохранившем в прошлом ритуальный характер. Беткен, подобно Адонису, Аттису и Тамузу, является смертным членом божественной пары, гибель которого олицетворялась и оплакивалась в ритуальном хороводе.

² Агбалиграл — праздник, который справляется в Сванети в феврале. Относится к циклу весенних празднеств. На масленичной неделе, в четверг, в селе Жабеша возводилась «снежная башня». В центре «башни» ставилось высокое дерево. Ряд древних обычаев этого празднества связан с культом плодородия. Одним из обычаев было исполнение *самти чшихаша* — священного хоровода, во время которого пелся плач о Беткене.

³ Мулах — Мужал — ряд селений, расположенных в ущелье Мулах и Мужала в Верхней Сванети.

⁴ Невестка Тамар фигурирует в ряде поэтических памятников грузинского фольклора, обычно играя роковую для героя роль.

⁵ Кольцо в данном случае подарок Дали. Иногда это ожерелье, стрела, платок и т. д.

⁶ Бандули — обувь, употребляемая в горах. Подметки сплетены из кожаных ремешков.

⁷ Жабеша — селение в Верхней Сванети, входившее в состав Мулахмужальской общины. Беткен был родом из Жабеша.

⁸ Хачапур — традиционная лепешка с сыром.

⁹ Чад — лепешка, замешанная на кукурузной муке.

№ 15. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Лахири (Верхняя Сванети); сказитель В. Л. Иосселиани. ФАИ №, 35349.

Опубл.: Вирсаладзе, 1964, стр. 207—208.

¹ А г б а л и г р а л — см. прим. 2 к № 14.

² Ж а б е ш и — см. прим. 7 к № 14.

³ Белая серна, тур, олень, лань — один из зооморфных образов хозяйки зверей, леса и скал. Иногда это «пестрый пятнистый олень», иногда приметой божественности животного является его необычный размер, рога — золотые, закрученные винтом или один рог.

⁴ Л у х а — селение у западной границы Верхней Сванети.

⁵ У ш г у л и — селение у восточной границы Верхней Сванети.

⁶ К л и б и — остроконечная скала у с. Жабешы, прыгнув с которой, согласно традиции, погиб Беткен.

⁷ Страна серн, страна туров — потусторонний мир, куда уходят души умерших. Там же находится стада зверей, откуда они приходят по воле хозяйки зверей (см. № 26).

№ 16. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Мулахи (Сванети); сказители С. Гигани и В. Курдиани. ФАИ, № 34366, 34399.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 171.

¹ Б е ч о — селение в Верхней Сванети.

² Д а л и — см. прим. 3 к № 12. Здесь фигурируют сестры-Дали — их несколько.

³ Обычай вторника и четверга — ни сказитель, ни кто-либо из этнографов не смогли объяснить этого обычая. Вторник и четверг считались «удачными днями».

Обращает на себя внимание мотив нарушения табу, связанного с подарком, встречающийся и в сказках. Герой открывает раньше времени подаренный ящик, из которого выходит целый город. В отчаянии он не знает, как вернуть его обратно (АаАн 313); в грузинских сказках этот сюжет весьма популярен.

Интересна связь Дали с обрядом погребения и указание на необходимость в течение трех ночей охранять могилу охотника (обычай, имеющий место и сейчас).

Вариант песни о погибшем охотнике см.: Д. З. Б а к р а д з е, Сванети, Тбилиси, 1877 [на груз. яз.].

№ 17. Зап. В. Нижарадзе.

Опубл.: Т а в и с у п а л и с в а н и, Сванские легенды, — «Иверия», 1887, № 212. Перепечатано в сб. «Сванская поэзия», Тбилиси, 1939, стр. 378—380 [на груз. яз.].

¹ К у р ш а — мифическая собака, персонаж многих легенд и хороводных песен, а также эпоса об Амирани. Мелодия песен о Курше так же, как и язык и весь строй стиха, чрезвычайно архаичны. Мелодия приближается к причети. Живописные образы песни, метафорические сравнения также несут древний характер: лай подобен грому небесному, глаза — лунам, морда — золотая. Правда, здесь прослеживается, видимо, относительно более поздний пласт, отражающий развитое земледелие и аграрные культы: прыжок — величиной с поле, лапы — величиной с гумно, глаза — величиной с

сито, зубы — величиной с лопату. Изображение мифической собаки мы встречаем в Грузии в ряде памятников бронзового века (см.: А. А. Миллер, Изображение собаки в древностях Кавказа, — «Известия Российской Академии истории материальной культуры», т. II, Пг., 1922, стр. 290).

Богатый материал относительно культа собаки у грузинских племен см.: Бардавелидзе, стр. 49—53.

Материалы, связанные с образом Курши, см. в настоящем сборнике (№ 18, 19, 21, 22).

Специальное исследование: Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий эпос, Тбилиси, 1963 (АДД); см. также Вирсаладзе, 1964.

² Кадж — злое мифическое существо (см. № 33—35).

³ Бадаги — кипяченый до густоты виноградный сок.

№ 18. Оpubл.: «Акакис кребули», 1899, № 1, стр. 21—22 [на груз. яз].

¹ Кварциский (правильнее Квациский) — от груз. *ква* — камень, *цихе* — башня. В Раче (Западная Грузия), где бытует это предание, и поныне распространен культ Иване Квациского. День, связанный с его именем, отмечают в местечке Квацixe, недалеко от с. Геби в третий понедельник после пасхи. Возможно, имя героя отражает его связь с камнем, рухнувшим, согласно некоторым вариантам предания (см. № 9), вслед за Иване и погубившим его.

² Тебру — этимология неизвестна. Возможно, это рудимент имени матери Иване, играющей в рачинских и сванских вариантах роль в его гибели.

³ Каламани — обувь из кожи, стянутой на ремешке вокруг ноги. Интересно, что здесь снова фигурирует мотив обуви героя (ср. № 14 — бандули).

№ 19. Зап. Э. Арджеванидзе в 1946 г. в с. Джинчвиси Онского р-на (Рача); сказительница С. Гоишвили.

¹ Иване Квацисели — Иване из Квацixe.

Этот вариант наиболее близок к сванским (ср. мотив возлюбленной, пещеры и т. д.).

№ 20. Зап. в 1945 г. М. Я. Чиковани в с. Кварлицкали (Кахети); сказитель Ш. Чекуришвили. ФАИ, № 31417.

¹ Джиджеги — село в Кахети (Восточная Грузия).

² Тианети — горный район Восточной Грузии.

³ Свиани — местность в Кахети.

⁴ Однорогой олень — зооморфный образ хозяйки зверей (см. прим. 3 к № 15).

Раздвоение древнего женского образа владычицы, покровительницы зверей, вод, скал и леса идет по линии выделения параллельной мужской ипостаси сына (см. № 16), возлюбленного (№ 18, 19, 20), брата, мужа и отца владычицы зверей.

№ 21. Оpubл.: И. Степанов, Мингрельские поверья, — СМОМПК, т. XXIV, отд. II, стр. 1—15. Перевод отредактирован.

По примечанию И. Степанова, все материалы составлены им на основании рассказов взрослых учеников старшего класса Зугдидского город-

ского училища: «Эти ученики — мингрельцы из Зугдидского и Сенакского уездов».

Предание является явной литературной переработкой, однако из-за уникальности заключающихся в нем сведений мы сочли необходимым включить его в наш сборник.

¹ Месе пи (у Степанова «месебы») — предположительно «распорядители».

Первая половина сказания носит явно сказочный характер. Не исключено, что этот сказочный сюжет контаминирован с преданием о месепах самим И. Степановым, однако ряд деталей привлекает здесь наше внимание; во-первых, внешность лесного существа, дарующего плодородие царю, весьма напоминающая описание лесной женщины или очокочи (см.). Во-вторых, кличка собаки Каракачи созвучна с кличкой Курша (см. прим. 1 к № 17). Интересно, что здесь отмечается ее исключительно тонкое чутье, характерное и для чудесной собаки.

В СМОМПК есть и другая статья, содержащая интересные сведения о месепах, однако автор неправильно толкует слово *Месепоба* как название самого божества. *Месепоба* означает дни, посвященные этим божествам, или дни их появления, властвования. *Месепоба* — производное от *Месепи*. «„Месепоба“ — все признаки осени налицо: чисты поля, плоды созрели, листья пожелтели и опадают, небо часто облачно — одним словом, природа уходит отдыхать на зиму. Октябрь на исходе; начинаются частые дожди — первые признаки появления „Месепоба“. Само это слово непонятно, а означает божество, повелевающее всем царством животных, птиц и пресмыкающихся. От этого слова и промежуток времени от 28 октября по 3 ноября носит название „Месепоба“. Местом постоянного пребывания „Месепоба“ считается море или местность за морем, и поэтому существует выражение: „Месепоба екиил!“ — „Месепи вышел!“».

Божество это представляют в виде человека, имеющего душу и тело, так же одевающегося и размножающегося, как и простые смертные; но их никогда не бывает слишком много — всегда не более одной обыкновенной семьи. Кроме того, они никогда не бывают ни старыми, ни молодыми. Они бессмертны.

К концу октября (28) они, оставив дома одного сторожем, берут посох, одну собаку-попутчицу и расходятся попарно и больше в разные стороны. Цель их путешествия — проверить вверенное им царство, подсчитать годовичную прибыль или убыль (животных, птиц и пресмыкающихся. — Е. В.), собрать с них дань на зиму.

„Месепоба“ бывают мужчины и женщины. Появление последних сопровождается сильными дождями, в отличие от мужчин, при появлении которых может быть, как и в настоящем 1902 году, хорошая погода в знак того, что „Месепоба“ прибылью доволен и не гневается. Некоторым представителям фауны (рыба, дичь, пернатые) сборным пунктом для проверки предназначены горы, куда они и направляются к концу октября.

Уверяют, что как будто и до настоящего времени есть такие люди, которые воочию видели „Месепоба“, опирающегося на посох и пропускающего мимо себя целую „гибель“ кабанов. А один старик уверял меня, что ему самому в молодости пришлось лично видеть одну собаку „Месепоба“, которая нечаянно заблудилась в лесу и попала в плен одному пастуху.

Собака эта недолго жила и при жизни отличалась большою сообразительностью.

Полагают, что без помощи и разрешения этого божества охотники не в состоянии убить никакой дичи, и потому всякий неудачный выстрел приписывают нежеланию и даже противодействию „Месепоба“» (Кобалия, стр. 109—110).

№ 22. Зап. Я. Тепцовым в с. Цаленджиха (Западная Грузия); сказитель Д. Шаматава, 90 лет.

Опубл.: Тепцов, стр. 14—15; см. также Степанов, XXXII, стр. 150—151.

¹ Джвари — село в Мегрелии на границе со Сванети.

² Ткаши-мапа — лесная царица. Мегрельский вариант Дали (см. прим. 3 к № 12).

³ Квира — название горы. Возникает, однако, вопрос, не является ли оно эпитомом охотника, что было бы вполне естественно. Кви́ре (Кви́рике) — одно из имен погибшего в погоне за турами охотника, являющегося членом божественной пары — возлюбленным владычицы зверей. Вместе с тем Кви́риа — одно из главных божеств грузинского языческого пантеона, божество плодородия.

№ 23. Зап. В. Николадзе в 1962 г. в с. Ушгули Лентехского р-на (Сванети); сказительница М. Б. Чарселани, ФАУ, № 320.

¹ Коснуться губами груди женщины — по обычному праву многих горских народов значит стать молочным братом ее сыновей. А так как проливать кровь молочных братьев считается предосудительным, этим нередко пользуются кровники, избегая таким образом кровной мести. В настоящем предании герой прибегает к этой уловке, чтобы сохранить жизнь.

№ 24. Зап. М. Чочия. ФАИ, № 4908.

Фамилия Чочия указывает на мегрельское происхождение этого несколько обработанного при записи, но очень интересного предания; однако язык его указывает скорее на гурийскую среду.

¹ Лесная женщина — та же Дали или Ткаши-мапа, или Али грузинских преданий.

² Гамарджоба («Победа») — грузинское приветствие, на которое отвечают «Гагимарджос» («Будь победителем»).

³ Существует ряд поверий и преданий о необходимости перехитрить лесную женщину или лесного духа, пытающегося увести с собой человека. К их числу принадлежит и этот безмолвный спор между ней и юношей. Иногда это — спор словесный, в котором человек побеждает с помощью христианского святого, «переговаривающего» лесного духа. Интересно, что так «отговаривается» с помощью святого отец, получивший сыновей при вмешательстве лесного духа и обязанный отдать одного из них (АаАн 812В; Драгоманов, № 27).

К числу средств избавления от лесного духа относится и молчание (см. также: Машурко, стр. 358).

⁴ Змея — в данном предании зооморфный образ хозяйки зверей. Ряд грузинских преданий рисует змею как покровителя человека, носителя мудрости, плодородия. В виде змеи является хевсурское хати — божество Шубнуря (см. № 69). Змея дарует благоденствие семье (№ 68), она же является носителем мудрости (цикл преданий о змеееде). В данном предании отри-

цательное отношение к ней и ее отрицательное влияние на человека (сквернословие и т. п.) — представления позднейшего времени.

⁵ Молоко, а особенно олень, является магическим средством во многих грузинских сказках и древних балладах.

⁶ Волосы владычицы зверей фигурируют во всех преданиях. Это золотые или черные волосы, которыми она прикрывает тело. Опустив со скалы косу, она поднимает на ней своего упавшего сына или охотника, идущего к ней. Потеря волос Дали в грузинском эпосе об Амирани влечет за собой ее смерть. Иную концовку дает текст «Дали и жена охотника».

О лесной женщине см.: Т. М а м а л а д з е, Народные обычаи и поверья гурийцев, — СМОМПК, т. XVII, отд. II, стр. 97—101.

№ 25. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1964 г.; сказитель Ш. Ониани.

Привлекает внимание появление Дали в житнице, что указывает на ее связь с плодородием.

№ 26. Зап. О. Ониани в 1968 г. в с. Саса Лентехского р-на (Нижняя Сванети); сказительница Е. К. Челидзе, 72 лет.

¹ Ч и т х а р о — гора на границе Сванети и Рачи, двух высокогорных районов Западной Грузии, где хорошо сохранились традиции охоты и связанные с ней обычаи.

² В настоящем предании это название толкуется как «страна травы» (от груз. *балахи* — трава). Однако в грузинском фольклоре, в некоторых вариантах эпоса об Амирани, мы встречаемся с толкованием Балхети как страны балхов: «На шатры мы напали балхские...». По мнению М. Чиковани, топонимическое название Балхети попало в грузинский эпос под влиянием средневековой грузинской повести «Амиран-Дареджаниани», принадлежащей перу Мосе Хонели, где Балхети — название страны балхов, а балхи — этнический термин (см.: М. Я. Ч и к о в а н и, Народный грузинский эпос о прикованном Амирани, М., 1966, стр. 114, 115, 205).

Страна балхов упоминается еще в Авесте. Можно предположить, что этимология этого слова, данная в нашем предании, — древнейшего происхождения. А может быть, мы имеем здесь дело со случайным совпадением. Представление о мифическом крае, где пасутся стада зверей, в данном случае туров, не случайно. Оно связано с представлением о некоем крае, где под покровительством хозяйки зверей пасутся стада туров. Охотник получает их только по желанию хозяйки или хозяина зверей (см. в нашем сборнике № 13, 32, 70). В одном из подобных преданий потусторонний мир назван «страной серн». «Ушел в страну серн», — говорится там об убитом охотнике (см.: В и р с а л а д з е, 1964, стр. 33—35).

По преданиям чукчей, олени, как и всякие звери вообще, имеют своего хозяина, который живет в глубоких ущельях и оттуда посылает их людям (см.: В. Г. Богораз, Чукчи, II, Л., 1939). Аналогичны взгляды коряков. Убиваемого во время ритуального празднества медведя шаман «уготоваривает» прислать для хорошей охоты медведя из «страны медведей», куда он сейчас уйдет, и т. п.

№ 27. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Местия (Сванети); сказитель Е. А. Гуледани, 37 лет, ФАИ, № 34432.

¹ Л а т а л и — место в Сванети.

² Такие стрелы употреблялись в старину при охоте на крупного зверя.

№ 28. Зап. А. Каргаретели. ФАИ, № 23989.

¹ А ли — русалка, дух-покровитель леса, воды, преимущественно женского рода. В али мы видим позднейшее перерождение хозяйки зверей, вод, леса, происшедшее, видимо, и под влиянием христианской церкви. Известно много заговоров против али, пугающей одиноких путников, больных, роже-ниц. В этих заговорах прекрасная золотоволосая хозяйка леса Дали (см. прим. 3 к № 12) превращена в страшилище с кровавыми волосами и вывернутыми задом наперед ногами.

² Э ш и — грубые нитки, из которых вяжут носки.

³ М е ш и — баранья кожа.

№ 29. Зап. Г. З. Чхиквадзе в 1934 г. в с. Кимбарини Душетского р-на; сказитель С. А. Бучукури, 86 лет.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, стр. 245, № 504.

¹ М а к а р т а — село в ущелье Гудамакари на берегу Черной Арагви в Душетском р-не.

² А л к а л а — али-женщина.

№ 30. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1953 г. в с. Глола Онского р-на (Рача); сказитель И. Гуташвили — известный сказитель, певец и охотник.

¹ Э р д о — плоская, утрамбованная земляная крыша дома, сакли.

Весьма распространенное в Грузии предание (см.: А. Никитин, Чинка и Каджи по народному верованию в Имеретии, — «Кавказ», 1893, № 30; СМОМПК, т. XVII, отд. II, стр. 97—101; т. XXIV, отд. II, стр. 38; т. XXXII, от. III, стр. 86 — варианты предания об али; хевсурский вариант см. сб. «Целиздеули», II, Тбилиси, 1924 [на груз. яз.]; см. также ССКГ, т. II, стр. 153).

Варианты этого предания записаны во Франции. См.: V a n G e n n e r, I.

№ 31. Зап. Г. В. Церетели в 1925 г. в с. Барисахо (Хевсурети); сказитель Г. Чинчараули.

Опубл.: Ш а н и д з е, № 270.

¹ Т а б л а — низкий деревянный столик.

² Х е ч е ч а — деревяшка

В осетинском «Сказании об Одиноком» божество охоты Афсати делает оленю недостающее ребро из ясеня («Северный Кавказ», 1845, № 14, 16; см. также А. Кайтмазов, Сказания о нартах, — СМОМПК, т. VII, отд. II, стр. 26—30; Е. Баранов, Из осетинской народной словесности, — СМОМПК, т. XXVI, отд. II, стр. 63).

№ 32. Самозапись В Габури. 1914 г.

Опубл.: «Целиздеули», II, Тбилиси, 1924, стр. 153—154 [на груз. яз.]; см. также Степанов, XXXI, стр. 151—152.

¹ О ч о к о ч и — букв. «козел-человек». Образ грузинской мифологии.

№ 33. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: М. Д ж а н а ш в и л и, Грузия, — «Накадули», 1912, стр. 45 [на груз. яз.].

О каджах см.: Т. М а м а л а д з е, Народные обычаи и поверья гурийцев, — СМОМПК, т. XVII, отд. II, стр. 99—101; см. также М. Г. М а ш у р к о, Из области народной фантазии и быта, — СМОМПК, т. XXXII, вып. III, стр. 83—85.

№ 34. Зап. в с. Персати (Западная Грузия).

Опубл.: М а ш у р к о, стр. 362. Перевод отредактирован.

№ 35. Опубл.: М а ш у р к о, стр. 363. Перевод отредактирован.

М. Машурко приводит ряд сведений о каджах и али: «Здесьние жители (Зап. Грузия, Имерети), представляя в своем воображении волосатого каджи-мужчину, говорят также о существовании женщины, известной под особым именем „цкалис али“ и называемой так потому, что она всегда и исключительно пребывает в воде. „Цкалис-али“ — красива лицом, с длинными распущенными волосами, но ноги ее с вывороченными ступнями и смотрящими вперед пятками (в Карталинии „али“ — красивая водяная женщина, с длинными волосами и с правильными ногами). „Водяная“, всегда в белой одежде, человеку встречается у реки и манит его к воде. Чтобы избавиться от „али“, нужно или показать ей иголку, или бросить на нее зажженную спичку, или сотворить молитву — после всего этого „али“ исчезает. Но желающий залучить ее в свой дом должен поговорить с ней, выражаясь ее способом речи, т. е. „наоборот“, напр., вм. „нет“ употребляя „да“ и вместо „да“ — „нет“. При таком условии „али“ поймет говорящего и последует за ним».

№ 36. Опубл.: Т. М а м а л а д з е, Народные обычаи и поверья гурийцев, — СМОМПК, т. XVII, отд. II, стр. 98—99. Перевод отредактирован; см. также М а ш у р к о, стр. 275.

¹ Ч и н к а (м. б. от джинн) — мифическое существо, обитающее в доме или заброшенных строениях.

² К а л а н д а — от лат. calendae — новогодний праздник в Западной Грузии.

№ 37. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1946 г.; сказитель З. Бурдули, 72 лет, грамотный, бывший деканози (в год записи — мельник). ФАИ, № 34031.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, № 491.

¹ Х а д а — ущелье в районе Военно-Грузинской дороги.

№ 38. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани) в Сванети.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. II, отд. IV, стр. 35 [на груз. яз.].

¹ Л а м а р и я — сванское название богородицы Марии (ла — обычный префикс в сванском языке). С Ламарией связаны представления о женском божестве, древней богине злаков и женского плодородия (см.: И. Д ж а в а х и ш в и л и, История грузинского народа, ч. I, Тбилиси, 1928, стр. 74—76 [на груз. яз.]; В. Б а р д а в е л и д з е, Главное божество древнего грузинского пангеона Гмерти, — «Вопросы этнографии Кавказа», Тбилиси, 1952, стр. 301—302, 312 [на груз. яз.].

² И н г у р и — река в Западной Грузии, берущая начало в Сванети.

³ К а л а — селение в Верхней Сванети на берегу р. Ингури.

⁴ Ушгули — селение в Верхней Сванети на берегу р. Ингури.

⁵ Обращает внимание культ священных баранов у горцев Восточной Грузии. В горских молениях в Мтиулету (Восточная Грузия) находились скульптурные фигурки баранов и живые священные бараны, «вещавшие» волю божеств. Грузинские авгуры узнавали ее по состоянию, движениям и цвету шерсти священных баранов. Фигурки баранов опускались в священный сосуд с вином, и по их положению также велось предсказание. Это называлось «омовением божьего лика» (см. указанную статью Бардавелидзе, стр. 304—305). В археологических памятниках, обнаруженных на территории Грузии, мотив барана встречается очень часто.

⁶ Лагурка — сванское название святого Кирияка, монастырь и церковь которого стоят в с. Кала и являются одной из наиболее прославленных святынь Сванети с фрагментами росписи, датированной 1183 г. Июль месяц назывался в Грузии *Квирикбистве*, т. е. «месяц Квирике».

№ 39. Зап. В. Бецукишвили в 1934 г. в с. Магранети Тианетского р-на (Восточная Грузия). ФАИ, № 21765.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 197. Ср. № 40 нашего сборника.

¹ Иори — река в Восточной Грузии.

² Св. Георгий, заступивший в представлениях грузин место божества луны, связанного с функцией бога охоты и древними функциями мужского хозяина зверей, считается в Грузии покровителем охотников, охраняющим их от злых лесных сил (см. также № 192).

№ 40. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1960 г. в с. Малое Геби в горной Раче; сказитель И. Лобжанидзе.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 196.

¹ Бохеени — название рода в Раче, в с. Геби.

² Геби — село в горной Раче в верховьях реки Риони (Западная Грузия).

³ К ряду поверий, связанных с дэвом, очокочи и лесными духами мужского пола, относится запрет стрелять вторично (в третий раз), нарушение которого может вызвать возвращение к жизни, исцеление смертельно раненного или убитого дэва, очокочи или лесного духа. К этому же разряду относятся и запреты, связанные с ответами охотника (см. № 39 настоящего сборника).

⁴ Проклятие роду «не множиться и не вымирать» одно из весьма распространенных (см. № 20 настоящего сборника).

Согласно французскому преданию, записанному в Дофине, в Изере, к крестьянину, заночевавшему в пастушеской хижине, вошел усатый человек громадного роста и предложил крестьянину табак. Тот отказался. Великан сказал: «Хорошо, что ты отказался. Если бы ты взял табаку из моей табакерки, я бы тебя всунул в свой котел». Великан уснул, а крестьянин стремглав помчался к себе домой [см. Van Genper, II; указываются параллели у братьев Grimm, Коскена (Лоран), Р. Себийо (Бретань)].

№ 41. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Местия (Верхняя Сванети); сказитель Е. А. Гуледани, ФАИ, № 34436.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 196.

Рассказы о посещении охотниками дэвов и лесных духов весьма рас-

⁵ А л а в е р д и — большой храм 1-й половины XI в. в Кахети (Восточная Грузия.)

⁶ А л а з а н и — река в Кахети.

№ 43. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1934 г. в с. Бибилиани Душетского р-на; сказитель А. Бибилашвили, 64 лет.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, стр. 295, № 502.

¹ Л у т х у м и — ущелье по руслу одного из притоков Черной Арагви (Восточная Грузия).

№ 44. Зап. А. Цановой в 1946 г. в с. Макарта Душетского р-на; сказитель Ш. И. Квелаидзе, 50 лет, ФАИ, № 32314.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, стр. 292, № 494.

¹ С а г у р а м о — селение на берегу Арагви в начале Военно-Грузинской дороги.

² Н а д и б а а н т - х е в и — ущелье Надибаани, недалеко от с. Макарта.

³ В о л о г и с - к е л и — местность в районе Военно-Грузинской дороги.

№ 45. Зап. Важа-Пшавелой (Л. Разикашвили) в Пшави.

Опубл.: В а ж а - П ш а в е л а, Копала и Яхсар в борьбе с дэвами, — «Иверия», 1889, № 41 [на груз. яз.].

¹ Х в т и ш в и л ы — дети бога Гмерти. В триаду центральных великих богов древней языческой Грузии наряду с Гмерти входили богиня солнца Мзэ и Квириа. Хвтишвилы — общинно-племенные божества. Они антропоморфны, но обладают способностью перевоплощаться. На определенной ступени народных верований они приобрели астральный характер, олицетворяя звезды (Б а р д а в е л и д з е, стр. 3—36).

² Х а т и (и д ж в а р и) — общинно-племенные божества у горцев Восточной Грузии. Так же назывались и святилища, посвященные им. Маленькие святилища в виде башенки назывались *ниши*. Наиболее распространенным общим названием общинных племенных божеств наряду с *джвари* (крест) являлось *хвтишвилы*, *хати* (лик), возводимое Н. Марром к грузинским названиям дерева *хе* и *дзели* и связываемое им с культом деревьев (Б а р д а в е л и д з е, стр. 3—36).

³ К о п а л а — имя одного из наиболее популярных хвтишвилов. Этимология неизвестна. Копала славился борьбой с дэвами, исцелением душевнобольных и высвобождением душ погибших насильственной смертью из-под власти злых духов. Пользовался признанием среди кевсур, пшавов, тушин и мтиульцев.

⁴ И а х с а р — имя одного из наиболее популярных хвтишвилов. Иахсарис-хати — покровитель одной из пшавских общин, славившийся своими победами над дэвами.

⁵ П ш а в ы — грузинская этнографическая группа, населяющая территорию в горах Восточной Грузии.

⁶ Ц и х е г о р и — название местности; место пребывания Иахсара.

⁷ Метание камней или соревнование в поднятии тяжелых камней — один из видов спорта, распространенный в древней Грузии. Существовали специальные закругленные камни, называемые *саджилдао*, т. е. «призовые камни», за которые раздавались призы.

⁸ Д а р б а з и — древнее народное грузинское жилище, целиком или ча-

стично вырубленное в склонах гор. Перекрытие возводилось на опорных столбах, образуя уступчатый свод. В центре жилого помещения находился открытый очаг.

⁹ К а р т а н а — место в верховьях Пшавской Арагви.

№ 46. Зап. Важа-Пшавелой (Л. Разикашвили).

Опубл.: «Иверия», 1889, № 41 [на груз. яз.].

¹ П и р к у ш и — одно из общинно-племенных божеств горцев Восточной Грузии. В свою бытность «телесным» Пиркуши был прославленным кузнецом. Впоследствии он — божественный кузнец, воплощение грозных туч и молний. Пиркуши (букв. «угрюмоликый») — один из эпитетов брата Амირани Усппи, что дало основание акад. И. А. Джавахишвили сопоставлять последнего с божеством Пиркуши (И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История Грузии, т. I, стр. 152). Согласно хевсурским мифам, Пиркуши после смерти превратился в божество. До этого он отличался необыкновенной красотой и в него были влюблены 23 женщины. Вняв его мольбам, Гмерти превратил его в «угрюмоликого» (см.: Б а р д а в е л и д з е, стр. 111).

² Х у ш х е в и — название места.

³ Б а н г и — снотворный напиток.

⁴ В е р х в е л и — название места.

№ 47. Зап. Важа-Пшавелой (Л. Разикашвили).

Опубл.: «Иверия», 1889, № 41 [на груз. яз.].

См.: А. Зиссерман, Письма из Тионет, — «Кавказ», 1848, № 9.

¹ Ш у а п х о — селение в Хевсурети.

² Л а х т и — сплетенный из металлических полос кнут без рукоятки с подвешенной на конце тяжестью; род пращи.

№ 48. Зап. А. Очаури («Пшавские народные празднества», 1947, тетр. 6 [ркп.]).

Опубл.: Т. Очаури, Мифологические предания горцев Восточной Грузии, Тбилиси, 1967, стр. 143—150 [на груз. яз.] (приводится с незначительными сокращениями).

¹ М о р и г е Г м е р т и, букв. «бог-распорядитель» — одно из божеств великой триады астральных божеств грузинского языческого пантеона.

² Н и н а х и — название местности.

³ Следы культа деревьев в Грузии очевидны. (см.: И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История Грузии, т. I, гл. 1; Е. Г. Вейденбаум, Священные рощи и деревья у кавказских народов, — «Кавказские этюды», Тбилиси, 1901). Большая часть рощ состояла из дубов. Были и пихтовые рощи. Объектом поклонения были и тополь, и сосна (см. также: «Грузинские народные праздники», — «Кавказ», 1878, № 229).

⁴ Г а м х в е у р т к а р и — название места.

⁵ Ш у а п х о й ц ы — жители села Шуапхо.

⁶ Т х и л и а н а — название села в Пшави.

⁷ К и с т а у р и — фамилия, род.

⁸ П а ц е р и — приспособление для ловли рыбы. Широкая плетенка, которой перегораживали узкое место в реке, задерживая рыбу.

⁹ И а х с а р о в о н и ш и — святилище.

¹⁰ К м о с т - Р о ш к и — два села в Хевсурети.

¹¹ Абуделаури — озеро в Хевсурети, с которым связано много легенд (см. № 75 настоящего сборника).

¹² Ликоки — село в Хевсурети.

¹³ Убистави — местность в Хевсурети.

№ 49. Зап. Б. Арабули в 1950 г. в с. Гвелети (Хевсурети); сказитель Х. Арабули.

Опубл.: Гачечиладзе, стр. 21—22.

¹ Бацалиго — селение в Хевсурети.

² Гудапский джвари — центральное общехевсурское племенное божество, предводительствовавшее во время военных походов, и святилище его имени.

³ Хахматский джвари — общехевсурское племенное божество плодородия и его святилище. Его почитают и другие, соседние с хевсурами грузинские племена.

⁴ Далее повествование ведется от лица Гахуа.

⁵ Бакбак — имя дэва. Дэв Бакбак — одно из действующих лиц эпоса об Амირани, его главный противник.

⁶ Самдзимар — божественная нареченная сестра Хахматского джвари. По мифологическим представлениям хевсур, у божества Хахматис-джвари было пять нареченных сестер (Бардавелидзе, стр. 21, 29). В настоящем предании Самдзимар идентифицируется с Хахматис-джвари, как одна из его ипостасей.

⁷ Хурджин — переметная сума из домотканой шерсти.

⁸ Пандури — струнный инструмент горцев Восточной Грузии.

№ 50. Зап. Е. Г. Годзишвили в 1882 г. в с. Этвалиси Душетского р-на; сказитель Г. Чанадири. ФАИ, ф. Умикашвили, № 4276.

Опубл.: П. Умикашвили, Народная словесность, т. IV, Тбилиси, 1964, стр. 34 [на груз. яз.].

¹ Пиркуши — одно из божеств горцев Восточной Грузии (подробнее см. примеч. 1 к № 46). Сцена в кузнице напоминает сцену выковывания знаменитого меча Амირани (см.: Ш. Нуцубидзе, Амირани, Тбилиси, 1947). Однако не совсем понятно, почему Пиркуши помогает ковать оружие противникам Копали.

² Тавпараванское озеро расположено в Джавахети (Южная Грузия). В хевсурских и пшавских преданиях обычно фигурирует озеро Абуделаури (см. предыдущие тексты).

№ 51. Зап. Е. Г. Годзишвили в 1882 г. в с. Этвалиси Душетского р-на; сказитель Г. Чанадири. ФАИ, ф. Умикашвили, № 4276-а.

Опубл.: П. Умикашвили, Народная словесность, т. IV, Тбилиси, 1964 [на груз. яз.].

¹ Тианети — горный район в Восточной Грузии.

² Хмала (вероятно, от *хмала* — «меч») — имя одного из хати, общинно-племенных божеств языческого пантеона горцев Восточной Грузии.

№ 52. Зап. Е. Г. Годзишвили в 1882 г. в с. Этвалиси Душетского р-на; сказитель Г. Чанадири. ФАИ, ф. Умикашвили, № 4135.

Опубл.: П. Умикашвили, Народная словесность, т. IV, Тбилиси, 1964, стр. 31—33 [на груз. яз.].

¹ Б а т о н о — господин, форма вежливого обращения.

² Г а м а р д ж в е б а (букв. «победа») — приветствие при встрече.

³ Базалетское озеро расположено в горах Восточной Грузии неподалеку от г. Душети. С озером связан ряд преданий.

⁴ К а д а г и — прорицатель, избираемый божеством или душой умершего.

⁵ Д е к а н о з и — служитель святилища.

№ 53. Зап. в 1963 г. в с. Тварелани Душетского р-на; сказитель Н. И. Бекаури, 68 лет.

Опубл.: О ч и а у р и, стр. 168—169.

¹ П у д з и с а н г е л о з и — ангел места, основы (основания дома), земли.

² Ч о х а — мужская грузинская одежда.

³ А р х а л у к — мужская одежда, которую носят под чохой.

⁴ Б а к у р х е в и — сельская община.

⁵ С а к е р п о (букв. «становище идолов») — второе название села Бакурхеви.

⁶ У к е н а х о — название села.

№ 54. Опубл.: О ч и а у р и, стр. 156—158 (печатается с сокращениями).

¹ Г е р г е т и — название селения.

² Ч и ш е х и — село в Пшави.

№ 55. Опубл.: О ч и а у р и.

¹ Ц и п с р и — местность в Хевсурети.

² Царицей называют молодую на свадьбе.

³ Х е в и с б е р и — вершитель культа.

№ 56. Зап. Ю. Дзамашвили в 1937 г. в с. Шрома; сказитель С. И. Дзамашвили, житель с. Сакобо. ФАИ, № 13393.

Опубл.: Ч и к о в а н и, 1947, № 18.

¹ Ш о т и — хлеб, выпеченный в форме месяца с двумя рогами.

² Обычай ударять в этот день молотом по наковальне соблюдался всеми кузнецами в Грузии.

№ 57. Зап. С. Макалатия в с. Хеви Казбекского р-на.

Опубл.: Ч и к о в а н и, 1947, № 42.

¹ М к и н в а р ц в е р и — букв. «вершина ледников» — местное название г. Казбек.

² По левому берегу Терека, на восточном склоне г. Казбек есть скала, издали по своим очертаниям напоминающая дракона (С. Макалатия, Хеви, Тбилиси, 1934, стр. 242 [на груз. яз.]). См. также: В с. М и л л е р, Кавказские предания о великанах, прикованных к горам, — ЖМНП, 1883, № 1; И. Б у к у р а у л и, От Тбатани до Цвети, — «Моамбе», 1897, № 7, 8 [на груз. яз.].

№ 58. Зап. М. Чиковани в 1937 г. в г. Ахалцихе; сказитель А. И. Ба-
лишвили.

Опубл.: Ч и к о в а н и, 1947, № 31.

№ 59. Зап. К. Сихарулидзе в 1944 г. в с. Амга в Хевсурети; сказитель
Т. Циклаури.

Опубл.: Ч и к о в а н и, 1947, № 43.

Аналогичный сюжет связан с Амирани в варианте, приведенном
Вс. Миллером (см.: «Осетинские этюды», I, М., 1881).

№ 60. Зап. С. Джанашиа на мегрельском языке. Грузинский перевод
сделан им же; сказитель С. Каличава из Самурзакано (Мегрелия).

Опубл.: И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История Грузии, т. I, Тбилиси,
1928, стр. 148—149 [на груз. яз.]; Ч и к о в а н и, 1947, № 38.

№ 61. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1946 г. в с. Гвидаке Душетского р-на;
сказитель Г. И. Бучукури, 90 лет. ФАИ, № 32165.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, стр. 291, № 492.

¹ А д ж а м и (от арабск. *аджам* — «неараб», «иранец») — неумный, не-
смышленный, глупый.

² Согласно грузинским сказаниям, герой Ростом, обладавший голосом,
«подобным небесному грому, которым он повергал в ужас дэвов», носил на
голове железный обод, чтобы голова его не лопнула от крика. [В картлий-
ском варианте эпоса об Амирани его дядя носит с этой же целью железную
шапку (Ч и к о в а н и, стр. 244).]

№ 62. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. II, отд. IV, Тбилиси, 1907, стр. 201—203.

¹ О г у з ы — воспоминания о племени огузов (?).

² Ш е н и ч и р и м е (букв. «твоя болезнь мне») — ласковое обращение,
обычно связанное с просьбой.

³ А ч а ч а — примитивное пахотное орудие. Деревянный плуг, в кото-
рый впрягалась одна пара быков.

№ 63. Зап. И. Цхакая («смотритель Хоргинского двухклассного учи-
лища»).

Опубл.: СМОНПК, т. XIX, отд. II, стр. 143—144. Перевод И. Цхакая
отредактирован.

¹ К а ж и — кремень.

² К а д ж е т с к о е г о с у д а р с т в о (Каджети) — см. прим. 9 к
№ 65.

Аналогичные сюжеты см.: «Теща, рвущая дубы с корнем», — «Избран-
ные грузинские сказки», I, Тбилиси, 1949 [на груз. яз.]. Этот же сюжет об-
работан писателем XVII в. Орбелиани («Мудрость лжи», Тбилиси, 1944).

№ 64. Зап. Т. Очаури в Архоти (Хевсурети).

Опубл.: В. Топурия, И. Гигинейшвили, И. Кавтарадзе,
Диалектологическая хрестоматия, Тбилиси, 1961, стр. 16—18 [на груз. яз.].

¹ Архоти — ущелье в Хевсурети. Этим названием объединен ряд сел, расположенных в этом ущелье.

² С именем Хогаис Минди (букв. Хогаев Минди) связан цикл преданий и песен.

³ Амга — село в Хевсурети.

⁴ Каджи — злые духи. Каджи фигурируют и в поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В настоящем предании вместо каджей упоминаются лезгины, однако по всему содержанию предания видно, что это случайность. Наше соображение подтверждается и другими вариантами.

⁵ Гугули — кукушка. См. также прим. 10 к № 65.

№ 65. Зап. Д. Гогочури в Тианети; сказители Т. Нарозаули и Л. Гогочури.

Опубл.: Г а ч е ч и л а д з е.

¹ Появление двух солнц — знак необычности природы Хогаис Минди. Такими же знаменами сопровождается его смерть (см. стихи, приводимые в конце предания).

² Шатили — хевсурское село на северном склоне Кавказского хребта.

³ Хатеби (мн. ч. от *хати*) — святыни.

⁴ Жампи (мн. ч. от *жампи*) — духи, вызывающие болезнь.

⁵ Цида — мера длины; расстояние от конца оттянутого большого пальца до указательного.

⁶ Черный, красный, белый — три традиционных цвета в грузинском эпосе. Так, герой грузинского эпоса Амирани встречает трех драконов. Побеждает красного и белого, а черный заглатывает его. Эти три цвета фигурируют в грузинских лечебных заговорах, в гимнах, посвященных богине Нане и исполнявшихся при инфекционных заболеваниях, и т. д. (см.: Вирсаладзе, 1955; см. также № 72 настоящего сборника).

⁷ Потусторонняя Хевсурети — хевсурские поселения на северном склоне Кавказского хребта.

⁸ Гуданский джвари (*хати*) — см. прим. 2 к № 49. По представлениям хевсур, божество Гуданский джвари, сидя на белом коне, без усталости охраняет своих «слуг» — жителей потусторонней Хевсурети.

⁹ Каджети — страна каджей, злых духов.

¹⁰ Страна гугули (кукушек) — мифическая страна, откуда приходит весна. Ее приводит одноглазая кукушка (наличие только одного глаза — характерный признак солярных божеств).

¹¹ Кисты — грузинское название части вайпахских племен, обитавших в пограничных с Грузией районах, а также на территории Грузии, в Кахети (панкисские кисты).

¹² Теретэго — кистское село.

¹³ Алдидзе — фамилия, род.

¹⁴ Квирике — мужское имя. Джабушанури — фамилия, род.

¹⁵ Песнь о Минди пользуется широкой популярностью среди горцев Восточной Грузии и исполняется независимо от сказания. Мы привели ее по одной из ранних записей (см.: «Теория словесности с приложением литературных образцов», учебник составлен архимандритом Кирионом и Гр. Кипшидзе, Тифлис, 1898, стр. 618—620 [на груз. яз.]).

Предание о Хогаис Минди легло в основу гениальной поэмы Важа-Пшавелы «Змеед».

Настоящее предание записано кандидатом филологических наук фольклористом Д. Гогочури в 1948 г., когда он был студентом Телавского Педагогического института. Как отмечено в специальной литературе, в этой записи фактически объединено три самостоятельных народных предания: 1) похищение Хогаис Минди каджами и обретение им мудрости после отведывания змеиной крови; 2) борьба хвтишвилов, Гахуа и Хогаис Минди с жамни; 3) гибель Хогаис Минди.

Этнограф Т. Очиаури возражает против подобного объединения на основании того, что в Хевсурети не записано других преданий о совместных деяниях Гахуа и Минди. По ее мнению, Гахуа — «приближенный» хвтишвил. Хогаис Минди же — обыкновенный хевсур, случайно отведавший змеиной крови. Мы считаем последнее положение Т. Очиаури спорным. Можно оспаривать мнение А. Гачечиладзе, опубликовавшего этот текст и считающего Хогаис Минди весенним божеством, но необыкновенная природа Хогаис Минди явно видна и в варианте, записанном Т. Очиаури (№ 64). Поскольку, за исключением совместных действий двух героев, все мотивы этого интереснейшего предания носят чисто народный характер (борьба с жамни, страна кукушек, выход Гахуа из своего тела и возвращение в него и т. д.), хотя и сведены в единый вариант, мы нашли возможным рядом с записью Т. Очиаури привести и этот вариант, также записанный специалистом.

Варианты преданий о Гахуа и Хогаис Минди см.: Очиаури.

№ 66. Зап. В. Габури в 1914 г. в Хевсурети.

Опубл.: Шанидзе, стр. 397—398 (стихи приводятся по варианту «В»). Там же приведен ряд вариантов, как песенных, так и прозаических (стр. 395—398). Согласно одному из них, дракон преподносит в дар Мекобаури кольчугу, исторгнутую им из пасти.

¹ Тушины — жители одной из горных областей Восточной Грузии — Тушети.

² Мекобаури — герой из Тушети. С его именем связан большой цикл героических песен и преданий.

³ Буча — громкое, хорошее.

⁴ Гуро — село в Хевсурети.

⁵ Мамука Калундаури — герой цикла героических песен и преданий в Хевсурети.

№ 67. Зап. Т. Разикашвили.

Опубл.: Шанидзе, стр. 351 (стихи приводятся по варианту «3»). После слов: «говорят и так» текст предания взят из другого варианта (Шанидзе, стр. 352).

¹ Торгва (Торгвай) — известный герой хевсурских героических песен и преданий. В них сведения о Торгва — современнике царя Ираклия II, выдвинувшемся благодаря личным заслугам и связям с царским двором и начавшем притеснять своих соплеменников, — переплетаются с древним мифологическим преданием о живой кольчуге. Кольчуга эта, приобретенная героем чудесным образом, обеспечивала ему неуязвимость, но по недосмотру была утеряна подобно траве бессмертия, утерянной Гильгамешем во время сна.

Этот сюжет встречается и в цикле, связанном с именем другого героя — Мамуки Калундаури (см. № 144).

В некоторых вариантах рождение Торгва сопровождается чудесными знаменами: из земли вырываются снопы искр и клубы нефти. «На лопатке у него был знак креста, справа — изображение солнца, слева — подкова луны...» (Ш а н и д з е, № 144).

² А н д а к и — местность в Хевсурети.

³ В местности Арчило действительно бьет теплый источник, называемый «источником Торгва».

№ 68. Зап. Р. Асабашвили в 30-х годах XX в. в с. Шилда Кварельского р-на (Кахети); сказитель М. Асабашвили.

Опубл.: Г а ч е ч и л а д з е, стр. 13—14.

Как свидетельствует и предыдущее предание, в Грузии ясны следы культа змен. В Сванети змея является божеством очага. Согласно грузинским поверьям, некоторые змеи хранят возле головы алмаз. Они собираются вместе и играют им. Человек, завладевший алмазом, убегая, должен пройти по воде, тогда змен теряют его след. Змея, потерявшая алмаз, кончает с собой. Алмаз, брошенный в воду, превращает ее в серебро, а также излечивает от укуса змеи (см.: Т. М а м а л а д з е, Народные обычаи и поверья гурийцев, — СМОНПК, т. XVII, отд. II, стр. 116—117).

№ 69. Зап. Т. Очиаури в Хевсурети.

Опубл.: О ч и а у р и, стр. 108—112.

¹ Ш у б н у р и, Ш у б а н с к и й д ж в а р и — одно из общинно-племенных божеств горцев Восточной Грузии (см. прим. 2 к № 45). Божество Шубнури, согласно данному преданию, не хевсурского происхождения.

² Л и к о к и — село в Хевсурети.

³ Д з м а — по-грузински «брат».

⁴ Д з и м а н с д з е — сыны Дзима.

⁵ Квирика подобно охотнику Беткену, Иване Квацихели и др. нарушил табу, осмелившись поднять руку на зооморфное божество. Весьма интересно, что Шубнурис джвари может являть свою волю людям то посредством *мцевари* — божественной собаки, то змеи.

⁶ Божество называется не просто змеей — *гвели*, а *гвелиспери*, т. е. «змееподобным» (как мцевари, так и гвелиспери являлись духами — помощниками астральных божеств, посылаемыми ими с целью покарать или, наоборот, оказать помощь их верным слугам (Бардавелидзе, стр. 29—30). Как указывает исследователь Т. Очиаури, мотив произрастания ясеня и появления на нем змеи связан с культом дерева и встречается в хевсурских мифологических преданиях в связи с различными божествами (например, Гуданис-джвари); появление змеи на ясене всегда является признаком гнева божества (О ч и а у р и, стр. 108—112).

№ 70. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Мestia (Сванети); сказитель Г. Маргиани.

Опубл.: Нар. мудр. III.

¹ Культ волка — один из наиболее сохранившихся тотемистических культов в Грузии. Следы его сохранились как в грузинских сказках, где волк рядом с солнцем обитает на небе, так и в ряде художественных образов героической песни (см. прим. 4 к № 12).

№ 71. Зап. И. Степановым.

Опубли.: Степанов, XIX, стр. 72—81. Перевод отредактирован.

Мотивы получения мудрости от змеи см. Th B161; получение мудрости после съедения змеи см. Th B161.3; B165; B165.1; B165.2; тип. 672A.

№ 72. Зап. В. Нижарадзе в Сванети.

Опубли.: Тависупалисвани, Сванские легенды,— «Иверия», 1887, № 51.

¹ Коснуться губами груди женщины значило стать ее приемным сыном. Кровник, добившийся этого, пусть даже насильно, считался уже не врагом, а братом.

² Согласно грузинским поверьям, инфекционные болезни вызывались богиней солища Барбар-Барбол, ее дочерьми и сыновьями. Богиня солнца ведала в то же время болезнями глаз. Само солнце, как известно, ассоциируется с глазом. Кроме того, в прошлом именно инфекционные болезни, и особенно оспа, являлись часто причиной потери зрения. С инфекционными заболеваниями был связан определенный ритуал, посвященный богине солнца Барбар или же одной из ее ипостасей — богине Нане. В этот ритуал входило кружение вокруг больного одетых в белые и красные одежды девушек и юношей, пение торжественных гимнов или молитв, адресованных Барбар, окропление больного настоем роз и фиалок, танцы, возжигание светильников на ореховом масле, запрещение стучать, громко говорить и употреблять режущие или колющие предметы, дабы не потревожить невидимо находящихся возле больного «батонеби» — «господ» (см.: В. В. Бардавелидзе. Из истории древнегрузинской религии (Божество Барбар-Барбол), Тбилиси, 1941 [на груз. яз.]; Вирсаладзе, 1955.

Об обычаях при заболевании оспой см.: Степанов, XIX, стр. 88—89.

№ 73. Зап. А. Глонти в 1938 г. в с. Карагаджи Каспского р-на; сказитель Д. Квривишвили, 27 лет.

Опубли.: Глонти, стр. 207.

№ 74. Зап. Н. Абашидзе в 1936 г.; сказитель А. Гудушаури. ФАИ, № 10624.

№ 75. Зап. Б. Гогочури в 1966 г. в с. Тетрицкеби Телавского р-на; сказитель Г. Гогочури. Запись передана нам Гогочури.

¹ Джалети — сказочная страна.

² Атенгеноба — празднество в древней Грузии, длившееся всю ночь и сопровождавшееся многочисленными языческими обрядами (приходилось на июль месяц).

№ 76. Зап. Т. Сахокия в Самурзакано; сказитель Кукубава.

Опубли.: Т. Сахокия, Путешествия, Тбилиси, 1950 [на груз. яз.].

¹ Соинари — многоствольная флейта.

² Чнанури — струнный музыкальный инструмент.

³ Чонгури — щипковый музыкальный инструмент.

№ 77. Опубл.: Тепцов, стр. 16.

¹ Ленджерри — местность в Мегрелии.

№ 78. Зап. В. Бецуклишвили в 1934 г. в с. Магранети Тианетского р-на. ФАИ, № 21464.

¹ Эрцо — местность, где находится высокогорное озеро того же названия.

Эта легенда известна в нескольких вариантах. Вот один из них: «От старых людей слышал я, что церковь Сакдриони стоит с незапамятных времен, и деды наших стариков не запомнят времен ее постройки. Наши поля, места, где стоят сейчас наши дома, — все было покрыто озером. Все Эрцо — дно бывшего большого озера. Было то озеро создано драконом. Каждый день подползал он к морю, надувался водой и потом сливал ее здесь. Озеро постепенно росло. Грозило оно потопом жителям окрестных гор. Разве посмел бы кто-нибудь сразиться с драконом? И вот, у одного человека был, оказывается, молодой бычок. Рога у него были острые как нож. В один прекрасный день удрал тот бычок, сразился с драконом и вспорол ему брюхо. Только хвост от него остался. Этот хвост и есть наша река, наша Йори; и сейчас неустанно льются ее воды. Тот бык изображен был за это в церкви...» (Зап. Н. Шаманадзе в 1961 г. в с. Сакдриони Тианетского р-на; сказитель Г. Рухиашвили.)

Дракон в озере — см. Th B11.3.1.1; дракон, устраивающий потоп, — см. Th B11.7.1.1.

№ 79. Зап. в с. Никорцминда (Рача).

Опубл.: Тепцов, стр. 255.

№ 80. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1947 г. в с. Сабуэ (Кахети); ФАИ, № 30434.

¹ Шах Аббас — персидский шах Аббас I. Неоднократно разорял Восточную Грузию, особенно Кахети.

² Сабуэ — село в Кахети (Кварельский р-н).

³ Лазаре. — Во время засухи в селах Грузии женщины ходили по дворам с пеннем песен, посвященных солнцу и призванных вызвать дождь (или, наоборот, прекратить сильные дожди). Пение этих песен сопровождалось обливанием друг друга водой и ношением сделанной из тряпки куклы. В этой обрядовой песне упоминается иногда Лазарь — «Лазаре». См. Д. Эр-ов (Д. М. Эристави), Лазаре, — «Кавказ», 1847, № 10; Вирсаладзе, 1955.

⁴ Мамида — тетка (сестра отца). Культ камня в связи с обрядом вызывания дождя наблюдается по всей Грузии.

(Ср.: Степанов, XIX, стр. 79—80).

№ 81. Зап. историком М. Джанашвили.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. II, отд. IV, стр. 208—209 [на груз. яз.].

¹ Имеются в виду Сигнахские горы возле г. Сигнахи в Кахети.

² Годори — большая плетеная корзина цилиндрической формы без ручки. Употребляется для сбора винограда, фруктов, початков кукурузы и т. д.

³ Алазани — река в Кахети.

№ 82. Зап. В. Котетишвили в 1933 г. в с. Большое Атени; сказитель Г. Стрельников. ФАИ, № 2909.

¹ Д ж е ф и р — имя легендарного героя. Грузинский географ XVIII в. Вахушти Багратиони, описывая ущелье Атени, делает на полях рукописи приписку: «...И здесь могила Джафира, длина которой пять адли (приблизительно 1 м.— Е. В.), и жил он во времена царя Ростом (XVII в.)».

Известный грузинский поэт и историк Г. Леонидзе к своему стихотворению «Джафир» дает эпитафию: «Джафир — народный герой, жил в I-й половине XVII века. По преданию, был гигантского роста. Могила Джафира и сейчас показывают в лесу над Атенским ущельем». Однако источника Г. Леонидзе не указывает. Если Джафир связан с XVII в., то настоящая легенда о великане-пахаре, богборце, осмелившемся замахнуться на божий храм, безусловно значительно древнее. Сюжет рытья водных каналов мы встречаем в ряде преданий, связанных с Восточной Грузией, страдавшей от безводья (см. № 83, 84 настоящего сборника). Тот же мотив весьма популярен в грузинских сказках.

² Ц е р е т и — село в Горийском р-не.

³ А т е н и — ущелье на правом берегу Куры, недалеко от г. Гори. Там же село того же наименования и знаменитый своей архитектурой и фресками Атенский сион XI в.

⁴ Х о в л е — село неподалеку от Атени. Жители этого большого села до революции постоянно страдали от безводья.

⁵ Т о н е — см. прим. 2 к № 11.

⁶ Д з е л г а м и — ущелье вблизи Ховле.

⁷ Д а н а х в и с и — горная вершина в Картли.

⁸ Р а з м и т и — гора в Картли.

№ 83. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. II, отд. IV [на груз. яз].

№ 84. Зап. в 1947 г. К. А. Сихарулидзе и Е. Б. Вирсаладзе в с. Кварели; сказитель Чибошвили.

¹ Т а м а р — грузинская царица. Род. около 60-х гг. XI в., ум. в 1213 г. Царствовала с 1184 по 1213 г. Ею проложен в Кахети Алазанский канал длиной в 119 км.

Возможно, что настоящее предание отражает крестьянские волнения, имевшие место в Восточной Грузии в период царствования Тамар.

№ 85. Зап. А. Пататишвили; сказитель Д. Гураспишвили. ФАИ, № 30376.

¹ Ш у а м т а — местность в Телавском р-не (Восточная Грузия). Там же расположен один из наиболее значительных архитектурных комплексов Грузии эпохи раннего феодализма (постройки V, VII и XVI вв.).

² К о ш и — башмаки из сафьяна или шелка.

№ 86. Зап. А. Каргаретели. ФАИ, № 18690.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 213.

¹ К а л и - а к в а н а (букв. «поднятие женщины», «поднятая на гору женщина») — гора в Кахети в Кварельском р-не, недалеко от с. Кварели.

С этой горой связано настоящее предание, популярное в Кварельском р-не, но не встречающееся в других местностях Грузии.

Сюжет встречается в мировом фольклоре, в самых разных местах.

Близок к нему сюжет лопарской сказки «Серебряная дева»: юноша догонял быстроногую девушку и, достигнув в погоне за ней вершины горы, обессиленный умер. Девушка превратилась в камень («Сказки народов Севера», М.—Л., 1951, стр. 5—6).

№ 87. Сказитель и место записи неизвестны. ФАИ, № 817.

¹ Сам гори — долина под Тбилиси с тремя холмами на ней.

№ 88. Зап. в 1961 г. ФАИ, кол. Пшави, XXXI.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 104.

¹ Ущелье Лочини расположено на окраине Тбилиси, рядом с Самгурской долиной.

№ 89. Зап. Л. Чрелашвили в Тушети; сказитель П. Башинуридзе.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 219.

¹ Цови — немногочисленная группа грузин — переселенцев из горной Тушети, живущая в Земо-Алвани в Ахметском р-не в Кахети. Язык их принадлежит к чечено-ингушской ветви иберо-кавказских языков. Литературный язык — грузинский.

² Царо — село в Тушети.

³ Индаурта — название местности.

№ 90. Опубл.: СМОМПК, т. X, отд. III; см. также: Кобалия, стр. 119.

Мегрельское предание. На Украине тот же сюжет, но вместо брата — мать. Курица спрятана между двух тарелок. См.: Драгоманов (там же два близких варианта).

Аналогичное предание встречается на Новой Гвинее. Чаша, помещенная на спине черепахи, превратилась в панцирь. (Dixon Poland B., Oceanic Mythology (The Mythology of all Races, IX), Boston, 1916, стр. 145). То же — на Таити. О происхождении панциря см. Th № A2356 2.9; B2312.1; A2231.1.4; ср. № 91 настоящего сборника.

¹ Мхали — блюдо, приготовленное из овощей.

№ 91. Зап. А. Чхеидзе в грузинском селе Кахи (Саингило) Закатальского р-на АзССР.

Ср. № 90 настоящего сборника.

¹ В Грузии для замужней женщины ходить простоволосой, а тем более показаться кому-либо с распущенными волосами было недопустимо. Согласно существующим воззрениям, жена охотника до возвращения мужа с охоты не должна была распускать или расчесывать волосы, чтобы не вызвать этим гнев покровительницы зверей Дали. Нарушение запрета могло повлечь за собой гибель охотника. Аналогичное предание (№ 100) связывает появление на свет удода со встречей свекра с невесткой, расчесывав-

шей волосы (напомним о существовании строгой регламентации отношений невестки со свекровью и особенно со свекром).

Мотив превращения человека в животное — Th D.100; создание животного, как наказание — Th A2829.5; об удачах см. Th A1952.

№ 92. Зап. Ш. Ломинадзе.

Опубл.: Ш. Ломинадзе, Мингрельские сказки, — СМОМПК, т. XVIII, отд. III, стр. 37—38. Перевод отредактирован.

См. Th A2513; A2513.1.

№ 93. Зап. А. Глонти в 1940 г. в с. Бершуети Горийского р-на; сказитель Ф. Квицианидзе.

Опубл.: «Грузинские народные новеллы». Под ред., с вступительной статьей и примечаниями А. Глонти, Тбилиси, 1956 [на груз. яз.].

См. Th A1020, A2291; ср. СМОМПК, т. XXXII, отд. III, стр. 79.

№ 94. Зап. И. Кобалия.

Опубл.: Кобалия, стр. 118. Перевод отредактирован.

№ 95. Зап. А. Чхенкели в грузинском селе Кахи (Саингило) Закатальского р-на АзССР.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 118.

¹ Саингило — см. прим. 2 к № 160.

² Мзетунахави (букв. «не виданная солнцем») — девушка невиданной красоты, героиня грузинских сказок.

³ Храм Курмухо — храм св. Георгия, высеченный в горе Курмухо. Сама гора также была объектом поклонения.

Предание о золотом петухе см. также: М. Г. Джанашвили, Храм Курмухо, — «Иверия», 1884, № 33 (предание о петухе, который живет в церкви и на крик которого отзываются все петухи в Саингило). Мотив золотого петуха, предупреждающего о нападении врага, см. Th B143.1.5.

№ 96. Зап. И. Майсурадзе в Кахети.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 245.

Вариантом является французское предание «Почему поет соловей». Соловей спал на дереве, вокруг которого обвивалась жимолость. За ночь он стал пленником обвившейся вокруг него жимолости. С тех пор он поет всю ночь, чтобы не уснуть (Van Genneper, II); о происхождении соловья см. Th A1912, A1912.2.

В мегрельском сказании соловей осужден бодрствовать всю ночь за неизвестный грех. Он должен всю ночь петь, иначе вокруг него вырастет хмель и задушит его. Оттого его называют «певцом хмеля». В пении слышны якобы слова, которыми соловей зовет коз: «Иди, иди, иди, поешь, поешь, с корнем, с корнем...» Хмель прорастает через соловья, душит его (см.: Кобалия, стр. 117).

№ 97. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1967 г. в с. Парахети Онского р-на (Верхняя Рача); сказитель В. Н. Тогонидзе.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 240.

Весьма популярное в Грузии предание. Варианты см.: М а ш у р к о, стр. 237; см. также Th № А1952; D100 (об иволге и кукушке).

№ 98. Зап. Э. Кितिшвили в 1961 г. в с. Какабети Сагареджойского р-на (Восточная Грузия); сказительница Т. Кितिшвили.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 252.

¹ А р д а д е г и — месяц со дня солнцестояния.

Легенды о коршунах см. Th А1938.

По грузинским вариантам: 1) Коршун не прикоснулся к воде, когда ее создал бог, за это он питается только росой и кричит «Мцкурия», что значит «Пить хочу». 2) Когда Ной выпустил коршуна из ковчега разведать близость земли, коршун не вернулся, и за это он проклят и кричит: «Пить хочу!». 3) Вода кажется коршуну кровью. 4) Вода кажется ему гноем. Крик «Пить хочу» раздается в июле и августе. Все эти варианты записаны в Гурии и Имерети (см.: М а ш у р к о, стр. 238).

Согласно четвертому варианту, у коршуна было трое детенышей, которые выросли, напали на воспитавшую их мать и хотели задушить ее. Рассердившись, бог запретил коршунам пить воду в поле. С тех пор всякая вода кажется им кровавой, кроме застоявшейся в дупле дерева, которую и дозволяется им пить во всякое время (см.: К о б а л и я, стр. 120).

№ 99. Зап. А. Церетели.

Опубл.: «Джеджили», 1915, № VII—VIII; Нар. мудр. III, стр. 248.

№ 100. Зап. А. Чхенкели в 1958 г. в с. Топахи Кахского р-на (Саингило); сказительница Е. Хуцишвили.

Опубл.: «Комунизмис гзит», 1960, № 67 [на груз. яз.].

Грузинский вариант см.: «Акакис кребули», 1889, т. I, отд. III, стр. 28.

№ 101. Опубл.: К о б а л и я, стр. 116—117. Перевод отредактирован.

№ 102. Опубл.: К о б а л и я, стр. 120—121. Перевод отредактирован.

№ 103. Зап. В. Шавдия в Кутаисском уезде.

Опубл.: СМОНПК, т. XXXII, отд. III, стр. 78—79; см. также: К о б а л и я, стр. 118. Перевод отредактирован.

№ 104. Зап. Дж. Сонгулашвили в 1952 г. в с. Дигоми (Восточная Грузия, Картли); сказитель С. Гигаури.

Опубл.: «Материалы народной словесности», т. II, под ред. Е. Вирсаладзе, Тбилиси, 1957 [на груз. яз.].

¹ Кизил действительно зацветает ранней весной, но созревают его плоды лишь глубокой осенью.

№ 105. Предание это является отрывком из «Картлис цховреба» (т. I, Тбилиси, 1955, стр. 20—23). В нем рассказан один из эпизодов формирования Картлийского царства — восстание против Азона, ставленника Александра Македонского, и установление власти первого картлийского царя Фарнаваза. Фольклорный характер этого отрывка не раз отмечался исследователями.

¹ Мцхета — древняя столица Восточной Грузии.

² Фарнаваз — родоначальник грузинской династии Фарнавазианов. Второй после Азона царь Картлийского царства, возникшего на рубеже IV—III в. до н. э. Время воцарения Фарнаваза — 1-я половина III в. до н. э.

³ Мцхетос — потомок легендарного Картлоса, сына Ноя; эпоним столицы Картли Мцхета.

⁴ Исфаган — провинция Ирана.

⁵ Старейшина Мцхеты в 1-й половине III в. до н. э.

⁶ В действительности Александр Македонский до Грузии не доходил. Здесь действовали отдельные части римских легионов.

⁷ Азон — имя римского правителя 1-й половины III в. до н. э.

⁸ Поле Дигомское — Дигоми, село возле Тбилиси (в настоящее время входит в черту города).

⁹ В описываемое время города Тбилиси еще не существовало. Эти места покрыты были густым лесом.

¹⁰ Чуглуги — молоток.

¹¹ Куджи — имя правителя Эгриси (совр. Мегрелия) (1-я половина III в. до н. э.).

¹² Эристави — владетель, глава.

№ 106. Опул.: С. Цаишвили, Тбилиси в народном творчестве, Тбилиси, 1958 г. [на груз. яз.].

¹ Фарнаоз (Фарнаваз) — см. прим. 2 к № 105.

В настоящем предании отразились мотивы, донесенные до нас грузинскими летописями. Однако строительство Тбилиси связано не с эпохой Фарнаваза, а с царствованием Вахтанга Горгасали (V в.) (см. № 108 настоящего сборника).

№ 107. Сказитель, народный певец Чимия, крестьянин 80 лет, соврем. царя Ираклия II. «Запись и обработки Шакро» (З. Гулисашвили). Подзаголовок: «рассказ, слышанный на г. Бочорма».

Опул.: «Дроеба», 1885, № 5 [на груз. яз.].

¹ Бочорма — гора над р. Иори, в 60 км от Тбилиси. На этой горе и сейчас стоит великолепно сохранившаяся крепость с высоким крепостным валом, стенами и развалинами замка. Первые сведения о ней относятся к 1-й четв. XV в.

² Вахтанг Горгасал (Горгасали — «Волчья голова») (ум. в 502 г.) — царь грузинский, картлийский. Убит в одном из сражений с персами. Деятельность Вахтанга I была направлена на объединение Грузии и централизацию власти. Одновременно он вел длительную борьбу с сасанидским Ираном за независимость Картли. Имя Вахтанга необыкновенно популярно в фольклоре. Сохранился цикл песен и преданий о нем. См.: Сихарулидзе, I, стр. 53—62, 181—190.

³ Уджарма — бывший город-крепость на правом берегу р. Иори в Сагареджойском р-не ГССР. Стены и башни восходят к IV—VI вв., когда Уджарма являлась одним из важнейших городов Грузии.

⁴ Картли (Карталиния) — древнейшая область Восточной Грузии, в античных источниках называемая Иберией.

⁵ Кахети — одна из древнейших областей Грузии, выделившаяся в пору феодальной раздробленности Грузии в самостоятельную единицу и вновь объединенная с Картли в XVIII в. Ираклием II.

⁶ По словам записавшего текст З. Гулисашвили, «по верованиям народа, в небе ежедневно три раза раздаётся звон колоколов, но слышат его только святые люди». В грузинском фольклоре песни о Вахтанге Горгасали весьма популярны (см. русский перевод одной из них — «Поэзия Грузии», 1949, стр. 21).

⁷ Пахарь в предании называется *гутнисдэда*, что значит «мать плуга». И в настоящее время так называют ведущего плуг во время пахоты. Этот древнейший термин сохранил матриархальную окраску.

⁸ Джавахети — область в Южной Грузии.

⁹ Самгорское поле — долина Самгори, примыкающая к Тбилиси.

№ 108. Опубл.: Я. Гогешашили, Бунебис-Кари, стр. 349 [на груз. яз.]. Аналогичное предание приводится и М. Джанашивили в «Краткой истории Грузии» (Тбилиси, 1884, стр. 222—223. [на груз. яз.]). См. также: Сихарулидзе, стр. 55 (в прим. на стр. 186—187 приведены варианты).

¹ Исторически строительство Тбилиси, ставшего после Мцехеты столицей Грузии, связано с именем Вахтанга Горгасали. В настоящее время в Тбилиси, в районе старого города, стоит памятник Вахтангу Горгасали — основателю города.

№ 109. Опубл.: «Село Метехи и его древности», — «Могзаури», 1902, № 9, 10, стр. 683 [на груз. яз.]. Предание носит следы литературной обработки (см.: Сихарулидзе, стр. 60—61, 189—190).

¹ Богатар — богатырь.

² Палаван — прославленный боец, герой.

³ Под названием Метехи в Грузии известен ряд крепостей, храмов и сел. Один из храмов, построенный в XIII в., находится в Тбилиси, в самом узком месте ущелья реки Куры, где сейчас поставлен памятник Вахтангу Горгасали (см. прим. 2 к № 107). Село Метехи с остатками крепости и храмом (XII—XIII вв.) расположено выше по течению Куры, в 150 км от Тбилиси.

⁴ Цилканский храм (IV—IX вв.) расположен близ Мцхеты в ущелье Арагви; неоднократно перестраивался.

⁵ Сионский храм (XI в.) расположен в Тбилиси.

⁶ Эртацминда — храм, построенный на рубеже XII—XIII вв.

⁷ Самтависи — крестово-купольный храм, построенный в 1030 г. в 30 км от г. Гори.

Упоминание храмов, построенных ранее описываемого времени, является анахронизмом.

Предание имеет ряд традиционных для грузинской сказки эпизодов: упрек, брошенный герою, вызов его на мщение за поруганную честь рода, принуждение матери сказать правду, неуязвимость героя. Последнему мотиву в предании (как и в других преданиях, связанных с Горгасали) дана поздняя, реалистическая мотивировка — ношение брони, случайной порванной или с открытой подмышкой (ср. образы эпических героев — Ахилла, Сослана-Сосраква, Зигфрида и др.); мотив неуязвимости см. Th D1840; Z311.

№ 110. Зап. М. Алавидзе в с. Цагери (Западная Грузия); сказитель Е. Ахведиани.

Опубл.: М. Алавидзе, Лечхумская устная словесность, Тбилиси, 1951 [на груз. яз.].

¹ К у т а и с и — один из самых древних городов Грузии. Известен античным авторам с первых веков нашей эры. С VIII в. — столица Западно-грузинского царства.

² Царь Гурген, по нумизматическим данным, правил в VI в. н. э.

³ Г у р и я — область Грузии, занимающая западную часть черноморской низменности и предгорий Малого Кавказа. С XIV в., в период распада грузинского царства, — одно из крупных феодальных княжеств.

⁴ М е г р е л и я — область Западной Грузии; в XV — 1-й пол. XIX в. — одно из крупных самостоятельных феодальных княжеств.

⁵ Х в а м л и — горная вершина в Западной Грузии, на границе Лечхуми и Сванети.

№ 111. Зап. в 1939 г. А. Каргаретели. ФАИ, № 18689.

Опубл.: С и х а р у л и д з е, II.

¹ Д а в и д С т р о и т е л ь (В о з о б н о в и т е л ь) — грузинский царь из династии Багратидов (1073—1125). Вступил на престол в 1089 г. Его деятельность была направлена на укрепление центральной власти, усмирение феодалов и борьбу с внешними врагами.

² Г е л а т и — см. прим. I к № 112.

В основе предания лежат исторические данные. По описанию географа Вахушти Багратиони, в монастыре Гелати «повешены ворота железные, привезенные Давидом Строителем из Дербента» (В а х у ш т и, География Грузии, стр. 151). Их и сейчас показывают в Гелати, но как ворота, снятые с города Ганджи (С и х а р у л и д з е, 1949, стр. 193—194).

Мотив воинов, обманным путем на мулах ввезенных в город, встречается и в народном варианте «Бежаниани», эпизоде из «Шах-наме», где герой Ровтом ввозит так своих воинов во вражеский город (см.: «Грузинский народный эпос», под ред. С. Кубанейшвили, Тбилиси, 1949, стр. 78; В и р с а л а д з е, 1958, стр. 343—356).

№ 112. Зап. В. Эбанондзе в с. Сакара; сказитель С. Г-дзе.

Опубл.: «Акакис кребули», 1897, № 1 [на груз. яз.]. Озаглавлено: «Легенда о Давиде Строителе».

¹ Г е л а т с к и й м о н а с т ы р ь (Г е л а т и) построен Давидом Строителем в 1-й четв. XII в. Имел большое значение в истории Грузии как крупный центр просвещения, передовой философской мысли и художественной культуры. При Гелати была создана Академия. Расположен в 7 км от г. Кутаиси.

² В а р д з и я — пещерный город в Южной Грузии (см. прим. 2 к № 117).

³ Д е р б е н т с к и е в о р о т а — см. № 111 настоящего сборника.

№ 113. Зап. Ю. Дзамашвили в 1937 г. в с. Шрома (Кахети); сказитель Г. Кадагишвили. ФАИ, № 13476.

Опубл.: С и х а р у л и д з е, I, № 44-6, стр. 254.

¹ Имеется в виду Венера.

² Т а м а р — царица Грузии. С ее именем связан большой цикл преданий, легенд и песен (см. № 83, 113—118, и др. настоящего сборника). Одним из подобных преданий является рассказ о пленении Тамар утренней звезды и связанном с этим народным благополучием, прекратившимся после освобождения звезды из плена. Царствование Тамар являлось эпохой экономического и политического расцвета Грузии, прерванного вскоре после смерти Тамар нашествием монголов. Возможно, именно этот факт нашел свое поэтическое воплощение в этом предании.

Мотив оседлания нечистой силы см. № 112 настоящего сборника.

№ 114. Зап. в Имерети.

Опубл.: «Квали», 1893, № 36 [на груз. яз.]; Сихарулидзе, I, № 43.

¹ Георгий — Георгий IV (1195—1222), сын Тамар от ее второго мужа — Давида Сосдана. По некоторым вариантам, сыном Тамар является царь Эрекле (Иракий) II, что, конечно, является анахронизмом.

Мотив ребенка, чудесно вскормленного оленем, встречается во многих преданиях (см. № 110 и др.). См.: Сихарулидзе, 1947, стр. 221—232; Сихарулидзе, I, стр. 235—253 (13 вариантов); см. также: А. Х а х а н о в, Очерки по истории грузинской словесности, I, М., 1895, стр. 285; А. Веселовский, Царица Тамара в народной легенде и у Лермонтова, — «Кавказ», 1898, № 6; его же, Еще раз о царице Тамаре, — «Кавказ», 1898, № 56; Котетишвили, стр. 338.

№ 115. Зап. и обр. М. Джанашвили.

Опубл.: М. Джанашвили, История Грузии, I, 1906; Сихарулидзе, I, стр. 234—235 (там же приведено 4 варианта); СМОНІК, т. XXXII, отд. III, стр. 13 [на рус. яз., зап. в Имерети].

¹ Горийский холм — гора с крепостью на ней в г. Гори.

№ 116. Зап. Важа-Пшавелой (Л. Разикашвили).

Опубл.: Важа-Пшавела, Полное собрание сочинений, т. VII [на груз. яз.].

№ 117. Зап. в Месхети. Архив Ин-та рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, ф. Н-2004.

Опубл.: Сихарулидзе, I, № 54, стр. 88.

¹ Пещеры Вана — пещерные сооружения, расположенные в Южной Грузии на левом берегу Куры, напротив пещерного комплекса Вардзии.

² Вардзийские пещеры — пещерный комплекс в пять ярусов в Южной Грузии на правом берегу Куры. Выдающийся памятник грузинской художественной культуры XII—XIII вв. Сохранился храм, стены которого сплошь покрыты фресками. Среди них — портреты Георгия III и царицы Тамар.

№ 118. Зап. К. Магалашвили в 1907 г. в с. Церкви в Борчало; сказительница М. Бибилури.

Опубл.: «Древняя Грузия», 1907, т. II, отд. IV, стр. 48—49 [на груз. яз.].

Прим. сказительницы: «Могила такого великого человека, каким была царица Тамар, которой подчинялись журавли, ласточки и другие птицы и по ее приказанию приносили ласточки землю, а журавли камень, при помощи которых она строила церкви, монастыри и крепости на столь неприступных горах; которая по божьему благословению взнуздала уздечкой дьявола и носилась, сидя на нем, — в одну минуту переносясь отсюда в Багдад, и, кто знает, сколько монастырей, церквей и крепостей выстроила по всей Грузии; которая доход с них употребляла на строительство Вардзийского монастыря и выстроила вокруг Вардзии столько келий, сколько есть дней в году, — и вот ее-то могила должна быть в неизвестности? Не должны разве точно знать место ее погребения? Я уверена и от отца своего слышала, что похоронена она в Вардзии. В знак того, что похоронена она там, и повелела Тамар изобразить свой портрет в Вардзийском храме».

В настоящее время местонахождение укрытого во время нашествия монголов погребения Тамар точно не известно. Предполагается, что она погребена в Гелатском или Вардзийском монастырях.

№ 119. Зап. Г. Гоголадзе в 1937 г. в с. Баралети (Месхети, Южная Грузия); сказитель В. Гоголадзе, 72 лет. ФАИ, № 12997.

Опубл.: Сихарулидзе, I, стр. 289.

¹ Шота Руставели — гениальный грузинский поэт XII в., автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Согласно прологу, поэма посвящена царице Тамар.

² «Вепхисткаосани» — «Витязь в тигровой шкуре».

³ Не удержатъ смерти... — двустишие из поэмы Ш. Руставели.

№ 120. Зап. А. Махарадзе в 1937 г. в с. Хизабавра (Месхети); сказитель Ф. Гоголадзе. ФАИ, № 13004.

Опубл.: М. Чиковани, Шота Руставели и грузинский фольклор, Тбилиси, 1966, стр. 155—156 [на груз. яз.].

¹ Крепость и город Тмогви — см. прим. 1 к № 154.

² Тома Тмогвели — т. е. Тома Тмогвский, правитель крепости Тмогви.

³ Имеется в виду возвращение Руставели из дальних стран, куда он был послан для получения образования.

⁴ Рустави — село и крепость в Месхети.

⁵ Ормоци (букв. «сорок») — Крепость сорока.

⁶ Толошская дорога — дорога, идущая мимо крепости Толоша.

№ 121. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1960 г. в Раче. ФАИ, Мат. Рач. эксп. 1960 г.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 216.

¹ Эристави — владетель, глава.

² Рача — горный район в Западной Грузии, бывшее самостоятельное княжество.

³ Этот афоризм, весьма популярный и распространенный, народная традиция приписывает Шота Руставели.

№ 122. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1963 г. в с. Чибреви (Рача); сказитель Д. Эрадзе.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 216.

¹ Эта пещера и сегодня видна в скалах над селом Шкмери (Рача).

² Ш о д а — гора напротив села Шкмери.

³ Ч и а т у р а — город в Западной Грузии, недалеко от Рачи. (В настоящее время известен крупными разработками марганцевых руд.)

№ 123. Зап. И. Букураули. Пересказ устных преданий, прилагаемый им в виде комментария к опубликованному стихотворению «Взятие Бахтриони тушинами». И. Букураули — крупный знаток тушинского фольклора. Его сведения подтверждены и рядом позднейших записей.

Опубл.: Э. Т к а й ш в и л и, Грузинская народная словесность, I, стр. 61—62 [на груз. яз.].

¹ А л в а н и — местность в Кахети, в настоящее время заселенная тушинами, спустившимися с гор.

² Известно несколько кахетинских царей Леванов. Однако настоящее предание не связано исторически ни с одним из них. Переселение шахом Аббасом в Кахети туркменских и других тюркских племен, а также оставленные им в крепостях гарнизоны вызвали народное возмущение, которое в 1658 г. в период правления в Кахети Селим-хана, вылилось в народное восстание и изгнание персов. Настоящее предание отражает именно эти события.

³ Т а х т и с Б а г и р и — название местности.

№ 124. Опубл.: К о т е т и ш в и л и, стр. 347; С и х а р у л и д з е, II, стр. 141 и 327.

¹ Ш и р а к и — степь в Восточной Грузии.

№ 125. Самозапись В. Габури.

Опубл.: «Целиздеули», I, Тбилиси, 1923 [на груз. яз.].

¹ Э р е к л е — Ираклий II (1720—1798), царь Грузии.

² Скорее всего, имеются в виду персы — в данном случае собирательное понятие.

³ К р ц а н и с и — местность под Тбилиси, где происходил знаменитый бой с войсками Ага-Магомет-хана (1795 г.). В этом бою polegло 300 «аравинцев», поклявшихся победить или умереть. Этим героям в 1963 г. поставлен в Тбилиси памятник, где горит вечный огонь.

⁴ Д в и ж у щ а я с я к о л ь ч у г а — см. прим. 1 к № 67 настоящего сборника.

№ 126. Приводится по статье грузинского этнографа и общественного деятеля Д. Джанашвили.

Опубл.: Д. Джанашвили, Исторические картины, — «Иверия», 1882, № 12.

¹ В народе существует цикл песен и преданий о Майе из села Цхнети (недалеко от Тбилиси). Эти материалы собраны в статье А. Гарсеванишви-

№ 130. Опул.: «Акакис кребули», 1897, № 3, отд. I.

¹ Сагареджо — село в Кахети.

² Мамитади — коллективная помощь в жатве.

№ 131. Зап. А. Церетели.

Опул.: «Дроеба», 1875, № 58 [на груз. яз.].

¹ Чакви — село на побережье Черного моря.

² Соломон II — царь Имерети (1773—1815).

³ Волосок, вырванный из усов, являлся надежной гарантией, скреплявшей клятву.

⁴ Гори — город в Картли.

⁵ Мествире — странствующий певец, поющий под аккомпанемент волынки (*свири*).

⁶ Шаири — стихи определенного размера.

№ 132. Зап. А. Церетели в с. Квители.

Опул.: «Акакис кребули», 1899, № IX [на груз. яз.].

¹ Квители — село в Западной Грузии.

² Одиши — селение в Мегрелии, где находился замок князей Дадиани.

³ Дадиани — владетельные князья Мегрелии.

⁴ Папанаки — войлочная шапка.

№ 133. Зап. и обр. А. Церетели.

Опул.: «Дроеба», 1875, № 57 [на груз. яз.].

¹ Лечхуми — горная область в Западной Грузии.

№ 134. Зап. Н. Джавахишвили в 1962 г. в с. Архилоскало Цителца-кройского р-на; сказитель М. Циклаури.

Опул.: Нар. мудр. т. III, стр. 106.

¹ Тамарул — уменьшительное от Тамар.

№ 135. Зап. Б. Окруашвили в 1893 г. в с. Чунчи в Джавахети.

Опул.: «Иверия», 1893, № 50.

¹ Джавахети — область Южной Грузии.

² Вадзия — пещерный город XI—XII вв. Раньше в день богородицы там устраивали большой храмовый праздник.

№ 136. Зап. Л. Чрелашвили в 1959 г. в Тушети; сказитель Д. Бачулашвили. Сюжет предания схож с песней об «Авдотье-Рязаночке».

№ 137. Зап. К. А. Сихарулидзе в 1943 г. в с. Гречи в Кахети; сказитель Д. Гураспишвили.

Опул.: Нар. мудр. III, стр. 265.

Предание, видимо, связано с нашествием полчищ шаха Аббаса.

№ 138. Зап. Е. Вирсаладзе и М. Гогичашвили в 1960 г. в с. Глола Онского р-на; сказитель В. Бичашвили, 84 лет. ФАИ, Мат. Рач. эксп. 1960 г.

Предание отражает один из эпизодов исторического прошлого народов, населявших Кавказ.

¹ Д и г о р и я — западная часть СОАССР.

² К и р т и ш о — гора в Раче.

№ 139. Зап. Ц. Цагарели в 1960 г.; сказитель В. Н. Гавашелишвили, 47 лет. ФАИ, Мат. Рач. эксп. 1960 г.

Опубл.: Нар. мудр. III.

¹ Д ж а н х о т а ш в и л и — фамилия героя. В предании он иногда называется Джанхотом. Это и есть осетинская основа имени, которое передано сказителем на грузинский лад.

² Г е б и — высокогорное село Онского р-на (Рача).

³ Г у д а — кожаный заплечный мешок.

№ 140. Зап. Е. Вирсаладзе в 1946 г.; сказитель З. Бурдули, 72 лет, бывший деканози (во время записи — мельник).

Опубл.: Вирсаладзе, 1958, № 522 (там же варианты а и б).

¹ А н д р е з и (букв. «завет») — предание, содержащее важные для рода сведения, передающееся из поколения в поколение и являющееся своего рода юридическим подкреплением тех или иных прав рода (см. Предисловие).

² А р х в а т и, М л е т а, С е т у р н и — горные села в Мтиулети (Восточная Грузия).

³ М а р т е б у л и (букв. «долг») — дань.

⁴ Л а с т и — плетенка из прутьев, служившая ложем.

⁵ К а д а — пирог с начинкой.

⁶ Ч о х а — мужская одежда из домотканой шерсти. Длинные полы чохи перед боем поднимали вверх и закладывали за пояс. Приход в чохе с опущенными полами — свидетельство мирных намерений.

⁷ Д и д в е л и (букв. «Великое поле») — небольшая равнина в Мтиулети.

⁸ Н а г в а р е в и — селение в Мтиулети.

⁹ Л о м и с и — святыня, весьма почитавшаяся среди горцев Восточной Грузии. На храмовое празднество в Ломиси собирались жители со всей Восточной Грузии. Бурдули являлись вершителями культа при храме.

№ 141. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Местия (Сванети), сказитель А. С. Гоштелиани. ФАИ, № 34303.

¹ Д а д е ш к е л и а н и — род владетельных князей Сванети.

² Г о ш т е л и а н и — дворянский род в Сванети.

³ В а р г и — мелкие дворяне в Сванети.

⁴ Ф у с т — господин.

⁵ К а л а б е т ш и — дворянский род в Сванети.

⁶ Ц и ц х а р и — хребет в Сванети.

№ 142. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1951 г. в с. Мулахи (Сванети); сказитель Б. Л. Иосселиани.

Опубл.: Нар. мудр. III.

¹ Жители одного ущелья представляли собой родо-племенное объединение. Между отдельными объединениями бывали стычки из-за пастбищ и т. д. В данном случае речь идет об объединении вольных, не знавших крепостного ярма ущелий Верхней Сванети против общего врага — дворян и князей Нижней Сванети, постоянно угрожавших свободе вольных жителей Верхней Сванети.

² М у л а х — сельское общество в вольной Сванети.

³ У г в и р и — село на горном перевале в Сванети.

⁴ К и п и а н и — княжеский род.

⁵ Г у к а р и — село в Сванети.

⁶ Г е л о в а н и — княжеский род.

⁷ С а п а л н е — мера вина.

⁸ Ч о л у р и — название местности.

№ 143. Опул.: С и х а р у л и д з е, II.

Предание рисует один из эпизодов борьбы вольной Сванети с владетельными князьями Дадешкелиани.

¹ У ш г у л и — село в Верхней Сванети.

² Самым страшным наказанием для свана является не смерть, а предание трупа земле на чужбине.

№ 144. Самозапись 1914 г. В. М. Калундаури, 25 лет, жителя с. Чимга Архотского ущелья.

Опул.: А. Ш а н и д з е, — «Целицдеули», II, Тбилиси, 1924, стр. 158—160 [на груз. яз.].

¹ З у р а б - э р и с т а в и — один из крупных феодалов, властитель Арагвского ущелья (XVII в.). Известен своими неоднократными попытками поработить вольных горцев Восточной Грузии (хевсуров, пшавов, мтиульцев, гудамакарцев и др.).

Родовое гнездо арагвских эристави, крепость Ананури, и сейчас высится на берегу Арагви в 70 км от Тбилиси.

² П х и т у р и — горный перевал в Хевсурети.

³ О с а у р и — название местности.

⁴ Р о ш к и — горная вершина в Хевсурети.

⁵ П х и т а — сокр. от Пхитури.

⁶ Б л о — селение в Хевсурети.

⁷ С а д з е л е — горная вершина в Хевсурети.

⁸ С а н а — святыня Гуданского хати на горе Сана.

⁹ М а м у к а К а л у н д а у р и — герой цикла героических песен и преданий Хевсурети XVII в.

¹⁰ Г у р о — село в Хевсурети.

¹¹ Х и п х о л а — полевое растение, корни которого употребляются в пищу.

¹² Б о р б а л о — горная вершина на границе Хевсурети.

¹³ По представлениям хевсур, хвтишвилы, а также некоторые народные герои имели в себе частицу божества, были *нацилиани* (от *цили*, *нацили* — часть). Проявлялось это по-разному, но главным образом в том, что от героя исходил свет. Некоторым сопутствовала звезда, у других была свеча на правом плече и т. д. (см.: Б а р д а в е л и д з е, стр. 111—112).

¹⁴ Б е к е н и — гора в Хевсурети.

¹⁵ С а м а н и — памятный или жежевой камень.

№ 145. Самозапись 1914 г. В. М. Калундаури, 25 лет, жителя с. Чимга Архотского ущелья.

Опубл.: А. Ш а н и д з е, — «Целиздеули», II, Тбилиси, 1924, стр. 160—161 [на груз. яз.].

См. также № 144.

¹ Г у р о й ц ы — жители с. Гуро.

№ 146. Зап. А. Камараули в 1950 г.; сказитель Б. Арабули, житель с. Джута (Хевсурети).

Опубл.: С и х а р у л и д з е, I, стр. 174, № 163 и прим.

¹ З у р а б — см. прим. I к № 144.

№ 147. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1946 г. в с. Гвидаке Душетского р-на; сказитель Г. И. Бучукури, 90 лет. ФАИ, № 32166.

Опубл.: В и р с а л а д з е, 1958, стр. 297, 298, № 511.

! Г в и д а к е, А х а л ц и х е, Т о н ч а — села в Мтиулету, где живут Бучукури, выходцы из Хевсурети.

№ 148. Зап. А. Камараули в 1950 г. в с. Джута Душетского р-на; сказитель Б. Арабули, 80 лет.

Опубл.: С и х а р у л и д з е, I.

Как отмечает и первый издатель этого текста проф. К. А. Сихарулидзе, запись в языковом отношении неточна и носит следы искусственного соединения различных диалектных форм.

¹ Т е й м у р а з — царь Грузии из династии Багратидов.

² Т р у с о — ущелье в районе Военно-Грузинской дороги.

³ М т и у л ь ц ы — жители Мтиулету.

⁴ А н а н у р и — замок и крепость арагвских эристави.

№ 149. Зап. Е. Вирсаладзе в 1960 г. в с. Геби; сказитель П. Лобжанидзе. ФАИ, Мат. Рач. эксп. 1960.

Вариант этого предания см. СМОМПК, XXII, отд. II, стр. 210—238.

¹ А р у — звуки, подобные улюлюканью. В ночь летнего солнцестояния, когда принято было жечь костры и прыгать через них, кричали «Ару-ру чертям!», т. е. изгоняли чертей.

² А р е ш и д з е — фамилия князей Рачи.

³ Д ж а п а р и д з е — дворянская фамилия, славившаяся боевой доблестью (Рача).

⁴ Л о б ж а н и д з е — одна из фамилий горцев с. Геби (Горная Рача).

⁵ Новобрачные звались в Грузии «царем» и «царицей».

⁶ Г е б и — село в Горной Раче у верховьев р. Риони.

⁷ Ц и н ч а л а — мост через Риони у с. Геби.

⁸ Ц е р к о в ь М а ц х о в а р и — церковь Спаса.

⁹ Ч е л т и — посылки, сплетенные из прутьев.

№ 150. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: «Древняя Грузия», II, отд. IV, 1910.

¹ К а х и — грузинское село в Саингило (АзССР).

Мотив поимки врага, укрывшегося в крепости, путем выманивания его на охоту за ложным «зверем», встречается во многих грузинских преданиях. Например, в одном предании горцы выманили ненавистного им князя из крепости, покрыв теленка медвежьей шкурой и укрепив у него на голове серебряную чашу, сверкавшую на солнце. Князь вышел взглянуть на удивительного зверя и был убит (В и р с а л а д з е, 1958, стр. 300).

№ 151. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1934 г. в г. Цхинвали; сказительница С. Касарадзе-Толнашвили.

¹ Л е ч а к и — часть национального женского головного убора — прозрачное тюлевое или кружевное покрывало в виде фаты, закрывающее голову и плечи. Поверх него девушки надевали парчовую шапочку, а жемчины — короткий шелковый полушалок.

№ 152. Оpubл.: «Моамбе», 1904, № 9 [на груз. яз.].

Текст дополнен нами по другим материалам (см.: И. П. У м и к а ш в и л и, Народная словесность, I, 1937, № 290; Ин-т рукописей АН ГССР им. К. Кекелидзе, ф. № 5293, л. 67; ф. № 1992, № 123, 124).

¹ Крепость в местечке Сурами Хашурского района ГССР замыкает систему крепостей, оберегавших юго-западную границу Грузии.

² Песня «Сын мой, Зураб, куда» широко распространена в Грузии.

³ Предание о замурованном в стену юноше связывается в Грузии и с другими крепостями, например с сигнахской крепостью или крепостью Минди в Раче (см.: Н. М и н д е л и, Селение Сори, — СМОМПК, т. XIX, отд. II; см. также: М. Д ж а н а ш в и л и, Грузия, — «Накадули», 1913, № 2, стр. 46—47 [на груз. яз.]).

Сюжет этот имеет мировое распространение (В. К о т е т и ш в и л и, Происхождение легенды о сурамской крепости и ее параллели в мировом фольклоре, — Избранные труды, Тбилиси, 1968, стр. 338 [на груз. яз.]; М. Ч и к о в а н и, Грузино-сербо-венгерские схождения. (К вопросу о генезисе легенды о сурамской крепости), — «Вестник АН ГССР», т. XVI, № 10, 1955; Н. Ш а м а н а д з е, Мотив замурованной жертвы, — «Грузинский фольклор», I—II, Тбилиси, 1964, стр. 303 [на груз. яз.]).

В черкесском предании возведение Сурамской крепости связывается с нашествием персов во времена Вахтанга Горгасали. Зураб здесь — любимый приближенный царя (см.: «Черкесские предания», III; «За Родину», — «Московские ведомости», 1896, № 40; «Темное старое время Грузии. Сурамская крепость», — «Кавказ», 1878, № 244).

Этому сюжету посвящена статья венгерского ученого Л. Вардьяша. Он считает, что сюжет зародился в Венгрии, откуда попал уже и в Грузию (правда, он не отрицает архаичного характера грузинского предания). См.: L. V a r d y a s, Die Herkunft der ungarischen Ballade von der eingemauerten Frau, — «Acta Ethnographica, Academiae Scientiarum Hungaricae», t. IX, стр. 1.

№ 153. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1949 г. в поезде, недалеко от ст. Уплисцихе; сказитель житель с. Хандаки Горийского р-на.

¹ У п л и с ц и х е (букв. «крепость владыки») — пещерный город на

левом берегу р. Куры, близ г. Гори. Выдающийся памятник скальной архитектуры (I—II вв. н. э.). Разрушен монголами в XIII в.

² М а р а н и — помещение для давления винограда и хранения вина.

³ К в е в р и — большие глиняные врытые в землю кувшины для хранения вина.

⁴ Г о д ж и — мера длины, расстояние от верхнего сустава большого пальца до кончика ногтя, приблизительно 4 см.

№ 154. Зап. Г. Гоголадзе в 1936 г. в с. Баралети (Южная Грузия); сказитель Б. Гоголадзе.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 270.

¹ Т м о г в с к а я к р е п о с т ь — большая крепость в Южной Грузии, охранявшая ущелье Куры. В XI в. была разрушена землетрясением, но затем восстановлена. Сохраняла свое стратегическое значение до XVI в.

² К и з и л б а ш и — (букв. «красноголовые») — тюркское прозвище персов.

№ 155. Зап. М. Алавидзе.

Опубл.: М. А л а в и д з е, Лечхумское устное творчество, Тбилиси, 1951 [на груз. яз.].

¹ К с а н и — приток Куры.

№ 156. Зап. И. Алхазивили.

Опубл.: И. А л х а з и в и л и, Два дня в Боржоми (Путевые записки), — «Дроеба», 1877, № 9 [на груз. яз.].

¹ А з а р п е ш а — чаша для вина.

² Развалины обеих крепостей и сейчас высятся по обе стороны ущелья Боржоми. С этими крепостями связаны и другие предания (стр. № 157 настоящего сборника).

№ 157. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1965 г. в г. Тбилиси; сказительница А. Габашвили (легенду рассказала ей бабушка).

Вариант см.: «Саломе» — «Кавказ», 1901, № 86. В ней действие связано с нашествием Ага-Магомет-хана и башнями, расположенными по дороге из Ахалцихе к Абастуману.

¹ Л и к а н и — местность возле Боржоми.

№ 158. Зап. Л. Рамишвили в 1960 г. в с. Цедиси; сказитель Э. Ф. Майсурадзе, 61 года. ФАИ, Мат. Рач. эксп. 1960 г.

Опубл.: Нар. мудр. III.

Район, где записано предание, является одним из древнейших очагов обработки металла на Кавказе.

¹ Л и х с к и й х р е б е т делит Грузию на Восточную и Западную.

² Р а ч а — горный район Западной Грузии.

³ Из Картли через Гори и Эрцойский перевал ведет в Рачу короткая дорога.

⁴ Ц е д и с и — село в Раче; известно село того же наименования в Картли.

№ 159. Опубл.: «Иверия», 1883, № 196.

Мотив нахождения целебных вод благодаря излечению в них раненых или больных животных или птиц см. № 106, 108 настоящего сборника.

№ 160. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: «Мнатоби», 1870, № 2 [на груз. яз.].

¹ К а х и — грузинское село на западе АзССР.

² С а н г и л о (букв. «место, где живут ингилойцы») — три западных района в АзССР, населенных грузинами ингило. Часть из них в период персидского завоевания в начале XVII в. вынуждена была принять ислам (шинитского толка). Отсюда наименование *ингило* (от искаженного тюркск. *энгилав* — «новообращенный»)

№ 161. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1963 г. в с. Паракети (Рача); сказитель В. Тогонидзе.

¹ В а р д з и я — название села в Харагоульском р-не ГССР (не путать с пещерным городом XII в., находящимся в Месхети).

Мотив девушки, унесенной ребенком и выросшей в гнезде птицы, встречается в грузинском романтическом эпосе «Этериани» и в некоторых грузинских сказках.

№ 162. Опубл.: Г л у ш а к о в, стр. 13. Перевод отредактирован.

¹ М е л и с к а р и (от груз. *мела* — лиса, *кари* — дверь; букв. «лисья дверь») — название храма.

№ 163. Зап. А. Глonti в 1954 г. в с. Двани Карельского р-на; сказитель А. Гоголадзе.

Опубл.: «Грузинские народные новеллы». Записал и подготовил к изданию с предисловием и примечаниями А. Глonti, Тбилиси, 1956, стр. 304—305 [на груз. яз.].

Популярное в Грузии предание, записанное во многих вариантах (см. также: Нар. мудр. III, стр. 247).

№ 164. Зап. Н. Абашидзе в 1936 г. ФАИ, № 10624.

¹ Ц и ц и а н о в с к и й л е с — лес, принадлежавший князьям Цицишвили.

² С а д ж а в а х о — область в Южной Грузии.

№ 165. Зап. в с. Окуми Сухумского округа.

Опубл.: М а ш у р к о, стр. 249. Перевод отредактирован (см. также СМОМПК, т. XIX, стр. 10—11; И. Д ж а в а х и ш в и л и, История Грузии, т. I, Тбилиси, 1928).

¹ О к у м и — село в Мегрелии.

² С в. Георгий, культ которого впитал в себя в Грузии элементы культа луны и божества охоты, считался владыкой зверей и покровителем охотников.

³ С а м у р з а к а н о — область в Мегрелии (Западная Грузия).

№ 166. Опубл.: Глушаков, стр. 10—11. Перевод отредактирован.

¹ Илори — село в Западной Грузии, в Мегрелии.

№ 167. Зап. М. Я. Чиковани в 1937 г. в с. Андриацминди (Южная Грузия); сказитель Б. Бекидзе. ФАИ, № 13064.

¹ Сапарский монастырь построен в Южной Грузии в конце XIII в. В северном своде храма св. Саввы, входящего в его комплекс, действительно имеется скульптурный рельеф головы быка. Храм выстроен архитектором Фарезаде (об этом гласит надпись на стене) (см.: В. В. Беридзе, Архитектура Самцixe XIII—XVI вв., Тбилиси, 1953, стр. 86).

№ 168. Зап. Н. Абашидзе в 1936 г. в с. Цроми Карельского р-на; сказитель Ш. Датунашвили. ФАИ, № 10623-а.

¹ По народной этимологии, название Цроми связывается с грузинским словом *цкроми* («гнев»). Церковь Цроми — картлийский памятник середины VII в. Его упоминание в связи с царицей Тамар является анахронизмом (см.: Г. Н. Чубинашвили, Цроми, Тбилиси, 1969).

² Дзема — в предании объяснено от груз. *дзма* — «брат». *Дзема* — ласкательная форма.

№ 169. Опубл.: Б. Т., Кахетинское предание, — «Кавказ», 1900, № 168. Текст литературно обработан издателем. Печатается с сокращениями.

¹ Тавад — князь.

² Кебаб — блюдо из рубленого мяса.

³ Азарпеша — см. прим. 1 к № 156.

⁴ С этими восклицаниями передается и принимается рог с вином.

⁵ Алаверди — кафедральный храм в долине Алазани в Кахети. Первая церковь на месте храма построена в середине VI в. Настоящее здание собора построено на рубеже X—XI вв.

№ 170. ФАИ, К—146.

¹ Греми — столица Кахети в XVII в. До настоящего времени сохранились лишь развалины городища и храм.

№ 171. Зап. Г. З. Чхиквадзе в 1934 г. в с. Думацхо (ущелье Гудамакари); сказитель Г. Апциаури, 27 лет.

Опубл.: Вирсаладзе, 1958, № 507.

¹ Гудамакари — ущелье Черной Арагви в горах Восточной Грузии. Жители этого ущелья образуют отдельную этническую группу.

№ 172. Зап. Г. З. Чхиквадзе в 1934 г. в с. Читаури (Чартальское ущелье); сказитель Я. Читаури, 72 лет.

Опубл.: Вирсаладзе, 1958, № 506.

¹ Ущелье Чартали расположено в районе р. Арагви в горах Восточной Грузии.

№ 173. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1934 г. в с. Чохи (Гудамакарское ущелье); сказитель Ш. Чохели, 70 лет.

Опубл.: Вирсаладзе, 1958, № 508.

¹ Зураб — см. прим. 1 к № 144.

№ 174. Зап. Н. Давиташвили.

Опубл.: Н. Давиташвили, Некоторые суеверия нашего народа, — «Дроба», 1880, № 186 [на груз. яз.].

Это интересное предание связано с весьма распространенным в прошлом в Грузии представлением о том, будто раз в сутки вода засыпает, на несколько мгновений прекращая свое течение. Это суеверие отразилось и в поговорке о необходимости отдыха («Вода — и та раз в сутки уснет»).

№ 175. Зап. А. Цанавой в 1948 г. в с. Парахети Онского р-на (Рача); сказитель З. К. Эрадзе, известный мествире-волынщик. Вместе с Лукой Тогонидзе был одним из последних представителей грузинских профессионалов-исполнителей, известных мествире (не терявших, однако, полностью связи с сельским хозяйством). После уборки урожая со своим ствири они обходили всю Грузию. З. Эрадзе владел огромным репертуаром.

Опубл.: «Грузинская мествирская поэзия», Тбилиси, 1953, стр. 23—24 [на груз. яз.]. В исследовании приведена подробная биография З. Эрадзе и сведения о мествирской традиции в Грузии.

¹ Парнаоз (Парнаваз, Фарнаваз) — см. прим. 2 к № 105.

² Ствири — волынка.

³ Мествире — см. прим. 5 к № 131.

№ 176. Зап. А. Глonti в 1941 г. в с. Тквиани Горийского р-на; сказитель Б. Татишвили.

Опубл.: А. Глonti, Грузинский народный эпос, Тбилиси, 1952 [на груз. яз.].

Предание имеет широкое международное распространение.

См. Th A2851 — четыре характеристики вина. Соответственно меняются персонажи. Павлин — цвет, искристость, обезьяна — наслаждение, лев — смелость, свинья — опьянение. Томпсон указывает немецкие, испанские, литовские, еврейские и индийские параллели этого сюжета.

№ 177. Зап. Н. А-дзе в 1888 г. в Кобулети (Аджария).

Опубл.: «Иверия», 1894, № 13.

№ 178. Зап. Э. Китишвили в 1961 г. в с. Какабети Сагареджойского р-на (Кахети); сказительница Т. Китишвили.

Опубл.: Нар. мудр. III, стр. 252—253.

См. также: Драгоманов, стр. 169.

№ 179. Зап. Д. Сонгулашвили в 1952 г. в с. Дигони; сказитель Ласурашвили.

Опубл.: Материалы, II.

№ 180. Зап. А. Глonti в с. Карагаджи Каспского р-на; сказитель Д. Квривишвили.

Опубл.: Глonti, стр. 6.

№ 181. Зап. Т. Разикашвили в 1890 г. в Картли; сказитель С. Гулишвили.

Опубл.: Т. Разикашвили, Сказки, записанные в Картли, Тбилиси,

1909, № 50 [на груз. яз.]. Им же опубликован русский перевод (СМОМПК, т. X, отд. III, стр. 54).

Вариант этого предания был литературно обработан поэтом В. Соллогубом и опубликован в книге «Летопись Грузии», вып. I (Тбилиси, 1913) под названием «Красота».

№ 182. Зап. Г. Кутубидзе.

Опубл.: А. Глонти, Гурийский фольклор, Тбилиси, 1937 [на груз. яз.]. Печ. по сб.: М. Я. Чиковани, Грузинские сказания и легенды, пер. с груз., стр. 128—130. Перевод отредактирован.

¹ Мчади — лепешка из кукурузной муки.

№ 183. Опубл.: А. Глонти, Гурийский фольклор, Тбилиси, 1937, стр. 203—204 [на груз. яз.].

№ 184. Зап. известным собирателем фольклора С. Гачечиладзе; сказительница Н. В. Гачечиладзе. ФАИ, № 23913.

Предание весьма популярно в Грузии. В ФАИ имеется ряд записей этого сюжета; известен также юго-осетинский вариант («Осетинские народные сказки», сост. А. Х. Бязыревым. Цхинвали, 1960, стр. 366).

№ 185. Зап. К. Азикури в с. Земо-Алвани Ахметского р-на (Восточная Грузия).

Опубл.: Гачечиладзе, стр. 13.

¹ Мать-столб — центральный столб в старинном грузинском жилище *дарбази*, считавшийся священным.

№ 186. Зап. А. Глонти.

Опубл.: Глонти, стр. 200.

Об этом мотиве см.: В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 13—14. См. также: Н. В. Новиков, Научная конференция фольклора и этнографии, — «Советская этнография», 1968, № 5, стр. 143—149 [изложение доклада Н. А. Кислякова «Об одном древнем обычае в преданиях и фольклоре таджиков»]. Сюжет встречается и в абхазском фольклоре.

№ 187. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани); сказитель И. Долабсридзе, житель с. Маглаки.

Опубл.: СМОМПК, т. XIX, стр. 148—150. Перевод отредактирован.

ЛЕГЕНДЫ

№ 188. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани) в Сванети.

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1887, № 51, См. также: А. Хачанов, Очерки по истории грузинской словесности, I, М., 1895, стр. 274.

¹ Синий камень — ср. синий камень галицкой колядки и белорусской легенды (см.: Н. Веселовский, Разыскания в области русского духовного стиха, — Собр. соч., т. XI, СПб., 1882, стр. 257).

² С а м а а л — Самуэль.

О создании мира богом и сатаной см.: Драгоманов, стр. 89. Ряд исследований показывает широкое распространение этой дуалистической легенды, встречающейся в глубинах Азии (см.: Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 457 и 509; А. Веселовский, Разыскания...).

№ 189. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани).

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1887, № 51.

¹ С а п и ц а р и (от груз. *пици* — «клятва») — то, что клятвенно обещано, принесено в жертву.

Одна из интереснейших легенд, где особенно ярко видны элементы двоеверия. Эпизод с выходом из преисподней позже был связан с именем Александра Македонского (см. № 183 настоящего сборника). См. также: М. Чиковани, Грузинские сказания и легенды, пер. с груз., Тбилиси, 1965.

№ 190. Зап. В. Нижарадзе (Тависупали свани).

Опубл.: Тависупали свани, Сванские легенды, — «Иверия», 1887, № 51.

№ 191. Опубл.: Глушаков, стр. 7 [перевод М. Глушакова].

№ 192. Зап. А. Глонти в 1938 г. в с. Карагаджи Каспского р-на; сказитель Д. Квривишвили.

Опубл.: Глонти, стр. 2—4.

¹ Э л и я — св. Илья.

² К о д и — мера веса сыпучих тел, 4—5 пудов.

См. также: Афанасьев, Народные легенды, М., 1916, стр. 112.

№ 193. Зап. Т. Разикашвили в Пшави.

Опубл.: Т. Разикашвили, Сказки, записанные в Кахети и Пшави, Тбилиси, 1909 [на груз. яз.].

¹ М и к е л - Г а б р и э л — архангелы Михаил и Гавриил. В народе считаются одним ангелом смерти, который приходит за душами умерших.

№ 194. Зап. С. Гачечиладзе.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. I, отд. IV, Тифлис, 1909, стр. 39—41 [на груз. яз.].

№ 195. Зап. А. Глонти в 1937 г. в с. Карагаджи Каспского р-на; сказитель Д. Квривишвили.

Опубл.: Глонти, стр. 6—7.

№ 196. Зап. С. Гачечиладзе.

Опубл.: «Древняя Грузия», т. I, отд. IV, Тифлис, 1909, стр. 43—46 [на груз. яз.].

¹ Цикара и Никора — имена быков.

² Каламани — обувь из куска цельной кожи, завязанной прудетой по краям тесьмой.

В Грузии большой популярностью пользуется сказка о быке Цикаре, который спасает малыша от отца, собирающегося его зарезать. Конец ее не типично сказочный: бык гибнет и мальчик умирает возле него (запись Т. Ракишвили, — «Джеджили», 1890, № 2).

№ 197. Зап. Г. Гоголадзе в Ахалцихском р-не; сказитель В. З. Гоголадзе. ФАИ, № 13527.

№ 198. Зап. А. Д. Мачабели в с. Курта (б. Цхинвальского уезда), сказитель М. Жижниашвили.

Опубл.: «Акакис кребули», 1899, т. I, отд. III, стр. 16—17 [на груз. яз.].
Легенда отражает почитание хлеба как святыни.

№ 199. Зап. М. Джанашвили.

Опубл.: М. Джанашвили, Грузия, ее поверья и обычаи, — «Накадули», 1913, № 4, стр. 59 [на груз. яз.].

№ 200. Зап. Е. Б. Вирсаладзе в 1949 г. в с. Эредви (Картли); сказитель С. Арболишвили. ФАИ, № 32602.

№ 201. Зап. В. Шавдня.

Опубл.: Машурко, стр. 81—83. Перевод отредактирован.

¹ Кудиани (мн. кудианеби) — хвостатая ведьма.

² Чонгури — старинный музыкальный щипковый инструмент.

³ Хони — местечко в Западной Грузии. В настоящее время город.

В. Желиховская в книге «Кавказ и Закавказье» (М., 1901) пишет: «Всякой богобоязненной грузинке известно, что в четверг на страстной неделе все колдуньи ловят кошек и летают на них верхом на снежную вершину Эльбруса справлять свой шабаш. Поэтому на страстной четверг всюду раздается страшное мяуканье запертых в сундуках и чуланах кошек. Кроме того, все двери и окна ограждаются крестом из веток шиповника. Хозяева бросают ветку этого ненавистного ведьмам растения в костер. Костры в четвергный вечер горят во всех дворах, и каждый мужчина в семье от 5 до 60 лет обязан три раза перепрыгнуть через пламя, чтобы оградить себя от чар и заклятий» (стр. 79—81). При перепрыгивании обычно восклицают: «Ару-ру кудианебс!» — «Улю-лю ведьмам!»

№ 202. Зап. М. Георгадзе в с. Гвареба (б. Горийского уезда, Тифлисской губернии); сказитель Карелидзе.

Опубл.: СМОМПК, т. XIX, стр. 77—80; перевод М. Георгадзе отредактирован.

№ 203. Зап. учитель Кутаисского народного училища Ш. Ломинадзе.

Опубл.: СМОМПК, т. XIX, отд. II, стр. 143—145. Перевод отредактирован.

№ 204. Опубл.: Глушаков, стр. 8—9. Перевод М. Глушакова.

Там же грузинские варианты этого сказания (см. также: «Акакис кребули», 1898, № VII [на груз. яз]): 1) Провинившаяся была превращена в каменную глыбу. И сегодня проходящие мимо кидают в нее камнем. 2) Провинившаяся провалилась в землю. Связано с г. Гора в б. Кутаисской губернии, стр. 8—9 (см. также: Кобалия, стр. 111).

См. также: «Легенды об озере Папанцкур»,—СМОМПК, вып. XIII, 1892 (абхазская легенда о священнике, который хотел накормить рабочих собачьим мясом и был за это наказан); Н. Ф. Сумцев, Сказания о провалившихся городах, Харьков, 1896; В. Н. Перетц, Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах, Киев, 1904; В. Кербелите, Литовские предания об исчезнувших городах,—«Советская этнография», 1963, № 5.

205. Опубл.: Н. И. Шафранов, Происхождение Палеостомского озера,—СМОМПК, т. II, отд. I, стр. 45—58.

¹ Шемокмеди — селение в Гурии (Западная Грузия).

² Бахви — селение в Гурии.

См. также: Г. Чурсин, Материалы по этнографии Абхазии, Сухуми, 1957, стр. 238—239.

№ 206. Зап. Т. Разикашвили в Пшави.

Опубл.: Т. Разикашвили, Сказки, записанные в Кахети и Пшави, Тбилиси, 1909 [на груз. яз.] Эта легенда привлекает внимание как поздняя, христианизированная редакция древнего предания о хозяйке зверей, у которой волк похитил новорожденное дитя. Как и в этой легенде, мать одаривает спасителя своего сына достатком (см. № 12 настоящего сборника). Однако концовка, весь стиль легенды и ее мораль совершенно отличны от древнего предания.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 207. Опубл.: Гульбат, стр. 15—27.

¹ Джемшид (Джем — собственное имя, *шид* — «лучезарный») — Пима Авесты. Один из основных и древнейших образов иранской мифологии. Покоритель злых сил, обеспечивший людям безмятежное, счастливое существование. Джемшид — один из героев «Шах-наме» Фирдоуси. Согласно «Шах-наме», он — четвертый царь династии Пишдадидов. В настоящем предании древние мифические черты Иимы переплелись с мотивами государственной деятельности Джемшида.

² Иблис — олицетворение демонических сил в иранской мифологии.

³ Аждехак (Ажи-Дахак) — по Авесте трехглавый дракон, побеждаемый светлым солнечным божеством. В нашем предании сохранено древнее произношение его имени. В «Шах-наме» это Зохак, прямой потомок духа зла Ахримана.

⁴ Тритино — по Авесте Трэтона. В «Шах-наме» это Феридун, или Афридун, — тираноборец и освободитель народа от притеснений.

⁵ Гамдели — букв. «няня, воспитательница».

⁶ Дарубанд — Дербент.

⁷ Мцхета — древняя столица Грузии (III в. до н. э. — V в. н. э.).

⁸ Армази — древнейший населенный пункт и столица Грузии до II в. н. э. Город-крепость Армази был важнейшим стратегическим пунктом. Здесь же находилось святилище божества Армази. Расположен на правом берегу Куры в 20 км от Тбилиси.

№ 208. Оpubл.: Гульбат, стр. 1—17.

¹ Перечисляются исторические провинции и области Южной Грузии.

№ 209. Оpubл.: Гульбат, стр. 303—316.

¹ Имена Азама, Баграта, Абгавара и Варзаварда упоминаются в «Картлис Цховреба» в «Хронике Сумбата»¹ (т. I, стр. 373—374).

² Еклетц (Эклетц) — историческая область Армении.

³ Нерсе (у Гульбат ошибочно Персе) — владетель Кахети (VI в.).

⁴ Стефанос, Деметре — сыновья Гурама, закончившие начатое им строительство монастыря Джвари 586/87 — 604 гг. на горе против Мцхеты. На стенах церкви сохранились их барельефы.

⁵ Иора (Иори) — река в Восточной Грузии.

⁶ Алазань (Алазани) — река в Кахети.

⁷ Груз. *камбечи* («буйвол») Гульбат ошибочно переводит «корова».

№ 210. Оpubл.: Н. Дункель - Веллинг — «Кавказ», 1858, № 50 (ошибочно квалифицировано как осетинское предание). Перевод Н. Дункель-Веллинга отредактирован и несколько сокращен.

¹ Млетская церковь — церковь в грузинском селе Млета по Военно-Грузинской дороге.

² Пятнадцать новых рогов. — Н. Дункель-Веллинг дает примечание о том, что осетины ведут счет годам по костям или рогам животных, приносимых в жертву в определенные праздники. Предание это не может быть признано осетинским, даже если и записано со слов осетина. Место действия — селение Млета, где живут мтиульцы — грузины-горцы. Имена героев Нина и Сосико — чисто грузинские, так же как название горной козы — *арчи*, приводимое в предании.

³ Чертова долина — долина в районе Военно-Грузинской дороги. Название это позднее.

⁴ В районе Военно-Грузинской дороги у верховий р. Арагви есть гора и ущелье Гуда.

№ 211. Зап. И. Петровым, преподавателем учительской семинарии в Хони (Западная Грузия); сказитель Ф. Ашордия, житель с. Анаклия (Мегрелия).

Оpubл.: СМОМПК, т. V, 1886, отд. II, стр. 101. Перевод Петрова отредактирован. И. Петров отмечает популярность сказания в Зугдидском уезде (Мегрелия).

¹ Редут-Кале — порт в Черном море.

² Анаклия — село на побережье Черного моря.

Предания о циклопах в грузинском фольклоре обстоятельно рассмотрены в работе М. Чиковани «Вопросы греческой и грузинской мифологии» (Тбилиси, 1971), где он указывает на наличие сюжетных совпадений в мифах о Полифеме и в грузинской сказке и в эпосе об Амირани.

№ 212. Сказитель Б. Г. Хорва.

Опубл.: СМОМПК, т. XIX, стр. 49—58. Перевод отредактирован и несколько сокращен.

¹ Г о м и — род каши из сорго или кукурузной муки.

² Д ж а р и — село в Мегрелии на границе со Сванети.

№ 213. Опубл.: И. Гзелишвили (Гзелиев),—«Кавказ», 1875, № 45.

Эта же легенда пересказана в несколько сокращенном виде В. Потто («Что говорят камни»,—«Тифлисский листок», 1903, № 106) и перепечатана Б. С. Эсадзе (Летопись Грузии, Юбилейный сборник. 1613—1913 [на груз. яз.]). Перевод печатается в отредактированном и сокращенном виде.

¹ З в и л е т ы (З в и л е т и) — село в Восточной Грузии.

² Д а р б а з и — древнее грузинское народное жилище с открытым очагом в центре и особой системой квадратного или двенадцатиугольного перекрытия на опорных столбах.

³ С а т о н е — помещение, в котором пекли хлеб.

⁴ М а к р е б и — сопровождающие жениха и невесту дружки.

⁵ М а к р у л и — песня дружек.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АаАн — А. Н. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929.

АДД — Автореферат докторской диссертации.

АКД — Автореферат кандидатской диссертации.

Бардавелидзе — В. В. Бардавелидзе, Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен, Тбилиси, 1957.

Вирсаладзе, 1955 — Е. Б. Вирсаладзе, Барбол-Барбар в грузинском фольклоре,—«Сообщения АН ГССР», 1955, т. XVI, № 2.

Вирсаладзе, 1958 — Народно-поэтическое творчество грузин-горцев. Мтиулети, Гудамакари. Подготовка текстов, редакция, исследование и примечания Елены Вирсаладзе, Тбилиси, 1958 [на груз. яз.].

Вирсаладзе, 1964 — Е. Б. Вирсаладзе, Грузинский охотничий эпос, Тбилиси, 1964 [на груз. яз.].

Гачечиладзе — А. Гачечиладзе, Предание о Хогаис Минди и поэма «Змеед», Тбилиси, 1959 [на груз. яз.].

Глонти — А. Глонти, Картлийские сказки и легенды, Тбилиси, 1948 [на груз. яз.].

Глушаков — М. Глушаков, Памятники народного творчества кутаисской губернии,—СМОМПК, т. XXXII, отд. III.

Гульбат — Гульбат, Сборник грузинских легенд, М., 1899.

Джанашвили — М. Джанашвили, Картвельские поверья,—СМОМПК, т. XVII, отд. II.

Драгоманов — М. Драгоманов, Малорусские народные предания и рассказы, Киев, 1876.

ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения», СПб.

- «Иверия» — Газета «Иверия» [на груз. яз.].
- Кобалия — И. Кобалия, Из мифической Колхиды, — СМОМПК, т. XXXII, отд. II.
- Котетишвили — В. Котетишвили, Народная поэзия, изд. 2, Тбилиси, 1961 [на груз. яз.].
- Материалы — Материалы народного творчества, собранные Д. Сонгулашвили, под ред. Е. Вирсаладзе, т. I, Тбилиси, 1952; т. II, Тбилиси, 1957 [на груз. яз.].
- Машурко — М. Машурко, Из области народной фантазии и быта Тифлисской и Кутаисской губернии, — СМОМПК, т. XVIII, отд. II.
- Нар. мудр. III — «Народная мудрость», т. III. Грузинский эпос. Подготовка текстов, предисловие и примечания Е. Вирсаладзе, Тбилиси, 1964 [на груз. яз.].
- Очиаури — Т. Очиаури, Хевсурские мифологические предания, Тбилиси, 1968 [на груз. яз.].
- Сихарулидзе, 1947 — К. А. Сихарулидзе, Грузинская народная героико-историческая словесность, Тбилиси, 1949 [на груз. яз.].
- Сихарулидзе, I—III — Грузинская народная историческая словесность. Подготовка текстов, редакция, введение и примечания К. Сихарулидзе, т. I—III, Тбилиси, 1961—1967 [на груз. яз.].
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- ССКГ — «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис.
- Степанов, XVII — И. Степанов, Поверья грузин Телавского уезда, — СМОМПК, т. XVIII, отд. II.
- Степанов, XIX — И. Степанов, Приметы и поверья грузин Телавского уезда Тифлисской губернии, — СМОМПК, т. XIX, отд. II.
- Степанов, XXXII — И. Степанов, Народные приметы, разные способы гадания и некоторые поверья мингрельцев, — СМОМПК, т. XXXII, отд. III.
- Тепцов — Я. Тепцов, Из быта и верований мингрельцев, — СМОМПК, т. XVIII, отд. III.
- ФАИ — Фольклорный архив Отдела фольклора Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН ГССР.
- ФАУ — Фольклорный архив кафедры фольклористики Тбилисского государственного университета.
- Чиковани — М. Чиковани, Прикованный Амирани, Тбилиси, 1947 [на груз. яз.].
- Шанидзе — А. Шанидзе, Грузинская народная поэзия. I. Хевсурская, Тбилиси, 1933 [на груз. яз.].
- Th — S. Thompson, Motif-index of folk-literature. A Classification of narrative elements in folk tales, ballads, myths, vol. 1—4, Copenhagen — Bloomington, 1955—1957.
- Van Genneper — A. van Genneper, Le folklore du Dauphiné (Isère), vol. I, Paris, 1923; vol. II, Paris, 1932.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ПРЕДАНИЯ

Космогонические

1. О дэвах, девяти солнцах и девяти лунах	47
2. Олень и бык на небосводе	48
3. Откуда появились на земле горы и ущелья	48
4. Солнце и луна	48
5. Солнце и шкура куницы	49
6. Луна	49
7. Гром и молния	50
8. Град	50
9. Снег и дождь	50
10. Миры	51
11. Отделение неба от земли	51

О духах-покровителях

12. Дали рождает на скале	52
13. Казбек Геловани	53
14. День Беткена	54
15. Беткен и Дали	55
16. Дали и охотник Алмастил	56
17. Курша	58
18. Кварцхский Тебру Иване	59
19. Иване Квацхисели	60
20. Сестра и брат — хозяева зверей	61
21. Появление месепов	62
22. Мечь Ткаши-мапа	65
23. Хозяйка зверей и ее приемыш	66
24. Лесная женщина	67
25. Дали и жена охотника	70
26. Балхетский луг	70

О дэвах

27. Дали и дэв	71
28. Хоровод али	72
29. Алкала	72
30. Али	72

31. Хечеча	73
32. Очокочи	75
33. Водяные каджи	75
34. Дед и каджи	76
35. Каджи-жена	76
36. Чинка и огонь	77
37. Прирученный дэв	78
38. Ламария и дэв	78
39. Источник Джамагидзе	78
40. Дэв	79
41. Крестьянин и дэв	80
42. Помощь Белого Георгия	81
43. Праздник в ущелье Лухтуми	81
44. Быль	82

О божествах-хвтишвилах

45. Бои дэвов с хвтишвилами	83
46. Копала и Пиркуши	85
47. Ангел Иахсар	86
48. Борьба Иахсара с дэвами	86
49. Гахуа и хевсурские джвари	90
50. Копала и дэвы	92
51. Копалово ниши	92
52. Лега и Копала	94
53. Пудзис ангелози	96
54. Копала-Иахсар	97
55. Девять братьев из Ципори	98

Об Амирани

56. Прикованный Амирани	100
57. Дракон, превращенный в камень	102
58. Амирани и пастух	102
59. Аминари	103
60. Арам-Хуту	104

О великанах и карликах

61. Аджамы	106
62. Огузы, люди и карлики	106
63. Сильнее сильного всегда можно найти	108

О змеях-дарителях

64. Хогаис Минди (1)	111
65. Хогаис Минди (2)	114
66. Бой драконов	118
67. Живая кольчуга	119
68. Бездетная невестка и змей	120
69. Шубнури	121
70. История Пулду Калдана	122
71. Карах-Охотник	123

О возбудителях болезней

72. Оспа и корь	129
73. Лихорадка, горячка и смерть	130

О происхождении морей, рек, озер, гор и ущелий

74. Цхрацкаро	132
75. Озеро Абуделаури	132
76. Озеро Эрдзегашра	133
77. Серебряное озеро	134
78. Озеро Эрцо и дракон	135
79. Озеро и змей	136
80. Женщина-камень	136
81. Кахетинское море	137
82. Джефир, Атени, Тана и Ховле	138
83. Несчастливая любовь	139
84. Канал царицы Тамар	140
85. Коши-гора	141
86. Кали-аквана	141
87. Самгори	142
88. Ущелье Лочини и Самгорская долина	143
89. Девушка из цови	144

О животных, птицах и растениях

90. Панцирь черепахи	145
91. Как появились на свете черепахи	146
92. С какого времени служит человеку собака	146
93. Буйвол	147
94. Заяц	147
95. Мзетунахави и золотой петух	148
96. Лоза и соловей	149
97. «Нашел? Нету, нет!»	150
98. Почему кричат коршуны	150
99. Почему пчела избегает некоторых цветов	151
100. Как появились удоны	152
101. Филин	152
102. Кукушка	152
103. Ласточка	153
104. Почему не растет высоким кизиловое дерево	154

О выдающихся исторических деятелях

105. Жизнь Фарнаваза	155
106. Охота Фарнаоза	157
107. Вахтанг Горгасал	157
108. Основание Тбилиси	159
109. Откуда произошло название Метехи	160
110. Царь Гурген	161
111. Ворота Дербента	162
112. О строительстве Гелати	163
113. Царица Тамар и утренняя звезда	165
114. О Тамар и ее сыне	165

115. Да погибнет он, если дурное задумал!	166
116. Тамар	167
117. Царица Тамар	167
118. Могила царицы Тамар в Вардзни	169
119. Шота Руставели	170
120. Шота и владетель Тмогви	172
121. Слова Шота	173
122. Скала Тамар и гора Шода	174

О народных героях — борцах за родину

123. Бахтриони	176
124. Конь Зезвы Гаприндаули	178
125. Царь Эрекле и горцы	178
126. Предание о Майе Цхнетели	181
127. Тамро Вашлованели	184
128. Тина Цавкисели	186
129. Царь Эрекле и нищая	187
130. Остроумный ответ	187
131. Говорящий правду в лицо должен иметь коня наготове	188
132. Поединок	192
133. Отиа Месхи	194
134. Тамарул Чинчараули	195
135. Сестра и брат	195
136. Сестра	197
137. Горшок, кипящий без огня	198
138. Шалик Султанишвили	198
139. Осетинский герой Джанхоташвили	200
140. Андрузи рода Бурдули	201

О борцах против феодального гнета и крепостного права

141. Капсог Гоштелиани	204
142. Борьба ущелий	206
143. Месть ушгульцев	207
144. Меч Мамуки Калундаури	208
145. Смерть Мамуки Калундаури	210
146. Пугало	211
147. Девять братьев и Зураб Эристави	212
148. Зураб Эристави изменил хевсурам	213
149. Гибель Арешидзе	215
150. Башня женщины	217

О строительстве крепостей, башен, сел и храмов

151. Башни на высоких горах	219
152. Сурамская крепость	220
153. Уплисцихе	221
154. Тмогви и Дамкали	222
155. Ответ эристави	223
156. Крепости Гогия и Петре	223
157. Почему так печально кричат сычи	224
158. Обработка руды в Цедиси	226
159. Бани Отинко	227
160. Почему село называется Кахи	228

161. Вардзиа	228
162. Мелнскари	229
163. Воронья церковь	229
164. Алая церковь	230
165. Олень в Окуми	230
166. Илорский бык	231
167. Строительство Сапари	231
168. Царица Тамар и ее брат	232
169. Алаверди	233
170. Тедоре	236
171. История поселения Апциаури и Чохели	236
172. Сказ о селении Читаурни	237
173. Циклаури и Бекаури	237

О происхождении золота, вина, музыкальных инструментов

174. Когда спит вода	238
175. Как было сделано первое ствири	239
176. Вино	239
177. Откуда в Грузии столько красавиц	240
178. Почему неприметен женский труд	241
179. Февраль и Март	241
180. Как пастух провел Март месяц	242

О жизни и смерти, о любви

181. Земля свое возьмет	243
182. Как пришла на землю смерть	246
183. О ненасытном сердце человека	248
184. Материнское сердце	250
185. Любовное зелье	250
186. Буйволиная шкура	251
187. Мужик и Соломон Мудрый	252

ЛЕГЕНДЫ

188. Сотворение мира	257
189. Сапицари, ад и смерть	258
190. Бог и Самаал	260
191. Рождение детей	260
192. Элия, Христос и святой Георгий	260
193. Микел-Габриэл	262
194. Станный сон	264
195. Бог и Христос	265
196. Малыш и быки	267
197. Овцы и пастух, превращенные в камень	269
198. Убийца	269
199. Дети на том свете	270
200. Медведь, волк и лиса	270
201. Как кудианеби вывелись в Хони	271
202. Старик и глыба соли	272
203. Священник и черт	274
204. Благая весть да благо мне	276
205. О Палеостоми	276
206. Чертовы удила	277

ПРИЛОЖЕНИЕ

207. Тритино	283
208. Дождь	288
209. Камбечиан	293
210. Любовь Гуда	298
211. Сказание об одноглазе	301
212. Эрам-хут и святыня джварцев	304
213. Окаменевшая чета	310
Примечания	313
Список сокращений	361

ГРУЗИНСКИЕ НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Сказки и мифы народов Востока».*

Редактор *И. Л. Елевич*, Младший редактор *Н. Х. Винокурова*. Художник *Т. Р. Мирзошвили*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *М. В. Погоскина*, Корректоры *Г. В. Стругова* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 26/VI 1972 г. Подписано к печати 23/II 1973 г. Формат 60 × 84^{1/16}
Бумага № 2. Печ. л. 23. Усл. печ. л. 21,39. Уч.-изд. л. 20,87. Тираж 75 000 экз.
Изд. № 2803. Заказ 1599. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

Ap. 406